Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.
XXI–XXII
Приложеніе.
2262.
Е3 4/5
№ 8.
1905 и 1906 г.
XXI и XXII
ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество.

شجره تركيه

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ТЮРКОВЪ.

Н 1 4/85

Сочиненіе Абуль-Гази,

Хивинскаго хана.

ПЕРЕВОДЪ И ПРЕДИСЛОВІЕ

Г. С. Саблукова,

съ послѣсловіемъ и примѣчаніями Н. Ѳ. Катанова.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1906.

П 10475
Библіотека Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
Залъ 7 Шкафъ 1
Полка 4 № 85

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь К. Харламповичъ.

Отъ переводчика.

Извѣстна потребность найти въ сказаніяхъ восточныхъ историковъ поясненія темнымъ мѣстамъ Русской исторіи въ разныя эпохи сближенія нашего отечества съ Азіатскими народами. Посвятившіе себя трудамъ по Русской исторіи часто высказывали желаніе, чтобы имъ сдѣлалось доступнымъ все, что восточная литература можетъ доставить полезнаго при ихъ изысканіяхъ. Желаніе употребить къ дѣлу историческіе разсказы Востока не исключало изъ списка источниковъ и „Родословнаго древа Тюрковъ", историческаго сочиненія, написаннаго въ 17-омъ столѣтіи Хивинскимъ ханомъ Абуль-Гази-Багадуромъ.

Авторъ „Родословнаго древа Тюрковъ" Абуль-Гази-Багадуръ-ханъ въ своемъ твореніи подробно разсказалъ всю свою жизнь: привожу главныя ея черты, которыми поясняется историческая достовѣрность его разсказовъ и опредѣляется степень ученаго и литературнаго ихъ достоинства. Абуль-Гази Багадуръ-ханъ, сынъ Арабъ Мохаммедъ-хана, потомокъ Чингизъ-хана, изъ рода Шибана, изъ поколѣнія Узбековъ, родился въ городѣ Ургенджѣ, въ 1605 (1014 Гиджры) году. Абуль-Газій получилъ себѣ это имя въ память побѣды, одержанной, за 40 дней до его рожденія, отцемъ его надъ Уральскими казаками, напавшими на Ургенджъ, а также и потому, что родъ, изъ котораго была мать его, носилъ титло Газіевъ, „воителей за вѣру". На шестомъ году Абуль-

газій лишился матери и до шестнадцатилѣтняго возраста воспитывался въ отцовскомъ домѣ, въ Ургенджѣ. Въ это время отецъ, женивъ его, отдалъ ему въ удѣльное владѣніе половину Ургенджа, другую половину брату его Хабешъ-султану, а самъ ханъ жилъ въ городѣ Хивѣ. У Абуль-Гази было пять братьевъ. Онъ скоро поссорился съ братьями, Хабешемъ и Ильбарсомъ, чрезъ годъ перешелъ изъ Ургенджа къ отцу и получилъ отъ него во владѣніе городъ Катъ. Раздоры Абуль-гази съ братьями не прекращались; Арабъ-Мохаммедъ-ханъ и Абуль-Гази были ими побѣждены: Арабъ Мохаммедъ былъ убитъ своимъ сыномъ Ильбарсомъ, Абуль-Гази убѣжалъ въ Бухару, къ Ишимъ-Кули-хану. Принятый имъ ласково, онъ прожилъ здѣсь два года и возвратился на родину, гдѣ Ильбарсъ былъ уже умерщвленъ Эсфендіаромъ, старшимъ братомъ Абуль-Газіевымъ. Эсфендіаръ, провозглашенный ханомъ, отдалъ Абуль-Гази Ургенджъ. Это было въ 1623 (1033) году, когда Абуль-Гази исполнилось только 20 лѣтъ. Вскорѣ братья поссорились, и Абуль-Гази, обезсиленный Эсфендіяромъ, бѣжалъ въ Тюркестанъ, къ Ишимъ-хану, который чрезъ два мѣсяца представилъ Абуль-гази Турсунъ-хану, владѣтелю Ташкендскому. Спустя два года, когда Ишимъ-ханъ убилъ Турсуна, Абуль-Гази удалился въ Бухару къ Ишимъ-Кули-хану; но, принятый имъ холодно и приглашаемый Узьбеками, воротился въ Хиву. Одержавъ побѣду надъ своими братьями, Эсфендіяромъ и Мохаммедъ-Шерифомъ, онъ помирился съ ними. Но Эсфендіяръ-ханъ притворнымъ примиреніемъ съ Абуль-Газіемъ хотѣлъ только обмануть брата. Когда Абуль-Газій не подозрѣвалъ вѣроломства въ братѣ, послѣдній врасплохъ напалъ на него, захватилъ его и отослалъ въ Персію къ Шаху-Сефи, вступившему въ этомъ (1623) году на Персидскій престолъ. Шахъ-Сефи назначилъ Абуль-Газію мѣстопребываніемъ Исфаганъ. Здѣсь Хивинскій царевичъ прожилъ десять лѣтъ подъ стражей, въ хорошемъ домѣ, получая отъ Персидскаго правитель-

ства нескудное содержаніе. На одиннадцатомъ году своего изгнанія, Абуль-Гази склонилъ къ побѣгу троихъ своихъ слугъ, раздѣлявшихъ съ нимъ заточеніе, и хитро умѣлъ пробраться до границъ Хивы; два года прожилъ между Тюркменами, годъ у Калмыцкаго хана, и возвратился въ Ургенджъ. Въ 1644 (1054) году, по смерти Эсфендіяра, онъ провозглашенъ ханомъ. Двадцатилѣтнее царствованіе Абуль-Гази-хана, скончавшагося въ 1664 г. Р. Х. (1074 Гиджры), представляетъ рядъ войнъ съ непокорными Тюркменскими племенами, съ Калмыками, и набѣговъ на Бухару.

Подъ конецъ своего царствованія, Абуль-Гази, искавшій покоя послѣ многочисленныхъ, государственныхъ и военныхъ, тревогъ своей кипучей жизни, приступилъ къ сочиненію Исторіи о Чингизидахъ, имѣя въ виду преимущественно сохранить для потомства исторію рода Шибани, царствовавшаго въ Харезмѣ, или поколѣнія, къ которому принадлежалъ домъ Абуль-Гази-хановъ.

Абуль-гази, принявъ намѣреніе показать генеалогическія вѣтви Монгольскихъ и Тюркскихъ поколѣній, по примѣру многихъ мусульманскихъ историковъ, началъ свои сказанія библейскими преданіями, съ которыми связалъ и свои народныя: послѣ короткаго пересказа о библейскихъ патріархахъ до родоначальниковъ Монголовъ и Тюрковъ, онъ съ подробностію исчисляетъ поколѣнія обоихъ этихъ племенъ; потомъ излагаетъ исторію Чингизъ-хана; повѣствуетъ о каждой Монголо-Тюркской державѣ, составившейся изъ Чингизъ-хановыхъ владѣній подъ властію его потомковъ, и наконецъ подробно описываетъ дѣла, совершенныя въ Хивѣ государями его поколѣнія. Въ основаніе этой исторіи принявъ генеалогію Монголовъ и Тюрковъ, Абуль-Гази своему сочиненію далъ названіе شجرهٔ تركيه „Родословное дерево Тюрковъ“, или „Родословіе Тюрковъ“. Изнуренный болѣзнями, постигшими его въ послѣдніе годы царствованія, не успѣлъ окончить свое сочиненіе и, умирая, завѣщалъ своему сыну, Анушъ-Мо-

хаммеду Багадуръ-хану, довести ее до предположеннаго конца. Анушъ-Мохаммедъ закончилъ ее описаніемъ дѣлъ своего отца.

Языкъ, на которомъ написана Родословная Тюрковъ, есть народный языкъ Хивы, составляющій нарѣчіе Тюркскаго языка, которое оріенталисты отличаютъ отъ другихъ нарѣчій именемъ Джагатайскаго. Хивинское нарѣчіе, болѣе сохранившее свою чистоту, нежели другія нарѣчія, принявшія въ себя много Арабскихъ или Персидскихъ словъ и оборотовъ, почти одинаково съ нарѣчіями Киргизовъ, Башкировъ и Оренбургскихъ Татаръ. Абуль-гази хотѣлъ изложить свое сочиненіе самымъ чистымъ языкомъ Тюркскимъ, такъ чтобы, говоритъ онъ, понимало его и пятилѣтнее дитя; потому онъ избѣгалъ Арабскихъ и Персидскихъ словъ, употребляя самыя обыкновенныя, которыми говорили его соотечественники.

Абуль-Гази Багадуръ-ханъ въ свое время принадлежалъ къ образованнѣйшимъ государямъ Востока: достоинства писателя и поэта, которыя онъ смѣло приписываетъ себѣ въ своемъ сочиненіи, оправдываются этимъ самымъ сочиненіемъ. Владѣя, какъ писатель, Тюркскимъ языкомъ, онъ хорошо также зналъ Персидскій и порядочно Монгольскій. Слогъ Абульгази строенъ, плавенъ, красивъ. По мѣстамъ встрѣчаются обороты, свойственные Персидскому языку, но не производятъ темноты по простотѣ своего сочиненія. Въ цѣломъ своемъ составѣ твореніе его расположено стройно, планъ его выполненъ отчетливо.

Харезмскій султанъ не указываетъ всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ онъ черпалъ каждое сказаніе. Въ продолженіе десятилѣтняго пребыванія своего въ Персіи, Абуль-Гази познакомился съ Персидскими писателями о Монголахъ и Тюркахъ; такъ онъ въ своей Родословной ссылается на Исторію Монголовъ Фазль-уллаха Рашидъ-эд-дина, извѣстную подъ именемъ: جامع التواريخ „Лѣтописный Сборникъ“, на твореніе Шарафъ-эд-дина Ездія, извѣстное подъ названіемъ За-

фаръ-наме ظفر نامه. Абуль-Гази, при составленіи Родословной Тюрковъ, имѣлъ подъ рукою, какъ онъ самъ говоритъ, осьмнадцать историческихъ сочиненій о Чингизидахъ.

По отношенію къ достовѣрности фактовъ, Родословная Тюркскаго племени дѣлится на три отдѣла. До раздѣленія Монгольскаго и Тюркскаго племени на особые народы, разсказы о ихъ предкахъ носятъ ясные признаки не достовѣрныхъ сказаній. Темныя, сбивчивыя народныя преданія Тюрковъ о происшествіяхъ, которыя перешли отъ ближайшихъ къ нимъ временъ, онъ относитъ къ отдаленнымъ временамъ, чтобъ связать ихъ съ библейскими сказаніями, и пополнить скудное преданіями пространство предъисторическаго времени. Но и эти преданія о глубокой древности не лишены всего историческаго вѣроятія. Такъ преданія объ Угузъ-ханѣ, завоевателѣ всей западной половины Азіи, о враждѣ племенъ Монгольскаго и Тюркскаго, въ которой первое было загнано въ горы Эркене-конъ послѣднимъ,—имѣютъ въ основаніи историческіе факты; критикѣ предстоитъ очистить ихъ отъ примѣси вымысла, указать въ настоящемъ своемъ видѣ и поставить на своемъ мѣстѣ. Въ второмъ отдѣлѣ родословной разсказы Абуль-Гази о поколѣніяхъ Тюркскихъ и Монгольскихъ до Чингизъ-хана, о подвигахъ этого завоевателя, о государствахъ Монголо-Тюркскихъ, составившихся послѣ Чингизъ-хана, исторически достовѣрны, какъ основанные на современныхъ письменныхъ свидѣтельствахъ, и частію на преданіяхъ, непотерявшихъ еще своей чистоты. Повѣрявшіе сочиненіе его съ исторіею Рашидъ-эд-дина и другихъ писателей находятъ, что въ Родословной приводятся факты вѣрно, согласно съ источниками. Эта часть историческаго труда Абуль-Газіева хотя есть передача на Тюркскомъ языкѣ того, что находятъ у историковъ Персидскихъ, писавшихъ о Монголахъ, и, повидимому, не представляетъ ничего новаго, даже, по мнѣнію одного изъ нашихъ оріенталистовъ, не стоитъ перевода; но, доколѣ сочиненій Персидскихъ писателей о Монголахъ нѣтъ

на нашемъ языкѣ, Родословная Тюркскаго племени послужитъ нескуднымъ источникомъ для Монгольской исторіи. Большій историческій интересъ заключаетъ въ себѣ послѣдняя часть Родословной, въ которой авторъ ея передаетъ событія въ своемъ племени и родѣ, и близкія къ нему, и тѣ, которыхъ онъ былъ или очевидцемъ или въ которыхъ былъ непосредственнымъ, дѣятельнымъ участникомъ. Здѣсь авторъ Родословной, храбрый и искусный воинъ, умный и хитрый правитель, смѣтливый наблюдатель, знатокъ характера народа и лицъ, которыя его окружали, живописно передаетъ свою современность, бытъ своего народа, его нравы, правила политической дѣятельности Маверанегрскихъ правителей.

Погрѣшность, въ которой упрекаютъ Абуль-Гази, и которая унижающимъ достоинство его сочиненія служитъ оружіемъ противъ его исторической правдивости, заключается въ этимологическихъ толкованіяхъ собственныхъ именъ. Абуль-Гази въ своемъ сочиненіи даетъ объясненіе значенію многихъ собственныхъ именъ, какъ бы съ намѣреніемъ показать свое знаніе Монгольскаго и Тюркскаго языковъ; знающіе Монгольскій языкъ не вездѣ находятъ вѣрными его толкованія. Но его объясненія, невѣрныя по суду филологіи, надобно признать безвредными историческому достоинству его сочиненія: онъ вмѣшиваетъ въ него филологическія толкованія, по своей особой охотѣ потолковать смыслъ неистолкуемыхъ словъ; но, къ чести своей, онъ не строитъ на этомъ толкованіи историческихъ разсказовъ, не выдумываетъ фактовъ, какіе, самые непрочные, не рѣдко являются въ историческихъ сочиненіяхъ нашего времени: у Абуль-Гази филологія сопутствуетъ событіямъ, лицамъ, но не выступаетъ напередъ ихъ. Его объясненія именъ Кипчакъ, Калъ-ачь, Карлыкъ и другія служатъ, какъ преданія, только истолкованіемъ этихъ именъ, а не основой къ составленію свѣденій объ этихъ Тюркскихъ поколѣніяхъ. Вообще скажу, что Родословная Тюркскаго племени, въ ряду историческихъ сочиненій, кото-

рыя восточная мусульманская литература доставляетъ нашей исторіи, какъ для пополненія Монгольскаго періода ея, такъ и для познанія Мавераннегра, восточнаго сосѣда Россіи, въ политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, удерживаетъ за собою достоинство немаловажнаго историческаго источника.

Въ Русской исторической литературѣ въ числѣ книгъ, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ, сдѣлалась извѣстной съ 1770 г. и Родословная Тюрковъ. Европа узнала это сочиненіе еще во второй четверти прошедшаго столѣтія. Шведскіе офицеры, отправленные въ Сибирь послѣ Полтавской побѣды, въ Тобольскѣ открыли рукопись Абуль-Газіевой исторіи, и, узнавъ ея содержаніе, постарались о составленіи перевода этого творенія. Филиппъ Іоаннъ Таббертъ Штраленбергъ былъ, думаютъ, главою этого ученаго предпріятія. Бухарскій ахундъ, знавшій русскій языкъ, диктовалъ переводъ Абуль-Газіева сочиненія русскому писцу. Съ русскаго перевода шведъ Шёнстрёмъ сдѣлалъ переводъ на Нѣмецкій языкъ. Этотъ переводъ, подъ именемъ Мессершмидтова, изданъ былъ въ 1780 г. подъ заглавіемъ: Abulgasi Bagadur Chan's Geschlechtbuch der Mungalisch-Mogulischen Chanen, aus einer türkischen Handschrift übersetzt von Dr. D. G. Messerschmid, 1780. Еще прежде изданія Нѣмецкаго перевода, съ рукописи, его заключающей, сдѣланъ былъ переводъ на Французскій языкъ и изданъ Варенномъ въ 1726 году въ Ерюсселѣ подъ заглавіемъ: Histoire généalogique des Tartars, traduite du manuscript tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan, et enrichie d'un grand nombre de remarques authentiques et très curieuses sur le véritable estat présent de l'Asie septentrionale, avec les cartes géographiques nécessaires. Par D. Примѣчанія составлены Бентикомъ. Французскій переводъ служилъ подлинникомъ и для перевода Англійскаго, изданнаго въ 1780 году. Съ французскаго перевода сдѣлалъ Тредьяковскій Русскій переводъ подъ заглавіемъ: „Родословная исторія о Татарахъ, переведенная на Французской языкъ съ рукописныя Татарскія книги,

сочиненія Абулгачи - Баядуръ - Хана... а съ французскаго на Россійскій въ Академіи наукъ". Томъ I и II. (1770 г.).

Всѣ переводы Родословной не удерживаютъ за собою довѣрія къ ихъ вѣрности и не служатъ надежною опорою при объясненіи по нимъ какого-либо историческаго вопроса. Ученые, и знавшіе языкъ Абуль-Газіева сочиненія, и незнавшіе его, желали болѣе удовлетворительнаго перевода. Съ цѣлію доставить знающимъ Тюркскія нарѣчія возможность пользоваться подлиннымъ текстомъ Абуль-Газіева сочиненія или пополнить источники историческихъ наукъ удовлетворительнымъ переводомъ, канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ далъ средства издать Абуль - Газіево сочиненіе; онъ вышелъ изъ типографіи Казанскаго Университета, подъ заглавіемъ: Abhulghasi Bahadür Chani Historia Mongolorum et Tatarorum, nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentia I. C. N. de Romanzoff. Casani, 1825, in folio, съ латинскимъ предисловіемъ академика Френа. По случаю изданія текста „Родословной Тюркскаго племени," одинъ изъ библіографовъ въ Московскомъ Телеграфѣ 1826 г. стр. 310 писалъ: „Важное вліяніе Азіи на Европу въ средніе вѣки доказываетъ намъ необходимость разбора и разсмотрѣнія Азіатскихъ лѣтописей, въ отношеніи къ исторіи Европы... Чтобы судить о достоинствѣ и достовѣрности повѣствованій Азіатскихъ и потомъ основываться на нихъ, должно прежде всего узнать подлинники; должно, чтобы оріенталисты сличили, исправили ихъ тексты и передали оные въ вѣрныхъ и строгихъ переводахъ... порадуемся, что Европа одолжена Россіи изданіемъ подлинника книги важной и единственной въ своемъ родѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не пожелать, чтобы, для пользы русской исторіи, книга сія переведена была на какой-нибудь европейскій языкъ. Этого можемъ мы надѣться теперь отъ трудолюбія нѣмецкихъ оріенталистовъ, если, при усиливающейся въ Россіи охотѣ заниматься восточною литературою, Русскіе не предупредятъ ихъ". Чрезъ десять лѣтъ послѣ

изданія подлинника Абуль-Газіевой „Родословной“, біографъ автора ея, О. И. С. въ Энциклопедическомъ лексиконѣ (томъ I, стр. 49, 50) высказалъ то же ожиданіе: „цѣль покойнаго канцлера еще не нашла исполнителя. Историческая критика, русская и всеобщая, доселѣ ожидаетъ хорошаго перевода „Родословной исторіи Татаръ“.

Достаточное изученіе языка, на которомъ писалъ Абуль-Гази, ободренія видѣвшихъ опыты моего перевода Абуль-Газіевой исторіи, и возможность исправить печатный текстъ ея по другому рукописному и лучше выразумѣть смыслъ неясныхъ мѣстъ въ немъ, побудили меня составить переводъ Абуль-Газіева сочиненія. Кончивъ мой трудъ, представляю его вниманію ожидавшихъ Абуль-Газіева творенія въ переводѣ на отечественный языкъ. Въ какой мѣрѣ удовлетворю ожиданіямъ ученыхъ—это покажутъ знающіе подлинникъ Родословной Тюркскаго племени; а я, съ своей стороны, считаю здѣсь умѣстнымъ познакомить читателя этого перевода и съ способами, при которыхъ я могъ представить этотъ трудъ въ настоящемъ его видѣ.

Переводъ „Родословнаго древа Тюрковъ“ составленъ мною по двумъ текстамъ этого сочиненія: по печатному, изданному въ Казани, и письменному, хранящемуся въ Музеумѣ при Императорской Академіи наукъ подъ № 574 а, доставленному мнѣ содѣйствіемъ профессора Казанскаго Университета И. Н. Березина. Петербургская рукопись, поступившая въ Музеумъ отъ Г. Даля, была написана, какъ видно по качеству бумаги и почерка, въ Бухаріи, въ 1818—1819 году, какъ свидѣтельствуетъ приписка въ концѣ рукописи; эта рукопись своею полнотою, правильностію превосходитъ печатное изданіе. Переводъ Родословной по одному печатному Казанскому тексту, безъ поправки его по петербургскому, былъ бы самый неудовлетворительный. Въ печатномъ много недостатковъ: издатели его приняли основаніемъ списокъ съ рукописи, хранившейся въ Москвѣ въ Архивѣ Министерства

Иностранныхъ Дѣлъ, писанной для Кера съ оригинала, когда-то находившагося въ библіотекѣ Академіи; свѣривъ его со спискомъ, полученнымъ изъ Уфы, который доставилъ только нѣсколько варіантовъ для перваго текста, но нисколько не пополнилъ пропусковъ его, они не могли, при всей тщательности, издать его съ желаемымъ совершенствомъ. Сравненіе печатнаго текста съ С.-Петербургскимъ ясно покажетъ превосходство послѣдняго надъ первымъ *). Укажу нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ Казанскій текстъ пополняется Петербургскимъ:

Пропускъ въ Казанскомъ на ١٨ (18) страницѣ, гдѣ не достаетъ многихъ именъ сыновъ и внуковъ Угузъ-хана, пополняется Петербургскимъ: ٣٧

Въ Петербургскомъ на стран. ١٣١ (131), соотвѣтствующей ٧٥ (75) Казанскаго, есть на поляхъ приписка, въ которой разсказывается одно изъ обстоятельствъ смерти Джучи-хана. Эта приписка на поляхъ не отличается отъ почерка всей рукописи и приставлена тѣмъ же писцомъ, но, для умѣщенія ея, письмомъ болѣе мелкимъ; эту приписку не считаю вставленнымъ опускомъ текста Родословной; языкъ и слогъ ея, правда, одинаковъ съ языкомъ всего сочиненія, но, по содержанію, онъ не согласенъ съ тѣмъ, что Абуль-Гази въ другомъ мѣстѣ говоритъ о Джучи-ханѣ, послѣ удаленія его изъ Хивы въ Дештъ-Кипчакъ, по взятіи имъ Ургенджа.

Въ Казанскомъ на страницѣ ١٤٣ (143) пропущенъ разсказъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ нашествія Бухарскаго хана, Абдуллаха, на Ургенджъ и Везирь въ 1593 году. Въ С.-Петербургскомъ онъ на страницахъ: ٢٥٩—٢٦١

Кромѣ указанныхъ, значительныхъ по величинѣ, опу-

---

*) Петербургская рукопись Абуль-Газіева сочиненія издана Де-Мезономъ въ Спбургѣ, въ 1869 годѣ. *Позднѣйшее примѣчаніе автора.*

сковъ, есть много небольшихъ, разной степени важныхъ по своему значенію, иногда историческому, иногда только литературному. Въ Казанскомъ нѣтъ объясненія различія между именами „ханъ, хаканъ, каанъ“ на стран. ٩٣ (93); опущены строки, въ коихъ сказывается о преемникахъ Бату-хана въ царствѣ Золотой Орды, Сартакѣ, Улакичѣ, на стран. ٩٧ (97); на стран. ١٣٧ нѣтъ персидскихъ стиховъ, составляющихъ хронограмму смерти Ургенджскаго хана Алія Султана, и проч. Оріенталистамъ извѣстно, что въ рукописяхъ на Арабскомъ, Персидскомъ и Тюркскомъ языкахъ рѣдко оставляются пробѣлы между главами и другими отдѣлами, какъ въ европейскихъ книгахъ; но строчки книги, начиная съ первой, идутъ безъ пробѣловъ до конца книги; отдѣлы же, содержаніе ихъ и слова, которыя мы отличаемъ или заглавными или курсивными буквами, вписываются цвѣтными буквами. Писецъ пишетъ текстъ чернилами, оставляетъ пробѣлы для извѣстныхъ строкъ, словъ и, по окончаніи иногда уже всей рукописи, вписываетъ заглавія. Списокъ, послужившій основнымъ для печатанія, не былъ доведенъ до окончательной отдѣлки: писецъ успѣлъ ввести въ него красныя строки только въ первыхъ трехъ или четырехъ тетрадяхъ (по печатному до ٩٠. страницы); дальше заглавія не были вписаны, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ не вписалъ собственныхъ именъ, которыя онъ предполагалъ отличить краскою. Петербургская рукопись всѣ эти пропуски пополняетъ; заглавія ея, кромѣ того, что сообщаютъ цѣлому сочиненію ясность, дополняютъ иногда самый разсказъ въ текстѣ. Такъ надпись надъ исторіею Узьбека, Золото-ордынскаго хана, объясняетъ его родовыя отношенія къ другимъ лицамъ этого дома. Мелкія, но не меньше важныя, поправки, какія вноситъ С.-Петербургскій текстъ въ Казанскій, состоятъ иногда въ другой постановкѣ діакритическихъ точекъ при буквахъ, иногда въ грамматическихъ формахъ словъ.

Оба изданія имѣютъ еще варіанты, которые указываютъ на время и мѣсто составленія рукописи: вмѣсто Персидскихъ словъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанскаго изданія въ С.-Петербургской рукописи стоятъ чисто Тюркскія. Такъ въ печатномъ текстѣ на стран. ٧, въ строкѣ 21 читается персидское слово نمك намякъ, въ С.-Петербургской академической рукописи тюркское توز тузъ: оба слова значатъ соль. На стр. ١٣٠ 6. в. перс. گشت гюштъ мясо замѣняетъ тюркское слово ايت итъ мясо. Эти варіанты не имѣютъ значенія въ отношеніи къ историческому достоинству сочиненія, но могутъ служить основаніемъ къ опредѣленію вѣрности того или другого чтенія. Останавливая вниманіе на такихъ варіантахъ, я желаю дать себѣ отвѣтъ на вопросъ о нихъ: которыя изъ словъ были подлинныя слова, принадлежавшія автору, персидскія или тюркскія? Опираясь на слова автора Родословной, что онъ въ своемъ сочиненіи старался избѣгать словъ Персидскихъ и Арабскихъ, признаемъ Тюркскія слова подлинными, словами самого писателя, а Персидскія позднѣйшею замѣной ихъ. На такія замѣны всегда готовы ученые татары, претендующіе на щеголеватость въ языкѣ. При томъ въ Бухарскихъ школахъ и въ общежитіи Персидскій языкъ съ годами болѣе и болѣе коренится: оттого рука каллиграфа, составлявшаго списокъ, свободно могла на мѣсто нѣкоторыхъ Тюркскихъ словъ вчеркнуть Персидскія, какъ употребительнѣйшія въ его время.

Одобряя С.-Петербургскую рукопись, не забываю и нѣкоторыхъ недостатковъ ея, которые обратно должны пополниться печатнымъ текстомъ: въ ней есть также пропуски въ сравненіи съ Казанскимъ; они перепесены изъ печатнаго на страницы рукописи трудолюбивою рукою кого-то изъ Европейскихъ оріенталистовъ.

Списки „Родословной Тюркскаго племени“, извѣстные въ Европѣ, Геттингенскій, Берлинскій и Парижскій, судя по

отзывамъ разсматривавшихъ ихъ, много уступятъ С.-Петербургскому; изъ нихъ только Геттингенскій, по словамъ Демезона, лучше печатнаго; но Берлинскій и Парижскій, по отзыву Жобера, исправностію ниже Казанскаго (Ж. М. Н. П. ч. LIX. Отд. III. Описаніе Турецко-татарскихъ рукописей). При новомъ изданіи тюркскаго подлинника Родословной, эти манускрипты должны пополниться другъ другомъ, чтобы изданію быть удовлетворительно исправнымъ: исправно изданный текстъ Родословной былъ бы, при скудости литературы на Восточно-Джагатайскомъ нарѣчіи, дорогимъ даромъ для филологовъ Тюркскаго языка, который въ этомъ нарѣчіи чище, нежели въ западныхъ, какъ въ лексиконномъ, такъ и грамматическомъ отношеніи.

Сличая русскій переводъ „Родословной исторіи о Татарахъ“ Тредьяковскаго съ нынѣшнимъ печатнымъ Казанскимъ и съ текстомъ С.-Петербургскаго манускрипта, нахожу, что рукопись, съ которой первоначально сдѣланъ переводъ въ Сибири, была очень исправна по своей полнотѣ. Переводъ этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полнѣе и яснѣе излагаетъ разсказы моего перевода. Въ ней не достаетъ нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя есть въ печатномъ, напр. въ ней нѣтъ разсказа о походѣ Тамерлана противъ Токтамыша, и объ участіи въ этомъ походѣ Кутлука (въ печатномъ изданіи на стран. ٩١ и ٩٢ (91—92) и въ С.-Петербургскомъ на 207 стран.); но въ послѣднихъ двухъ текстахъ это мѣсто есть позднѣйшая приписка, потому что она отличается отъ предыдущаго разсказа и тѣмъ, что Тимуръ является тутъ съ именемъ Тимуръ-бій, а не Эмиръ-Тимуръ, какъ онъ выше назывался, и потому, что этотъ разсказъ не имѣетъ связи съ предыдущими дѣлами Тимура, тогда какъ у Абулъ-Гази вездѣ видна строгая послѣдовательность разсказовъ. Въ переводѣ Тредьяковскаго есть перестановки нѣкоторыхъ частей изъ одного мѣста въ другое; основаніемъ этому было ли несходство того подлинника съ нынѣшнимъ его текстомъ, или было

желаніе переводчиковъ дать, по своему усмотрѣнію, связь нѣкоторымъ событіямъ, или издатели переводовъ передѣлывали его по своему разумѣнію — нельзя указать прямо, при недостаткѣ свѣдѣній о рукописи, съ которой сдѣланъ первоначальный переводъ; но изъ этого перевода видно, что трудившіеся надъ нимъ отъ себя выписывали по нѣскольку строкъ или словъ для связи частей переводимой ими книги. Европейскіе переводы удовлетворительно не передали мусульманско-Тюркскаго склада Абуль-Газіева сочиненія. Рѣчь подлинника, часто разцвѣченная выраженіями, свойственными его языку, не видна въ переводѣ, замѣнившемъ простыми выраженіями мысли автора; мусульманская форма введенія въ книгу измѣнена на христіанскую; молитвенныхъ словъ послѣ именъ чтимыхъ мусульманами святыхъ нигдѣ не встрѣчается.

При желаніи вѣрнѣе передать твореніе Абуль-Гази, я, сколько могъ, ближе держался подлинника: для того я не замѣнялъ простыми и ясными словами тѣхъ выраженій, въ которыхъ Тюркскій писатель простыя понятія передаетъ, по вкусу своего народа, языкомъ загадочнымъ; я иногда подбиралъ созвучныя выраженія тамъ, гдѣ авторъ Родословной намѣренно хотѣлъ прикрасить свой разсказъ созвучною игрою словъ. Абуль-Гази по мѣстамъ раскрашиваетъ свою прозу стихами, сообразно вкусу восточныхъ историковъ; нѣкоторые стихи его я также передалъ мѣрною рѣчью только для того, чтобы эти мѣста и въ переводѣ отличались отъ прозы его; встрѣчая такія строки, часто метрически неправильныя, читатель извинитъ переводчика, что онъ, для соблюденія внѣшняго вида подлинника, предпочелъ худшую стопоскладную рѣчь болѣе сносному прозаическому выраженію.

1854 г. **Г. Саблуковъ.**

Во имя Бога милостиваго, милосердаго.

Воздавъ хвалу безначальному и безконечному Богу, который не имѣетъ себѣ общника, который словомъ „да будетъ“ далъ бытіе семи небесамъ и семи землямъ, составляющимъ осьмнадцать тысячъ міровъ; благословивъ пророка Мохаммеда избраннаго, любимца Божія, посланника ко всѣмъ сынамъ человѣческимъ и къ геніямъ, надѣленнаго четырьмя дарами, благочестіемъ, пророчествомъ, достоинствомъ быть истолкователемъ вѣры и быть печатію пророковъ,—сочинитель сей книги Абульгази Багадуръ ханъ, сынъ Арабъ-Мохаммедъ-хана, потомокъ Чингиза, Харезмiецъ, говоритъ: писатели на персидскомъ и тюркскомъ языкѣ изложили исторію предковъ, родственниковъ и потомковъ Чингизъ-хана, царствовавшихъ въ разныхъ державахъ, указали время рожденія и смерти ихъ, хорошія и худыя дѣла ихъ, такъ что многіе изъ ученыхъ посвятили по книгѣ многимъ изъ таковыхъ государей, и въ теченіе годовъ, какъ скоро являлся тотъ или другой государь изъ потомковъ Чингизъ-хановыхъ, являлся ученый историкъ; съ мыслію, что онъ напишетъ лучше прежняго писателя, составлялъ лѣтопись этого государя и посвящалъ ему свое произведеніе. Такимъ образомъ о нѣкоторыхъ династіяхъ державъ, основанныхъ потомками Чингизъ-хана, есть по десяти лѣтописей, о другихъ по двадцати, о иныхъ по тридцати лѣтописей. Въ настоящее время у меня убогаго подъ рукою есть осьмнадцать свитковъ, въ которыхъ заключаются

историческіе разсказы о потомкахъ Чингизъ-хановыхъ, властвовавшихъ въ Иранѣ и Туранѣ. Но такъ какъ по недостатку покровительства со стороны нашихъ предковъ и родственниковъ и по причинѣ невѣжества народа Харезмскаго не было писано историческихъ сочиненій о властителяхъ нашего дома, съ того времени, какъ предки Абдуллахъ-хана отдѣлились отъ нашихъ предковъ, и до нашей поры, то я всѣми мѣрами старался поручить кому нибудь составить такую исторію; но не нашедши человѣка способнаго къ этому, я отнесъ къ себѣ пословицу Тюркскаго народа „сирота самъ себя повиваетъ“ и рѣшился самъ составить лѣтопись своей династіи. Отъ Адама до настоящаго времени, хотя написано столько лѣтописей, что число ихъ одинъ только Богъ знаетъ, но ни одинъ государь, ни одинъ эмиръ, ни одинъ умный правитель самъ не писалъ о себѣ исторіи: такъ если я взялся за дѣло, за которое не брался никто изъ нашего дома, по своему равнодушію къ такому труду, никто изъ жителей Харезма, по своей неспособности къ нему, то не подумайте, что, при такой крайности, мною сказано что либо ложное, или я хотѣлъ скрыть свои ошибки. Меня убогаго Всевышній Господь, по своей милости, надѣлилъ многимъ, именно, онъ даровалъ мнѣ три рода знаній: первый—предводительствовать войскомъ, издавать законы, знать судопроизводство, выступать въ походы съ конницею и съ пѣхотою, вести войну при многочисленномъ войскѣ и при маломъ войскѣ, вести переговоры съ друзьями и врагами; второй—умѣть составлять всѣхъ формъ стихотворныя сочиненія: месневи, касиды, газели, мюктааты, рубаи, знать языки арабскій, персидскій, тюркскій; третій—знать мелочныя и важныя событія въ исторіи государей, бывшихъ въ Арабистанѣ, Иранѣ, Туранѣ и Монголіи, ихъ имена, время ихъ жизни и государственныя ихъ дѣла. Конечно была бы ложь, если бы я сказалъ, что ни въ Иранѣ, ни въ Индостанѣ не найдется человѣка, искуснаго, какъ я смиренный, въ изобрѣтеніи и составленіи поэтическихъ произведеній;

но въ настоящее время и между мусульманами, и между невѣрными въ странахъ и государствахъ, которыя я видѣлъ или о которыхъ слышалъ, нѣтъ отличнаго въ знаніи военномъ; правда, земля пространна: неудивительно, если есть въ странахъ, о которыхъ я не слышалъ. И такъ, не оставляя своего намѣренія, я, въ тысяча семьдесятъ четвертомъ году (1663, 4—по Р. Х.), началъ писать эту книгу, назвалъ ее Родословнымъ древомъ Тюрковъ и расположилъ въ девяти главахъ:

Глава первая.

Отъ Адама до Монголъ-хана.

Глава вторая.

Отъ Монголъ-хана до Чингизъ-хана.

Глава третія.

Исторія Чингизъ-хана отъ рожденія до смерти его.

Глава четвертая.

Исторія Огдай-каана, третьяго сына Чингизъ-ханова; его дѣтей и потомковъ, дѣтей Чингизъ-хановыхъ, царствовавшихъ въ юртѣ Монгольскомъ.

Глава пятая.

Исторія Джагатай-хана, второго сына Чингизъ-ханова, и его потомковъ, царствовавшихъ въ Мавераннегрѣ и Кашгарѣ.

Глава шестая.

Исторія Тули-хана, младшаго сына Чингизъ-ханова, и дѣтей его, державствовавшихъ въ государствѣ Иранскомъ.

Глава седьмая.

Исторія дѣтей Джучи-хана, старшаго сына Чингизъ-ханова, царствовавшихъ въ Дешти-Кипчакѣ.

Глава осьмая.

Исторія дѣтей Шибанъ-хана, сына Джучи-ханова, бывшихъ ханами въ Мавераннегрѣ, Крымѣ, у Казаковъ и въ Туранѣ.

Глава девятая.

Исторія дѣтей Шибанъ-хановыхъ, царствовавшихъ въ державѣ Харезмской.

Эти девять главъ пришлись въ чудное соотвѣтствіе содержанію сочиненія, такъ какъ мудрецы говорятъ: выше девяти ничего не бываетъ; девять есть предѣлъ всего существующаго.

Глава первая.

Сотвореніе Адама-миръ ему—Господомъ Всевышнимъ.

Всевышній Господь, когда восхотѣлъ сотворить Адама, сказалъ Гавріилу—миръ ему—: принеси персти съ лица земли. Когда ангелъ пришелъ на землю и сталъ брать персти, тогда земля мимическимъ языкомъ спросила его: что ты дѣлаешь? Гавріилъ пересказалъ ей ходъ дѣла. Земля, заклиная его Богомъ Всевышнимъ, говорила: „не бери отъ меня; потому что въ послѣдующее время изъ сыновъ Адамовыхъ, послѣ того какъ они размножатся, одни будутъ невѣрующими въ Бога, другіе непокорными Ему, одни будутъ жестокосердыми, другіе грѣшниками; за то Всевышній Господь накажетъ ихъ; а у меня не станетъ силы перенести гнѣвъ и наказаніе Бога Всевышняго". Гавріилъ не взялъ персти, возвратился къ Богу Всевышнему, пересказалъ ему слова земли. Послѣ сего Богъ послалъ Михаила-миръ ему;—но и онъ возвратился и пересказалъ тѣ же самыя слова. Потомъ Онъ послалъ Израфила-миръ ему,—и этотъ возвратился и сказалъ, что онъ слышалъ тоже. Напослѣдокъ Богъ послалъ Азраила-миръ ему;—земля и его стала съ заклинаніями удерживать; но Азраилъ сказалъ: „повелѣніе Бога выше твоего прошенія и заклинанія", и взялъ персти съ того мѣста земли, на которомъ въ нынѣшнее время стоитъ Кааба. За это Богъ пору-

чилъ Азраилу вынимать души у людей. Послѣ того Всевышній Господь всемогущимъ своимъ словомъ изъ персти сдѣлалъ тѣсто, составилъ образъ человѣка и положилъ его между Меккой и Таифомъ; это продолжалось тридцать девять дней. Въ сороковой день Богъ далъ ему душу. О томъ, что Иблисъ [1]) не поклонился Адаму, что Адамъ ходилъ въ рай и возвратился оттуда въ здѣшній міръ, мнѣ къ чему пересказывать? оно всякому яснѣе луны и свѣтлѣе солнца.

Адамъ, проживъ въ семъ мірѣ тысячу лѣтъ, перешелъ въ тотъ міръ. Слово Адамъ арабское слово: Арабы поверхность земли называютъ *адимъ*; Азраилъ не взялъ персти изъ внутренности земли, а взялъ ее съ поверхности ея, потому и дано ему имя Адамъ. Прозваніе ему *Сафи-улла* („чистосердечно преданный Богу“). У Адама, когда онъ умеръ, было дѣтей сорокъ тысячъ. Умирая, онъ поставилъ на своемъ мѣстѣ сына своего, Сиѳа.

Послѣ Адама Всевышній Господь поставилъ пророкомъ Сиѳа. Онъ, проживъ девятьсотъ двѣнадцать лѣтъ, перешелъ въ чертоги райскіе. Имя Сиѳъ значитъ даръ Божій, потому прозваніе ему *Гибятъ-улла*. Онъ также, при своей смерти, на свое мѣсто посадилъ сына Эноса.

Эносъ, выполняя законъ своего дѣда Адама, прожилъ въ здѣшнемъ жилищѣ девятьсотъ двѣнадцать лѣтъ и перешелъ въ другое жилище. Имя Эносъ значитъ правдивый, потому его называютъ Садикъ. При своей смерти, онъ поставилъ на свое мѣсто сына Каинана, давъ ему много совѣтовъ и приказаній.

Каинанъ восемьсотъ сорокъ лѣтъ ходилъ путемъ отца своего и, оставивъ на своемъ мѣстѣ сына Малелеила, перешелъ къ Богу.

При Малелеилѣ размножились сыны человѣческіе. Малелеилъ основалъ городъ въ странѣ Вавилонской и назвалъ

---

[1]) Діаволъ, арабское слово отъ греческаго διάβολος

его Сусъ. Онъ научилъ строить дома и заводить селенія. Прежде него не строили домовъ, но жили въ горныхъ пещерахъ и въ лощинахъ; онъ людямъ далъ совѣтъ, чтобы они разселялись по землѣ, и вездѣ, гдѣ найдутъ удобную землю, сѣяли хлѣбъ и заводили селенія; народъ такъ и поступалъ. Малелеилъ, проживъ въ семъ мірѣ девятьсотъ двадцать лѣтъ, перешелъ въ другой міръ. При смерти своей, онъ посадилъ на свое мѣсто сына своего Іареда.

Іаредъ, проживъ девятьсотъ шестьдесятъ лѣтъ, поставилъ на свое мѣсто сына Эноха и ушелъ въ слѣдъ за отцемъ своимъ.

Имя Энохъ есть сирійское слово; Арабы познанія въ вѣрѣ, въ философіи и врачебномъ искусствѣ выражаютъ словомъ дарсъ, потому они называютъ его *Идрисъ* („много свѣдущій“). Всевышній Господь поставилъ его для современниковъ пророкомъ: восемьдесятъ два года совершая должность пророческую, онъ призывалъ людей на путь правый. Послѣ того Азраилъ, по повелѣнію Божію, пришелъ и, посадивъ Идриса-миръ ему—на свои крылья, перенесъ его въ рай: съ того дня и до настоящаго времени онъ находится въ раю.

По переходѣ Идриса въ рай, сынъ его Маѳусалъ заступилъ мѣсто отца и посвятилъ себя дѣламъ правосудія. Лѣта жизни его не извѣстны. По прошествіи многихъ лѣтъ, онъ поставилъ на свое мѣсто сына Ламеха и перешелъ къ вѣчной жизни.

Ламехъ также много лѣтъ жилъ въ здѣшнемъ мірѣ, но число лѣтъ жизни его не извѣстно; онъ, при смерти своей, поставилъ на свое мѣсто сына своего Ноя.

Когда Ною исполнилось двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, тогда Всевышній Богъ избралъ его въ пророки и послалъ къ современному ему народу: семьсотъ лѣтъ онъ склонялъ людей къ принятію мусульманства; только восемьдесятъ человѣкъ, мущинъ и женщинъ, увѣровало. Въ продолженіе семисотъ лѣтъ, онъ, приходя къ людямъ міролюбцамъ, говорилъ: вѣруйте въ

Бога; но кромѣ тѣхъ восьмидесяти человѣкъ никто не увѣровалъ. Сильно вознегодовавъ на людей невѣрующихъ, Ной молился Богу о погибели ихъ. Архангелъ Гавріилъ явился ему и сказалъ: Всевышній Господь принялъ твою молитву, онъ восхотѣлъ въ такое-то время потопить водою всѣхъ людей, живущихъ на лицѣ земли. Богъ повелѣлъ построить ковчегъ и научилъ какъ построить его. Пророкъ Ной вмѣстѣ съ тѣми, которые увѣровали ему, построилъ ковчегъ. Послѣ того изъ земли выступила вода, съ неба полился дождь. Пророкъ Ной взялъ по парѣ отъ всякаго рода птицъ крылатыхъ и звѣрей, ходящихъ на ногахъ, и вмѣстѣ съ увѣровавшими вошелъ въ ковчегъ; а все одушевленное на лицѣ земли потонуло въ водѣ. Напослѣдокъ земля, по повелѣнію Всевышняго Бога, приняла въ себя воду; ковчегъ остановился на горѣ Джуди, въ странѣ Сирійской, вблизи города Мосула. Въ ковчегъ вошли они въ первый день мѣсяца Реджеба, а въ десятый день мѣсяца Мохаррема, по прошествіи шести мѣсяцевъ и десяти дней, вышли изъ ковчега. Они жили при подошвѣ горы. Всѣ они сдѣлались больны: пророкъ Ной и жены его, три сына и три невѣстки были здоровы, а прочіе люди отошли къ милосердію Божію.

Потомъ пророкъ Ной разослалъ по землѣ трехъ сыновъ своихъ, каждаго въ свою сторону: сына Хама послалъ въ Индостанъ; сына Сима послалъ въ землю Иранъ; сына Іафета послалъ въ сѣверную страну, и всѣмъ имъ сказалъ: кромѣ васъ троихъ не осталось никого изъ потомковъ Адама; потому вы трое займете три страны свѣта; когда размножатся ваши семейства, то каждый изъ васъ заселяй свою землю.

Нѣкоторые называютъ Іафета пророкомъ, а другіе говорятъ, что онъ не былъ пророкъ. Іафетъ, по распоряженію отца своего (съ горы Джуди) перешелъ на берега Идиля и Яика, жилъ тамъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ и померъ. У него было восемь сыновъ и потомство его многочисленно. Вотъ имена сыновъ его: Тюркъ, Хазаръ, Саклабъ, Русъ, Мингъ,

Чинъ, Кеймари, Тарихъ. Іафетъ, поставивъ на своемъ мѣстѣ старшаго сына Тюрка, сказалъ прочимъ сыновьямъ: Тюрка вы признавайте государемъ и повинуйтесь ему.

Тюрка по преимуществу звали Іафетовичемъ. Онъ былъ человѣкъ образованный и умный. Послѣ отца своего, когда онъ обозрѣвалъ земли, одна изъ нихъ ему очень понравилась и онъ въ ней поселился: эту землю нынѣ называютъ Иссигъ-кюль. Онъ выдумалъ строить увеселительныя жилища. Нѣкоторые изъ обычаевъ, существующихъ въ Тюркскомъ племени, хранятся съ его времени. У Тюрка было четыре сына: первый Тутукъ, второй Хакялъ, третій Берсаджаръ, четвертый Амлакъ. Тюркъ, при смерти своей, поставивъ государемъ Тутука, самъ отправился въ далекій путь.

Тутукъ былъ прекрасный государь, умный и богатый; ввелъ многіе уставы въ жизнь Тюрковъ. Онъ былъ современникомъ Кейумурсу, первому государю персидскому. Въ одинъ день онъ отправился на охоту и поймалъ дикую козу; когда, изжаривъ ее, ѣлъ, изъ руки у него упалъ кусокъ на землю; когда поднялъ его и сталъ ѣсть, во рту почувствовалъ что-то пріятное на вкусъ; а это произошло отъ того, что на мѣстѣ, гдѣ приготовлялась пища, была соль. Такимъ образомъ Тутукъ сталъ солить пищу и отъ него началось употребленіе соли. Проживъ двѣсти сорокъ лѣтъ, поставилъ на свое мѣсто своего сына Ильча-хана и ушелъ въ городъ, изъ котораго, какъ говорятъ, никто не возвращается, кто ни пойдетъ въ него.

Ильча-ханъ царствовалъ много лѣтъ; попивши и поживши, онъ ушелъ за отцемъ своимъ, передавъ, при смерти, свое мѣсто сыну своему Дибъ-бакуй-хану.

Дибъ-бакуй, въ имени котораго слово дибъ значитъ нижнее мѣсто, бакуй-старшина народный, также былъ государемъ много лѣтъ: видѣлъ улыбку друзей, видѣлъ слезы враговъ, и послѣ веселаго и многолѣтняго царствованія, оставилъ свое мѣсто сыну Кіюкъ-хану и ушелъ въ городъ, изъ котораго никто не возвращается, кто ни пойдетъ въ него.

Кіюкъ-ханъ, вступивъ на престолъ отцовскій, нѣсколько лѣтъ совершалъ дѣла правосудія, и, поставивъ въ своей державѣ своего сына, Аланчу-хана, отправился въ страну, куда идутъ всѣ люди.

Аланча-ханъ много лѣтъ правилъ государствомъ. Со времени Ноя—миръ ему!—до времени этого Аланчи-хана всѣ потомки Іафета были мусульмане; при Аланчѣ юртъ улучшился, народъ сдѣлался богаче; но къ нимъ идетъ пословица Узбековъ: собака, если разжирѣетъ, кусаетъ своего хозяина. Когда у кого умиралъ любимый кто либо, то сынъ, или дочь, или братъ дѣлалъ похожую на него статую, и, поставивъ ее въ своемъ домѣ, говорилъ: это такой-то изъ нашихъ ближнихъ; оказывая къ нему любовь, первую часть отъ кушанья клали передъ статуей, цѣловали ее, натирали мазями лицо, глаза и кланялись ей. Изъ таковыхъ повторявшихся дѣйствій возникло идолопоклонство.

У Аланчи-хана было два сына, близнеца: старшему имя было Татаръ, младшему Монголъ. Аланча-ханъ, когда состарился, раздѣлилъ свои владѣнія своимъ сыновьямъ. Оба брата провели жизнь свою въ благополучіи и счастіи, не дѣлая другъ другу худого. Если Богъ благоволитъ, то мы сначала будемъ говорить о Татарѣ, а потомъ скажемъ о Монголѣ.

Татаръ-ханъ и семь преемниковъ, царствовавшихъ послѣ него.

Татаръ-ханъ, царствовавъ много лѣтъ, умеръ. Его сынъ, Бука-ханъ, заступивъ мѣсто отца, царствовалъ много лѣтъ и умеръ. Послѣ него Илиндча-ханъ занялъ мѣсто отца, и, нѣсколько лѣтъ правивъ народомъ, скончался. Его сынъ Атли-ханъ, сдѣлавшись послѣ отца государемъ, нѣсколько лѣтъ проживъ въ удовольствіи и утѣхахъ, ушелъ въ слѣдъ за отцемъ своимъ. Потомъ сынъ его Атсизъ-ханъ, замѣстивъ отца, нѣсколько лѣтъ провелъ въ войнахъ съ врагами и на

охотѣ за звѣрями и ушелъ вслѣдъ за своимъ отцемъ. Потомъ сынъ его Орда-ханъ, сдѣлавшись государемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вино и кумызъ пилъ, изъ китайской камки себѣ одежду кроилъ, и чрезъ глубокія воды смерти отправился въ слѣдъ за отцемъ своимъ. Послѣ него воцарился его сынъ Байду-ханъ, и нѣсколько лѣтъ самодержавствовалъ.

Съ того времени, какъ Монголъ и Татаръ были государями, до времени Байду, не было вражды между сими народами. Потомки Монголъ-хана царствовали въ своемъ народѣ; потомки же Татаръ-хана царствовали въ своемъ народѣ. Байду былъ неразсудительный, легкомысленный юноша: онъ вступилъ во вражду съ преемниками Монголъ-хановыми, и началъ дѣлать набѣги на ихъ владѣнія; но тогда пришла смерть, схватила его за воротъ и увлекла въ слѣдъ за отцемъ его.

Послѣ того заступилъ мѣсто отца Сюнучь-ханъ; при Сюнучь-ханѣ между монгольскимъ и татарскимъ народами возгорѣлся огонь вражды столь сильный, что, если бы вылили на него воду рѣки Аму, онъ не погасъ бы. Монголы всегда оставались побѣдителями. Если Богъ благоволитъ, мы, послѣ исторіи Монголовъ, перескажемъ о дѣлахъ Сюнучь-хана.

Глава вторая.

Монголъ-ханъ и его преемники до Чингизъ-хана.

Корень слова Монголъ есть мунгъ-улъ. Народъ, уклоняясь отъ точнаго выговора, современемъ сталъ произносить Монголъ. Слово мунгъ, извѣстное всѣмъ Тюркамъ, значитъ печальный; улъ значитъ угрюмый, потому Монголъ значитъ: печальный-угрюмый. Въ этомъ племени девять человѣкъ были царями: первый изъ

нихъ Монголъ-ханъ, послѣдній Иль-ханъ. Шарафъ-эд-динъ Езди въ введеніи къ Зафаръ-наме говоритъ: въ народѣ Тюркскомъ есть обычай всякое дѣло приводить къ числу девять; это употребленіе числа девяти произошло отъ девяти Монгольскихъ хановъ; также въ началѣ книги сказано было: Всевышній Богъ все сотворенное устроилъ по чинамъ; выше девяти онъ не сотворилъ никакого чина. Монголъ-ханъ царствовалъ много лѣтъ; у него было четыре сына: первый Караханъ, второй Узъ ханъ, третій Кюзъ-ханъ, четвертый Гюръ-ханъ. Монголъ-ханъ, поставивъ на свое мѣсто старшаго изъ своихъ дѣтей Кара-хана, оставилъ здѣшнюю жизнь.

Кара-ханъ.

Послѣ своего отца онъ царствовалъ надъ всѣмъ народомъ. Лѣто онъ жилъ по горамъ Эрь-тагѣ и Герь-тагѣ, которыя нынѣ зовутся Улугъ-тагъ и Кичикъ-тагъ; а когда наступала зима, онъ проводилъ время въ Кара-кумѣ и на берегу рѣки Сыръ. При Кара-ханѣ подданные его сдѣлались столь нечестивы, что между ними не было ни одного мусульманина.

Рожденіе Угузъ-хана.

У старшей жены Кара-хановой родился сынъ, котораго красота превосходила красоту луны и солнца. Трое сутокъ онъ не бралъ груди матери; въ каждую ночь дитя, являясь во снѣ матери своей, говорило: матушка! будь покорною Богу (мусульманкою); если ты не сдѣлаешься мусульманкою, то я не буду кормиться твоею грудью и умру. Мать не противилась сыну и увѣровала въ единаго Бога. Послѣ того дитя кормилось грудью матери. Мать его никому не сказывала о своемъ сновидѣніи и о томъ, что сдѣлалась мусульманкою; она таила это потому, что Тюркскій народъ, со времени Іафета до Аланча-хана бывшій мусульманами, съ того времени,

какъ Аланча-ханъ сдѣлался государемъ, разбогатѣвъ, сталъ рабомъ богатства, забылъ Бога и былъ нечестивымъ. При Кара-ханѣ онъ такъ ожесточился въ нечестіи, что сынъ, какъ скоро узнавалъ, что его отецъ сдѣлался вѣрующимъ, убивалъ отца своего; и отецъ убивалъ сына, когда узнавалъ, что онъ сдѣлался мусульманиномъ. Въ это время у Монголовъ былъ обычай сыну не давать имени, доколѣ ему не исполнится года. Кара-ханъ, когда его сыну прошелъ годъ, предложилъ народу угощеніе доенія и сдѣлалъ большой пиръ. Во время пира дитя принесли въ собраніе; Кара-ханъ сказалъ бекамъ: этому сыну нашему исполнился годъ: такъ какое имя дадите ему? Беки не успѣли еще отвѣтить, какъ дитя выговорило: мнѣ имя Угузъ.

Одногодній ребенокъ въ собранье вбѣжалъ,
Ясно, языкомъ промолвивъ, сказалъ:
„Знайте, мнѣ имя: Угузъ-царь знаменитый.
„Вѣрно то знайте всѣ вы, чины имениты!“

Всѣ бывшіе на пиру, и большіе и малые, услышавъ это слово ребенка, дивились и говорили: дитя само себѣ нарекло имя, лучше этого имени можетъ ли быть? Назвали его Угузъ и говорили: никто никогда не слышалъ и не видѣлъ, чтобы однолѣтнее дитя такъ говорило, и, гадая о его судьбѣ, предсказывали, что онъ будетъ долголѣтенъ, очень богатъ, что ладонь у него будетъ ровна, что рукавъ его будетъ широкъ.

Когда Угузъ началъ говорить, то бѣгая непрестанно произносилъ: Аллахъ, Аллахъ! Всякій, кто слышалъ это, говорилъ: онъ дитя; не умѣя владѣть языкомъ, не смыслитъ, что говоритъ, потому что слово Аллахъ есть арабское, а изъ Монголовъ ни одинъ отецъ не слышалъ арабскаго языка. Всевышній Господь создалъ его любимцемъ, святымъ, и свое имя положилъ ему въ сердце и на языкъ. Когда Угузъ пришелъ въ юношескій возрастъ, Кара-ханъ сосваталъ за него дочь брата своего Гюръ-хана. Угузъ наединѣ сказалъ дѣви-

цѣ: исповѣдуй Бога, который сотворилъ міръ, тебя, насъ, которому имя Аллахъ! дѣлай только то, что онъ повелѣлъ. Но какъ невѣста не согласилась на это, то онъ тотчасъ всталъ и легъ на особомъ мѣстѣ. По ночамъ не ложась съ невѣстою, онъ днемъ не говорилъ съ нею. Чрезъ нѣсколько времени сказали Кара-хану: вашъ сынъ не любитъ свою жену; не любя ея, онъ, со дня женитьбы, не ложится съ нею въ одномъ мѣстѣ. Кара-ханъ, услышавъ это, сосваталъ за него дочь другого брата Кюзь-хана. Угузъ-ханъ и этой дѣвицѣ также предложилъ принять вѣру, но и она не согласилась; а потому и съ нею вмѣстѣ онъ не ложился. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ происшествій. Угузъ ханъ часто выѣзжалъ на охоту; однажды онъ на берегу рѣки увидѣлъ нѣсколько дѣвицъ, которыя мыли бѣлье; между ними была также дочь Узь-хана, брата отца его: онъ поопасся послать къ ней человѣка для переговора съ нею, дабы тѣмъ не открылась тайна, а потому самъ, отозвавъ ее въ сторону, говорилъ ей, заклиная ее хранить тайну: „отецъ мой бралъ за меня двухъ дѣвицъ; я не любилъ ихъ потому, что я мусульманинъ, а онѣ обѣ невѣрныя, и когда я каждой изъ нихъ говорилъ: будь мусульманкою! онѣ не соглашались; если ты сдѣлаешься мусульманкою, то я тебя возьму за себя“. Дѣвица отвѣчала: „въ какой вѣрѣ ты будешь, въ той буду и я“. Послѣ того Угузъ-ханъ переговорилъ съ отцемъ своимъ и Кара-ханъ, сдѣлавъ большой пиръ, взялъ дочь Узь-хапову за Угузъ-хана. Она сдѣлалась мусульманкою и Угузъ-ханъ очень любилъ ее.

Послѣ этого прошло много лѣтъ. Въ одинъ день Угузъ-ханъ отправился въ отдаленное мѣсто на охоту; Кара-ханъ созвалъ къ себѣ своихъ родственниковъ и невѣстокъ, предложилъ имъ яства и въ продолженіе бесѣды спросилъ у своей жены: какая тому причина, что Угузъ послѣ взятую жену любитъ, а прежнія двѣ жены ему постылы? Жена его отвѣчала: не знаю; сами невѣстки лучше знаютъ это. Когда ханъ спросилъ о томъ невѣстокъ, тогда старшая изъ нихъ сказа-

ла: сынъ вашъ мусульманинъ; намъ обѣимъ онъ совѣтовалъ быть мусульманками, но мы не согласились; а младшая ваша невѣстка мусульманка, за то сынъ вашъ очень ее любитъ. Кара-ханъ, когда услышалъ эти слова, то призвалъ къ себѣ бековъ своихъ, и, посовѣтовавшись съ ними, рѣшилъ Угуза схватить на охотѣ и убить, и послалъ человѣка по своимъ владѣніямъ съ приказомъ, чтобы скорѣе люди собирались, ибо онъ выѣдетъ на охоту. Младшая жена Угузъ-хана, узнавъ этотъ умыселъ Кара-хана, отправила человѣка къ Угузъ-хану. Какъ скоро пересказано было все Угузъ-хану, онъ также отправилъ къ народу человѣка съ словами: „отецъ мой собираетъ войско для того, чтобы убить меня; кто держится меня, пусть идетъ ко мнѣ; кто держится отца моего, пусть пристаетъ къ нему“. Многіе изъ народа пошли къ Кара хану; не много людей пришли къ Угузъ-хану. У братьевъ Карахановыхъ было много сыновъ; никто не предполагалъ, что они отстанутъ отъ Кара-хана, но всѣ они перешли къ Угузъ-хану. Угузъ-ханъ назвалъ ихъ Уйгурами. Слово *уйгуръ* принадлежитъ тюркскому языку: оно, какъ всѣмъ извѣстно, значитъ *союзникъ*. Такъ говорятъ: молоко ссѣлось, *сютъ уйюди*: когда молоко сдѣлалось айраномъ, тогда части его отдѣлены одна отъ другой; но когда ссѣдаются *уйюганъ* сливки, или сметана, тогда части его между собою соединяются. Подобнымъ образомъ говорятъ: я въ молитвѣ присоединился къ имаму, имамга уйюдимъ; т. е. когда имамъ садится, то садится и молящійся съ нимъ; если тотъ встаетъ, то и этотъ встаетъ: а это не есть ли союзъ? Когда они пришли къ Угузъ-хану и крѣпко схватились обѣими руками за полы одежды его, Угузъ-ханъ назвалъ ихъ Уйгурами, т. е. союзниками, приверженцами. Кара-ханъ и Угузъ-ханъ вывели свои полки и сразились между собою. Всевышній Господь даровалъ побѣду Угузъ-хану; Кара-ханъ обратился въ бѣгство. Въ битвѣ Кара-хану въ голову вонзилась стрѣла; но не знали, кто ее пустилъ; Кара-ханъ отъ этой раны умеръ, а Угузъ-ханъ вступилъ на престолъ отца.

Ханствованіе Угузъ-хана.

Угузъ-ханъ пригласилъ всѣхъ своихъ подданныхъ къ мусульманству: тѣмъ, которые сдѣлались мусульманами, онъ покровительствовалъ, а преслѣдовалъ тѣхъ, которые не принимали мусульманства; отцевъ онъ предавалъ смерти, а дѣтей ихъ дѣлалъ рабами. Въ то время много было владѣній кромѣ тѣхъ, которые зависѣли отъ Кара-хана. Въ каждомъ большомъ владѣніи былъ особый государь; ему подчинены были малыя области; области Кара-хана, исповѣдывавшія мусульманство, присоединились къ Угузъ-хану, а небывшія мусульманскими, отошли къ другимъ ханамъ.

Угузъ-ханъ каждый годъ велъ войны съ живущими въ юртѣ монгольскомъ и оставался побѣдителемъ. Напослѣдокъ всѣ ихъ взялъ; нѣкоторыя изъ нихъ, спасая себя бѣгствомъ, подчинились хану татарскому. Татары въ то время жили близь Джурджита. Джурджитъ есть большой юртъ; городозъ и селеній въ немъ много; онъ находится на сѣверной сторонѣ Китая, который Индійцы и Таджики называютъ Чинъ. Угузъ сдѣлалъ нападеніе на Татаръ; ханъ ихъ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ битву съ нимъ, но Угузъ одержалъ верхъ и истребилъ его войско.

Войску Угузъ-хана досталась столь великая добыча, что всей нельзя было навьючить на лошадей, ихъ не достало для этого. Въ войскѣ былъ одинъ хорошій, прекрасный человѣкъ, онъ придумалъ сдѣлать телѣгу (арбу); по образцу ея всѣ сдѣлали телѣги, и, наложивъ на нихъ добычу, повезли домой. Телѣгу назвали кангъ: прежде не было слова этого, какъ не было и самой телѣги. Ее назвали кангъ потому, что когда на ней ѣхали, то она производила скрипъ: кангъ, кангъ; а изобрѣтателя ея назвали Кангли. Весь народъ Кангли отъ этого человѣка происходилъ.

Въ продолженіе семидесяти двухъ лѣтъ Угузъ-ханъ велъ войны съ Татарами, хотя Монголы и Татары были одной ко-

сти. На семьдесятъ третьемъ году онъ всѣхъ ихъ подчинилъ своей волѣ и сдѣлалъ мусульманами.

Послѣ того онъ завоевалъ Китай, завоевалъ Джурджитъ и также Тангутъ, который Таджики называютъ Тибетъ. Послѣ того онъ покорилъ Кара-Китай, который также большой юртъ: жители его, такъ-же какъ и Индусы, чернаго цвѣта.

Между Индостаномъ и Китаемъ, по берегу Океана, на зимнемъ востокѣ или на юго-востокѣ лѣтнемъ отъ Тангута, на той сторонѣ Китая, на берегу моря, въ цѣпи большихъ горъ, было много народовъ. Государя этой страны звали Итъ-беракъ. Угузъ-ханъ противъ него выступилъ въ походъ со своею конницею; произошла битва; Итъ-беракъ-ханъ побѣдилъ, Угузъ обратился въ бѣгство. По эту сторону того мѣста, гдѣ происходила битва, протекали двѣ большія рѣки; между сими рѣками, остановившись на нѣсколько дней, онъ собралъ остатки разсѣяннаго войска.

У великихъ государей, когда они отправляются въ далекій путь, есть обычай брать съ собою своихъ женъ; такимъ же образомъ отправлялись и нѣкоторые нукеры. При Угузъ-ханѣ былъ князь, который также отправился на войну съ женою. Въ битвѣ онъ палъ, а жена его спаслась и, вслѣдъ за ханомъ, пришла въ его станъ между двумя рѣками. Она была беременна; ей настала пора родить, а какъ время было холодное и дома, куда бы ей пріютиться, не было, то она родила сына въ деревѣ, у котораго внутренность сгнила. Когда объ этомъ донесли хану, онъ сказалъ: его отецъ въ битвѣ палъ при мнѣ; но это не бѣда! взялъ къ себѣ этого мальчика и назвалъ его Кипчакъ. На старинномъ тюркскомъ языкѣ дуплистое дерево называли кипчакъ; а такъ какъ это дитя родилось въ дуплѣ дерева, то его назвали Кипчакъ. Въ нынѣшнее время дуплистое дерево называютъ чабчакъ: простолюдины, по неповоротливости языка своего, вмѣсто буквы к произносятъ въ семъ словѣ ч и вмѣсто кипчакъ говорятъ чапчакъ. Ханъ при себѣ воспиталъ этого маль-

Библиотека Географического Общества Союза ССР

чика. Когда онъ достигъ юношескихъ лѣтъ, народы Урусъ, Авлакъ, Маджаръ, Башкурдъ возмутились; ханъ, поручивъ Кипчаку много народа и нукеровъ, послалъ его въ эту страну, на берега рѣкъ Дона и Итиля. Донъ и Итиль имена двумъ большимъ рѣкамъ. Триста лѣтъ онъ царствовалъ въ этой странѣ. Все народонаселеніе Кипчакское произошло отъ него. Со времени Угузъ-хана до Чингизъ-хана на берегахъ трехъ рѣкъ, Дона, Итиля и Яика, не было другого народа кромѣ Кипчакскаго. Около четырехъ тысячъ лѣтъ они жили въ сихъ странахъ: потому сіи страны зовутъ Дешти-кипчакъ.

Угузъ-ханъ, по прошествіи семи лѣтъ послѣ того, какъ былъ разбитъ Беракъ-ханомъ, опять предпринялъ походъ противъ Беракъ-хана, въ битвѣ разбилъ его и велѣлъ его умертвить; завладѣвши юртомъ его, онъ, не тревожа мусульманъ, избилъ тѣхъ, которые не вѣровали въ Бога, взялъ въ плѣнъ дѣтей ихъ и обратно прибылъ домой.

Походъ Угузъ-хана въ Туранъ и Индостанъ.

Угузъ-ханъ, собравъ войско въ областяхъ Монгольской и Татарской, выступилъ къ Телашу и Сираму. Цари Ташкендскій, Самаркандскій и Бухарскій, выставивши войско, не могли съ нимъ ратовать, искали себѣ защиты въ большихъ городахъ и надежныхъ крѣпостяхъ. Угузъ-ханъ самъ осадилъ Сирамъ и Ташкендъ и взялъ ихъ, а къ Туркестану и Андеджану послалъ сыновъ своихъ; они въ шесть мѣсяцевъ Туркестанъ и Андеджанъ подчинили власти отца. Угузъ-ханъ надъ всѣми оными областями поставилъ даругъ и пошелъ къ Самарканду. Завоевавъ Самаркандъ и поставивъ надъ нимъ даругу, выступилъ къ Бухарѣ. По взятіи Бухары, отправился къ Балху; завоевавъ Балхъ, пошелъ на область Гуръ. Была зима, время было самое холодное; въ горахъ Гура выпалъ большой снѣгъ и войско отказывалось итти, но Угузъ-ханъ,

давъ приказъ, чтобы никто не отставалъ отъ него, шелъ далѣе и взялъ Гуръ.

Съ началомъ года, когда наступила весна, онъ сдѣлалъ счетъ войску: нѣсколькихъ человѣкъ не доставало. При распросѣ о нихъ, никто о нихъ не зналъ; чрезъ нѣсколько дней эти люди пришли служить хану. Когда онъ спросилъ ихъ о ихъ состояніи, они отвѣчали: „насъ нѣсколько человѣкъ слѣдовало за войскомъ, но въ горахъ, когда въ одну ночь выпалъ глубокій снѣгъ, мы не могли итти и на этомъ мѣстѣ остановились; наши кони, верблюды всѣ издохли; по наступленіи весны, мы пѣшкомъ пришли сюда". Ханъ сказалъ: „эти люди пусть называются Карлыкъ". Народъ Карлыкъ происходитъ отъ ихъ рода.

Выступивъ отсюда, онъ взялъ Кабулъ и Газнинъ, и пошелъ на Кашмиръ. Въ то время государемъ Кашмира былъ Ягма. Неприступныя горы и большія рѣки покрываютъ Кашмиръ; Ягма, въ надеждѣ на неприступность мѣстности, вздумалъ сопротивляться Угузъ-хану. Цѣлый годъ были между ними битвы; съ обѣихъ сторонъ пало много людей. Наконецъ Угузъ-ханъ взялъ Кашмиръ и велѣлъ убить Ягму; войско его было все истреблено. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, онъ чрезъ Бедехшанъ возвратился въ Самаркандъ, а отселѣ отправился въ Монголію и прибылъ восвояси.

Походъ Угузъ-хана въ Иранъ (Персію), Сирію и Египетъ.

Пробывъ на мѣстѣ одинъ годъ, Угузъ-ханъ во второй годъ велѣлъ своимъ подданнымъ готовиться къ походу въ Иранъ (Персію) и къ военнымъ трудамъ на нѣсколько лѣтъ. На слѣдующій годъ онъ выступилъ и прибылъ въ городъ Телашъ.

Позади ханскаго войска были оставлены люди для того, чтобы собрать всѣхъ усталыхъ, голодныхъ, сбившихся съ дороги, потерпѣвшихъ какую либо утрату. Эти люди привели

къ хану одного семейнаго человѣка, отставшаго отъ войска. Ханъ спросилъ его: почему ты отсталъ? онъ отвѣчалъ: по недостатку у меня вьючнаго скота я шелъ за войскомъ; жена моя была беременна и родила; у матери отъ голода не было молока для кормленія ребенка. На берегу рѣки я увидѣлъ, что шакалъ поймалъ фазана; я палкою бросилъ въ шакала, шакалъ убѣжалъ, оставивъ фазана: я взялъ эту птицу, изжарилъ и ею кормилъ жену мою. Оставленные вами люди нашли меня и сюда представили. Ханъ, давъ этому бѣдняку лошадь, хлѣба и другія потребныя вещи, уволилъ его отъ похода, сказавъ: *калъ ачъ*! „оставайся, голодный“!— Отъ его рода произошелъ народъ Калъ-ачь; въ нынѣшнее время его называютъ Халаджь. Изъ этого народа многіе живутъ въ Маверанегрѣ, среди племени Аймакъ; ихъ много въ Хорасанѣ и Иракѣ.

Чрезъ Телашъ Угузъ-ханъ пришелъ въ Самаркандъ и Бухару. Переправясь чрезъ рѣку Аму, вступилъ въ Хорасанъ. Въ то время въ юртѣ Иранскомъ не было хорошаго государя; Кейумурсъ умеръ, а Гушенга еще не возвели на царство. Это время Арабы называютъ „Мюлюк-у-т-таваифъ“, удѣльные царьки, т. е. въ каждомъ народѣ былъ свой начальникъ; а Тюрки называютъ это время „правленіемъ черныхъ хановъ“, т. е. въ каждомъ семействѣ простолюдинъ былъ ханомъ, а потому въ каждомъ домѣ былъ свой ханъ. Въ такомъ состояніи былъ въ это время юртъ Иранскій. Угузъ-ханъ завладѣлъ Хорасаномъ; вышедъ изъ него, онъ занялъ Иракъ-аджемъ, Иракъ-арабъ, Адзербайджанъ, Арменію, Сирію до Египта. Онъ подчинилъ себѣ всѣ оныя государства, нѣкоторыя изъ нихъ смиривъ оружіемъ, другія договорами склонивъ къ подданству.

Угузъ-ханъ, находясь въ Сиріи, одному изъ своихъ слугъ тайно далъ золотой лукъ и три золотыя стрѣлы и сказалъ: поди, въ пустынѣ на востокѣ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не ступала нога человѣческая, зарой лукъ въ землю, одинъ

конецъ его выставивъ наружу, а стрѣлы отнеси на западную сторону и положи ихъ такъ же, какъ положишь лукъ. Этотъ человѣкъ сдѣлалъ такъ по царскому повелѣнію. По прошествіи одного года послѣ сего событія, онъ призвалъ къ себѣ трехъ старшихъ сыновъ своихъ, Кюна, Айя и Юлдуза, и сказалъ имъ: „я теперь нахожусь въ чужомъ юртѣ, дѣлъ у меня много, отправиться на охоту я не могу; но я слышалъ, что на восточной сторонѣ, въ такой-то пустынѣ, много дичи: вы съ своими нукерами туда отправьтесь, поохотившись, возвращайтесь!“ Послѣ того онъ призвалъ трехъ меньшихъ своихъ сыновъ, Кюка, Тага и Тингиза, и, сказавъ имъ тоже, что говорилъ старшимъ ихъ братьямъ, послалъ ихъ въ западную сторону. Чрезъ нѣсколько дней три старшіе его сына принесли предъ хана много дичи и вмѣстѣ золотой лукъ, а три младшихъ сына принесли къ хану много пойманныхъ звѣрей и вмѣстѣ три золотыя стрѣлы. Вдобавокъ къ мясу пойманныхъ звѣрей приказавъ изготовить разныхъ кушаній, онъ созвалъ на пиръ народъ; гадалъ о найденныхъ лукѣ и стрѣлахъ и обратно отдалъ ихъ дѣтямъ. Три старшіе сына его, переломивъ лукъ, раздѣлили его между собою; а каждый изъ трехъ младшихъ сыновъ его взялъ по стрѣлѣ. Проживши много лѣтъ въ завоеванныхъ странахъ, Угузъ-ханъ уничтожилъ враговъ, облаготворилъ друзей, и во всѣхъ областяхъ, которыхъ голова Сирамъ, а ноги Египетъ, поставивъ правителей, возвратился въ свой юртъ.

Пиръ, данный Угузъ-ханомъ.

Угузъ-ханъ, радуясь, что онъ съ своими дѣтьми и народомъ совершилъ походъ здраво и благополучно, сдѣлалъ приготовленія къ большимъ пирамъ. Для того велѣлъ построить дворецъ, обложить золотомъ концы всѣхъ деревъ, украсить ихъ рубинами, яхонтами, изумрудами, бирюзою и жемчугомъ. Въ описаніи этого зданія заключаются стихи:

Домъ воздвигнулъ изъ злата Великій Властитель,
Домъ, красотою равный небеснымъ чертогамъ.

Къ пиру онъ велѣлъ заколоть девятьсотъ лошадей и девять тысячъ овецъ; велѣлъ сдѣлать изъ сафьяна девяносто девять сосудовъ; девять изъ нихъ велѣлъ наполнить виномъ, а девяносто кумызомъ, и созвалъ всѣхъ своихъ нукеровъ.

Угузъ-ханъ шести сыновьямъ своимъ, давъ умные совѣты и сдѣлавъ мудрыя наставленія, роздалъ области, города, села и стада. Это высказано въ слѣдующихъ стихахъ:

Угузъ на пиру показалъ свою щедрость
Любовь изъявилъ онъ къ шести сыновьямъ,
За то, что они, помогая отцу,
И храбрость и умъ въ дѣлахъ показали,
Усердно ему помогали
И въ битвахъ дѣлили труды.

Послѣ того онъ роздалъ своимъ нукерамъ города, области, селенія соразмѣрно заслугѣ каждаго, оказанной въ управленіи, въ военныхъ походахъ. А сыновьямъ своимъ сказалъ: „вы, три старшіе брата, нашли золотой лукъ и, изломавъ его, раздѣлили между собою: пусть ваше имя будетъ Бузукъ. Ваши дѣти и потомство будутъ называться также Бузукъ отъ сего дня и до кончины міра. Три младшіе сына, нашедшіе три золотыя стрѣлы, пусть называются Учь-укъ. Потомкамъ, отъ нихъ происшедшимъ, будетъ имя Учь-укъ, отнынѣ и до кончины міра. Находка вами лука и стрѣлъ совершилась не по человѣческому устроенію, но по Божію. Прежде насъ умершіе люди царя уподобляли луку, а себя стрѣламъ, потому что изъ натянутаго лука въ которую сторону пущена будетъ стрѣла, туда она и летитъ. Послѣ моей смерти на престолъ мой долженъ возсѣсть Кюнь-ханъ. Послѣ него изъ рода Бузука кто будетъ способенъ къ царствованію, того народъ пусть и ставитъ царемъ; до скончанія вѣка лучшій изъ Бузуковъ да избирается въ цари. Прочіе

изъ нихъ пусть садятся при ханѣ на правой сторонѣ; а Учь-уки пусть садятся на лѣвой сторонѣ, до скончанія міра усердно служа первымъ".—Угузъ-ханъ, царствовавъ сто шестнадцать лѣтъ, отошелъ къ милосердію Божію.

Царствованіе Кюнь-хана, старшаго сына Угузъ-ханова.

Въ поколѣніи Уйгуровъ, какъ его назвалъ Угузъ-ханъ, у одного бѣлобородаго старца былъ сынъ по имени Иркиль-ходжа: онъ былъ везиремъ и повѣреннымъ Угузъ-хана, во все время его царствованія, человѣкъ умный, разсудительный и много знающій. Кюнь-ханъ также его поставилъ везиремъ и до своей смерти поступалъ по его совѣтамъ. Иркиль-ходжа жилъ очень долго. Однажды, когда ханъ былъ одинъ, онъ сказалъ ему: отецъ твой въ продолженіе ста шестнадцати лѣтъ, въ зной лѣтній не сидѣлъ въ тѣни шатра, въ холодъ зимній не скрывался въ дому, но мечемъ завоевалъ много государствъ и оставилъ ихъ вамъ шестерымъ. Если вы шестеро и всѣ ваши дѣти будете жить согласно между собою, то на долгія лѣта и многіе дни владѣнія ваши не отойдутъ отъ власти вашей. Но если вы не будете согласны между собою, то отъ васъ отойдутъ и пріобрѣтенныя вами и родовыя владѣнія, погибнетъ и недвижимое и движимое имѣніе. Кюнь-ханъ сказалъ: вы отцу моему были всегда совѣтникомъ; теперь вы какое дѣло ни одобрите мнѣ, оставшемуся безъ отца, я его исполню. Иркиль-ходжа сказалъ: послѣ Угузъ-хана осталось много государствъ, городовъ, областей, недвижимаго и движимаго имѣнія; а у васъ шести братьевъ по четыре сына, и всѣхъ двадцать четыре царевича. Опасаюсь, чтобы, при множествѣ лицъ царскаго дома (я не разумѣю здѣсь васъ шестерыхъ), не рушилось взаимное ваше согласіе изъ мірскихъ выгодъ.

Злато, имѣнье, одежда, стада
Пусть отмѣчаются знакомъ у васъ:
Будетъ у каждаго свой знакъ—тамга.
Эти тамги замѣнятъ имена и прозванья.
Всякій, по нимъ зная долю свою,
Руку удержитъ отъ похищенья чужого.
Каждый, кто родъ свой отъ васъ поведетъ,
Пусть поступаетъ по силѣ устава сего.
Выслушавъ слово Иркиля-ходжи,
Кюнь одобрилъ совѣтъ разумнаго старца.

Кюнь-ханъ, благосклонно принявъ совѣтъ Иркиль-ходжи, созвалъ большой курултай. Когда собрались на него всѣ, и сановники и простолюдины, онъ роздалъ царевичамъ оставшееся послѣ Угузъ-хана богатство, владѣнія, области, движимое и недвижимое имѣніе, соотвѣтственно праву каждаго изъ царевичей—большимъ по большой долѣ, меньшимъ по меньшей долѣ. Эти двадцать четыре сына были отъ законныхъ женъ, но кромѣ ихъ были сыновья отъ наложницъ: онъ также имъ далъ части соотвѣтственно ихъ достоинству.

Послѣ того онъ велѣлъ убрать золотой домъ, который выстроенъ былъ по повелѣнію Угуза: велѣлъ поставить на правой сторонѣ шесть бѣлыхъ шатровъ, и на лѣвой сторонѣ шесть бѣлыхъ шатровъ; также велѣлъ поставить на правой сторонѣ дерево въ сорокъ саженей, и къ вершинѣ его прикрѣпили золотой значекъ, и на лѣвой сторонѣ велѣлъ поставить дерево въ сорокъ саженей, къ вершинѣ котораго прикрѣпили серебряный значекъ. Потомъ, по ханскому распоряженію, Бузуковичи съ своими нукерами, скача на коняхъ, стрѣляли въ золотые значки, и попадавшимъ въ нихъ ханъ давалъ награды; Учуковичи съ своими нукерами, скача на коняхъ, стрѣляли въ серебряные значки и попадавшимъ въ цѣль онъ давалъ большія награды. Кюнь-ханъ, подражая отцу своему, велѣлъ заколоть девятьсотъ коней и девять тысячъ

овецъ, налить вина въ девять сафьянныхъ сосудовъ и въ девяносто сафьянныхъ сосудовъ кумыза. Сорокъ сутокъ пировали и веселились.

Имена сыновъ и внуковъ Угузъ-хановыхъ.

У Угузъ-хана было шесть сыновъ: старшему изъ нихъ имя Кюнь-ханъ, второму Ай-ханъ, третьему Юлдузъ-ханъ, четвертому Кюкъ-ханъ, пятому Тагъ-ханъ, шестому Тингизъ-ханъ. У каждаго изъ нихъ было по четыре сына: одни изъ нихъ родились отъ законныхъ женъ, другіе отъ наложницъ; ихъ здѣсь мы перескажемъ.

У Кюнь-хана четыре сына: первый Калы, второй Баятъ, третій Алка-уйлы, четвертый Кара-уйлы.

У Ай-хана четыре сына: первый Язиръ, второй Ябиръ, третій Дудурга, четвертый Дукеръ.

У Юлдузъ-хана четыре сына: первый Ушаръ, второй Курнукъ, третій Бегдали, четвертый Каркинъ.

У Кюкъ-хана четыре сына: первый Баяндуръ, второй Бачина, третій Джаулдуръ, четвертый Чени.

У Тагъ-хана четыре сына: первый Салуръ, второй Аймуръ, третій Алаюнъ-атлы (Ала-юнтли), четвертый Узгаръ.

У Тингизъ-хана четыре сына: первый Икдуръ, второй Бекдузъ, третій Ава, четвертый Кынкъ.

У каждаго изъ шести сыновъ Угузъ-хановыхъ было еще, сверхъ поименованныхъ, по четыре сына, рожденныхъ отъ наложницъ; вотъ имена ихъ, только неизвѣстно, кто изъ нихъ чей былъ сынъ: Кене, Кюне, Турбатлы, Герайлы, Султанлы, Оклы, Кюкли, Сючлы, Герасанлы, Юрунчи, Джамчи, Турумчи, Кой, Сюркы, котораго въ нынѣшнее время называютъ Сюрхи, Курчикъ, Сяварчикъ, Карачикъ, Казгуртъ, Киргизъ, Такинъ, Лала, Мурда, Шуй, Саиръ.

Значеніе именъ двадцати четырехъ внуковъ Угузъ-хановыхъ: Колы значитъ крѣпкій; Баятъ значитъ счастливый;

Алка-уйлы значитъ пріятный; Кара-уйлы значитъ жителя на всякомъ мѣстѣ, гдѣ только будетъ жить; Язиръ значитъ господинъ народовъ; Ябиръ значитъ низлагающій все встрѣчающееся; Дудурга значитъ завоеватель и хранитель владѣнія; Дукеръ значитъ круглый; Ушаръ значитъ быстро дѣлающій; Курнукъ значитъ старшій; Бекдали значитъ обильный благами; Каркынъ значитъ дѣятельный; Баяндуръ значитъ счастливый; Бачина значитъ старательный; Джаулдуръ значитъ знаменитый; Чени значитъ герой; Салуръ значитъ имѣющій мечъ; Аймуръ значитъ величайшій богачъ; Алаюнъ-атлы значитъ имѣющій пѣгаго коня; Узгиръ—совершитель прекрасныхъ дѣлъ; Икдуръ значитъ великій; Бекдузъ значитъ услужливый; Ава значитъ высокостепенный; Кынык значитъ славный.

Кюнь-ханъ царствовалъ семьдесять лѣтъ; отходя къ милосердому Богу, онъ возвелъ на свое мѣсто своего брата Ай-хана.

Царствованіе Ай-хана.

Ай-ханъ былъ человѣкъ прекрасный, умный, твердый, образованный; онъ, руководствуясь совѣтами своего отца и старшаго брата, въ продолженіе многихъ лѣтъ шелъ путемъ, который проложенъ былъ отцемъ его и наконецъ отошелъ къ милосердію Божію.

Юлдузъ-ханъ.

Онъ былъ также прекрасный государь, но мы навѣрно не знаемъ, въ какомъ родственномъ отношеніи былъ онъ къ Ай-хану: внукъ-ли или побочный братъ ему. У Ай-хана былъ младшій братъ, по имени Юлдузъ, но не этотъ ханъ: кто бы онъ ни былъ, только онъ былъ изъ рода Угузъ-ханова. Царствовавъ нѣсколько лѣтъ, онъ назначилъ на престолъ послѣ себя своего сына Менгли и потомъ умеръ.

Менгли-ханъ.

Менгли-ханъ былъ также прекрасный государь; онъ нѣсколько лѣтъ также ѣлъ мясо, пилъ кумызъ, ходилъ въ одеждѣ изъ бѣлыхъ горностаевъ и черныхъ соболей; обнималъ прелестныхъ какъ луна и солнце; ѣздилъ на рысакахъ, бѣгучихъ какъ ртуть, быстрыхъ какъ вѣтеръ, леталъ, куда влекло сердце его, и успелъ въ другой міръ, посадивъ на своемъ мѣстѣ сына Тингизъ-хана.

Тингизъ-ханъ.

Тингизъ-ханъ также много лѣтъ царствовалъ; онъ жилъ долго; состарившись, поручилъ царство сыну своему Иль-хану и, нѣсколько лѣтъ послуживъ Богу, умеръ.

(Взаимная вражда Монголовъ и Татаръ). Иль-ханъ.

Иль-ханъ былъ государемъ Монгольскаго народа. Прежде мы говорили, что девятымъ ханомъ Татарскимъ былъ Сюнучь-ханъ: Иль-ханъ и Сюнучь-ханъ были современники. Между ними происходили непрестанныя битвы и грабительскіе набѣги. Иль-ханъ оставался побѣдителемъ, потому Сюнучь-ханъ, отправивъ посла, съ большими подарками, къ Киргизскому хану и обѣщавъ еще большія впослѣдствіи, склонилъ его къ союзу съ собою. Страны Татаръ были многолюдны; жителей въ нихъ было болѣе, нежели во всѣхъ Монгольскихъ поколѣніяхъ, но какъ одинъ родъ непрестанно съ другимъ велъ междуусобныя битвы, то Монголы ихъ преодолѣвали; въ Тюркскихъ волостяхъ не было ни одной, гдѣ бы не раздавался голосъ Монгола, куда не доставала бы рука его, потому всѣ волости стонали отъ Монгольскихъ притѣсненій. Сюнучь-ханъ, подружившись съ Киргизскимъ ханомъ, разослалъ

по всѣмъ волостямъ пословъ съ приказаніемъ, чтобы на помощь ему народъ въ такой-то день собрался на извѣстномъ мѣстѣ, дабы отомстить Монголамъ за зло, ими сдѣланное. Жители означенныхъ странъ, собравшись въ одно мѣсто, пошли на Монголовъ. Монголы, собравъ въ одно мѣсто свои кибитки и имѣніе, окопали кибитки рвомъ. Сюнучь-ханъ напалъ на нихъ и, въ продолженіе десяти дней, вступалъ въ битвы съ ними, но каждый день Монголы одолѣвали. Въ одинъ день ханы и беки, подъ начальствомъ Сюнучь-хана, въ потаенномъ мѣстѣ составили общій совѣтъ и говорили: сколько мы ни ухитряемся противъ Монголовъ, но дѣла наши идутъ худо. Потому на слѣдующее утро они привели въ исполненіе слѣдующую придуманную хитрость: войско ихъ, какъ бы ослабленное битвами, обратилось въ бѣгство, бросило тяжести и худшее имѣніе, и стало удаляться; Монголы, не зная, что ихъ заманиваютъ въ битву, пустились ихъ преслѣдовать и настигли ихъ; Татары, увидѣвши Монголовъ, воротились, стали въ боевой порядокъ, сразились, побѣдили и совершенно истребили Монголовъ. Какъ кибитки Монголовъ были всѣ собраны въ одно мѣсто, то Татары захватили ихъ со всѣмъ богатствомъ, такъ что ничего не было спасено: всѣ большіе изъ плѣнниковъ избиты мечемъ, а молодые сдѣланы рабами; каждый взялъ по одному плѣннику; изъ Монголовъ не осталось ни человѣка, а оставшіеся въ живыхъ исправляли должность прислужниковъ, и къ какой волости принадлежалъ его господинъ, по оной и тотъ сталъ называться: однимъ словомъ, въ мірѣ не осталось ни одного Монгола.

Переходъ Кыяна и Нюгуза въ Эркене-конъ и основаніе тамъ юрта.

Когда Сюнучь истребилъ Монголовъ, дѣти Иль-хана, которыхъ было много, всѣ погибли въ битвахъ. У Иль-хана былъ младшій сынъ по имени Кыянъ, въ тотъ годъ онъ его

женилъ; у младшаго брата Иль-ханова былъ сынъ, по имени Нюгузъ, однихъ лѣтъ съ Кыяномъ, также въ томъ году женился. Оба они попали въ руки людей изъ одного коша. По прошествіи десяти дней, ночью они оба съ своими женами сѣли на коней и бѣжали и пріѣхали въ свой юртъ. По прибытіи въ юртъ, они нашли въ немъ болѣе, нежели четвертую часть разнаго скота, и совѣтуясь, между собою, говорили: если мы войдемъ въ сношеніе съ жителями, то они на всѣхъ четырехъ сторонахъ будутъ намъ врагами; если мы, не выходя никуда, останемся въ своемъ юртѣ, то намъ нельзя будетъ не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, на дорогѣ-ли, на мѣстѣ-ли; такъ лучше того и другого сдѣлаемъ, если въ горахъ отыщемъ себѣ такое мѣсто, куда никому нѣтъ дороги. И такъ они, взявши свой скотъ, пошли въ горы; среди горныхъ утесовъ пробираясь по дорогѣ, пробитой горными баранами, поднялись на гору и стали на верхнемъ уступѣ ея. Осмотрѣвшись хорошенько вокругъ себя, они увидѣли, что туда не было другой дороги кромѣ той, по которой пришли они: дорога эта была такова, что верблюдъ или конь съ большимъ трудомъ могъ проходить по ней, и, при одномъ невѣрномъ шагѣ, могъ пасть и разбиться. Посреди же горъ была безпредѣльная площадь, гдѣ текли рѣки и ручьи, было много разныхъ плодовыхъ деревъ, разнообразные виды травъ. Поселившись въ этой землѣ, они воздали благодареніе Богу. Зимою они питались мясомъ стадъ своихъ, весною пили молоко ихъ, изъ кожъ ихъ дѣлали одежду. Это мѣсто назвали они Эркене-конъ. Эркене значитъ горная цѣпь, а конъ значитъ острый. Въ горахъ былъ снѣгъ.

У обоихъ ихъ было много дѣтей и большія семейства: у Кыяна было больше дѣтей, у Нюгуза меньше. Кыяновъ родъ называли Кыятъ; Нюгюзовъ родъ носилъ два имени: нѣкоторыхъ изъ нихъ называли Нюгузъ, другихъ Дурлигинъ. Кыянъ значитъ потокъ, который съ силою стремится изъ горы внизъ. Иль-хановъ сынъ былъ человѣкъ сильный, быстрый,

потому его назвали Кыяномъ. Кыятъ есть множественное число слова Кыянъ. Дѣти этихъ двухъ человѣкъ много лѣтъ жили въ Эркене-конѣ; ладонь ихъ расширилась, бока ихъ раздались: каждое семейство сдѣлалось особливымъ аймакомъ и носило имя своего родоначальника; если Богъ позволитъ, мы будемъ говорить о всѣхъ ихъ. Аймакъ значитъ кость; тюркскаго народа люди, спрашивая кого нибудь, говорятъ: изъ какого ты аймака? т. е. изъ какой ты кости (рода)?

Болѣе четырехсотъ лѣтъ они жили въ Эркене-конѣ, стада скота ихъ такъ размножились, что имъ стало тѣсно. Потому они, собравшись въ одномъ мѣстѣ, сѣли и совѣтовались между собою. Тутъ они говорили: отъ отцевъ нашихъ мы слышали, что внѣ Эркене-кона есть обширныя земли и хорошія сельбища, которыя прежде были нашими юртами; Татары, съ другими поколѣніями, истребивъ наши роды, завладѣли нашими юртами. Слава Богу, въ настоящее время наши головы не таковы, чтобы намъ, боясь враговъ, прятаться въ горахъ. Поищемъ дороги изъ-среды горы и перейдемъ отсюда: кто захочетъ быть другомъ нашимъ, съ тѣмъ и мы будемъ въ ладу, а съ врагами будемъ бороться. Всѣ они, считая эти слова разумными, стали искать дороги для выхода, но не находили ея. Тутъ одинъ кузнецъ сказалъ: въ такомъ-то мѣстѣ есть желѣзная руда: гора измѣнится въ долину, если въ ней растопить желѣзо. Они пошли, осмотрѣли мѣсто и согласились на умное мнѣніе кузнеца. На плечахъ наносили дровъ и углей и на широтѣ горы положили слой дровъ и слой угольевъ, завалили ими вершину горы, и уступы боковъ ея, и скаты ея, и, сдѣлавъ изъ кожъ семьдесятъ мѣховъ, на семидесяти мѣстахъ поставили ихъ и стали сильно дуть. Когда всемогуществомъ Божіимъ огонь возгорѣлся, гора расплавилась и растекла, открылась дорога такая, что могъ пройти навьюченный верблюдъ. Нѣсколько дней и ночей они выбирались изъ горъ. Съ этого времени у Монголовъ вошло въ обычай праздновать этотъ день и класть въ огонь кусокъ же-

лѣза и его раскаливать. Прежде ханъ, взявъ клещами желѣзо, кладетъ его на наковальню, ударяетъ по нему молотомъ, и потомъ князья его. Этотъ день много почитаютъ какъ день въ который они, вышедши изъ тѣснины, возвратились въ юртъ праотцовскій. Въ то время государемъ Монголовъ былъ Бурте-чино, изъ рода Кыянова, изъ поколѣнія Курласъ. Онъ во всѣ области разослалъ пословъ съ извѣстіемъ о выходѣ своемъ изъ Эркене-кона. Нѣкоторыя изъ нихъ явились къ нимъ дружелюбными, другія враждебными. Татары стали съ ними во враждебныя отношенія. Оба эти народа, Татары и Монголы составили ополченія и вступили въ битву; Монголы, одержавши побѣду надъ Татарами, взрослыхъ изъ нихъ истребили мечемъ, малолѣтнихъ сдѣлали рабами. Такъ чрезъ четыреста пятьдесятъ лѣтъ Монголы отомстили за кровь свою и за имѣніе свое и стали жить въ юртѣ прадѣдовъ. Изъ Тюркскихъ поколѣній, живущихъ на сихъ мѣстахъ, не было ни одного многочисленнѣе и многолюднѣе Татаръ; Монголы, возвратившись изъ Эркене-кона, поразили Татаръ и, занявши отцовскія земли, стали господствовать во всѣхъ Татарскихъ областяхъ. Татары нѣкоторыхъ областей, отдавшись подъ защиту Монголовъ, хотя не омонголились, но, соединившись съ Монголами, сами себя называли также Монголами.

Перечень Тюркскихъ и Монгольскихъ поколѣній.

Исторію Монгольскихъ и Тюркскихъ поколѣній, ихъ происхожденіе, имена и прозванія описалъ Ходжа-Рашидъ Казвини. Онъ говоритъ: „изъ династіи государей рода Чингизъ-ханова, царствовавшихъ въ Иранѣ, первый принялъ мохаммеданскую вѣру Газанъ- да будетъ надъ нимъ милость Божія! — сынъ Аргуна, сына Абака-хана, сына Гулагу-хана, сына Тулы-хана, сына Чингизъ-ханова. Сдѣлавшись государемъ и избравъ себѣ мѣсто въ подножіе трона, онъ призвалъ меня предъ лице своей благосклонности

и сдѣлалъ везиремъ, вручивъ мнѣ управленіе всѣмъ Иранскимъ царствомъ. По прошествіи одного года, онъ въ одно время призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „слава Богу, мы сдѣлались мусульманиномъ! Со времени прибытія сюда изъ Монголіи моего дѣда, Гулагу-хана, прошло два или три рода; Монголы, которые послѣ насъ родятся, забудутъ языкъ, слова, земли, области, поколѣнія свои и не будутъ знать. Племенъ въ Монголіи много, нѣкоторыя изъ нихъ отъ Монгольской кости, нѣкоторые не Монголы. Все это ты узнай и опиши“. Когда онъ далъ это повелѣніе, я сказалъ: одному одно дѣло сдѣлать можно, но вы возлагаете на меня большой трудъ. Ханъ сказалъ: „кромѣ тебя никто не можетъ исполнить это дѣло. У насъ есть книги, написанныя на монгольскомъ языкѣ: есть люди, помнящіе происшествія, которыя не описаны“. Потому ко мнѣ представили до шести человѣкъ изъ Монголовъ, знающихъ древній монгольскій языкъ. При ханѣ также былъ высшій сановникъ, бекъ, по имени Буладъ, прозывавшійся Чингсангъ. „Лучше тебя, сказалъ ему ханъ, въ настоящее время никто не знаетъ первоначальныхъ событій въ Монгольскомъ племени; также ты знаешь Монгольскій языкъ и читаешь книги на ономъ“, и ханъ далъ повелѣніе, чтобы Буладъ Чингсангъ Бегадиръ былъ начальникомъ этого комитета. Тогда былъ семьсотъ второй годъ хиджры (1302 Р. Х.). Написавъ лѣтопись, я назвалъ ее „Историческимъ сборникомъ“. Эта исторія теперь предо мною убогимъ. Кромѣ ея, у меня подъ рукою семнадцать историческихъ сочиненій о Чингизѣ, о которыхъ я говорилъ еще въ началѣ моего сочиненія; по нимъ я составляю это сочиненіе. Такъ называемые писцы, люди съ небольшимъ образованіемъ и смысломъ, составляя рукописи этихъ книгъ (въ продолженіе трехсотъ семидесяти двухъ годовъ послѣ Рашидъ-эд-дина, было написано навѣрно до двадцати или тридцати экземпляровъ его творенія), въ каждой новой рукописи исказили многія слова; во всякой лѣтописи третью часть или половину испортили.

Въ лѣтописяхъ наименованія горъ, рѣкъ, мѣстъ, имена лицъ на Монгольскомъ и Тюркскомъ языкѣ; писцы, переписывавшіе тѣ сочиненія, будучи Персіянами или Таджиками, не знали ни Монгольскаго, ни Тюркскаго языка. Какого-нибудь Таджика если дней десять учить выговаривать имена Монгольскія, онъ не выучится, то какъ онъ напишетъ ихъ? Меня убогаго Всевышній Господь въ такой мѣрѣ надѣлилъ знаніемъ языковъ Тюркскаго и Персидскаго, ихъ нарѣчій и терминовъ съ условными значеніями, что въ нынѣшнее время между Тюрками и Таджиками не найдется человѣка, которому бы дано было столько, сколько мнѣ; сверхъ того, по нѣкоторымъ дѣламъ, я отправлялся къ Калмыкамъ, прожилъ тамъ годъ, хорошо изучилъ языкъ, обычаи и техническія слова Монгольскіе. Эту лѣтопись я изложилъ на Тюркскомъ языкѣ, дабы ее знали всѣ, хорошіе и плохіе изъ людей. Притомъ по тюркски я такъ излагалъ, что и пятилѣтній ребенокъ можетъ понимать меня; чтобы быть яснымъ, я не примѣшивалъ словъ изъ нарѣчія Тюркско-Джагатайскаго, изъ языковъ Персидскаго и Арабскаго. У меня на сердцѣ есть желаніе изложить эту книгу на Персидскомъ языкѣ, если позволитъ это Богъ и не придетъ за мной ангелъ смерти. Но обратимся къ историческому разсказу, отъ котораго я уклонился, говоря такъ много о себѣ, и во-первыхъ перескажемъ то, что знаемъ о племенахъ не-Монгольскихъ; потомъ, если Богъ благоизволитъ, будемъ говорить о Монголахъ.

Тюркскія поколѣнія.

Въ исторіи объ Угузъ-ханѣ мы сказали, что въ землѣ Тюркскаго племени находится пять поколѣній, носящихъ общее имя Тюрковъ: Уйгуры, Кангли, Кипчакъ, Калъ-ачь, Карлыкъ.

Дѣти Угуза, не отдѣляясь отъ Тюркмановъ, занимали Мавераннегръ и Хорасанъ.

Кипчаки.

Кипчаки жили между рѣками Дономъ, Волгою и Яикомъ.

Кангли.

Кангли жили вмѣстѣ съ Тюркманами; перешедши въ область Тюркмановъ, они поселились на берегахъ Иссикъ-кюля, Джулы и Телаша, здѣсь жили много лѣтъ. Одинъ изъ государей Ургенча, Тукушъ-ханъ взялъ за себя дочь одного Канглійскаго вельможи, которой имя было Тюркянь. Отъ нея родился Султанъ-Мохаммедъ, харезмскій шахъ. Султанъ Мохаммедъ былъ великій государь. Владѣнія его простирались съ одной стороны до Индостана, съ другой до Андеджана и Туркестана, на третьей сторонѣ до Арабистана, на четвертой до Рума; столицею его былъ Ургенчь. Изъ Канглійскаго народа всѣ, бывшіе въ близкомъ родствѣ съ его супругою, переходили на службу Султана, принимали мусульманскую вѣру и получали должности. Старшій родной братъ государыни Тюркяни, по имени Хаммаръ-тегинъ, перешелъ на службу Султану, сдѣлался мусульманиномъ: Султанъ далъ ему должность Даруги въ Ургенчѣ. Сынъ младшаго брата Тюркянина отца, Инальчикъ, перешедъ къ Султану, принялъ мусульманство, и Султанъ пожаловалъ ему область Туркестанскую, гдѣ онъ и былъ правителемъ. Съ этого дня, говорилъ ему Султанъ, тебя никто не долженъ звать Инальчикомъ; но да назовутъ Гаиръ-ханомъ. Когда изъ Кангліевъ одинъ прекрасный человѣкъ, по имени Кюкъ, пришелъ къ Султану, онъ, назвавъ его Кюкъ-ханомъ, отдалъ ему Бухару. Всѣхъ Кангліевъ, перешедшихъ къ Султанъ-Мохаммеду, харезмскому шаху, и сдѣлавшихся слугами его, было до шестидесяти тысячъ. Въ Джудѣ и Телашѣ осталось ихъ также до десяти тысячъ семействъ. Чингизъ-Ханъ, во время нашествія на Телашъ, всѣхъ жившихъ тамъ Кангліевъ захватилъ и

истребилъ всѣ юрты. Кангліевъ нынѣ уже нѣтъ, какъ и народа того, который составлялъ царство Харезмское. Скитавшіеся въ этомъ царствѣ Кангліи, въ послѣдующее время, соединились между собою и представляютъ въ себѣ остатокъ преждебывшаго поколѣнія.

Поколѣніе Карлыкъ.

Карлыки, основавши свое жительство въ высокихъ горахъ Монголіи, занимались земледѣліемъ; у нихъ было также и скотоводство; поставивъ одного лучшаго изъ среды себя человѣка государемъ себѣ, по смерти его они опять избирали кого-нибудь. Ихъ было не много: въ лучшее время ихъ считалось до двухъ тысячъ семействъ. Около четырехъ тысячъ лѣтъ они жили въ этомъ обиталищѣ, до того времени, какъ Чингизъ-ханъ, сдѣлавшись государемъ Монголіи и подчинивъ своей власти другіе народы, послалъ къ Карлыкамъ Барласъ Кублая Нойяна съ требованіемъ покорности ему. Въ то время государемъ Карлыкскимъ былъ Арсланъ-ханъ. Онъ вмѣстѣ съ Кублай Нойяномъ отправился къ Чингизъ-хану съ большими дарами, въ главѣ которыхъ ставилъ свою дочь. Представясь хану, онъ поклялся до своей смерти преклонять свою выю къ служенію хану, который также одну изъ дочерей своего семейства выдалъ за него и, обѣщавъ ему свою защиту и покровительство, позволилъ ему возвратиться въ свою землю. Тутъ Чингизъ-ханъ, обративши взоръ къ своимъ бекамъ, сказалъ: „ему ли называться Арсланъ-Ханомъ? Отнынѣ должно называть его Арсланъ-Сиракъ“. Монголы на своемъ языкѣ Сиракомъ называютъ Таджика.

Поколѣніе Уйгуръ.

Слово *уйгуръ* значитъ *союзникъ*. Такъ говорятъ: молоко ссѣлось, сютъ уйюди; когда молоко сдѣлалось айраномъ, то час-

ти его отдѣлены одна отъ другой; когда же ссѣдаются, *уйюганъ*, сливки, сметана, тогда части его не отдѣляются одна отъ другой: потому уйюди тоже значитъ, что присталъ одинъ къ другому, соединился, былъ въ союзѣ. Также говорятъ: въ молитвѣ я присоединился къ имаму, *имамга уйюдымъ*, т. е. когда имамъ садится, то и совершающій съ нимъ молитву садится; когда онъ встаетъ, то и этотъ встаетъ: потому это есть союзъ между ними.

Сказываютъ, что въ Монголіи есть двѣ горы, весьма высокія, которыя тянутся отъ востока къ западу, одна изъ нихъ зовется Тукрату-Бузлукъ, другая Ускунлукъ-Тикрамъ. Между сими двумя горами, въ западной сторонѣ Монголіи, еще лежитъ гора Кутъ-тагъ. Среди этихъ горъ протекаетъ въ одномъ мѣстѣ десять рѣкъ, въ другомъ девять: всѣ онѣ большія рѣки. На этихъ рѣкахъ были жилища древнихъ Уйгуровъ; жившіе на десяти рѣкахъ назывались Унъ-Уйгуръ; жившихъ при девяти рѣкахъ звали Тукузъ-Уйгуръ. У нихъ было много городовъ, деревень и пахотныхъ земель: ихъ всѣхъ было сто двадцать волостей. Но какъ они не избирали себѣ государя, чтобы подчиниться его велѣніямъ, то пришли въ разстроенное состояніе. Однажды всѣ они, составивъ сеймъ, на общемъ совѣтѣ постановили: „Насъ двѣ отдѣльныя области; пусть каждая выберетъ себѣ начальника. Кто не будетъ повиноваться его слову, у того онъ пусть отберетъ имѣніе и накажетъ его смертью“. Посему Унъ-Уйгуры поставили въ своей волости начальникомъ Мингу-таія, давъ ему титулъ Иль-ильтыръ; Тукузъ-Уйгуры избрали для своей волости своего начальника, назвавъ его Кюль-иркинъ. Дѣти ихъ были правителями около ста лѣтъ. Съ того времени Уйгура, который былъ правителемъ въ Унъ-Уйгурахъ, называли Иль-ильтыромъ; а того, который былъ правителемъ у Тукузъ-Уйгуровъ, Кюль-Иркиномъ: такъ они называли своихъ правителей въ продолженіе многихъ лѣтъ, а послѣ всякаго начальника называли Иди-кутомъ. Значеніе слова *иди* всякому извѣстно:

оно значитъ пустилъ, далъ, какъ говорятъ: опусти нитку, *ипъ ий*; корова молока не держитъ, *сыгиръ иди*. А словомъ *кутъ* тюркскіе народы называютъ жизнь, счастіе; они говорятъ кому-либо: конь твой или одежда твоя да послужитъ къ счастію твоему, къ жизни твоей—„кутлы булсынъ". Если ея хозяинъ не будетъ живъ, то какъ она послужитъ къ его благополучію? Такъ *иди-кутъ* значитъ посылающій жизнь всему народу. Около трехъ тысячъ лѣтъ Уйгуры жили въ ономъ мѣстѣ; послѣ того они пришли въ разстройство, будучи уводимы въ плѣнъ и въ рабство. Нѣкоторые изъ нихъ остались на мѣстѣ жительства; другіе перешли на берега Иртыша, раздѣлившись здѣсь на три общины. Одна изъ этихъ общинъ пришла къ городу Бишъ-балыку и, занявшись земледѣліемъ, составила здѣсь хорошо устроенную державу; другая, разводя коней и овецъ, вела кочевую и частію осѣдлую жизнь вблизи Бишъ-балыка; третья община, при верховьѣ Иртыша, не занимаясь ни сколько скотоводствомъ, ловила рыбу, бобровъ, соболей, куницъ, бѣлокъ, употребляя ихъ мясо въ пищу, а шкуры на одежду себѣ; хорошихъ нарядовъ, шелковыхъ, бумажныхъ, они не видали на своемъ вѣку. У нихъ матери, кляня своихъ дочерей, говорили: угодить бы тебѣ за пастуха, у котораго лошади и овцы! станешь ѣсть мясо, пить кумызъ—злые дни выпадутъ на твою головушку! При Чингизъ-ханѣ у нихъ Иди-кутомъ былъ Баурчикъ: онъ, чрезъ посла къ Чингизъ-хану, изъявилъ ему свою покорность и каждый годъ отправлялъ къ нему дары. Когда Чингизъ-ханъ былъ въ походѣ на Мавераннегръ, Иди-кутъ Баурчикъ выступилъ къ нему съ своимъ войскомъ, и, соединившись съ нимъ на дорогѣ, оказалъ ему большую услугу. Между Уйгурами много было знающихъ Тюркскій языкъ и грамоту, хорошо разумѣющихъ должности дефтердарей и счетную часть въ диванахъ. При внукахъ Чингизъ-хановыхъ въ Мавераннегрѣ, Хорасанѣ и Иракѣ всѣ чиновники дивановъ и дефтердари были изъ Уйгуровъ. Въ областяхъ Китая дѣти Чингизъ-хана ставили

въ диваны и въ дефтердарей также Уйгуровъ. Огдай-ханъ, заступившій мѣсто отца своего Чингизъ-хана, поручилъ управленіе Хорасаномъ, Мазандераномъ и Гиляномъ Уйгуру, который назывался Кюргюзъ. Онъ былъ хорошій знатокъ счетнаго дѣла: управлялъ сборомъ доходовъ въ тѣхъ трехъ областяхъ, онъ въ каждый годъ исправно отсылалъ ихъ къ Огдай-хану.

Поколѣніе Текринъ.

Текриновъ называютъ также Мекринами. Ихъ владѣнія, близкія къ землѣ Уйгуровъ, лежатъ посреди горъ. Не должно смѣшивать этого племени съ Монгольскимъ и Уйгурскимъ: они особый народъ. Во время Чингизъ-хана ихъ было тысяча семействъ. Ханъ отправилъ къ нимъ посла сказать: „Богъ далъ мнѣ великую державу, на четырехъ странахъ всѣ народы мнѣ покорны, а ты что дѣлаешь?“ Въ то время правителемъ Текриновъ былъ Чеванычь; у него была дочь красавица, по имени Букяй. Отправясь къ хану съ дарами, въ которыхъ самымъ лучшимъ была дочь его, онъ явился предъ него съ изъявленіемъ своей покорности. Ханъ съ своей стороны одарилъ его и, угостивъ его, отпустилъ назадъ. Ханъ, взявъ за себя эту дѣвицу, любилъ ее больше всѣхъ женъ. По смерти Чингиза, сынъ его Огдай-каанъ взялъ ее себѣ и также любилъ больше всѣхъ своихъ женъ.

Поколѣнія Киргизъ и Кемкемчутъ.

У Угузъ-хана былъ внукъ по имени Киргизъ: Киргизы происходятъ отъ него; но въ наше время очень не много людей изъ этого рода. Монголы и другія племена, истребивъ Киргизовъ, въ огнѣ и водѣ, вступили въ землю ихъ и, оставшись тутъ жить, приняли имя Киргизовъ. Они сами знаютъ, изъ какого они рода. Киргизъ и Кемкемчутъ называются двѣ области, близкія одна къ другой: на двухъ сторонахъ ихъ текутъ

двѣ большія рѣки, одна называется Селенга, другая Айкара-Муранъ; эти двѣ области называются Абирь и Сибирь. Близъ нихъ жилища Киргизскія. Киргизы своего правителя называютъ Иналь; это слово у нихъ тоже, что у Монголовъ (каанъ) и Таджиковъ падшахъ. Въ Чингизъ-ханово время правителемъ ихъ былъ Урусъ-иналь. Чингизъ-ханъ, отправивъ къ Киргизамъ Бурю посланникомъ, требовалъ, чтобы они ему покорились. Урусъ-иналь, радушно угостивъ посла, самъ не пошелъ къ хану, но отправилъ съ нимъ хорошихъ людей съ большими дарами въ изъявленіе своего подданства. Изъ даровъ самымъ лучшимъ былъ бѣлый кречетъ съ красными ногами, носомъ и глазами.

Поколѣніе Урманъ-катъ.

Жилища этого народа находятся въ большихъ лѣсахъ, потому имъ дали имя Урманъ-катъ. Жилища ихъ въ смежности съ владѣніями Киргизскими; они вошли въ подданство Чингизъ-хану. Кромѣ ихъ есть еще народъ, который называется Урманъ-катъ, но онъ съ первымъ не имѣетъ никакого сродства, составляя изъ себя отдѣльный народъ, составившійся частію изъ Монголовъ Нюгузъ: такъ какъ и они больше жили въ лѣсахъ, то имъ также досталось имя Урманъ-катъ.

Поколѣніе Татаръ.

Имя этого народа очень извѣстно съ древнихъ временъ до нынѣшняго. Прежде было ихъ до семидесяти тысячъ семействъ, состазлявшихъ много волостей. Каждый изъ нихъ говорилъ о себѣ: я изъ такой-то волости. Каждая волость занимала особливую землю; но лучшіе изъ нихъ и многолюднѣйшіе роды жили въ землѣ Бююрнаварѣ, близъ Китая, повиновались Китайскимъ государямъ и состояли у нихъ на службѣ, а по временамъ они возмущались противъ Китая,

такъ что государь Китайскій высылалъ противъ нихъ войско, которое, избивая ихъ и опустошая владѣнія ихъ, опять подчиняло ихъ себѣ. Довольно многіе роды ихъ жили на берегахъ рѣки Айкара-муранъ. Айкара-муранъ протекаетъ посреди Киргизскихъ владѣній, принимаетъ въ себя много рѣкъ и дѣлается большою рѣкою, и, протекая далѣе, вливается въ море. При устьѣ рѣки, на берегу моря, стоитъ большой городъ; селеній около него много, стада и табуны пасущагося скота многочисленны. Кони тамъ крупные; у нихъ жеребенокъ по первому году такъ великъ, какъ у насъ двухгодовалый; кони всѣ пестрые, другой шерсти они не бываютъ. Этотъ городъ они называютъ Алакчинъ. Близъ него есть серебряные рудники: у тамошнихъ жителей котлы, чашки, блюда дѣлаются всѣ изъ серебра; отселѣ произошла пословица Узь-бековъ: „у него пестрый конь и домъ съ золотымъ очагомъ.“ По смерти Чингизъ-хана, страна Киргизская и всѣ окрестныя ея стороны признали надъ собою власть Тули-хана; старшая жена его, мать всѣхъ дѣтей его, Сююръ-куктай-бики, приняла въ свои руки власть. Эта государыня отправила на кораблѣ къ Алакчину трехъ бековъ съ тысячью человѣкъ, сказавъ: „подите, если можете, опустошите его, а если будете не въ состояніи это сдѣлать, принесите извѣстіе о немъ.“ По прошествіи многаго времени, три князя съ тремя стами человѣкъ—семьсотъ изъ отряда померло—возвратились и говорили: все, что вы прежде слышали, справедливо. Мы много тамъ захватили серебра; но не умѣя вести корабль вверхъ по рѣкѣ, бросили его. Воздухъ тамъ убійственно зноенъ, а потому люди наши погибли. Въ исторіи Чингизъ-хана мы скажемъ, если Богъ позволитъ, о томъ, какъ Татары покорились Чингизъ-хану.

Поколѣніе Ойратъ.

Большую массу текучей воды—рѣку Тюрки на своемъ языкѣ называютъ сай, Таджики рудъ-хане (малому потоку они

дают названіе рудъ), Арабы называютъ вади, а монголы— муранъ. На восточной сторонѣ Монголіи течетъ восемь рѣкъ, которыя Монголы называютъ осьмью муранами. Всѣ тѣ рѣки вливаются въ Айкара-муранъ. Эти восемь рѣкъ называются такъ: Кюкъ-муранъ, Унъ-Муранъ, Кара-усюнъ, Сябикунъ, Экри-муранъ, Акаръ-муранъ, Чаганъ-муранъ, Джурджамуранъ. Во время Чингизъ-хана государемъ Ойратовъ былъ Кутука-бики. У него было два сына, старшаго звали Инальджи, младшаго Туранджи. Кутука-бики сначала явился врагомъ Чингизъ-хану, послѣ сдѣлался его данникомъ: выдавъ за него свою дочь и взявъ за себя его дочь, онъ былъ покоренъ хану.

Торгаутъ, Кури, Туласъ.

Это названія тремъ родамъ Ойратскаго поколѣнія: каждый изъ нихъ произошелъ отъ Ойратовъ. Слово *торгаутъ* значитъ: „другая дальняя сторона“; а свою сторону (ближнюю) Монголы называютъ *селенга*: тѣ три поколѣнія жили на другой сторонѣ Селенги, потому ихъ назвали Торгаутами.

Поколѣніе Туматъ.

Туматы есть также поколѣніе Ойратовъ. Они жили въ земляхъ, которыя называются Бургучинъ-Тукюмъ и которыя близки къ владѣніямъ Киргизовъ. Въ Чингизъ-ханово время у нихъ бекомъ былъ Татула-Сукаръ; онъ, явившись къ Чингизъ-хану, покорился ему.

Булгачинъ и Кирмучинъ суть два родственныя поколѣнія, которыхъ земли въ сосѣдствѣ съ Киргизскими. Они составили область владѣній Чингизъ-хановыхъ.

Толенгутъ, Урасутъ, Кусутмай—три поколѣнія состоятъ въ родствѣ между собою: у нихъ есть много лекарей, которые хорошо знаютъ хирургію и умѣютъ составлять разныя лекарства. Ихъ юрты находятся въ большихъ лѣсахъ; всѣ они звѣроловы, ловятъ соболей, куницъ, горностаевъ, бѣлокъ, бобровъ, и всякаго звѣря въ поляхъ и всякую рыбу въ рѣкахъ.

Поколѣніе Найманъ.

Это древнее поколѣніе; скотоводство у него обширное. Прежняго состоянія его мы не знаемъ, только мы слышали, что у нихъ были свои государи, изъ которыхъ извѣстенъ Каръ-Кышъ. По смерти его былъ у нихъ государемъ братъ его, Инатъ. При Чингизъ-ханѣ они имѣли у себя Государя, котораго звали Таянгъ-ханъ; у него былъ сынъ Кючлюкъ. Ихъ жилища находятся въ той части Монголіи, которая зозовется Каракорумъ. Земледѣлія у нихъ нѣтъ.

Поколѣніе Кераитъ.

Слово Кераитъ значитъ „черный баранъ“. У одного человѣка было семь сыновъ, и всѣ семь были черны: ихъ въ этомъ народѣ называли Кераитъ; и тѣхъ, которые родились такими, называли Кераитами. Это древній народъ: имѣетъ обширное скотоводство; онъ стоялъ подъ управленіемъ своихъ собственныхъ государей, при которыхъ не было народа сильнѣе Кераитовъ. Ихъ владѣнія были близки къ Найманскимъ; поэтому они съ Найманами непрестанно то дрались, то мирились. Знаменитымъ государемъ у Кераитовъ былъ Мергузъ. Его сынъ былъ Курчакуръ, по прозванію Буйрукъ. У этого было много сыновей. Одному изъ его сыновей имя было Тогрулъ, котораго Китайскіе государи прозвали Унгъ: Унгъ значитъ „царь государства.“ Этотъ Кераитъ Унгъ-ханъ воевалъ съ Чингизъ-ханомъ.

Поколѣніе Унгутъ.

Китайцы, вдоль по границѣ своего государства построивъ большую стѣну, два конца ея довели до моря. Никому нельзя уронить ея и разрушить. Для прохода каравановъ сдѣлавъ двое воротъ, придѣлали къ нимъ желѣзные затворы. Такую

стѣну Арабы называютъ сяддъ, Тюркскіе народы буръ-кургa. Китайцы унгу. Александръ построилъ стѣну, чтобы заградить путь народамъ Яджучь и Маджучь, Ануширванъ построилъ стѣну въ Шамахѣ, которую въ нынѣшнее время зовутъ Тимиръ капы „желѣзныя ворота“. Въ Китайской стѣнѣ есть ворота: Китайскіе государи договорились съ нѣсколькими общинами изъ Тюркскаго народа, если они будутъ содержать стражу у воротъ той стѣны, давать имъ въ каждый годъ, что потребно на содержаніе ихъ въ это время. Тюрки тѣ согласились на это и держали караулъ: это дѣло отправляли и сыновья и дочери. Эти охранительные отряды названы Унгутъ. Въ монгольскомъ языкѣ, изъ котораго приняло свою форму слово унгутъ, буква т показываетъ отношеніе, какое (въ арабскомъ) означается буквой и „яи нисбять,“ какъ въ тюркскомъ слогъ чи, въ словахъ: ургянчи—заготовщикъ палокъ, табакчи-столяръ, ишикчи—привратникъ: стѣну называютъ унгу, а людей, охраняющихъ стѣну, унгутъ, что будетъ значить „пристѣнникъ.“ При Чингизъ-ханѣ ихъ было четыре тысячи семействъ; князя ихъ называли Алакушъ-тегинъ. Чингизъ-ханъ, предъ отправленіемъ въ походъ на Китай, послалъ человѣка къ Алакушъ-тегину, съ требованіемъ отъ него покорности: онъ ему покорился. Когда Чингизъ-ханъ отправился въ походъ на Китай, Алакушъ-Тегинъ встрѣтилъ Чингизъ-хана, отворилъ ворота стѣны и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на Китай.

О народѣ Китай.

Китая два: одинъ изъ нихъ зовется Кара Китай. Многія семейства Кара-китайскія почему-то взбунтовались противъ своихъ государей, и, убѣжавъ оттуда, перешли въ земли Киргизскія. Считая тамошнихъ жителей за пришельцевъ, они начали похищать скотъ у нихъ, а потому и тамъ не могли ужиться, перешли въ землю Идиль; основавши тамъ городъ, поселились въ немъ, стали воздѣлывать землю. Земля эта за-

селилась: отовсюду лишившіеся имѣнія, голодные, истомленные, бѣдные и всякаго сорта люди собирались въ этотъ городъ; народонаселеніе увеличилось до сорока тысячъ семействъ. Въ то время государь Джурчита, бывшаго большою областію, велъ войну съ государемъ Кара-Китайскимъ, Мингъ, побѣдилъ его, овладѣлъ его областію и его самого велѣлъ умертвить. У этого государя былъ высшій сановникъ бекъ, по имени Нуси-Таифъ; онъ со многими чиновниками и людьми убѣжалъ въ Киргизскую землю: это было въ пять сотъ тринадцатомъ году эры (1119 по Р. Х.). Оттуда онъ перешелъ къ Китайцамъ въ городъ Имиль. Онъ былъ человѣкъ умный, разсудительный: проживъ тамъ до двухъ лѣтъ, онъ распространилъ свое имя и славу на всѣ четыре стороны. Онъ былъ потомокъ Эфрасіаба. Въ городѣ Баласагунѣ былъ ханъ по имени Илекъ-Нукракъ. Этотъ городъ Монголы называютъ Гу-балыгъ: гу значитъ хорошій, балыкъ—городъ, потому въ переводѣ его имя—хорошій городъ. При этомъ укрѣпленномъ городѣ много было Тюрковъ, особливо Кангліевъ: они грабили и опустошали область его и дѣлали потраву въ его поляхъ. Поэтому Илекъ-ханъ послалъ человѣка къ Беку, выходцу изъ Китая, приглашая его къ себѣ и обѣщая отдать въ его власть свое владѣніе. Тотъ пришелъ, сталъ владѣльцемъ страны, сдѣлалъ Илека своимъ нукеромъ и далъ повелѣніе, чтобы съ этого дня никто не называлъ его Илекъ-ханомъ, а называли бы его Илекомъ-туркманомъ; себѣ далъ имя Гуръ-ханъ. На языкѣ Китайскомъ гуръ значитъ великій государь. Послѣ этого онъ завоевалъ Андеджанъ, потомъ овладѣлъ Туркестаномъ и Ташкендомъ; отправясь въ походъ въ Самаркандъ, осадилъ его и, заставивъ жителей его заключить миръ съ обязательствомъ каждогодно доставлять ему положенное количество дани, возвратился домой. Одного изъ главныхъ бековъ своихъ, Эриза, поставивъ начальникомъ, послалъ на Ургенчъ; тотъ опустошилъ окрестность Ургенча, захватилъ въ плѣнъ жителей и осадилъ крѣ-

пость городскую. Государемъ Ургенчскимъ былъ тогда Атсизъ, изъ династіи Харезмскихъ шаховъ: онъ принужденнымъ нашелся предложить ему каждогодную плату въ тысячу ешрефовъ. Эризъ, довольный симъ, возвратился домой, Атсизъ платилъ дань каждый годъ до самой смерти своей. По смерти Атсиза сдѣлался государемъ сынъ его Тукушъ и платилъ дань до самой смерти. Послѣ него сдѣлался государемъ сынъ его Султанъ Мохаммедъ: онъ пересталъ платить дань и взбунтовался. Султанъ Санджаръ Кази изъ Рума съ войсками государства отправился въ Туркестанъ, вступилъ въ битву съ Гуръ-ханомъ, государемъ Кара-Китайскимъ, но потерпѣлъ пораженіе; войско все было побито и самъ онъ скрылся въ Мервъ.

О родѣ Тургакъ.

Родовое происхожденіе его неизвѣстно: нѣкоторые изъ нихъ тюркскаго племени. Имя ихъ значитъ „сторожъ“. Государи, для охраненія своей особы, опредѣляютъ нѣсколько человѣкъ: они, находясь при ихъ двери, поочереди или стоятъ на стражѣ, или спятъ. Стоящіе на стражѣ бьютъ въ барабанъ или стучатъ въ двѣ палки, чтобы дать знать о врагѣ, если онъ идетъ. Изъ стражей тѣ, которые провели череду въ бодрствованіи на караулѣ, говорили спавшимъ: моя череда кончилась, теперь ты тургакъ, стой на караулѣ. Поэтому хранителей государя называли тургакъ.

Монгольскія поколѣнія.

У сына Иль-ханова, Кыяна, и у сына младшаго Ильханова брата, Нюгуза, послѣ того какъ они ушли въ горы Эркене-конъ, было много сыновъ. Кыяновыхъ дѣтей называли Кыятъ, Нюгузовыхъ-Дерлигинъ. Со временемъ каждый родъ далъ себѣ особое имя, а оба имени, Кыятъ и Дерлигинъ, потерялись. Изъ поколѣнія Кыяна, изъ рода Курласъ, проис-

ходила женщина Алангова, которая безъ мужа родила троихъ сыновъ. Если Богъ поможетъ, мы объ этомъ разскажемъ послѣ; а здѣсь считаемъ приличнымъ сказать, что потомство этихъ трехъ сыновъ было чрезвычайно велико. Ихъ называли Нирунъ; это названіе значитъ чистыя чресла, по-тюркски: ару-тюхмъ „чистое сѣмя“. Имъ дали это имя потому, что эти три сына ея, по мнѣнію Монголовъ, зачались отъ свѣта. У Кабулъ-хана, прадѣда Чингизъ-ханова, было шесть сыновъ: всѣ они были бойки, храбры, быстры, и народъ этихъ витязей назвалъ Кыятъ, потому что Монголы ручей, стремящійся съ горы, называютъ кыянъ; отъ слова кыянъ произошло множественное число кыятъ. Старшій изъ сыновъ Кабулъ-хана былъ Бюртанъ-ханъ; его сынъ, отецъ Чингизъ-хановъ, Исукай Багадуръ; у Исукай-Багадура глаза были каріе, у Монголовъ каріе глаза называются бурджигинъ, поэтому родъ Исукай Багадура названъ Бурчигинъ-Кыятъ. Прозваніе Кыятъ также и послѣ дѣтей Кабулъ-хановыхъ было въ употребленіи. По своимъ силамъ мы о нѣкоторыхъ тюркскихъ поколѣніяхъ разсказали, что знали, теперь будемъ говорить о поколѣніяхъ Монгольскаго племени.

Поколѣніе Меркитъ.

Меркитовъ называютъ также Мекритами: это одно и то же поколѣніе. Въ Чингизъ-ханово время правителемъ этого народа былъ Токта-бикій. Это поколѣніе безпрерывно было во враждѣ съ Чингизъ-ханомъ. Однажды, разграбивъ домъ Чингизъ-хана, они увели въ плѣнъ его жену; за то и Чингизъ-ханъ въ одно время, когда тотъ находился въ степи, схватилъ его, заключилъ въ оковы и отомстилъ ему кровь.

Поколѣніе Конкиратъ.

У одного человѣка изъ поколѣнія Кыянъ было три сына. Старшій сынъ назывался Чурлыкъ-Мерканъ, второй Ку-

бай-Ширя, третій Тусбудай. Чурлыкъ былъ искусный стрѣлокъ изъ лука: однажды онъ поссорился съ своимъ братомъ Кубай-Ширей; оба были на коняхъ; Чурлыкъ взялъ лукъ и пустилъ стрѣлу; Кубай-Ширя, наклонившись къ шеѣ коня, спасся отъ стрѣлы, и, тотчасъ выпрямясь, поднялъ голову. Чурлыкъ пожалѣлъ своего брата и въ душѣ своей сказалъ: я такъ стану стрѣлять, чтобы ему было только страшно, но не вредно. Въ ухѣ у Кубай-Шири было большое кольцо; мѣтя въ него, онъ такъ пустилъ стрѣлу, что она пролетѣла сквозь него. У Чурлыкъ-Меркана былъ сынъ, по имени Конкиратъ: отъ его рода произошло все поколѣніе Конкиратъ.

Поколѣніе Инграсъ и Олконотъ.

У Кубай-Шири было два сына: старшему имя Инграсъ, младшему Олконотъ; отъ нихъ произошли эти два поколѣнія. Мать Чингизъ-ханова, Улунъ, которую также звали Улунъ-иге, иногда Улунъ-кучинь, была изъ племени Олконотъ.

Поколѣнія Каранутъ, Курласъ и Ильчигинъ.

У Тусбудая было два сына: старшему имя было Каранутъ, отъ него произошло все племя Каранутъ. Второй сынъ Кунуклутъ; у него былъ сынъ Мисяръ, у котораго было два сына: старшій, по имени Курласъ, былъ родоначальникомъ поколѣнія Курласъ, младшій, Ильчигинъ, родоначальникъ всѣхъ Ильчигиновъ.

Поколѣніе Урмаутъ.

Урмаута нынѣ называютъ Уймаутъ. Все поколѣніе Урмаутское есть потомство этого человѣка.

Поколѣніе Кунукмаръ.

У одного Монгола изъ поколѣнія Урмаутъ было три сына. Старшему изъ нихъ имя неизвѣстно; но когда онъ пришелъ въ юношескій возрастъ, народъ назвалъ его Кунукмаръ. Кунукъ значитъ большой: въ то время, напримѣръ, о большой воронѣ, говорили: кунукъ карга „большая ворона“; кумаръ значитъ носъ. Такъ какъ у него былъ большой носъ, то ему и досталось прозваніе Кунукмаръ. Все поколѣніе Кунукмаръ есть потомство этого человѣка: въ нынѣшнее время они о себѣ говорятъ: „мы потомки Кумара“. Менгликъ-ичеге былъ изъ поколѣнія Кунукмаръ. Имя Менгликъ дано было ему отцемъ его. Къ его имени Менгликъ приложено слово ичеге, которое на Монгольскомъ языкѣ значитъ отецъ, съ такимъ же значеніемъ, съ какимъ и Тюркскій народъ слово ата „отецъ“ прикладываетъ къ титуламъ почетныхъ людей, напримѣръ, хакимъ-ата „начальникъ - отецъ“, сеидъ-ата „господинъ - батюшка (бояринъ)“. Менгликъ былъ почтеннымъ человѣкомъ у Монголовъ, потому къ его имени присоединяли слово ичеге. Мать Чингизъ-хана, когда умеръ отецъ его, вышла за Менгликъ-ичеге; Кераитскій государь Унгъ-ханъ чрезъ посла говорилъ Менгликъ-ичеге: нападемъ на Чингизъ-хана; я съ внѣшней стороны, ты будешь дѣйствовать извнутри, и мы уничтожимъ его; что останется изъ владѣнія его, половина того будетъ твоя, половина моя. Унгъ-ханъ былъ въ дружбѣ съ отцемъ Чингизъ-хана, и этотъ совсѣмъ не подозрѣвалъ въ немъ вражды къ себѣ. Онъ къ Чингизъ-хану отправилъ посла съ словами: „за твоего старшаго сына Джучи хочу выдать свою дочь, и для того пріѣзжай въ нашъ домъ. Это, говорилъ онъ, наше общее желаніе: сыграемъ свадьбу, нѣсколько дней попируемъ и повеселимся“. Чингизъ-ханъ, вѣря этимъ словамъ, отправился въ его домъ. На дорогѣ съ нимъ встрѣтился Менгликъ-ичеге и, пересказавъ ему все, что слышалъ отъ Унгъ-хана, спасъ его отъ смерти. Менгликъ-ичеге никогда не оставлялъ

службы Чингизъ-хану. Когда онъ взялъ Чингизъ-ханову мать, Чингизъ-хану было тогда тринадцать лѣтъ. Съ того времени до самой смерти своей, при всѣхъ переворотахъ судьбы, въ счастливые и несчастливые дни, онъ неотлучно былъ при ханѣ; садился съ правой стороны его выше всѣхъ.

Поколѣніе Эрлатъ и Келькитъ.

У Менгликъ-ичеге отъ прежней жены было три сына: старшаго звали Кюкче; народъ называлъ его Тенгринингъ-бети „лице Божіе“. Въ исторіи воцаренія Чингизъ-хана мы скажемъ, что за человѣкъ былъ Кюкче. Второй сынъ его былъ Эрлатъ: имя его значитъ любимый сынъ матери. Эрлатъ было имя одного человѣка, котораго очень любила мать; а потому и его назвали Эрлатомъ. Все поколѣніе Эрлатъ происходитъ отъ него. Третій сынъ его Келькитъ. У кого языкъ бываетъ картавъ, того Тюркскій народъ называетъ бильтакъ, „картавый,“ а Монголы кельки; такъ какъ у этого человѣка былъ этотъ недостатокъ въ языкѣ, то его и назвали Келькитъ. Выше мы говорили, что въ Монгольскомъ языкѣ буква т выражаетъ отношеніе; значеніе этой буквы, извѣстное и ученому и неученому, то же, что окончаніе словъ лы въ нашемъ языкѣ: такъ какъ мы говоримъ: атлы о томъ, у кого есть конь, тунлы о томъ, у кого есть одежда, чтобы выразить то отношеніе человѣка къ симъ вещамъ, что у него есть атъ конь, тунъ одежда.

Поколѣнія Бадай и Кышлыкъ.

У одного человѣка изъ поколѣнія Келькитъ было два сына: старшему имя было Бадай, младшему Кышлыкъ. Оба они смотрѣли за табунами одного бека Унгъ-хана Кераитскаго. Однажды Бадай, принесши молоко изъ табуна, подошелъ къ дверямъ дома, и услышалъ, что въ немъ князья

разговариваютъ между собою. „Что они говорятъ?“ подумалъ онъ и, приставивъ ухо, сталъ прислушиваться. Бекъ говорилъ женѣ своей, чтобы она вынула броню и кольчугу, для того, что Унгъ-ханъ сбирался напасть на Чингизъ-хана въ его домѣ. Дома обоихъ хановъ были близки одинъ къ другому; Унгъ-ханъ, называя Чингизъ-хана сыномъ, и Чингизъ-ханъ, Унгъ-хана называя отцомъ, прежде жили въ согласіи между собою. Бадай внесъ молоко въ домъ, отдалъ и отправился въ табунъ. Тамъ онъ своему младшему брату говорилъ: „Эти люди—Монголы, но и Чингизъ-ханъ Монголъ. Мы никакъ не допустимъ погибнуть своему государю. Кераиты-особое, чужое поколѣніе“. Братья отправились къ Чингизъ-хану и разсказали ему. Но исторія объ этомъ продолжительна; скажемъ только, что Чингизъ-ханъ этими братьями спасенъ отъ смерти, за что онъ обоихъ сдѣлалъ тарханами. Тарханъ означаетъ такого человѣка, съ котораго не берутъ дани; когда онъ приходитъ въ домъ хана, его никто не можетъ остановить; входитъ и выходитъ по своему произволу. Если онъ сдѣлаетъ преступленіе, то съ него до девяти винъ не взыскивается; послѣ девятой онъ уже подвергается взыску. Это право переходить и на его потомство до девятаго рода.

Поколѣніе Уйшунъ.

Это поколѣніе Монгольскаго племени.

Поколѣніе Сульдусъ.

Этотъ народъ также одинъ изъ Монгольскаго племени.

Поколѣніе Ильдуркинъ.

Ильдуркинъ есть отдѣльное отъ Сульдуса поколѣніе.

Поколѣніе Кенкитъ.

Оно также есть одно монгольское колѣно.

Поколѣніе Дурбанъ.

У одного изъ государей Монгольскихъ, Бичинъ-Кыяна, было пять сыновъ. Младшій изъ нихъ былъ лучше всѣхъ. Отецъ ихъ при смерти своей завѣщалъ, чтобы они младшаго сына сдѣлали правителемъ. Народъ также признавалъ способнымъ къ правленію младшаго изъ братьевъ и возвелъ его въ ханское достоинство; имя ему было Каджи-Мерканъ. Четыре старшіе его брата много разъ говорили народу: если вы котораго либо изъ насъ четырехъ изберете правителемъ, то мы этотъ выборъ признаемъ съ удовольствіемъ; но намъ не угоденъ нашъ младшій братъ. Народъ не соглашался на слова ихъ. Потому они, разсердившись на народъ, изъ своего юрта ушли въ чужой народъ, и тамъ жили. На монгольскомъ языкѣ четыре *дурбанъ*, потому въ чужомъ народѣ этимъ молодцамъ дали названіе Дурбаны. Дѣти этихъ четырехъ братьевъ, по смерти отцевъ ихъ, возвратились къ своимъ роднымъ.

Поколѣніе Баринъ и Сукутъ.

У одного человѣка изъ Дурбановъ было три сына. Старшаго звали Баринъ; весь народъ Баринъ отъ него ведетъ свой родъ. Меньшій изъ младшихъ братьевъ его былъ женатъ; но жена его не родила дѣтей и потому онъ обратилъ свой взоръ на невольницу. Невольница сдѣлалась беременною; жена каждый день била эту служанку по брюху съ тѣмъ, чтобы она выкинула, но этого не сдѣлалось. Въ полночь одной ночи невольница родила мальчика; отрѣзавъ полу у кафтана отца его, она въ него спеленала сына, отнесла его въ ку-

старникъ изъ таволги, росшей за домомъ, и тамъ его положила. По утру отецъ его пошелъ нарушить чистоту, услышалъ крикъ ребенка, подошелъ и, осмотрѣвъ, узналъ свою одежду, изъ чего увидѣлъ, что это дитя его сынъ; взялъ его и принесъ къ матери, которая и вскормила его. Мальчику дали имя Сукутъ. Монголы таволгу называютъ сукай, потому его имя значитъ „найденный въ таволгѣ“.

Поколѣнія Курлаутъ и Буркутъ.

Эти два поколѣнія также Монгольскія. Они въ сродствѣ съ Конкиратами и живутъ въ смежности съ ними. Прежнія юрты ихъ были вмѣстѣ съ Конкиратскими.

Поколѣніе Укланъ.

Они также Монгольскаго происхожденія; но не извѣстно, къ которому изъ Монгольскихъ поколѣній они близки. Ихъ также называли Джуйратъ и Хаджератъ. Ихъ родъ Монгольскій и живутъ въ Монголіи. Алангова изъ этого поколѣнія.

Поколѣніе Біяутъ.

Это поколѣніе дробится на много родовъ, но изъ нихъ лучшіе и многолюднѣйшіе два: первый родъ называютъ Джедаинъ-Біяутъ, другой Мекринъ-Біяутъ. Джедаинъ и Мекринъ есть двѣ большія текучія рѣки, на берегахъ которыхъ они жили, оттого имъ досталось это имя. Ихъ жилище смежно съ жилищемъ Ойратовъ. Поколѣніе Біяутъ выдѣляется изъ Монгольскаго племени Дерлигинъ.

Джелаиры.

Это древнее поколѣніе: оно было весьма многолюдно. Разсказываютъ, что однажды, во время войны съ государемъ Ки-

тайскимъ, всѣ Джелаиры, и сановитые и простолюдины, со всѣхъ мѣстъ, гдѣ жили, собрались въ одно мѣсто; на семьдесятъ куреней (становъ) дѣлились дома ихъ. Родовъ ихъ было много; каждый изъ этихъ родовъ, поставивъ надъ собою старѣйшину, составлялъ особый юртъ (округъ). Многіе изъ нихъ жили въ Монгольскомъ юртѣ, называющемся Ононъ. Въ одно время напало Китайское войско, истребило много Джелаировъ, тутъ жившихъ вмѣстѣ, другихъ, захвативъ въ добычу, увело въ плѣнъ. Оставшимся въ опустошенной области людямъ, голоднымъ и истомленнымъ, нечего было ѣсть; они на степяхъ выкапывали луковицы и ими питались. Чингизъ-хановъ предокъ въ седьмомъ колѣнѣ, Дутумъ-Менинъ-ханъ, въ это время не былъ уже въ живыхъ; послѣ него оставалось девять сыновъ. Мать всѣхъ этихъ сыновъ, по имени Мунулунь, за своего старшаго сына, Кайду-хана, сосватала невѣсту; потому Кайду-хана не было дома, онъ отправился къ невѣстѣ на калымное гощенье. Вблизи отъ дома Мунулуни было очень ровное поле: Дутумъ-менинъ-хановы сыновья на немъ забавлялись скачками. Въ томъ мѣстѣ много было луковицъ; потому голодные, раззоренные набѣгомъ Джелаиры такъ изрыли это поле, что по нему нельзя было ѣздить на лошади. Дѣти, увидѣвъ это, пересказали о томъ своей матери, которая въ досадѣ на это, сѣла на коня и туда поѣхала. Увидѣвъ, что нѣкоторые изъ нихъ еще копаютъ на полѣ, велѣла своимъ слугамъ напасть на нихъ, и они бросились на нихъ. Джелаиры, собравшись на томъ мѣстѣ, вступили въ жестокую битву. Нѣсколько человѣкъ изъ Джелаировъ пало; и съ другой стороны убито нѣсколько человѣкъ, въ числѣ которыхъ и сама Мунулунь. Тогда нѣкоторые изъ раззоренныхъ Джелаировъ, собравшись, разграбили домъ Мунулуни, всѣхъ людей, попавшихъ къ нимъ въ руки, вмѣстѣ съ осьмью сыновьями Дутумъ-Менинъ-хана, они убили; томимые дотолѣ смертельнымъ голодомъ, они чрезъ это нѣсколько насытились. Кайду-ханъ, получивъ объ этомъ вѣсть, возвра-

тился домой отъ своего тестя; всѣ ближніе и дальніе родственники и чиновники его собрались и послали къ Джелаирамъ человѣка сказать: „такое дѣло сдѣлано вами: какой отвѣтъ дадите вы?“ Главные изъ Джелаировъ сосчитали тѣхъ, которые это дѣло сдѣлали; вышло ихъ всѣхъ семьдесятъ человѣкъ. Всѣхъ ихъ, съ домами, съ женами и дѣтьми, пригнали, представили къ Кайду-хану и сказали: „дѣлай съ ними, что хочешь!“ Потомъ, разсуждая въ общемъ совѣтѣ съ родственниками Кайду-хана и его людьми, они сказали: „кровь ихъ не будетъ соразмѣрнымъ возмездіемъ за кровь твою, сдѣлай ихъ рабами: каждый сынъ и каждая дочь пусть будутъ рабы“. Мнѣніе было одобрено и они были обращены въ рабство. Семейства ихъ послѣ размножились. Всѣ эти подручники не говорили о себѣ: „мы Джелаиры“, но говорили: „мы потомки Монгола Кыяна“. Оттуда установился обычай освобожденнымъ рабамъ называться по роду ихъ господъ. Когда Чингизъ-ханъ былъ сильнымъ государемъ, всѣ другіе Джелаиры, подвергшись жребію, одинаковому съ жребіемъ порабощенныхъ, называли себя потомками Монгола Кыяна. Эти Джелаиры, въ одиннадцатомъ колѣнѣ, были слугами при четвертомъ сынѣ Чингизъ-хана. При дворахъ государей, его потомковъ, они, болѣе и болѣе разъединяясь, дѣлились на отряды въ десять и двадцать домовъ. Родъ Джелаировъ идетъ отъ поколѣнія Дерлигинъ, а Дерлигины были потомки Нюгуза.

Монгольскіе государи.

Когда дѣти Кыяна и Нюгуза размножились въ Эркене-конѣ, каждый родъ ихъ, составивъ народъ, принялъ себѣ свое имя. Въ потомствѣ Кыяна былъ человѣкъ, по имени Курласъ, котораго поколѣніе было многочисленнѣе всѣхъ поколѣній, называясь Курласами. Курласы у себя избрали одного человѣка въ цари; имя его не извѣстно; по-

слѣ того изъ Курласовъ всегда избирали правителя. По выходѣ Монголовъ изъ Эркене-кона государемъ ихъ былъ Бюрте-чино, изъ рода Курласовъ; по смерти его, его сынъ Коймеруль поставленъ былъ государемъ. Когда онъ скончался, государемъ сдѣлали сына его Бичинъ-Кыяна. По кончинѣ его сдѣлали государемъ сына его Тимача. По смерти сего возвели въ достоинство ханское сына его Кычи-меркана. По смерти его поставили ханомъ сына его, Кучумъ-Буруля. По смерти Кучумъ-Буруля сдѣлали ханомъ сына его Буке-Бендуна. Послѣ него возвели въ достоинство хана сына его Самъ-Саучія. По смерти его, поставили ханомъ сына его Калмачу. По смерти его ханомъ сдѣлали сына его Тимуръ-Таша. По смерти его, сдѣлали ханомъ сына его Менгли-ходжу. Послѣ него поставили ханомъ сына его Юлдуза. У Юлдуза было два сына: оба они умерли при жизни отца; отъ одного изъ его сыновъ остался сынъ Дубунъ-Баянъ, а отъ другого осталась дочь по имени Алангова. Алангову отдали за мужъ за Дубунъ-Баяна, сдѣлавъ пышную свадьбу. Послѣ того Юлдузъ-ханъ померъ: внукъ его Дубунъ-Баянъ, вступивъ на отцовскій престолъ, сдѣлался государемъ народа Монгольскаго; но, не доживъ до тридцати лѣтъ, померъ. Послѣ него остались два маленькіе сына: одинъ шести лѣтъ, другой семи; старшему имя было Бильгедай, младшему Бекужедай; въ нѣкоторыхъ книгахъ они называются Билькенутъ и Богенутъ.

Необыкновенная, чудесная исторія объ Аланговѣ.

По смерти Дубунъ-Баяна, супругѣ его Аланговѣ каждый изъ сыновъ старшихъ и младшихъ братьевъ дѣда ея, Юлдузъ-хана, владѣтелей, сильныхъ числомъ подданныхъ и нукеровъ, предлагалъ супружество съ собою, но она не соглашалась и говорила: „никогда, во всю жизнь мою, не выйду за мужъ. До совершеннолѣтія моихъ дѣтей сама буду

управлять народомъ, а послѣ того передамъ власть моимъ сыновьямъ". Послѣ этого прошло нѣсколько годовъ. Въ одну ночь она лежала въ шатрѣ своемъ; на зарѣ она проснулась; чрезъ верхнее отверстіе шатра проникаетъ что-то свѣтлое; она какъ днемъ видѣла, что въ свѣтѣ какъ бы человѣкъ, у котораго лице блѣдное, а глаза каріе, спустился къ ней въ домъ. Алангова хотѣла закричать, чтобы разбудить женщинъ, при ней спавшихъ, но голоса у ней не было, языкъ не ворочался; хотѣла встать, руки и ноги у ней отнялись, но сознаніе у ней было въ полномъ состояніи. Этотъ человѣкъ тихо, тихо подошелъ къ ней, и, послѣ совокупленія съ нею, вышелъ въ отверстіе шатра. Она этого случая никому не сказала, думая, что никто не повѣритъ этому. Чрезъ пять или шѣсть дней онъ опять пришелъ, и потомъ сряду нѣсколько дней не переставалъ приходить. Въ ночь перваго прихода Алангова сдѣлалась беременною. По прошествіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ, родственники ея собрались и спрашивали, какъ она сдѣлалась беременною. Алангова разсказала, что видѣла, и говорила: „если бы мнѣ нуженъ былъ мужъ, то развѣ я не вышла бы за мужъ? А притомъ хотя я и женщина, но весь народъ признаетъ меня государынею: ужели я сдѣлаю столь безразсудное дѣло, къ стыду себя, и моихъ подданныхъ, и моихъ сыновей? Нѣсколько ночей стерегите мой домъ; если Всевышнему Господу не угодно подвергнуть меня посрамленію, то онъ и вамъ откроетъ это. Къ тому еще скажу: когда родится сынъ, который теперь у меня во чревѣ, онъ навѣрно не будетъ походить на обыкновеннаго человѣка". Услышавъ эти слова, всѣ повѣрили, потому что народу извѣстно было поведеніе Алангови. Не смотря на это, многіе при ея домѣ днемъ и ночью держали стражу, поочередно одни спали, другіе стерегли. Чрезъ нѣсколько дней, на зарѣ, въ домъ къ ней, чрезъ верхнее отверстіе что-то свѣтлое какъ солнце спустилось: люди, увидѣвшіе это, разбудили спавшихъ предъ ними. Всѣ карауливше видѣли, что въ домъ Аланговы чрезъ верхнее от

верстіе то видѣніе вошло и чрезъ нѣсколько времени опять вышло. Не многіе изъ людей видѣли пришествіе, но всѣ видѣли отшествіе чего-то свѣтлаго, но не могли усмотрѣть въ немъ образа человѣческаго. Послѣ этого открылась всѣмъ справедливость словъ Аланговы.

Дѣти Аланговы. Алангова родила троихъ сыновей: старшему имя Бугунъ-кытыгинъ; весь народъ Кытыгинъ отъ его рода. Второму сыну имя Бускинъ-Джалчи: его потомки Джалчуты. Третій сынъ Буданчиръ-Мунакъ, котораго возвели на ханство. Родъ Чингизъ-хана и многія поколѣнія Монгольскія отъ него происходятъ. Всѣ поколѣнія, происшедшія отъ этихъ трехъ сыновъ, называютъ Нирунъ. Это имя значитъ „чистое сѣмя“, потому что онъ, по понятіямъ Монголовъ, произошелъ отъ свѣта. У Буданчира было два сына: старшій назывался Бука, младшій Тука; осталось-ли послѣ Туки потомство, неизвѣстно. По смерти Буданчира, Буку возвели на ханство. У него былъ сынъ, по имени Дутумъ-менинъ. По смерти отца, Дутумъ-менинъ-хана поставили ханомъ. У Дутумъ-менина было девять сыновъ; осьмерыхъ изъ нихъ убили Джелаиры, о чемъ мы говорили выше въ разсказѣ о Джелаирахъ. Старшій сынъ его, по имени Кайду, спасся во время истребленія, и, по смерти Дутумъ-менинъ-хана, его поставили ханомъ.

У Кайду было три сына: старшій Байсангуръ, второй Джерка-ленкумъ, отъ котораго происходятъ Тайджуты. Джерка-ленкумову старшему сыну имя Муркаду Кюджуне; у него сынъ Меникай-каанъ; у этого сынъ Каданъ-Тайши. Кадану прозваніе—тайши – китайское слово; того, кто знаетъ на память священную книгу и поетъ ея пѣсни хорошимъ, пріятнымъ голосомъ, называютъ тайши: потому оно означаетъ знатока и пѣвца священныхъ пѣсенъ. Его сынъ Аралъ; его сынъ Баргутай, по прозванію Кырылтукъ, что значитъ: завистливый, жадный. Узьбеки о человѣкѣ, у котораго, когда онъ ѣстъ, пища останавливается въ горлѣ, говорятъ: кырыл-

ди, что значитъ: онъ жадно ѣлъ, такъ что давился; потому слово кырылтукъ значитъ: „подавливающійся отъ жадности". Этотъ самый Баргутай Кырылтукъ, начальствуя надъ Тайджутами, много препирался съ Чингизъ-ханомъ. Третьему сыну Кайдуеву имя Джарчинъ; поколѣнія Джайчутъ и Иртегинъ его потомки. По смерти Кайду-хана, сынъ его Джерке ленкумъ взялъ за себя свою мачиху и отъ нея было у него два сына; старшій названъ Кянду-чино, младшій Улькюджинъ-чино; *чино* значитъ волкъ и волчица. Когда у послѣдняго много стало дѣтей, ихъ назвали Ченесъ, что есть множественное число слова чино и значитъ: волки или стая волковъ. Въ послѣдующее время этотъ родъ также называли Нюгузъ: это другой Нюгузъ, а не тотъ, о которомъ прежде говорено было; имя прежняго Нюгуза въ народѣ потерялось.

Старшаго сына (Кайду-хапова) Байсангура поставили ханомъ: онъ былъ государь умный, правосудный, добрый; покорилъ себѣ много земель. Облаготворивъ друзей своихъ и истомивъ враговъ своихъ, онъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ царствованія, передалъ свое мѣсто сыну своему Туменѣ и отправился въ долгій путь.

О Туменѣ-ханѣ. Тумене-ханъ былъ прекрасный, великій государь; въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ господствовалъ надъ всѣми родами Нирунъ. При немъ народъ его былъ счастливъ и спокоенъ. У него было девять сыновъ: отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ произошло по одному роду, отъ другихъ по два, по три, по четыре; въ числѣ девяти его сыновъ были два сына близнеца, Кубуль и Каджулы.

Старшему Тумене-ханову сыну было имя Джафсу, у котораго было три сына: старшій Туякинъ, второй Урутъ, третій Манкытъ; дѣти сихъ троихъ Монголовъ были родоначальниками трехъ поколѣній.

Отъ втораго изъ нихъ, по имени Яримъ-ширъ-Буканчу, происшедшее племя сдѣлалось большимъ народомъ.

Третьяго сына имя были Каджули; а у него былъ сынъ

Иримчи Барласъ: всѣ Барласы его потомки; Аксакъ Тимуръ произошелъ изъ этого рода. Имя барласъ значитъ воевода, военачальникъ (серь-аскеръ), т. е. человѣкъ, предводительствующій войскомъ.

Четвертый сынъ его Самкячунъ; его потомство есть поколѣніе Идуркинъ.

Пятый сынъ Ятъ-кильки; все поколѣніе Будатъ есть потомство его.

Шестой сынъ Кубуль-ханъ; отъ сыновъ Кубуль-хана произошли Чингизъ-ханъ и много другихъ родовъ. Если Богъ поможетъ, о всѣхъ ихъ скажемъ въ приличномъ мѣстѣ.

Седьмой сынъ Удуръ-Баянъ: поколѣніе Кіюмъ отъ его рода.

Осьмой сынъ Булджаръ-Дугланъ: Монголы назвали его дугланъ, т. е. хромымъ, потому что онъ хромалъ на одну ногу; все поколѣніе Дугланъ его потомки.

Девятый сынъ Джантай: все поколѣніе Ясутъ есть его потомство. Онъ былъ младшій изъ своихъ братьевъ; младшаго изъ братьевъ Монголы называютъ утчикинъ; утчикинъ значитъ владѣтель огня или очага; ибо Монголы, когда женятъ сыновей, то каждаго въ свое время отводятъ въ особый, для него приготовленный домъ, такъ что дома остается при своемъ очагѣ младшій изъ братьевъ и дѣлается хозяиномъ отцовскаго очага; по этому обычаю у Монголовъ всѣ старшіе братья питаютъ особенное уваженіе, оказываютъ большую честь младшему брату. Дѣти, родившіяся отъ Джантай-утчикина, всѣ были храбры, воинственны. Чингизъ-ханъ во время похода на Мавераннегръ, далъ тридцать тысячъ войска Чепе Нойяну и послалъ его противъ Султана Мохаммеда, Ховарезмскаго шаха. Чепе-Нойянъ захватилъ семейство и казну Султана Мохаммеда, завоевалъ Иранъ, Адзербайджанъ, Грузію; перешелъ чрезъ Желѣзныя Ворота, поразилъ Дагестанцевъ, Черкесовъ, Кипчаковъ, и, переправясь чрезъ рѣки Волгу и Яикъ, чрезъ четыре года, когда Чингизъ-ханъ возвращался въ Мон-

голію, явился къ нему на Ала-тагѣ. Этотъ Чепе-Нойянъ былъ изъ рода Ясутъ.

По смерти Тумене-хана, сдѣлали ханомъ сына его Кубуль-хана. У этого было шесть сыновъ: старшему изъ нихъ имя Укинъ-Баргакъ, второму—Бюртанъ-Багадуръ, третьему—Кутукту-менгу, четвертому—Каданъ. Всѣ эти сыновья называются) Кыятъ; значеніе этого слова выше мы изъяснили, и здѣсь еще скажемъ, что Монголы словомъ кыятъ называютъ ручей, текущій изъ горы; кыятъ есть множественное число слова Кыянъ. Коренное значеніе слова Кыятъ есть сильный, стремительный; изъ горы текущій потокъ бываетъ быстръ, силенъ; по сходству съ нимъ, имъ и дали это проименованіе. Въ Эркене-конѣ дѣтей Кыяновыхъ назвали Кыятъ; по прошествіи многихъ лѣтъ, каждый родъ этого племени принялъ свое имя, такъ напримѣръ одинъ назвался Конкиратъ; другой говорилъ: я Курласъ; иной говорилъ: я Дурбанъ; а имени Кыятъ въ народѣ не осталось: оно совсѣмъ забылось, исчезло, за три или четыре тысячи до насъ. Всѣ шесть сыновъ Кубуль-хана были храбры, мужественны, смѣлы, за что ихъ и назвали Кыятъ. Кыяты ихъ потомки.

Кабуль-ханъ умеръ и его сына Бюртана возвели на ханство. У этого было четыре сына: старшій Мунгудай, второй Букенъ-Тайши, третій Есукай Багадуръ, четвертый Дарбутай; ихъ дѣтей называютъ также Кыятъ.

По смерти Бюртанъ-хана, ханомъ избрали сына его Есукай-Багадура. У Есукай-Багадура было пять сыновъ: старшій Чингизъ-ханъ, которому отцемъ дано было имя Темуджинъ; когда возвели его въ ханы, назвали его Чингизъ. Второй сынъ Джучи-касаръ; *джучи* значитъ гость; *касаръ* значитъ то же, что Арабы называютъ *сябъ*, Таджики *дадъ*; этими словами называютъ тѣ изъ четвероногихъ животныхъ, которыя питаются однимъ мясомъ, каковы волкъ, тигръ, леопардъ. Третій сынъ Каджунъ, четвертый Тимуке, пятый Бильгутай-Утчикинъ. Пять сыновъ Есукая и весь родъ его боль-

шею частію были блѣднолицые, и каре-глазые; Монголы людей съ карими глазами называютъ *бурджигинъ*, и потому родъ Есукай-Багадуръ-хана назвали Бурджигинъ-Кыятъ. Алангова говорила, что у того, кто къ ней приходилъ и съ нею совокуплялся, цвѣтъ лица былъ блѣдный, а глаза были каріе; слова эти подтверждались родовыми чертами въ предкахъ чрезъ девять колѣнъ. Также надобно здѣсь замѣтить, что глаза, въ которыхъ зрачки черны, а части глаза между зрачками и бѣлками желтоваты, Арабы называютъ *шугля*, а Монголы *бурджигинъ*: отселѣ произошло прозваніе Бурджигинъ-Кыятъ.

Глава третія.

Рожденіе Чингизъ-хана.

Чингизъ-ханъ родился въ пятьсотъ пятьдесятъ девятомъ году гиджры, въ годъ свиньи (1164, 5 г. Р. Х.), въ области Булунъ-Юлдукъ. При рожденіи одна рука у него была сжата въ кулакъ; повивальная бабка, разогнувъ у него руку, увидѣла, что въ ней былъ кусокъ запекшейся крови. Объ этомъ сказали отцу его; изъ бывшихъ при немъ людей никто не понималъ, почему это такъ. Одинъ человѣкъ сказалъ: „этотъ младенецъ будетъ знаменитымъ государемъ, овладѣетъ всѣмъ свѣтомъ, истребитъ много народовъ и государствъ, и кровь эта предзнаменуетъ таковыя дѣла его.“ Слова того человѣка сбылись. Отецъ нарекъ ему имя Темуджинъ; когда онъ возведенъ на ханство, ему дали титло Чингизъ-хана.

О предкахъ Чингизъ-хана мы выше говорили; теперь считаемъ умѣстнымъ опять перечислить всѣхъ ихъ. Отецъ Чингизъ-хановъ Есукай-Багадуръ; Монголы отца называютъ *ичеге*. Отецъ Есукай-Багадура былъ Бюртанъ-ханъ; втораго отца (дѣда) называютъ *абугенъ*. Его отецъ Кубуль-ханъ; третьяго от-

ца (прадѣда) называютъ *илинджекъ*. Его отецъ Тумене-ханъ; четвертаго отца (прапрадѣда) называютъ *будатуръ*. Его отецъ Байсангуръ-ханъ; въ пятомъ колѣнѣ предка называютъ *будакуръ*. Его отецъ Кайду-ханъ; предка въ шестомъ колѣнѣ называютъ *бурти*. Его отецъ Дутумъ-Менинъ ханъ; седьмаго изъ предковъ называютъ *дутакунъ*. Монголы каждому изъ предковъ семи колѣнъ даютъ свое имя: выше седьмаго колѣна предкамъ нѣтъ особыхъ именъ; также у Тюрковъ, Таджиковъ и у другихъ народовъ есть обычай опредѣлять свое состояніе указаніемъ на состояніе предковъ семи родовъ; такъ въ Тюркскомъ народѣ говорятъ: „мои предки съ седьмаго колѣна были кузнецами, и я—кузнецъ“; или: „семеро изъ моихъ предковъ жили въ этомъ юртѣ“; или говорятъ: „я и мои семь предковъ въ глаза не видѣли нищеты“. У Таджиковъ также есть эти присловія. Но возвратимся къ нашему разсказу. У Дутумъ-Менинъ-хана отецъ былъ Бука-ханъ; у него отецъ Буданджаръ-ханъ, родившійся отъ Алангоы, которая была внука Юлдузъ-хана. Отецъ Буданджара умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; сынъ, оставшись сиротою, воспитался у дѣда своего Юлдузъ-хана: потому имя отца его въ народѣ неизвѣстно. Отецъ Юлдузъ-хана Менгли-ходжа-ханъ; его отецъ Тимуръ-ташъ-ханъ; его отецъ Калмаджу-ханъ; его отецъ Сямъ-саучи; его отецъ Буке-Бендунъ-ханъ, его отецъ Кучумъ-Буруль; его отецъ Кычи-Мерканъ; его отецъ Тимачь, его отецъ Бичинъ-Кыянъ; его отецъ Кой-Мурулъ; его отецъ Бурте-чино. Отъ Бурте-чино до Кыяна прошло четыреста пятьдесятъ лѣтъ; мы много старались узнать имена лицъ, бывшихъ между сими двумя государями, но намъ не удалось ихъ узнать: ни въ одной лѣтописи мы не нашли ихъ. Монголы, по причинѣ разстроеннаго своего состоянія въ Эркене-конѣ, не вели записокъ. Кыяновъ отецъ былъ Иль-ханъ; его отецъ Тингизъ-ханъ; его отецъ Менгли-ханъ; его отецъ Юлдузъ-ханъ; его отецъ Ай-ханъ; его отецъ Угузъ-ханъ; его отецъ Кара-ханъ; его отецъ Монголъ-ханъ; его отецъ Аланча-ханъ; его отецъ

Кіюкъ-ханъ; его отецъ Дибъ-бакуй-ханъ; его отецъ Ильча-ханъ; его отецъ Тутукъ-ханъ; его отецъ Тюркъ; его отецъ Іафетъ; его отецъ пророкъ Ной—миръ ему!—; его отецъ Ламехъ; его отецъ Маѳусалъ; его отецъ пророкъ Идрисъ; его отецъ Іаредъ; его отецъ Малелеилъ; его отецъ Каинанъ; его отецъ Эносъ; его отецъ Сиѳъ пророкъ; его отецъ Адамъ—свѣтильникъ Божій.

Когда умеръ Есукай-Багадуръ, старшему сыну его, Чингизъ-хану, было тринадцать лѣтъ; младшіе братья его были малолѣтни. Весь родъ Будапджаръ-хана былъ въ зависимости отъ Исукай-Багадура; эта подчиненность, по обычаю Монгольскому, состоитъ въ томъ, что государь каждый годъ съ подвластнаго ему народа беретъ десятину изъ четырехъ породъ скота: коней, верблюдовъ, коровъ и овецъ. Если у государя есть пять, десять сыновъ, то, по смерти отца, одного изъ нихъ возводятъ въ ханское достоинство, а прочіе сыновья остаются на одной степени съ народомъ; съ имѣнія ихъ каждый годъ берутъ по одной лошади или по одному верблюду; но если дѣти остаются послѣ нихъ, то съ нихъ берется такъ же, какъ и съ другихъ людей. Плативших дань Есукай-Багадуру было отъ тридцати до сорока тысячъ семействъ. Всѣ они, связанныя родствомъ между собою, не боялись Чингизъ-хана по молодости его. Богатство есть кумиръ сыновъ Адамовыхъ: отдавать—тягостно имъ, брать—пріятно; чтобъ не отдавать имѣнія, они отложились отъ Чингизъ-хана и, откочевавъ отъ него, ушли и стали жить въ отдаленномъ отъ него мѣстѣ. Въ числѣ поколѣній, подвластныхъ Есукай-Багадуру, было поколѣніе Тайджутское. Тайджуты, сдѣлавшись главою другихъ поколѣній, менѣе многочисленныхъ и богатыхъ, вмѣстѣ съ ними, откочевавъ, отдѣлились. Въ то время начальникомъ Тайджутовъ былъ Баргутай-Кырылтукъ, у котораго отецъ былъ Аралъ, у него отецъ Каданъ-Тайши; у него отецъ Мемикай; его отецъ Муркаду-Кюньдже, его отецъ Джерка-ленкумъ; его отецъ Кайду-ханъ. Такимъ обра-

зомъ весь народъ, покорный Есукай-Багадуру, раздѣлился при Чингизъ-ханѣ; три части его соединились съ Тайджутами; одна четвертая часть осталась съ Чингизъ-ханомъ. При немъ остались: половина Манкытовъ, покоренныхъ дѣдомъ Чингизъ-хановымъ, Бюрданъ-ханомъ; а изъ другихъ поколѣній осталось при немъ по двѣсти семействъ, по сту семействъ, по пятидесяти, по десяти, по пяти семействъ. Манкыты были не многочисленны; начальникомъ оставшихся при ханѣ Манкытовъ въ это время былъ Куюлдаръ. Начальникъ Кытыгиновъ, Ходжутовъ, Джуйратовъ, Кыятовъ, со всѣми ими присоединился къ Тайджутамъ. Съ Тайджутами соединились также Меркиты, которые были непріятели Есукай-Багадуру, и постоянно дрались, дѣлали набѣги, угоняли скотъ.

Дѣло Чингизъ-хана съ тринадцатаго до четыредесятаго года его жизни.

Имя Чингизъ-хановой матери было Улунь, къ которому придавали два прозванія, называя ее Улунь-иге или Улунь-кучинь: Иге монгольское слово, значитъ великая; кучинь китайское слово, значитъ то же, что у Монголовъ хатунъ, „госпожа, почтенная женщина“; Таджики то же выражаютъ словомъ бану, Узь-беки словомъ бай-бича, что значитъ „госпожа дома и всего имѣнія“. Она была изъ поколѣнія Олконотъ, была женщина умная, разсудительная, рѣшительная. Въ поколѣніи Кунукмаръ былъ человѣкъ, уважаемый всѣми Монголами за его лѣта и достоинства, по имени Менгликъ, по прозванію Ичеге. Монголы словомъ ичеге называютъ отца; народъ, чтобы выказать свое уваженіе къ нему, называлъ его ичеге, такъ, какъ Тюрки почтенныхъ людей называютъ *ата* „отцомъ“ и говорятъ: хакимъ-ата „начальникъ-отецъ“, сеидъ-ата „господинъ-отецъ“. Чингизъ-ханова мать вышла за Менгликъ-ичеге, потому все поколѣніе Кунукмаръ пристало къ сторонѣ Чингизъ-хана.

Составляя эту исторію, я предполагалъ подробно изложить генеалогію знаменитыхъ государей и правителей, бывшихъ у Монголовъ и Узь-бековъ, передать всѣ дѣла, ими сдѣланныя, и слова, ими сказанныя; но въ продолженіе этого времени я заболѣлъ, и моя болѣзнь сдѣлалась продолжительною, почему я подумалъ: если умру, то она (исторія) останется не дописанною; знающаго человѣка, каковъ я, нѣтъ; особливо событій нашего дома, отъ Ядикаръ-хана до меня убогаго, никто изъ другихъ юртовъ не знаетъ, да и въ нашемъ народѣ такого человѣка нѣтъ ни одного. Такъ если я мои свѣдѣнія унесу съ собою въ могилу, то что пользы? Потому я посадилъ четырехъ писцовъ и диктовалъ имъ событія отъ Адама до Джучи-хана, иногда заглядывая въ древнія историческія сочиненія, иногда не заглядывая, потому что всѣ событія тѣ я помнилъ. Въ исторіи отъ Шибанъ-хана до меня, я нисколько не смотрѣлъ въ книги, а сказывалъ, что у меня было въ памяти; но какъ умъ у меня утомлялся и я пересказывалъ иногда сидя, иногда лежа, то разсказъ мой кратокъ. Изложеніе его хотя и сокращенно, смыслъ его не коротокъ.

Многіе изъ поколѣнія Нирунъ, подъ вліяніемъ Тайджутовъ, возмутившись противъ тринадцатилѣтняго Чингизъ-хана, часто вступали съ нимъ въ битвы и дѣлали на него набѣги; но ни та, ни другая сторона не могла одержать верхъ. Когда же Чингизъ-хану исполнилось сорокъ лѣтъ отъ рожденія, при наступленіи года барса, къ нему явился человѣкъ, бѣжавшій изъ племенъ враждебныхъ, и сказалъ, что все поколѣніе Нирунъ, подъ начальствомъ Тайджутовъ, выступило въ походъ противъ него; что поколѣнія Біяуты, Меркиты и Татары также вмѣстѣ съ Тайджутами въ этомъ походѣ. Чингизъ-ханъ въ это время былъ уже не очень слабъ; онъ уже испыталъ и добро и зло, притерпѣлся и къ зною и холоду, вкусилъ и горькое и сладкое. Онъ собралъ въ одно мѣсто зависѣвшія отъ него поколѣнія, вмѣстѣ съ ихъ домами и

имуществомъ. Его владѣніе состояло изъ тринадцати родовъ; онъ составилъ изъ нихъ тринадцать становъ, расположивъ ихъ въ видѣ круга, такъ что одинъ станъ примыкалъ къ другому. Оцѣпивъ ихъ крѣпкимъ валомъ, въ средину его поставилъ лучшее имущество, а худшее помѣстилъ внѣ вала. Непріятель подошелъ; Чингизъ-ханъ, поставивъ въ боевой порядокъ свою конницу, примкнулъ ея тылъ къ стану; вступили въ битву. У Чингизъ-хана было десять тысячъ, у непріятеля тридцать тысячъ человѣкъ; бой былъ жестокій и продожительный, наконецъ Всевышній Господь высоко вознесъ руку Чингизъ-хана: имъ убито было въ этотъ день до шести тысячъ человѣкъ. Сановники Тайджутовъ живые были схвачены и перевязаны: Чингизъ-ханъ велѣлъ повѣсить семьдесятъ котловъ, наполнить ихъ водою; когда вода вскипятилась, то въ каждый котелъ опускали по одному человѣку, связавъ ему руки и ноги; погружая его головою въ воду, держали его за ноги дотолѣ, пока онъ сварится. Послѣ того онъ поѣхалъ въ область Тайджутовъ, разграбилъ ее; дѣтей лучшихъ семействъ сдѣлалъ рабами, а худшихъ пригналъ въ свою область и разселилъ ихъ между своимъ народомъ. Его владѣніе чрезъ это присоединеніе сдѣлалось сильнѣе. Это дѣло распространило славу о немъ между Монголами.

Побѣда Чингизъ-хана въ войнѣ съ Унгъ-ханомъ Кераитскимъ.

Въ Джуйратскомъ народѣ былъ нѣкто Чамука-чеченъ. Прозваніе чеченъ значитъ умный; что Арабы выражаютъ а́кылъ, Таджики ба-хиредъ, Монголы и Узбеки говорятъ чеченъ: и въ наше время этимъ словомъ называютъ краснорѣчиваго человѣка, а это то же значитъ, что умный, потому что если кто не будетъ умнымъ, то какъ скажетъ хорошее слово? Чамука отправился къ старшему сыну Унгъ-хана, Сянкуну, и сказалъ ему: „вы, отецъ и сынъ, Чингизъ-хана

считаете себѣ другомъ, а онъ тайно чрезъ посла своего ведетъ переговоры съ Найманскими ханами, Таянгъ-ханомъ и Буюрукъ-ханомъ, о томъ, чтобы имъ троимъ быть за одно, изгнать Унгъ-хана и Сянкуна изъ ихъ орды. Лучше меня никто не знаетъ тайнъ Чингизъ-хановыхъ, во-первыхъ потому, что я его родственникъ, въ одномъ съ нимъ мѣстѣ я родился и выросъ; во-вторыхъ всѣмъ вамъ я извѣстенъ". Причина этихъ переговоровъ его съ Найманами была та, что владѣнія Кераитскія были рядомъ съ Найманскими, между ними не было другаго народа; а потому они издавна другъ другу были врагами, то дрались, то мирились. Оба, и отецъ и сынъ, повѣрили словамъ Чамуки-чечена, но говорили: „сынъ Есукай-Багадура, Чингизъ-ханъ, сдѣлалъ для насъ много добра; его благодѣянія неисчислимы. Какъ же намъ дѣлать зло ему, когда онъ никогда намъ не дѣлалъ зла? Чамука человѣкъ болтливый, коварный. Не хорошо, вѣря словамъ его, сдѣлаться врагомъ другу".

Слова Унгъ-хана, что благодѣянія, оказанныя ему Есукай-Багадуромъ, велики, указываютъ на слѣдующіе случаи: у Кераитскаго, Мергуза, было два сына, старшій Курчакуръ, младшій Кюръ-Мергузъ. По смерти хана братья раздѣлили пополамъ владѣніе, и каждый управлялъ своею частію. У Курчакура было пять сыновъ: старшій Унгъ-ханъ, второй Ирке-кара, третій Байтимуръ, четвертый Камишай, пятый Джакембу. Всѣ они были умны, храбры; Курчакуръ, женивъ своихъ сыновей, умеръ. Они послѣ отца, не раздѣливши между собой надлежащимъ образомъ народа и имѣнія, не могли ужиться: мало было подданныхъ, а много было правителей. Унгъ-ханъ и младшій изъ братьевъ Джакембу составили партію, противъ партіи, составленной Ирке-карою, съ младшими двумя братьями. Когда произошла между ними битва, Унгъ-ханъ побѣдилъ, а Ирке-кара, убѣжавъ, ушелъ къ Найманамъ. Получивъ отъ Наймановъ помощь, онъ выгналъ Унгъ хана и сдѣлался властителемъ юрта. Унгъ-ханъ,

убѣжавъ, искалъ покровительства у Есукай-Багадура. Есукай-Багадуръ выступилъ въ походъ съ конницею и выгналъ Ирке-кару, возвелъ Унгъ-хана на престолъ отцовъ и возвратился въ свой юртъ. Ирке-кара ушелъ къ дядѣ своему Гюръ-хану, который чрезъ посла говорилъ племяннику Унгъ-хану: „Послѣ отца осталось васъ пять братьевъ, и доселѣ между вами нѣтъ мира. Разберите, что между вами хорошо и что худо, раздѣлите поровну владѣнія и живите спокойно“. Унгъ-ханъ не соглашался на слова дяди. Гюръ-ханъ разгнѣвался на то, что Унгъ-ханъ не дѣлаетъ по его совѣту и пошелъ противъ него войною. Все простолюдье изъ подвластныхъ Унгъ-хану отказалось итти въ битву; Унгъ-ханъ, имѣя мало людей, не отважился сразиться и ушелъ къ Есукай-Багадуру. Есукай-Багадуръ въ другой разъ выступилъ съ конницею, въ битвѣ убилъ Ирке-кару, Унгъ-хана поставилъ ханомъ и возвратился домой. Такъ Унгъ-ханъ сдѣлался великимъ ханомъ, и могущество его, возрастая со дня на день, уже не умалялось.

Теперь, забывъ эти благодѣянія, Унгъ-ханъ отправилъ къ Чингизъ-хану Букдай-Кенджата съ приглашеніемъ его къ себѣ, какъ бы для того, что онъ хочетъ отдать за него свою дочь, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы убить его, когда онъ пріѣдетъ къ нему. Этотъ человѣкъ, Букдай, былъ при Унгъ-ханѣ букауломъ: Монголы букаула называютъ кенджатъ. Въ то время жилища ихъ были въ близкомъ разстояніи одно отъ другаго; Чингизъ-ханъ, не зная внушеній Чамуки и коварства Сянкуна, отправился въ домъ Унгъ-хана, взявъ съ собою двухъ человѣкъ. На дорогѣ встрѣтился съ нимъ Менгликъ-ичеге и все пересказалъ ему объ умыслѣ Унгъ-хана. Чингизъ-ханъ сказалъ Букдай-кенджату: „въ нынѣшніе дни скотъ у меня тощъ, исхудалъ; если Богъ благоволитъ, я чрезъ нѣсколько дней пришлю извѣстіе“. Ласково угостивъ Букдай-кенджата, онъ отпустилъ его. Спустя дней шесть послѣ этого происшествія, къ Чингизъ-хану пришли два моло-

дыхъ человѣка, — старшій изъ нихъ назывался Бадай, младшій Кышлыкъ, — съ тѣмъ, чтобы передать ему нѣкоторыя вѣсти. На разспросъ Чингизъ-хана Бадай отвѣчалъ: „я былъ конскимъ пастухомъ у Буке-Джирана Кераитскаго. Вчера изъ табуна я принесъ молоко въ домъ его, и когда остановился внѣ его, слышалъ слова младшаго брата Буке-Джиранова, Алакаги; онъ говорилъ: „Букдай-Кенджатъ ѣздилъ къ Чингизъ-хану, возвратился оттуда и на совѣтѣ говорилъ, что Чингизъ-ханъ узналъ о нашемъ умыслѣ. Такъ наше дѣло не можетъ придти въ исполненіе хитростью и обманомъ. Завтра ночью мы пустимся въ походъ и до восхожденія зари нападемъ на Чингизъ-хана въ его домѣ“. Услышавъ эти слова, я отдалъ молоко и поспѣшилъ явиться сюда, чтобы передать тебѣ слова ихъ“. Чингизъ-ханъ, получивъ такую вѣсть, передалъ ее народу, который былъ на его сторонѣ; велѣлъ своему дому перекочевать въ другое мѣсто, и, провожая его, сказалъ: „я найду васъ на рѣчкѣ Балчунѣ“. Самъ онъ остался на мѣстѣ съ людьми, вооруженными луками и стрѣлами; ихъ было двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ; ночью они сидѣли въ юртѣ, держа за узды своихъ коней; по утру, когда солнце поднялось на два копейныя древка, явился непріятель, въ числѣ двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Обѣ стороны стали въ боевой порядокъ. При Чингизъ-ханѣ былъ умный совѣтникъ, Манкытъ родомъ, Куюлдаръ-чеченъ; когда ханъ потребовалъ отъ него совѣта, онъ сказалъ: „я съ своимъ отрядомъ зайду въ тылъ непріятелю и тамъ водружу свое знамя; а вы будьте противъ фронта его“. Куюлдаръ это выполнилъ. Чингизъ-ханъ, начавъ битву, отбивалъ нападенія. Кераиты сдѣлали на него три быстрыя атаки, но въ каждую были отражены, четвертую атаку сдѣлалъ старшій сынъ Унгъ-хана, Сянкунъ; но когда онъ усиливался разбить фронтъ, его ранили въ лице копьемъ; тутъ много Кераитовъ было убито, и нѣсколько было ранено; они отступили. Тогда Чингизъ-ханъ сказалъ: „если мы дольше будемъ здѣсь стоять, то намъ не миновать бѣды,

потому что къ нимъ много людей придутъ на помощь. Теперь, пока непріятель насъ не видитъ, уйдемъ туда, куда откочевалъ нашъ юртъ". Онъ отступилъ, а непріятель остался на томъ мѣстѣ, и не могъ замѣтить его отступленія, обращенный своимъ фронтомъ къ противоположной сторонѣ.

Чингизъ-ханъ догналъ свой станъ на рѣкѣ Балчунѣ. Но такъ какъ воды въ руслѣ этой рѣки было мало, она не имѣла своей надлежащей полноты, то они, видя невыгоду остановиться при ней, перекочевали на берега рѣки Колы и подвигались далѣе вдоль берега ея. Встрѣтясь съ тамошними жителями, спросили ихъ, что они за люди; имъ отвѣчали: „мы Конкираты". Въ то время главнымъ начальникомъ Конкиратовъ былъ Тюркъ-или. Ханъ чрезъ посла говоритъ ему: „между нами никогда не было вражды; потому мы, потерпѣвъ насиліе тамъ, на прежнемъ мѣстѣ, пришли сюда. Если ты будешь нашимъ другомъ, то будь союзникомъ нашей державѣ; а если хочешь быть врагомъ, вотъ я здѣсь". Когда посланный пересказалъ имъ слова эти, тогда всѣ Конкираты явились предъ лице хана и отдались ему въ вѣрноподданство. Послѣ того Чингизъ-ханъ перешелъ съ рѣки Колы на рѣку Конканаваръ и здѣсь остановился на отдыхъ. Отселѣ онъ отправилъ къ Унгъ-хану посломъ Аркайчуна-багадура, изъ поколѣнія Ильтуркинъ, чрезъ котораго говорилъ: „два раза лишившись своего владѣнія, ты приходилъ къ двери отца моего, и въ оба раза отецъ мой, возвращая тебѣ твою область, возводилъ тебя на престолъ родительскій. И я такъ же въ пяти или шести случаяхъ дѣлалъ добро тебѣ". Перечисливъ всѣ ихъ (если бы мы стали всѣ ихъ вносить въ книгу, то нашъ разсказъ былъ бы длиненъ), потомъ онъ продолжалъ: „я не присвоивалъ ни твоихъ подданныхъ, ни твоего имѣнія, и не сдѣлалъ никакой вины предъ тобою: зачѣмъ же ты мучишь и себя, мучишь и меня? У телѣги если обѣ оглобли цѣлы, то она прямо катится: у телѣги, на которой уложено твое счастіе, одна оглобля — сынъ твой, Сян-

кунъ; а другою оглоблею былъ я. Зачѣмъ ты разстраиваешь свое счастіе?“ Когда Аркай-чунъ сказалъ эти слова, Унгъ-ханъ отвѣчалъ: „Чингизъ-ханъ что ни говоритъ, всегда говоритъ правду. На его слова я никакого не даю отвѣта. Настоящія дѣла затѣялъ Сянкунъ, поди къ нему, пусть онъ отвѣчаетъ“. Аркайчунъ явился къ Сянкуну, и этотъ сказалъ ему: „станемъ сражаться, кому изъ насъ Богъ дастъ побѣду, тотъ и царствуй. Вотъ мой отвѣтъ!“ Чингизъ-ханъ нѣсколько разъ еще посылалъ посла съ прошеніемъ мира, Унгъ-ханъ не мирился. Когда вся надежда на примиреніе исчезла, онъ выступилъ съ войскомъ. Унгъ-ханъ, услышавъ объ этомъ, вышелъ на встрѣчу ему; они сразились, Чингизъ-ханъ остался побѣдителемъ. Унгъ-ханъ и сынъ его Сянкунъ, каждый съ человѣками шестью, спаслись бѣгствомъ. Область Кераитская была вторая по достоинству, многосельная и раздѣлялась на четыре удѣла: Чингизъ-ханъ сдѣлался обладателемъ всѣхъ ихъ.

Унгъ-ханъ между тѣмъ пробирался къ хану Найманскому. На пути во владѣнія Найамановъ, онъ встрѣтился съ двумя изъ главныхъ вельможъ Таянгъ-хановыхъ, Хуріемъ и Сумаджутъ-Таникою; между Кераитами и Найманами издавна была вражда: вельможи, предполагая, что если они Унгъ-хана живаго приведутъ къ Таянгъ-хану, онъ не умертвитъ его, но сохранитъ его жизнь, убили его на томъ мѣстѣ, принесли къ Таянгъ-хану голову Унгъ-хана и все имѣніе, при немъ бывшее. Таянгъ-ханъ винилъ князей за этотъ поступокъ и сказалъ: „такого великаго государя и еще старца зачѣмъ вы убили? Вамъ должно было бы его живаго привести ко мнѣ“. Онъ велѣлъ обдѣлать серебромъ голову Унгъ-хана и поставилъ ее на тронъ, обративъ лицомъ къ двери. Однажды Унгъ-хановъ сухой черепъ, высунувъ изо рта языкъ, ворочалъ имъ и три раза въ тотъ день такъ дѣлалось; Найманскіе старики почли это дурнымъ предзнаменованіемъ. Сянкунъ же воротился въ свой юртъ, жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ; народъ задумалъ схватить и убить его. Узнавъ объ этомъ умыслѣ, онъ

скрылся и ушелъ въ землю Хотанскую. Хотанскій правитель Кылычь-кара, изъ поколѣнія Калъ-ачьскаго, схватилъ его и убилъ, а его женъ и дѣтей вмѣстѣ съ головою Сянкуна отослалъ къ Чингизъ-хану.

Возведеніе Чингизъ-хана въ ханское достоинство.

Чингизъ-ханъ достигъ высшей степени могущества: только сильнѣйшія изъ сосѣднихъ поколѣній не признавали надъ собою его власти; слабѣйшія и малолюдныя одно за другимъ покорились ему. Въ пятьсотъ девяносто девятомъ году гиджры (1202, 3 Р. Х.), въ годъ свиньи, на четыредесятомъ году жизни, его возвели на ханство. Въ мѣстечкѣ Наманъ-кере ханъ сдѣлалъ пиръ и далъ обѣдъ: въ это время туда пришелъ Кюкче, сынъ Менглика-ичеге, изъ поколѣнія Кунукмарскаго; въ народѣ Кюкче звали Тенгриннигъ бети „лице Бога“. Онъ говорилъ: „мнѣ сказано было отъ Бога: поди къ Темучину, къ его подданнымъ и ко всѣмъ людямъ, и скажи имъ: отнынѣ да не называютъ Темучина этимъ именемъ; владычество надъ всею землею я отдалъ Чингизу, его дѣтямъ и потомкамъ“. Слово чингъ значитъ великій: чингизъ есть множественное число этого слова. Кюкче въ зимнее время, въ жестокіе морозы, какіе бываютъ въ Монголіи, ходилъ нагой и босой: онъ сказывалъ: „каждый день ко мнѣ невидимо приводятъ сѣраго коня, я сажусь на него, отправляюсь на немъ на небо и тамъ бесѣдую съ Богомъ“.

Битва Чингизъ-хана съ Найманами и его побѣда надъ ними.

Таянгъ-ханъ, государь Найманскій, отправивъ посла къ князю Унгутскому, Алагушъ-тегину, говорилъ: „Чингизъ-ханъ покоряетъ себѣ поколѣнія, которыя стояли внѣ всякихъ от-

пошеній къ его подданнымъ; хорошихъ среди нихъ людей истребляетъ, а чернь подчиняетъ себѣ. Кераиты были главною областью нашего юрта; всѣхъ лучшихъ людей, начиная съ хана ихъ, онъ избилъ, а простолюдье подчинилъ себѣ; небольшія поколѣнія по страху сами передаются ему. Прежніе умные люди говорили: десять дервишей помѣстятся на одномъ коврѣ, а два государя не помѣстятся въ одной странѣ. Теперь чреда не доходитъ ли и до тебя и до меня? Покуда Чингизъ-ханъ еще не напалъ на насъ, соединимся, и, призвавъ на помощь Бога, истребимъ его". Алакушъ-тегинъ, услышавъ эти слова, послалъ къ Чингизъ-хану своего чиновника и ему велѣлъ пересказать все, что говорено было Таянгъ-ханомъ. Чингизъ-ханъ, какъ скоро услышалъ это, созвалъ своихъ князей и совѣтовался съ ними объ этомъ. Князья говорили: теперь кони у насъ истомлены; когда они поправятся, тогда пойдемъ въ походъ противъ Найманов. Младшій братъ отца Чингизъ-ханова, Дарбутай-утджикинъ, сказалъ: „вы отговариваетесь изнуреніемъ коней, но кто сегодняшнее дѣло откладываетъ до завтра, тотъ никакого дѣла не кончитъ. Если тощи ваши кони, то жирные кони найдутся въ моей волости: каждому изъ васъ дамъ по коню". Въ шестисотомъ году гиджры (1203, 4 Р. Х.), въ годъ мыши, Чингизъ-ханъ выступилъ въ походъ противъ Таянгъ-хана. Въ челѣ своего войска онъ поставилъ Чепе-нойяна. Онъ взялъ языка и послалъ его къ хану. На разспросы хана онъ разсказалъ, что къ Таянгъ-хану, на берегу рѣки Алтая, сверхъ Найманскаго войска, собрались войско Меркитское, войско Ойратское, Джуйратское, и всѣ, соединившись съ Таянгъ-ханомъ, идутъ на Чингизъ-хана. Таянгъ-ханъ узналъ о приближеніи Чингизъ-хана и вывелъ противъ него свое войско: передовая стража извѣстила объ этомъ Чингизъ-хана. Въ томъ мѣстѣ онъ устроилъ полки свои къ битвѣ: правой рукѣ поставилъ начальникомъ Джучи-касара; старшаго сына своего Джучи-хана лѣвой рукѣ, а самъ управлялъ центромъ. Съ утра до

заката солнечнаго продолжалась битва. Таянгъ-ханъ былъ тяжело раненъ, Найманское войско отступило; посадили Таянгъ-хана на лошадь, но не могли ѣхать. Битва происходила у подошвы горы; они съ Таянгъ-ханомъ поднялись на гору; но сколько ни дѣлали ему вопросовъ, онъ не могъ отвѣчать. Найманскіе беки, видя хана въ безнадежномъ положеніи, сказали: „лучше умереть, чѣмъ безславно оставить своего государя, свою родину, и итти въ чужое отечество". Оставивъ Таянгъ-хана въ томъ мѣстѣ, они спустились съ горы, сразились съ Чингизъ-ханомъ; когда ихъ осталось мало, Чингизъ-ханъ велѣлъ сказать имъ: „я прощаю васъ, оставляю месть за кровь; такіе воины заслуживаютъ хлѣбъ и соль, положите ваши луки и идите ко мнѣ". До шести разъ говорили имъ это, они не соглашались и бились до послѣдняго. Когда всѣ они пали въ битвѣ, люди, оставшіеся съ Таянгъ-ханомъ, посадили хана на лошадь и пустились въ бѣгъ; во время бѣгства онъ умеръ. Сынъ Таянгъ-хана, Кючлюкъ, спасшись отъ этой битвы, ушелъ къ дядѣ Таянгъ-ханову, Буюрукъ-хану.

Смерть Чамуки-чечена.

Мы разсказали выше, какъ Чамука-чеченъ, Джуйратъ, былъ виновникомъ военныхъ смутъ, своими внушеніями Сянкуну, сыну Унгъ-ханову. По смерти Унгъ-хана, онъ перешелъ къ хану Найманскому, а по смерти Таянгъ-хана ушелъ въ свой домъ. Джуйраты, въ общемъ совѣтѣ, разсуждали между собою: „Чингизъ-ханъ намъ властитель и одного съ нами поколѣнія; а Унгъ-ханъ караитскій что̀ намъ былъ? Таянгъ-ханъ Найманскій что̀ намъ былъ? слѣдуя его внушеніямъ, мы должны были воевать съ Чингизъ-ханомъ. Всѣхъ этихъ дѣлъ затѣйщикъ Чамука-чеченъ. Если мы не избавимся отъ него, то намъ не быть уже народомъ". Потому они схватили Чамуку, связали ему руки и ноги и представили его Чин-

гизъ-хану. Ханъ велѣлъ его умертвить, разнявъ его по суставамъ. Когда его рѣзали по суставамъ, онъ сказалъ: „скажу отъ души правду; если бы Чингизъ-ханъ попался въ мои руки, то я также велѣлъ бы разнять его по суставамъ. Мое желаніе не исполнилось!“

Покореніе Меркитовъ и Тангута.

Пораженіе Таянгъ-хана было осенью. Чингизъ-ханъ слѣдующую зиму пробылъ дома; весною выступилъ противъ Меркитовъ. Начальникомъ ихъ былъ Токта-бики, бывшій вмѣстѣ съ Таянгъ-ханомъ, когда онъ потерпѣлъ пораженіе. Не имѣя силъ бороться съ Чингизъ-ханомъ, онъ бѣжалъ къ Найманскому хану, Буюруку. Чингизъ-ханъ покорилъ Меркитовъ и присоединилъ ихъ къ своей державѣ.

Потомъ онъ отправился въ походъ на Тангутъ. Правитель Тангута заперся въ крѣпости; Чингизъ-ханъ въ нѣсколько дней взялъ крѣпость и сравнялъ ее съ землею, убилъ государя Тангутскаго, и, поставивъ въ обѣихъ областяхъ правителя, возвратился домой.

Походъ Чингизъ-хана противъ Найманскаго хана, Буюрукъ хана.

Чингизъ-ханъ прожилъ въ домѣ зиму того года, въ который возвратился изъ похода Тангутскаго; весною онъ выступилъ противъ Буюрукъ-хана. Онъ былъ уже близко къ Буюруку, а этотъ, не слыша о походѣ Чингизъ-хана, съ немногими людьми выѣхалъ на охоту и встрѣтился съ Чингизъ-ханомъ. Чингизъ-ханъ схватилъ его въ этомъ мѣстѣ и отрубилъ ему голову. Сынъ Таянгъ-хана, Кючлюкъ, и меркитскій ханъ Тукта-бикій съ своими сыновьями, Джелауномъ и Миджаромъ, не подверглись участи хана, ибо не поѣхали на охоту. Изъ свиты Буюрукъ-хана одинъ человѣкъ успѣлъ убѣ-

жать и извѣстить ихъ о семъ; Кючлюкъ и Токта-бикій бѣжали и ушли на Иртышъ. Чингизъ-ханъ, завладѣвъ домомъ и областью Буюрукъ-хана, возвратился въ орду свою.

Присоединеніе Киргизовъ къ Чингизъ-хановой державѣ.

Чингизъ-ханъ отправилъ къ Киргизамъ послами Алтана и Турамыша, съ требованіемъ покорности. Въ то время государемъ Киргизовъ былъ Урусъ-Иналь. Онъ, изъявивъ покорность Чингизъ-хану, послалъ къ нему лучшихъ людей съ дарами. Изъ даровъ самымъ лучшимъ былъ бѣлый кречетъ, у котораго ноги, носъ и глаза были красные.

Чингизъ-ханъ преслѣдуетъ Кючлюка и Токта-бикія.

Пробывъ дома зиму, съ наступленіемъ весны онъ пустился преслѣдовать Кючлюка. Когда онъ приблизился къ Иртышу, ему встрѣтились Ойраты (и Карлыки); княземъ Ойратовъ былъ Кунука-бики, ханомъ Карлыковъ—Арсланъ. Они, сознавая себя слабыми, а Чингизъ-хана сильнымъ, покорились ему. Ханъ сдѣлавъ ихъ вожаками, на берегахъ Иртыша настигъ Кючлюка и Токта-бикія; они не въ состояніи были сражаться съ нимъ и обратились въ бѣгство. Ханъ, преслѣдуя ихъ, схватилъ Токта-бикія и велѣлъ убить его. Кючлюкъ спасся и ушелъ въ Туркестанъ къ хану Кара-Китайскому, Гуръ-хану. Гуръ-ханъ принялъ его съ великою честію, отдалъ за него свою дочь и назвалъ его своимъ сыномъ. Чингизъ-ханъ же возвратился оттуда въ свою орду.

Подданство Уйгуровъ.

Государь Уйгурскій, Иди-кутъ, покорившись Гуръ-хану Кара-Китайскому, платилъ ему дань скотомъ, и Гуръ-ханъ

поставилъ даругой этому народу своего придворнаго Шадикюма. Шадикюмъ, поселившись въ этомъ народѣ, началъ дѣлать столько притѣсненій и обидъ, что Уйгуры, крайне оскорбленные имъ, не могли сносить дурныхъ его поступковъ. Въ то время походы Чингизъ-хана на Монголовъ и на Китай и всѣ его подвиги сдѣлались извѣстными между народами міра: Иди-кутъ, убивъ Гуръ-ханова сановника Шадикюма, отправилъ посла къ Чингизъ-хану и говорилъ: „слыша славу твоихъ подвиговъ, раскрываю коверъ сердца моего для принятія благосклонности твоей: надѣюсь, доколѣ продолжится жизнь моя, быть покорнымъ и усердно служить тебѣ“. Посолъ когда исполнилъ свое дѣло въ Ордѣ Чингизъ-хана, Чингизъ-ханъ, избравъ въ послы Дурбая, отправилъ его къ государю Уйгурскому, Иди-куту. Когда Иди-кутъ, съ богатыми дарами явившись къ Чингизъ-хану, изъявилъ ему свою покорность, Чингизъ-ханъ съ своей стороны, оказавъ Иди-куту вниманіе и ласку, щедро его угостилъ и честилъ. Въ это время Иди-кутъ говорилъ Чингизъ-хану: „пользуясь благоволеніемъ властелина вселенной, смѣю надѣяться быть пятымъ сыномъ его“. Чингизъ-ханъ понялъ, что онъ за себя проситъ у него дочь его и выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей. Присовокупляю къ свѣдѣнію, что слово Иди-кутъ на Монгольскомъ языкѣ значитъ „счастливый“.

Завоеваніе Чингизъ-ханомъ Китая, Кара-Китая и Джурджита.

Властитель земли Чингизъ-ханъ, не имѣя болѣе враговъ въ Монголіи, собралъ въ одно мѣсто всѣхъ Монголовъ и сказалъ: „Китайскій государь Алтанъ-ханъ много зла дѣлалъ моему отцу и родственникамъ моимъ. Теперь, при помощи Бога всевышняго, хочу покорить Китайское царство и надѣюсь отомстить Алтанъ-хану за моего отца и братьевъ“. Князья, вполнѣ одобривъ намѣреніе хана, сказали: „прежде

пошли къ Алтанъ-хану посла; если онъ, исполняя твое слово, подчинится тебѣ, то хорошо; а если этого не будетъ, то надобно воевать съ нимъ". Чингизъ-ханъ, избравъ посломъ одного изъ сановниковъ своихъ, Чекаръ-ходжу, отправилъ его къ Алтанъ-хану и велѣлъ сказать: „Вѣчный Богъ даровалъ мнѣ владычество надъ землею; слава моя разносится среди народовъ міра. Ты, Алтанъ-ханъ, услышавъ эти слова мои отъ посла моего, покорись мнѣ и признавай меня верховнымъ государемъ. Если не сдѣлаешь этого, я выступлю съ многочисленнымъ войскомъ и расчитаюсь съ тобою въ дружбѣ и враждѣ; тогда увидимъ, на чью голову Вѣчный Богъ возложитъ вѣнецъ величія и кого покроетъ ковромъ уничиженія?" Чекаръ-ходжа, прибывъ въ орду Алтанъ-хана, пересказалъ всѣ слова Чингизъ-хана. Алтанъ, разгнѣванный ими, сказалъ Чекаръ-ходжѣ: „Чингизъ-ханъ не долженъ равнять меня съ другими Тюрками; а если у него есть охота драться, пусть скорѣе идетъ сюда: я не замедлю помѣриться съ нимъ силами". Чекаръ-ходжа, принявъ отпускъ, на обратномъ пути внимательно осмотрѣлъ и узналъ дороги, мѣста, горы, рѣки въ Китаѣ. Возвратившись къ Чингизъ-хану, онъ подробно передалъ слова Алтанъ-хана. Чингизъ-ханъ, услышавъ это, объявилъ походъ и съ многочисленнымъ ополченіемъ отправился на Алтанъ-хана. Алтанъ-ханъ также вывелъ изъ владѣній своихъ безчисленную рать. При входѣ въ одну долину, по которой дорога была уже Сирата, Алтанъ-ханъ расположился со своимъ войскомъ. Чингизъ-ханъ, прибывъ въ эту страну, овладѣлъ многими областями ея; истребилъ много жителей, нѣкоторыя области ея предалъ пламени. Алтанъ-ханъ выслалъ на встрѣчу Чингизъ-хану одного изъ князей своихъ съ большими силами; изъ войска Чингизъ-хана одинъ человѣкъ убѣжалъ и явился къ князю Алтанъ-ханову, посланному противъ Чингизъ-хана, и сказалъ: „Чингизъ-ханъ, безчисленными силами овладѣвъ однимъ великимъ Китайскимъ городомъ, огнемъ и мечемъ истребивъ его жителей, идетъ

съ множествомъ плѣнниковъ; изъ нихъ одинъ я убѣжалъ". Князь Алтанъ-хановъ, услышавъ это, съ большими силами выступилъ и наткнулся на войско Чингизъ-хана, который, предварительно извѣщенный о приближеніи непріятеля, двинулся съ большими силами, и, положившись на Бога, встрѣтилъ лицомъ къ лицу Алтанъ-ханова князя, вступилъ съ нимъ въ жестокій бой. При помощи Бога Всевышняго, Чингизъ-ханъ поразилъ князя, истребилъ его войско и овладѣлъ многими крѣпостями Китайскими. Послѣ того съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ Чингизъ-ханъ устремился въ долину, гдѣ стоялъ Алтанъ-ханъ: здѣсь битва между ними была продолжительна; наконецъ Алтанъ-ханъ, потерявъ до тридцати тысячъ человѣкъ, отступилъ къ Ханъ-балыку. Въ Ханъ-балыкѣ кто дѣлался государемъ и вступалъ на царскій престолъ. титуловался Алтанъ. Послѣ этой битвы Чингизъ-ханъ овладѣлъ многими областями Китайскими.

Возвращеніе Чингизъ-хана послѣ примиренія съ Алтанъ-ханомъ и женитьбы на его дочери.

Алтанъ-ханъ, бѣжавъ отъ Чингизъ-хана, когда пришелъ въ Ханъ-балыкъ, услышалъ, что Чингизъ-ханъ, овладѣвъ многими областями, идетъ къ Ханъ-балыку, на совѣтѣ со своими беками спрашивалъ: „что лучше—воевать или примириться съ Чингизъ-ханомъ?" Везирь его Чингсанъ говорилъ: „лучше примириться; потому что Чингизъ ханъ послѣ замиренія уйдетъ назадъ въ свою державу, а мы, избавясь отъ трудовъ военныхъ, соберемъ умныхъ людей и бековъ, и, посовѣтовавшись съ ними о вѣрныхъ способахъ къ устройству державы, позаботимся привести ихъ въ исполненіе".—Алтанъ-ханъ, склонившись на мнѣніе везиря, отправилъ посла къ Чингизъ-хану и въ даръ ему послалъ свою дочь, которая была еще подъ покрываломъ дѣвства. Чингизъ, ханъ вселенной, благосклонно принялъ посла Алтанъ-ханова,

взялъ за себя дочь его, къ нему присланную, съ удовольствіемъ помирился съ нимъ, и возвратился въ свою державу.

Алтанъ-ханъ, видя государство свое въ разстроенномъ положеніи, отправился въ городъ Темкинъ. Этотъ городъ построенъ былъ отцемъ Алтанъ-хана. Онъ былъ чудно укрѣпленъ; окружность его была въ сорокъ фарсанговъ; онъ стоялъ на берегу большой рѣки: если во время утренней молитвы въ лодкѣ отплывали отъ того конца его, то уже въ вечернее молитвословіе выходили на этомъ концѣ. Вокругъ города построены были еще три крѣпости: такъ укрѣпленъ былъ этотъ городъ! Алтанъ-ханъ, отдавъ Ханъ-балыкъ своему сыну, самъ отправился въ городъ Темкинъ. Алтанъ-ханъ, во время своего переѣзда изъ Ханъ-балыка, велѣлъ казнить смертію нѣкоторыхъ Кара-Китайскихъ начальниковъ за неважныя вины; поэтому нѣсколько Китайскихъ наѣзниковъ у сына Алтанъ-ханова отогнали коней, овецъ, верблюдовъ и коровъ и присоединились къ войску Чингизъ-хана. Послѣ того одинъ молодой человѣкъ изъ Кара-Китайцевъ произвелъ мятежъ; овладѣвъ нѣкоторыми областями Китая, онъ отправилъ посла къ Чингизъ-хану, а напослѣдокъ и самъ съ своимъ народомъ вступилъ въ службу этого властителя вселенной и награжденъ царскимъ благоволеніемъ и державною милостію. Такимъ образомъ многіе изъ бековъ Алтанъ-хана, единственно по неблагодарности къ милостямъ его, уходили отъ него и присоединялись къ ордѣ Чингизъ-хана. Алтанъ-хановъ сынъ, спустя пять мѣсяцевъ, видя непостоянство и перевороты счастія, поручилъ управленіе Ханъ-балыкомъ князьямъ, а самъ ушелъ къ отцу своему. Чингизъ-ханъ, получивъ извѣстіе о слабости Алтанъ-хана, послалъ Самука-багадура и Месканъ-багадура съ сильнымъ войскомъ взять Ханъ-балыкъ. На дорогѣ къ Ханъ-балыку многіе изъ Кара-Китайцевъ соединялись съ сими двумя полководцами и шли къ тому городу. Въ это время Алтанъ-ханъ услышалъ, что въ Ханъ-балыкѣ насталъ сильный голодъ; потому онъ съ

двумя князьями, подъ прикрытіемъ военныхъ отрядовъ, отправилъ въ Ханъ-балыкъ нѣсколько харваровъ хлѣба. Эти два князя, когда везли хлѣбъ, встрѣтились съ двумя Чингизъ-хановыми военачальниками; началась жестокая битва: Алтанъ-хановы князья, ихъ войско, весь хлѣбъ достались князьямъ Чингизъ-хановымъ. Алтанъ-ханъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, принялъ ядъ и умеръ. Послѣ этого городъ Ханъ-балыкъ покорился Чингизъ-хановымъ вождямъ. Воеводы монгольскіе послали къ Чингизъ-хану извѣстіе, что они овладѣли Ханъ-балыкомъ, казною и великими сокровищами Алтанъ-хановыми. Чингизъ-ханъ отправилъ въ Ханъ-балыкъ Кутукту-нойяна съ двумя князьями, приказавъ имъ перевезти къ нему казну Алтанъ-ханову. Эти три князя, уложивъ во вьюки казну и прочія сокровища, перевезли ихъ къ Чингизъ-хану. Чингизъ-ханъ, въ пять лѣтъ овладѣвъ многими областями Китая, поставилъ въ нихъ правителей и даругъ и возвратился въ свою Орду.

Потомъ онъ сдѣлалъ походъ въ область Акашинъ: въ нынѣшнее время это владѣніе называютъ Тангутъ. Онъ овладѣлъ всею этою областію.

Онъ въ своемъ умѣ предполагалъ еще разъ сдѣлать походъ на Китай и покорить всѣ остальныя области его; но это намѣреніе было оставлено имъ потому, что сынъ Найманскаго хана, Кючлюкъ, по смерти своего отца, ушелъ въ Тюркестанъ. Нѣкоторые изъ враговъ Чингизъ-хановыхъ, по общему согласію между собою, поставили себѣ Кючлюка государемъ, и, по совѣту султана Мохаммеда, съ которымъ они сносились чрезъ посла, взбунтовались противъ Гуръ-хана. Въ это время Тюркестанъ былъ въ зависимости отъ Кара-Китая; Кючлюкъ захватилъ половину владѣній Гуръ-хановыхъ. Чингизъ-ханъ, извѣстясь объ этомъ, сказалъ: „когда столь опасный врагъ явился на одной сторонѣ моего царства, то мнѣ нельзя пускаться въ далекій походъ,“ потому отложилъ экспедицію на Китай. Въ это же время пришла вѣсть,

что младшій братъ Меркитскаго хана, Тукта-бикія, Куду, съ тремя своими сыновьями, убѣжавъ, живетъ въ Найманскомъ юртѣ; тамъ всѣ они составляютъ враждебные замыслы: Чингизъ-ханъ выслалъ на нихъ съ большимъ войскомъ Субудай-багадура и Тугаджара-Конкирата. Они въ своемъ походѣ нашли ихъ на берегу рѣки Чумъ-мурана, сразились съ ними, поразили и истребили ихъ, взявъ много въ плѣнъ и въ неволю. Такъ въ шестьсотъ тринадцатомъ году (1216 Р. Х.) прекратилась держава Меркитская.

Высылка Бургулъ-нойяна противъ Туматовъ.

Туматы, во время похода Чингизъ-ханова на Китай, возмутились. Ханъ, возвратившись изъ похода, послалъ противъ нихъ войско подъ начальствомъ Бургулъ-нойяна. Онъ отправился, взялъ много ихъ въ плѣнъ и въ неволю, и возвратился ко двору хана.

Сыновья, жены и наложницы Чингизъ-хана.

У Чингизъ-хана много было женъ и наложницъ, будто бы больше пяти сотъ; всѣ жены его были дочери или жены хановъ: выше всѣхъ достоинствомъ было пять женъ: цервая Бурте-Кучинь, мать его сыновей; вторая Кенджу, дочь Алтанъ-хана; третья Кюйсу, жена Таянгъ-хана, четвертая Милунь, пятая Сююкянь, обѣ были дочери одного Татарина; вторая изъ этихъ двухъ сестеръ взята имъ была, когда умерла первая.

Четыре сына было у Чингизъ-хана. Старшій Джучи-ханъ, второй Джагатай-ханъ, третій Огдай-каанъ, четвертый Тули-ханъ. Имя Джучи значитъ гость; Огдай значитъ великій; Тули значитъ зеркало. Каждаго изъ нихъ онъ опредѣлилъ къ особой должности: распоряженію Джучія поручены были аудіенціи, пиры и управленіе домомъ; Джагатаю судъ и расправа: Огдаю—государственная казна и администрація;

Тули-хану—управленіе военное. Кромѣ сихъ четырехъ сыновъ, у Чингизъ-хана было еще пять сыновъ отъ другихъ женъ: китайскую державу до земли Алмака, онъ, при возвращеніи оттуда, отдалъ въ управленіе тѣмъ пяти сыновьямъ, подчинивъ ихъ первымъ четыремъ ихъ братьямъ. Когда Чингизъ-ханъ раздѣлилъ свои владѣнія четыремъ сыновьямъ, то, посадивъ ихъ вмѣстѣ, сказалъ имъ: „будьте между собою согласны, не враждуйте другъ съ другомъ“ и, вынувъ изъ своего колчана стрѣлу, переломилъ ее; потомъ, сложивъ вмѣстѣ нѣсколько стрѣлъ, спросилъ: кто переломитъ ихъ? Никто не могъ переломить. Чингизъ-ханъ, обратясь къ своимъ сыновьямъ, сказалъ: „вы подобны этимъ стрѣламъ: если всѣ вы, избравши одного изъ среды своей, поставите его себѣ государемъ и будете неуклонно слѣдовать его повелѣніямъ, никто не сокрушитъ васъ; но если, оставивши единодушіе, отдѣлитесь одинъ отъ другого враждою, то васъ также сокрушатъ, какъ переламываютъ одну стрѣлу“. Прекрасное было дано наставленіе.

Походъ Чепе-нойяна противъ Кючлюка и убіеніе сего послѣдняго.

Кючлюкъ, сынъ Найманскаго хана Таянга, убѣжавъ, ушелъ въ Кара-Китай и искалъ покровительства себѣ у Гуръ-хана. Напослѣдокъ, разладивъ съ Гуръ-ханомъ, онъ захватилъ его владѣнія и собиралъ къ себѣ тѣхъ изъ Монголовъ и Татаръ, которые были во враждѣ съ Чингизъ-ханомъ. Чингизъ-ханъ, услышавъ это, выслалъ противъ него большое войско подъ начальствомъ Чепе-нойяна, изъ поколѣнія Пешве. Чепе-нойянъ, настигнувъ его, сразился съ нимъ, разбилъ его. Кючлюкъ бѣжалъ съ немногими людьми; остальныхъ Чепе-нойянъ истребилъ, семейства ихъ взялъ въ плѣнъ, обратилъ въ рабство, и преслѣдовалъ Кючлюка. Чрезъ нѣсколько дней настигнувъ его, онъ истребилъ его нукеровъ, и Кючлюкъ съ

человѣками тремя убѣжалъ въ Бедехшанъ, на долину Саригъ-кольскую. Чепе-нойянъ, отправясь вслѣдъ за нимъ, на пути сколько ни искалъ его и сколько о немъ ни разспрашивалъ, не могъ сыскать его. Наконецъ попавшійся ему человѣкъ, который гналъ пару коней, на разспросы его сказалъ: „три человѣка, съ тѣми примѣтами, которыя тобою сказаны, ушли въ эту сторону“. Чепе-нойянъ, получивъ эти извѣстія, ускорилъ преслѣдованіе, поймалъ Кючлюка, и, отрубивъ ему голову, возвратился къ хану, которымъ щедро былъ награжденъ и удостоился быть любимцемъ его.

Чингизъ-ханъ отправляетъ Махмудъ-илауча посломъ къ султану Мохаммеду, шаху Харезмскому.

Чингизъ-ханъ отправилъ посла своего Махмудъ-илауча къ султану Мохаммеду, шаху Харезмскому, и велѣлъ сказать ему: „Всевышній Богъ предалъ мнѣ всѣ народы, отъ востока до предѣловъ твоего царства. Теперь нужно, чтобы ты былъ мнѣ сыномъ, содѣйствовалъ общему благу, дабы Мусульмане вкусили невозмущаемый миръ“. Махмудъ-илаучъ явился къ султану и пересказалъ тѣ слова. Однажды султанъ Мохаммедъ, позвалъ къ себѣ Махмудъ-илауча, наединѣ сказалъ ему: „спрошу тебя объ одномъ, скажи правду: имѣлъ ли право твой Государь завоевать Китайское государство?“ Говоря это, онъ снялъ съ своей руки дорогую, прекрасную жемчужину и отдалъ ее Махмудъ-илаучу. Махмудъ-илаучъ сказалъ: „клянусь Богомъ, мой Государь говоритъ истину; справедливость словъ его вамъ скоро будетъ извѣстна“. Султанъ Мохаммедъ, сильно разгнѣванный этими словами, сказалъ Махмуду: „Махмудъ! или ты не знаешь, какъ обширно, какъ велико мое царство, какъ могущественна моя держава? Сколько подданныхъ у твоего хана, что онъ, считая себя выше меня, называетъ меня своимъ сыномъ? Сколь велико у него войско,

что онъ превозносится надо мною?“ Махмудъ-илаучъ смутился отъ словъ султана Мохаммеда и почтительно сказалъ ему: „войско Чингизъ-хана предъ твоимъ войскомъ что свѣтъ луны предъ свѣтомъ солнца“. Этими словами смягчивъ гнѣвъ султана Мохаммеда, Махмудъ-илаучъ спасъ себя отъ послѣдствій ярости его. Послѣ того поставлены были мирные договоры съ обѣихъ сторонъ: чтобы друзья одного были друзьями другаго, и чтобы враги которой-либо сторонѣ были общими врагами; чтобы не дѣлать зла другъ другу. Послы Чингизъ-хана, получивъ отпускъ отъ султана, возвратились ко двору всемірнаго завоевателя. Радуясь заключенію мира съ султаномъ Мохаммедомъ, Чингизъ-ханъ душевно увѣренъ былъ, что какъ султанъ Мохаммедъ не замыслитъ ничего враждебнаго ему, такъ и онъ самъ не сдѣластъ ничего зловреднаго ему, хотя въ то время халифъ Насиръ изъ Багдада присылалъ посла къ нему и усиленно старался возбудить его противъ султана Мохаммеда и открыть войну съ нимъ; онъ нисколько не уважилъ его предложенія и не думалъ нарушить миръ, до тѣхъ поръ, какъ Гаиръ-ханъ, по повелѣнію султана Мохаммеда, убилъ Чингизъ-хановыхъ купцовъ и посланника.

Султанъ Мохаммедъ, шахъ Харезмскій, по внушенію Гаиръ-хана, убиваетъ пословъ и купцовъ Чингизъ-хановыхъ.

Въ это время земли, лежащія между Ираномъ и Тураномъ, такъ были безопасны, что если бы кто пошелъ отъ запада до востока, положивъ себѣ на голову золотой какой-либо сосудъ, то ему никѣмъ не было бы сдѣлано обиды, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился. Во владѣніяхъ Монгольскихъ не было городовъ: купцы, во всякое время отправляясь къ нимъ съ кумачемъ, одеждами, бязью, съ пестрядями, получали тамъ большіе барыши. Съ этою цѣлію нѣсколько Мавераннегрскихъ купцовъ, согласившись между собою, на верблюдахъ привезли

товары въ Орду Чингизъ-ханову. Чингизъ-ханъ, призвавъ одного изъ купцовъ, велѣлъ ему оцѣнить привезенные товары: этотъ человѣкъ оцѣнивалъ въ десять золотыхъ такую вещь, которая стоила только одинъ золотой. Такой поступокъ не понравился Чингизъ-хану, и онъ сказалъ: „этотъ человѣкъ воображаетъ, что онъ привозитъ сюда такія вещи, какихъ намъ никогда не приводилось видѣть и какихъ у насъ не бываетъ“, и велѣлъ своему казначею принести тканей, и этотъ пошелъ и принесъ тысячу сундуковъ съ парчами. Потомъ онъ потребовалъ товары того купца, и ихъ принесли. „Теперь, сказалъ ханъ, приведите сюда другихъ купцовъ“; ихъ привели: онъ спросилъ о цѣнахъ ихъ товаровъ, они отвѣчали: „желаемъ предложить въ даръ Вашему Величеству нашу собственность, если она только достойна Васъ; а товаровъ продажныхъ для васъ нѣтъ“. Хану понравились слова ихъ; онъ взялъ себѣ всѣ ими привезенные товары; за вещь, стоющую одну монету, онъ платилъ десять монетъ, обласкалъ и угостилъ ихъ. Сверхъ того онъ повелѣлъ своимъ князьямъ, чтобы они съ каждымъ купцомъ отправили по одному человѣку: всѣхъ, отправленныхъ съ купцами, было четыреста пятьдесятъ человѣкъ. Троихъ изъ нихъ Чингизъ-ханъ отправилъ послами къ султану Мохаммеду: одинъ изъ нихъ былъ Махмудъ изъ Харезма, другой Али-ходжа изъ Бухары, третій Юсуфъ изъ Отрара; имъ поручено было передать слѣдующія слова: „столько-то вашихъ купцовъ, бывъ у насъ, удостоились нашего благоволенія и милостей; мы такъ же отправили отъ себя къ вамъ нѣсколько человѣкъ, надѣясь, что примете ихъ ласково и отпустите съ милостями. Будь мнѣ сыномъ; Всевышній намъ двоимъ отдалъ вселенную: если я буду отцемъ, а ты мнѣ сыномъ, и мы другъ другу будемъ добры, то всѣ пути будутъ безопасны, всѣ будутъ жить въ покоѣ и довольствѣ“. Посланные имъ прибыли въ Отраръ. Правитель Отрара, Инальчикъ, былъ родственникъ матери султана Мохаммеда; султанъ Мохаммедъ далъ ему имя Гаиръ-

ханъ. Купцы представились ему; одинъ изъ нихъ зналъ Инальчика и назвалъ его Инальчикомъ, а не Гаиръ-ханомъ; этотъ, обидясь этимъ словомъ, велѣлъ купцовъ арестовать и послалъ къ султанъ Мохаммеду увѣдомленіе, что нѣсколько человѣкъ пришли въ Отраръ для шпіонства. Султанъ Мохаммедъ, не разсмотрѣвъ дѣла, велѣлъ убить ихъ и забрать ихъ товары. Гаиръ-ханъ умертвилъ ихъ и взялъ ихъ товары. Одинъ изъ купцовъ бѣжалъ и, явясь къ Чингизъ-хану, разсказалъ ему какъ съ ними поступлено. Чингизъ-ханъ, услышавъ это, пришелъ въ сильный гнѣвъ, позвалъ къ себѣ князей и въ совѣтѣ съ ними рѣшилъ итти войною на султана Мохаммеда, собралъ войско, и послалъ къ нему человѣка сказать: „иду на тебя: да будетъ тебѣ это извѣстно!“

Битва Джучи-хана съ султаномъ Мохаммедомъ, шахомъ Харезмскимъ.

Джучи, старшій сынъ Чингизъ-хана, отправился въ походъ противъ народовъ нѣкотораго поколѣнія, отдѣлившагося отъ Кючлюка и жившаго подлѣ Тюркестана. Въ то время султанъ Мохаммедъ узналъ, что Чингизъ-ханъ рѣшилъ воевать его державу, и, собравъ войско, пошелъ къ Самарканду, а оттуда перешелъ въ Ходженду; въ этомъ мѣстѣ онъ, получивъ вѣсть, что Джучи-ханомъ сдѣлано нападеніе на поколѣнія, жившія подлѣ Тюркестана, быстро пошелъ въ страну, гдѣ жило это поколѣніе. Между двумя рѣками, Кабли и Камаджемъ, нашелъ много убитыхъ, между ними отыскавъ одного полуживаго человѣка, разспросилъ его объ этомъ; онъ разсказалъ ему: „узнавъ о походѣ Джучи-хана въ нашу землю, мы хотѣли спастись отъ него бѣгствомъ; вчера въ такое-то время онъ настигъ насъ въ этомъ мѣстѣ; мы вступили въ битву, онъ насъ разбилъ, и, захвативъ многихъ въ плѣнъ, отселѣ удалился“. Получивъ эту вѣсть, султанъ Мохаммедъ пустился преслѣдовать Джучи-хана и на другой

день настигъ его. Джучи-ханъ, видя, что султанъ Мохаммедъ догналъ его, совѣтовался съ своими князьями, что дѣлать. Князья говорили: „Ханъ не посылалъ насъ воевать съ султаномъ Мохаммедомъ; походъ на Джабдаловъ мы сдѣлали и покорили ихъ. Такъ какъ насъ мало, а непріятелей много, то намъ лучше итти дальше; если насъ настигнетъ немного людей, то сразимся". Джучи-ханъ сказалъ: „что же я скажу, когда приду къ моему отцу и моимъ братьямъ? Скажу, что издали видѣлъ врага и бѣжалъ?" Онъ не принялъ совѣта князей, приготовился къ битвѣ и сразился съ султаномъ Мохаммедомъ. Джучи-ханъ, съ передовыми отрядами войска, сдѣлалъ нѣсколько аттакъ; пробившись до знамени, онъ ударовъ до трехъ сдѣлалъ по щиту султана Мохаммеда. Войско султана Мохаммеда готово уже было обратиться въ бѣгство; только султанъ-Джелаль-эд-динъ своими хорошими распоряженіями остановилъ побѣгъ войска. Битва продолжалась до самаго вечера. Когда наступила ночь, Монголы на всемъ протяженіи своего стана зажгли огни, а сами ушли. По утру войско султана Мохаммеда выступило противъ Монголовъ, но какъ они еще ночью ушли, потому воротилось въ свои владѣнія. Джучи-ханъ, явившись къ отцу, разсказалъ ему дѣла свои. Чингизъ-ханъ, довольный ими, изъявилъ ему много милостей. Султанъ Мохаммедъ, по совѣту своихъ князей, изъ которыхъ каждый представлялъ неудобства войны, распустилъ войско по областямъ своей державы, разставивъ его по крѣпостямъ, и возвратился домой. Причины упадка державы султана Мохаммеда были слѣдующія: въ одинъ вечеръ онъ, въ пьяномъ состояніи, далъ повелѣніе убить Шейхъ-Мяджд-эд-дина Багдади, подозрѣвая его въ связи съ своею матерью, Тюркянь-хатунь. По утру раскаяваясь въ этомъ поступкѣ, онъ послалъ къ Шейхъ-Неджмъ-эд-дину Кюбри блюдо золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ съ тѣмъ, чтобы онъ испросилъ ему у Бога прощеніе въ этомъ грѣхѣ. Шейхъ отвѣчалъ: „не золото и серебро могутъ быть выкупомъ за

кровь, а голова убійцы, моя голова и головы тысячи людей.“ Также онъ, досадуя на повелителя вѣрующихъ, халифа Насиръ-эд-дина Абуль-Аббаса, взялъ фетву отъ муфтіевъ, возвелъ на халифатство одного изъ термизскихъ сеидовъ, Али-ль-мюлька, и велѣлъ его имя поминать въ хутбѣ и выбивать на монетѣ. Потомъ, слушаясь внушеній одного изъ своихъ близкихъ, Гаиръ-хана, не уважилъ пословъ и купцовъ Чингизъ-хановыхъ и велѣлъ убить ихъ. Если-бы мы стали разсказывать о всѣхъ худыхъ дѣлахъ его, то наша повѣсть сдѣлалась бы долгою; мы изложили ихъ кратко.

Походъ Чингизъ-хана въ Бухарію.

Въ шестьсотъ пятнадцатомъ году (1218 Р. Х.) Чингизъ-ханъ съ безчисленнымъ войскомъ выступилъ въ походъ изъ своихъ владѣній и пошелъ на Отраръ. На дорогѣ съ нимъ соединился карлыкскій ханъ, Арсланъ-ханъ, съ большими своими отрядами; къ нему пришелъ Иди-кутъ изъ Бишъ-балыка съ большимъ числомъ Уйгуровъ; къ нему присоединился съ своими Текинцами Сакнакъ изъ Альмалыка. Чингизъ-ханъ отрядилъ Огдай-хана и Джагатай-хана къ Отрару, Джучи-хана послалъ къ Дженду; Алакъ-нойяна и Сюкту-буку съ пятью тысячами человѣкъ послалъ къ Фенакенду и Ходженду; а самъ онъ, завоеватель вселенной, съ остальными войсками, взявъ съ собою Тули-хана, пошелъ на Бухару. Имя Бухара на монгольскомъ языкѣ значитъ средоточіе учености.

Во время перехода Чингизъ-ханова отъ Отрара къ Бухарѣ, Монголы нечаянно утромъ очутились подъ крѣпостію Зернукъ, и отъ удивленія подняли сильный крикъ. Жители Зернука тотчасъ узнали, что ихъ городъ осажденъ безчисленнымъ войскомъ, пришли въ необычайный, крайній страхъ, затворились въ крѣпости, заперли ворота. При всемірномъ завоевателѣ, въ числѣ его сановниковъ, былъ человѣкъ, отличавшійся умомъ, по имени Хаджетъ; онъ былъ мусульма-

нинъ. Ханъ послалъ его посломъ къ жителямъ Зернука. Умный Хаджетъ, вступивъ въ городъ, внушилъ жителямъ его, что̀ лучше дѣлать. Весь городской народъ, отложивъ страхъ, вышелъ изъ города, явился къ хану съ богатыми дарами и изъявилъ ему свою покорность. Чингизъ-ханъ оказалъ ему благоволеніе и милость, и Зернуку далъ имя Кутлукъ-балыкъ, что значитъ „счастливый городъ“. Молодыхъ людей въ городѣ онъ взялъ съ собою въ походъ, освободивъ отъ онаго стариковъ.

Выступивъ отсюда, онъ пришелъ въ Туру. Жители Тура заперлись въ крѣпости. Вслѣдствіе многихъ переговоровъ чрезъ пословъ, они всѣ вышли изъ крѣпости, съ большими дарами явились къ хану. Онъ, принявъ ихъ благосклонно и милостиво, далъ повелѣніе, чтобы они, соразмѣрно количеству народа, взяли себѣ съѣстныхъ припасовъ, хлѣба птицъ, быковъ, и вышли изъ города, а остальное имѣніе будетъ добычею войска. Народъ, исполняя его распоряженіе, вышелъ изъ крѣпости, а прочее все было разграблено ханскимъ войскомъ.

Продолжая походъ, Чингизъ-ханъ, въ мѣсяцѣ Мохарремѣ шестьсотъ шестнадцатаго года (1219 Р. Х.), наканунѣ праздника Ашура, въ годъ змѣи, пришелъ къ Бухарѣ и осадилъ этотъ городъ. По полуночи, беки, оставленные султаномъ Мохаммедомъ для защиты Бухары, Кюкъ-ханъ, Сюнучь-ханъ и Кючлюкъ-ханъ, съ двадцатью тысячами человѣкъ сдѣлали вылазку изъ города, для отраженія Чингизъ-ханова войска. Войско хана, заблаговременно узнавъ о вылазкѣ, вступило въ бой, и, крѣпкое счастіемъ властителя царствъ, поразило двадцать тысячъ человѣкъ и въ одну крату времени совершенно уничтожило ихъ. Когда наступило утро, всѣ жители Бухары, шейхи, муллы, муфтіи, и вельможи и простолюдины, отворивъ ворота, вышли изъ города, явились къ хану съ преданностію. Ханъ, сѣвъ на коня, въѣхалъ въ городъ. Осмотрѣвъ

его, онъ прибылъ къ дверямъ соборной мечети; въѣхавъ въ мечеть на конѣ, онъ вошелъ въ предверіе ея. Мечеть эта была величественное зданіе. Ханъ спросилъ: „это зданіе не домъ ли султана Мохаммеда?“ Ему сказали, что это храмъ Бога Всевышняго. Онъ слѣзъ съ коня, взошелъ на каѳедру, и, приказавъ Монголамъ, улемамъ и мюджтегидамъ, держать коня, самъ сталъ пить кумызъ. Списки Корана валялись подъ ногами коней: старшій изъ тогдашнихъ сеидовъ Бухарскихъ, увидѣвъ книги Корана подъ ногами лошадей, спросилъ мюджтегида: „это какъ?“ Мюджтегидъ отвѣчалъ: „молчи, сеидъ; время гнѣва Божія теперь“. Чингизъ-ханъ сѣлъ на коня и поѣхалъ туда, гдѣ совершался праздникъ. Повелѣвъ явиться всему народу, онъ взошелъ на каѳедру и сталъ перечислять вины Мусульманъ, говорилъ о нарушеніи мирнаго договора султаномъ Мохаммедомъ, о избіеніи имъ пословъ и купцовъ; въ заключеніе сказалъ: „народъ! грѣхи твои велики; гнѣвъ Бога Всевышняго караетъ тебя; я только орудіе казни отъ Бога; нынѣ онъ поставилъ меня властителемъ надъ вами“. Послѣ этихъ словъ онъ сказалъ: „о имуществѣ гражданъ, которое на виду, нечего говорить вамъ; но вы охотно, безъ принужденія съ нашей стороны, представьте имущество, скрытое вами въ землѣ“. Горожане отдавали все свое имущество, и бывшее на виду и спрятанное. При этомъ одинъ человѣкъ пришелъ къ хану и сказалъ, что въ городѣ укрываются нѣкоторые изъ Харезмійцевъ; услышавъ такой доносъ, ханъ велѣлъ Монголамъ зажечь городъ; отъ пожара уцѣлѣли только каменныя зданія, которыхъ въ Бухарѣ было много. Нѣсколько бековъ султана Мохаммеда заперлись было въ крѣпости-аркѣ, но ханъ взялъ ихъ и велѣлъ умертвить, а крѣпость Бухары сравнять съ землею. Такимъ образомъ Бухара представляла видъ запустѣнія до временъ Каана: по его повелѣнію ее опять возобновили.

Битва Огдай-каана и Джагатай-хана съ Гаиръ-ханомъ и покореніе ими Отрара.

Султанъ Мохаммедъ, шахъ Харезмскій, поставилъ Гаиръ-хана съ пятьюдесятью тысячами человѣкъ охранять область Отрарскую; предполагая, что Монгольское войско хочетъ итти къ Отрару, султанъ послалъ на помощь Гаиру-хану своего нукера Карачу Хаджиба съ десятью тысячами воиновъ. Съ шестьюдесятью тысячами Гаиръ-ханъ заперся въ Отрарѣ; Чингизъ-хановичи пять мѣсяцевъ осаждали крѣпость; народъ въ Отрарѣ началъ унывать. Карача-хаджибъ сказалъ Гаиръ-хану: „сдадимъ Отраръ сыновьямъ Чингизъ-хана и отдадимся имъ въ подданство: тѣмъ мы спасемъ себя отъ тягостей осады.“ Гаиръ-ханъ не соглашался на его слова, потому что его голова была причиною настоящихъ бѣдствій. Карача-хаджибъ, видя, что Гаиръ-ханъ не соглашается на его мнѣніе, сколько разъ онъ ни говорилъ ему, въ одну ночь съ десятью тысячами человѣкъ вышелъ изъ крѣпости воротами Дервазеи-суфи и предсталъ предъ сыновьями Чингизъ-хана. Чингизъ-хановичи сказали Карача-хаджибу: ты не соблюлъ вѣрности къ своему государю, не будешь вѣренъ и намъ, и велѣли убить его вмѣстѣ съ десятью тысячами человѣкъ. Монголы вошли въ Отраръ тѣми же воротами Дервазеи-суфи. Всѣхъ жителей Отрара вывели въ поле и избили. При такихъ обстоятельствахъ Гаиръ-ханъ съ двадцатью тысячами человѣкъ заперся въ цитадели городской, и, каждый день дѣлая вылазки, въ битвахъ оказалъ опыты отличной храбрости, истребилъ много людей въ Монгольскомъ войскѣ. Но какъ онъ въ этихъ битвахъ потерялъ всѣхъ своихъ людей, то Монголы ворвались въ крѣпость. Въ этой крѣпости Гаиръ-ханъ съ двумя человѣками скрылся наверху одного зданія. Оба нукера его были убиты; когда у хана, который непрестанно долженъ былъ отражать отъ себя, не стало уже стрѣлъ, то невольницы его начали носить къ нему кирпичи со стѣнъ,

и онъ кирпичами отбивался. Наконецъ его окружили, схватили и живого привезли къ царевичамъ. Въ это время царевичи получили вѣсть, что Чингизъ-ханъ, взявъ Бухару, шелъ къ Самарканду. Огдай-каанъ и Джагатай-ханъ, со всѣмъ своимъ ополченіемъ, обратились къ Самарканду; на мѣстѣ, называемомъ Кюкъ-Сарай, они велѣли убить Гаиръ-хана.

Походъ Джучи-хана къ Бедженду.

Джучи-ханъ, выступивъ изъ Отрара, пришелъ къ Саганаку. Въ свитѣ его былъ одинъ мусульманинъ Хасянъ-хаджи; его онъ послалъ въ Саганакъ съ повелѣніемъ посовѣтовать жителямъ его, чтобы они явились къ нему, сдали ему крѣпость и сами покорились. Хасянъ-хаджи пошелъ въ Саганакъ, совѣтовалъ жителямъ сдаться, но они, думая, что смѣлость спасетъ ихъ, съ безразсудною дерзостію бросились на него, схватили его и убили, и потомъ, заперши ворота, затворились въ крѣпости. Джучи-ханъ, услышавъ объ этомъ, пришелъ въ сильный гнѣвъ и далъ Монголамъ повелѣніе взять крѣпость штурмомъ. Монголы сдѣлали приступъ къ крѣпости, въ одинъ часъ взяли ее, и, въ отмщеніе за кровь Хасянъ-хаджи, убили десять тысячъ Мусульманъ; сына Хасянъ-хаджіева поставили правителемъ Саганака.

Отселѣ Джучи-ханъ прибылъ къ Узькенду. Жители Узькенда, вышедши изъ крѣпости, съ богатыми подарками предстали предъ Джучи-хана: ханъ изъявилъ имъ благоволеніе, не коснулся ни ихъ самихъ, ни имѣнія ихъ.

Послѣ этого дѣла Монголы сдѣлали походъ къ крѣпости Аснашъ. Жители Асната вышли и сразились съ ними: войско Джучи-ханово, поразивъ ихъ, всѣхъ избило.

Въ это время правитель Дженда, получивъ извѣстіе о дѣлахъ Джучи-хана, бѣжалъ изъ Дженда и ушелъ въ Харезмъ. Джучи-ханъ, услышавъ это, отправилъ посломъ къ жителямъ Дженда своего нукера Джанъ-тимура. Джендцы не-

захотѣли покориться, замыслили убить Джанъ-тимура. Джанъ-тимуръ, употребивъ хитрость, избавился изъ рукъ ихъ, возвратился въ станъ Джучи-хана и пересказалъ хану, какъ съ нимъ тамъ поступлено было. Джучи, разгнѣванный, пошелъ къ Дженду, осадилъ его и взялъ крѣпость. Тѣхъ изъ жителей, которые составили умыселъ противъ Джанъ-Тимура, велѣлъ избить. Прочимъ жителямъ онъ не мстилъ смертію, а, выведши вонъ изъ крѣпости, отдалъ на разграбленіе ихъ имѣніе, и Алія-ходжу Гуджduванійца сдѣлалъ правителемъ Дженда.

Походъ Алакъ-нойяна и Сюкту-буки къ Фенакенду и Ходженду, и подвиги Тимуръ-Мелика въ Ходжендѣ.

Выше мы сказали, что Чингизъ-ханъ послалъ къ Фенакенду и Ходженду Алакъ-нойяна и Сюкту-бука съ пятью тысячами человѣкъ. Алакъ-нойянъ и Сюкту-бука осадили Фенакендъ. Фенакендцы, затворивши ворота крѣпости, держались въ ней до трехъ дней, но на четвертый день весь народъ вышелъ изъ крѣпости къ Алакъ-нойяну и Сюкту-букѣ съ богатыми дарами. Тогда два эти полководца отдѣлили особо ремесленниковъ и особо воиновъ султана Мохаммеда, велѣли избить воиновъ, а ремесленниковъ и Таджиковъ погнали для соединенія съ прочими къ Ходженду, куда и сами выступили въ походъ. Пришли къ Ходженду. Правителемъ Ходженда былъ Тимуръ-Меликъ, воинъ столь храбрый, что Рустемъ и Эсфендіяръ въ день битвы не устояли бы противъ него. Въ Ходжендѣ, на срединѣ рѣки, былъ островъ; на немъ Тимуръ-Меликъ построилъ крѣпость, столь твердую, что ни одна рука созданнаго не могла взять ее. Въ этой крѣпости заперся Тимуръ-Меликъ съ тысячью человѣкъ. Алакъ-нойянъ и Сюкту-бука, увидѣвши эту крѣпость, изумились и говорили: „какъ взять ее?“ Тимуръ-Меликъ велѣлъ построить двѣнадцать судовъ,

покрыть ихъ палубами для защиты отъ стрѣлъ; а чтобы съ нихъ стрѣлять. велѣлъ прорубить въ нихъ окна; эти суда онъ такъ устроилъ, что ни стрѣлы, ни камнеметальныя орудія не могли вредить имъ: садясь на эти суда, въ продолженіе дня, воины его такъ храбро сражались, что сами Монголы одобряли ихъ. Не могши ихъ преодолѣть, напослѣдокъ Монголы соединили всѣ свои силы, которыхъ было около пятидесяти тысячъ, и, поставивши въ переднихъ рядахъ Таджиковъ, стали бросать на суда камни и чурбаны, но камни и чурбаны, отбиваемые, падали въ воду. Наконецъ, когда Монгольское войско стало одолѣвать, Тимуръ-Меликъ, уложивъ багажъ на семьдесятъ лодокъ съ тысячью воиновъ сѣлъ на тѣ двѣнадцать судовъ и ночью поплылъ внизъ по серединѣ рѣки. Алакъ-нойянъ и Сюкту-бука дали повелѣніе Монголамъ по берегу рѣки преслѣдовать Тимуръ-Мелика; Монголы по берегу рѣки шли рядомъ съ судномъ Тимуръ-Мелика и непрестанно сражались. Тимуръ-Меликъ, когда доплылъ до города Фенакенда, сверхъ чаянія увидѣлъ, что надъ рѣкою протянута большая цѣпь. Не могши плыть далѣе, Тимуръ-Меликъ розмысламъ велѣлъ разорвать эту цѣпь; она распалась на части и суда его прошли. Но Монголы, быстро продолжая преслѣдованіе, обступили рѣку на всѣхъ пунктахъ и грозили Тимуръ-Мелику пораженіемъ. Тимуръ-Меликъ, видя опасность, вышелъ изъ рѣки и пошелъ въ Харезмъ сухимъ путемъ. Монгольскія войска, раздѣлившись на отряды, преслѣдовали Тимуръ-Мелика, и, настигнувъ Тимуръ-Мелика, сдѣлали на него сильный натискъ. Тимуръ-Меликъ съ тысячью своихъ витязей, оказалъ большую храбрость. Напослѣдокъ его воины всѣ были убиты; за Тимуръ-Меликомъ гнались три Монгола, а у него осталось только три стрѣлы; на одной изъ нихъ не было острія; этою стрѣлою безъ острія онъ попалъ въ глазъ одному изъ трехъ Монголовъ и вышибъ ему глазъ. Монголы, видя это, перестали гнаться за нимъ. Тимуръ-Меликъ пришелъ въ Харезмъ, изъ Харезма, взявъ вой-

ска, пошелъ въ Кятъ. Въ Кятѣ онъ истребилъ гарнизонъ, оставленный тамъ Чингизъ-ханомъ, и возвратился въ Харезмъ, а оттуда пошелъ къ султану Мохаммеду. Султанъ Мохаммедъ изъявилъ ему много ласки и благоволенія. Отъ него онъ удалился въ Шамъ; проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ опять возвратился въ Ходжендъ. Увидѣвъ, что Чингизъ-ханъ поставилъ правителемъ Ходженда своего сына, онъ съ своимъ сыномъ, Данишменди, отправился къ Огдай-хану. На дорогѣ онъ повстрѣчался съ однимъ изъ близкихъ къ Монгольскому государю чиновниковъ. Этотъ узналъ его и, когда вступивъ съ нимъ въ разговоръ, спросилъ о битвахъ его съ Монголами, онъ отвѣчалъ ему такъ, что чиновникъ тотъ разсердился, пустилъ въ него стрѣлу, и Тимуръ-Меликъ на этомъ мѣстѣ былъ убитъ. Алакъ-нойянъ и Сюкту-бука, взявши Ходжендъ, пошли къ Самарканду и соединились съ войскомъ Чингизъ-хана.

Взятіе Чингизъ-ханомъ Самарканда.

Султанъ Мохаммедъ, шахъ Харезмскій, страшась Монгольскаго войска, оставилъ въ Самаркандѣ сто десять тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ тридцати хановъ. Шестьдесятъ тысячъ Тюрковъ и пятьдесятъ тысячъ Таджиковъ въ этомъ войскѣ были таковы, что каждый изъ нихъ въ битвѣ не отвратилъ бы своего лица отъ лютаго тигра, отъ разъяреннаго слона. При этомъ войскѣ онъ оставилъ также двадцать слоновъ. Кромѣ тѣхъ воиновъ, о которыхъ мы сказали, было много и другихъ людей, которымъ не было счета и смѣты. Они выкопали вокругъ крѣпости ровъ, проведши его до рѣки. Чингизъ-ханъ, во время похода къ Отрару, услышавъ объ укрѣпленіи Самарканда и о многочисленности тамъ силъ, отрядилъ своихъ сыновей къ Отрару, нойяновъ послалъ въ окрестности Самарканда, самъ пошелъ къ Бухарѣ; взявъ Бухару, онъ подступилъ къ Самарканду. Его сыновья, покорив-

ши Отраръ, и нояйны, опустошивши область Самаркандскую, при Самаркандѣ соединились съ ордою завоевателя-хана. Войско, оставленное Харезмскимъ шахомъ въ Самаркандѣ, въ безчисленныхъ силахъ вышло чрезъ городскія ворота, начало съ однимъ изъ отрядовъ Чингизъ-ханова войска битву столь жестокую, что Харезмійцы въ этой битвѣ убили нѣсколько Монголовъ, часть ихъ взяли въ плѣнъ и, возвратясь, вошли въ Самаркандъ. На другой день, завоеватель міра самъ повелъ войско въ битву: въ этотъ день сраженіе было таково, что послѣ него никто изъ Харезмійцевъ не осмѣливался выходить изъ воротъ; но они храбро бились со стѣнъ крѣпости до самаго вечера. Тогда шейхъ-уль-ислямъ и кади Самаркандскіе явились къ хану и просили пощады; ханъ, съ своей стороны, оказалъ имъ милость и благоволеніе. Шейхъ-уль-ислямъ и кади, отправясь назадъ въ городъ, отворили Намазъ-гахскія ворота. Монголы быстро подошли, вошли въ городъ и отворили всѣ другія ворота; тогда всѣ Монголы вступили въ крѣпость и бросились грабить. Схвативъ многихъ изъ сановниковъ султана Мохаммеда, они убили до тысячи человѣкъ изъ нихъ такихъ, которые носили титло хановъ. Тридцать тысячъ лучшихъ гражданъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми были отданы нойянамъ; для шейхъ-уль-исляма и кадія были пощажены пятьдесятъ тысячъ семействъ, съ прочихъ они взяли дани двѣсти тысячъ червонцевъ. Эти событія совершились въ шестьсотъ шестнадцатомъ году (1219 Р. Х).

Походъ сыновъ Чингизъ-хановыхъ въ Харезмъ.

Побѣдоносный ханъ, покоривъ Самаркандъ и Бухару, отрядилъ Джучи-хана, Окдай-каана и Джагатай-хана въ Харезмъ. Царевичи съ безчисленною ратію выступили въ походъ на Ургенджъ. Въ это время въ Харезмѣ изъ бековъ шаха Харезмскаго были Хаммаръ-тегинъ, Монголъ, Хаджебъ и Фе-

ридунъ-гури. Хаммаръ-тегинъ былъ братъ Тюркань-хатуни, матери Харезмскаго шаха. Онъ поставилъ его правителемъ въ Ургенджѣ. Въ Ургенджѣ было столько народа изъ придворныхъ чиновниковъ Харезмскаго шаха, изъ вельможъ и благородныхъ, что число ихъ знаетъ только Всевышній Богъ. Эти мусульмане жили, не обращая вниманія на превратности судьбы: вдругъ небольшой отрядъ конныхъ Монголовъ явился у городскихъ воротъ и угналъ стоявшихъ тамъ коней иословъ. Около тысячи человѣкъ, конныхъ и пѣшихъ, пустились въ погоню за Монголами. Въ разстояніи на одинъ фарсахъ отъ Ургенджской крѣпости былъ садъ, называвшійся Баги-хоррамъ: при этомъ садѣ они настигли Монголовъ. Въ томъ мѣстѣ много Монголовъ укрывалось въ засадѣ: ихъ конница вдругъ съ двухъ сторонъ бросилась на Ургенджцевъ; битва была столь жестока, что изъ множества Ургенджцевъ возвратились въ крѣпость только человѣкъ десять. Монголы, преслѣдуя ихъ, дошли до предмѣстія Тенуре, напали на это предмѣстіе, до самаго вечера грабили его и, зажегши его, отступили. На слѣдующее утро, отрядъ Монголовъ подошелъ къ крѣпости, и, расположившись цѣпью вокругъ города, осматривалъ крѣпость. Князь султана Мохаммеда, шаха Харезмскаго, Феридунъ-гури, съ пятью стами человѣкъ, стоялъ у городскихъ воротъ и видѣлъ, что Джучи-ханъ, Огдай-каанъ и Джагатай-ханъ, съ безчисленнымъ конным войскомъ, подошли къ Ургенджу и осадили его со всѣхъ сторонъ. Царевичи прислали въ Ургенджь посла и говорили: „если вы, покорившись намъ, будете нашими подданными, то сами вы будете спасены, ваши семейные не будутъ плѣнниками и рабами“. Ургенджцы не согласились на это и не преклонили выи своей для покорности. Послѣ того Харезмское войско, въ продолженіе семи мѣсяцевъ, каждый день съ утра до вечера, сражалось. Монголы, вокругъ Ургенджа не находя камней для катапультъ, рубили стволы тутовыхъ деревъ, клали ихъ въ катапульты и бросали въ осажденный городъ. Монголы

задумали отвести въ сторону рѣку Джейхунъ, чтобы отнять воду у Ургенджцевъ. Для отведенія Джейхуна три тысячи Монгольскаго войска заняли то мѣсто, гдѣ хотѣли остановить рѣку. Ургенджцы узнали объ этомъ дѣлѣ, вышли изъ города, и, окруживши тѣ три тысячи Монголовъ, такъ сильно ударили на нихъ, что изъ трехъ тысячъ не спасся ни одинъ человѣкъ. Монголы никакъ не могли взять Ургенджа, потому что между царевичами возникнулъ раздоръ. Чингизъ-ханъ, услышавъ, что они не могли взять Ургенджа въ продолженіе семи мѣсяцевъ, чрезъ посла сказалъ: „Джучи-ханъ и Джагатай-ханъ должны Окдай-каана считать своимъ вождемъ и подчиняться его распоряженіямъ, другъ другу не противиться, и, при такомъ единодушіи, храбро биться съ Харезмійцами.“ Царевичи, получивши такой приказъ отъ отца, подчинились Окдаю, прекратили между собою ссоры, и мужественно противуставши Харезмскому войску, давали жестокія битвы. Наконецъ, взявши Ургенджъ, во всѣхъ частяхъ зажгли его, всѣхъ жителей выгнали въ поле; изъ нихъ выбрали до ста тысячъ семействъ, занимавшихся какими-нибудь ремеслами; молодыхъ людей, женщинъ и дѣтей взяли въ рабство; а остальныхъ жителей раздѣлили между воинами: каждому въ войскѣ досталось по двадцати четыре человѣка; царевичами данъ приказъ убить ихъ и Монголы всѣхъ ихъ перебили.

Разсказываютъ, что какъ слава господина шейха Неджмъ-уд-дина разносилась въ мірѣ, то царевичи послали человѣка сказать шейху, чтобы онъ съ своимъ семействомъ вышелъ изъ крѣпости и пришелъ къ нимъ, дабы ему не подвергнуться участи растаптываемыхъ конями Монгольскими. Шейхъ имъ отвѣчалъ: „я не одинъ; при мнѣ есть родственники и ученики“. Царевичи сказали: съ десятью человѣками пусть придетъ; шейхъ отвѣчалъ, что при немъ болѣе десяти; царевичи сказали: пусть съ сотнею человѣкъ идетъ; шейхъ отвѣчалъ, что у него больше сотни; царевичи сказали: съ тысячею человѣкъ можетъ прійти. Шейхъ послалъ имъ отвѣтъ: „въ счаст-

ливое время я былъ всѣмъ этимъ людямъ пріятелемъ, другомъ, помощникомъ: какъ же мнѣ бросить ихъ въ день бѣдствія? не могу идти отъ нихъ". Въ это время Монголы нахлынули на часть города, гдѣ былъ шейхъ. Шейхъ своими руками нѣсколькихъ Монголовъ проводилъ въ глубину геенны и самъ въ то же время былъ убитъ; сказано: „мы Божіи и къ Богу возвратимся".

Походъ Чингизъ-хана на Нахшебъ, Термизъ и Балхъ.

Чингизъ-ханъ, покоривъ Мавераннегръ, послалъ царевичей къ Харезму, а самъ пошелъ въ Самаркандъ. Пробывъ весну въ Самаркандѣ, онъ приступилъ къ Нахшебу, отъ Нахшеба перешелъ къ Термизу. Жители Термиза, не покоряясь ему, выставили свои ополченія и сразились съ нимъ. Напослѣдокъ Чингизъ-ханъ взялъ Термизъ и истребилъ жителей его. Въ это время Монголы захватили одну женщину и хотѣли убить ее. Женщина сказала: „не убивайте меня, я вамъ дамъ прекрасную жемчужину". Они спросили: гдѣ же эта жемчужина? Женщина отвѣчала: „жемчужину я проглотила; она у меня въ брюхѣ". Монголы распороли брюхо женщины, взяли жемчужину. Поэтому не осталось ни одного убитаго, у котораго они не распороли бы брюха.

Побѣдоносный ханъ, выступивъ изъ Термиза, пошелъ къ Балху. Въ то время Балхъ былъ столько благоустроенъ, что въ немъ было тысяча двѣсти главныхъ мечетей и тысяча двѣсти бань. Дѣло началось тѣмъ, что жители Балха и чиновники ихъ предстали предъ хана и просили пощады; ханъ не согласился, потому что султанъ Джелаль-эд-динъ былъ живъ, а доколѣ онъ живъ, эти люди не перестанутъ противодѣйствовать хану. Послѣ того ханъ вступилъ въ жестокую борьбу съ жителями Балха и овладѣлъ городомъ. Избивъ жителей, крѣпость Балхскую онъ сравнялъ съ землею.

Кончивъ покореніе Балха, онъ послалъ въ Хорасанъ Тули-хана съ нѣсколькими нойянами, а самъ приступилъ къ Талкану. Городъ Талканъ былъ сильно укрѣпленъ; жители его не хотѣли покориться, заготовивъ все нужное для войны, они начали борьбу съ завоевателемъ міра. Ратоборствовали семь мѣсяцевъ. Въ теченіи этого времени Тули-ханъ покорилъ Хорасанъ, и, съ многочисленною ратію своею, соединился съ отцемъ своимъ подъ Талканомъ. Соединенныя ихъ войска вступили въ жестокую битву съ Талканцами, поразили ихъ и всѣхъ избили, не оставивъ ни одного человѣка, даже грудныхъ дѣтей, и крѣпость сравняли съ землею.

Перешедши къ Андерабу, онъ взяли этотъ городъ, умертвили жителей его и раззорили крѣпость.

Оттуда они перешли къ Баміану. Баміанцы заперлись въ городѣ, дали много сраженій и оказали большое мужество. Въ одну изъ этихъ битвъ Джагатай-хановъ сынъ пораженъ стрѣлою и умеръ. Побѣдоносный ханъ любилъ этого сына его; огорченный симъ событіемъ, онъ, испуская изъ гортани своей дымъ гнѣва, далъ приказъ, чтобы Монголы взяли крѣпость штурмомъ. Монголы бросились на крѣпость, овладѣли ею, избили великихъ и малыхъ, хорошихъ и худыхъ, мущинъ и женщинъ, не оставивъ ни одного человѣка, и крѣпость сравняли съ землею. Чингизъ-ханъ эту крѣпость назвалъ Мау-балыгъ, что значитъ „злой городъ“.

Битва Чингизъ-хана съ султаномъ Джелаль-эд-диномъ и бѣгство послѣдняго за рѣку Синдъ.

Въ это время Чепе-нойянъ, Субудай-багадуръ и Тугаджаръ-конкиратъ посланы были Чингизъ-ханомъ преслѣдовать султана Мохаммеда; Ханъ-меликъ, государь Гератскій, чрезъ посла, изъявилъ свою готовность покориться имъ и ждалъ отвѣта. Тугаджаръ, не вѣря его словамъ, вступилъ въ битву

съ нимъ, но былъ убитъ стрѣлою, пущенною изъ города. По этой причинѣ Ханъ-меликъ сталъ бояться Чингизъ-хана, и въ то же время услышавъ, что султанъ Джелалъ-эд-динъ пришелъ въ Газнинъ, отправилъ къ нему посла сказать: „я иду служить тебѣ; не теряй мужества!“ Чингизъ-ханъ съ своей стороны, для наблюденія, выслалъ на дороги Газнина, Гурчистана, Забиля и Кабула тридцать тысячъ воиновъ подъ начальствомъ Шенки, Кутуку-нойяна, Текеджака, Мулки и Укяръ-калчава: имя Калдчавъ будто значитъ „шутникъ“. Кутуку-нойянъ, услышавъ, что Ханъ-меликъ идетъ на соединеніе съ султаномъ Джелаль-эд-диномъ, быстро погнался въ слѣдъ за нимъ и вечеромъ настигъ его: не имѣя возможности вступить въ битву ночью, отложилъ сраженіе до утра и провелъ тутъ ночь. Но Ханъ-меликъ ночью шелъ далѣе и соединился съ султаномъ. Текеджакъ и Мулка, съ отрядомъ войска, отдѣлившись отъ Кутуку-нойяна, осадили крѣпость Даліянъ и надѣялись уже ее взять: тогда султанъ Джелаль-эд-динъ, соединивъ многочисленныя войска свои, быстро пришелъ къ Даліяну, захватилъ и убилъ тысячу человѣкъ изъ сторожеваго отряда Монгольскаго; остальные обратились въ бѣгство и присоединились къ Кутуку-нойяну. Султанъ-Джелаль-эд-динъ, поставивъ Ханъ-мелика на правомъ крылѣ, Сейфъ-эд-дина-мелика на лѣвомъ, а самъ, составляя центръ арміи, пошелъ на Монголовъ; Монголы, также построившись въ боевой порядокъ, вступили въ битву: султанскаго войска было много—вся его пѣхота, Монголовъ было мало; сраженіе продолжалось до самаго вечера. Вечеромъ Монголы надѣлали чучелъ изъ войлока, изъ платковъ, усадили ихъ на лошадей, на верблюдовъ, и поставили ихъ позади себя въ боевомъ порядкѣ, какъ будто бы къ нимъ пришло войско и на слѣдующее утро готово дать сраженіе. Воины султана Джелаль-эддина, не понимая этой хитрости, подумали, что къ непріятелю пришли вспомогательныя войска и хотѣли бѣжать; султанъ Джелаль-эд-динъ кричалъ: „Монголы хитрятъ; не бой-

тесь!“ Послѣ того они, ободривши свои сердца, дружно напали на Монголовъ и обхватили ихъ со всѣхъ сторонъ. Монголы не выдержали нападенія и обратились въ бѣгство. Монголовъ много было убито. Шенки-кутуку, убѣжавъ съ немногими людьми, пришелъ къ хану. Чингизъ-ханъ, раздраженный этимъ, повелѣлъ собрать войско.

Султанъ Джелаль-эд-динъ обратно отправился домой. Монголовъ много взято было въ плѣнъ: раздѣливъ добычу, Ханъ-меликъ и Сейфъ-уд-динъ-меликъ въ дорогѣ поссорились между собою за одну лошадь. Ханъ-меликъ плетью ударилъ по головѣ Сейфъ-уд-дина, онъ жаловался на это султану; султанъ не разобралъ этого судебнымъ порядкомъ; потому Сейфъ-эд-динъ-меликъ, озлобясь, ночью отдѣлился со всѣми Канглійцами и ушелъ въ горы Керманскія. Въ это время султанъ Джелаль-эд-динъ услышалъ, что Чингизъ-ханъ идетъ на него съ безчисленнымъ войскомъ, и, не надѣясь устоять противъ него, рѣшилъ отступить и переправиться чрезъ рѣку Синдъ. Съ своей стороны Чингизъ-ханъ, совершая походъ и ночью и днемъ, пришелъ въ Газнинъ; тамъ онъ получилъ вѣсть, что султанъ Джелаль-эд-динъ находится отселѣ на разстояніи пятнадцатидневнаго пути. Оставивъ въ Газнинѣ правителя, онъ устремился къ берегамъ Синда, преслѣдуя султана. Султанъ же, приказавъ приготовить лодки, хотѣлъ на утро переправиться и уйти. Ханъ увидѣлъ, что если онъ въ эту ночь замедлитъ нападеніемъ, то непріятель на утро переправится и уйдетъ; со всѣхъ сторонъ онъ окружилъ войско султана, построясь въ три или четыре линіи. Монголовъ было вдвое или втрое больше Таджиковъ. Султанъ, при восхожденіи солнца, увидѣлъ, что онъ стоитъ между огнемъ и водою. Чингизъ-ханъ, сказавъ: „Султана схватите живаго“, отрядилъ въ авангардъ Угяръ-калчава и Кутуръ-калчава и велѣлъ конницѣ сдѣлать аттаку; нападеніе сдѣлано съ правой и лѣвой стороны; султанъ, съ пятью или шестью стами человѣкъ конницы, отражая на той и другой сторонѣ, съ утра до

полудня бился съ многочисленнымъ врагомъ и оказалъ много храбрости. Наконецъ, когда Монголы пробились въ самую средину его войска и ему оставалось только отдаться въ плѣнъ, онъ, спасаясь отъ бѣды, бросился въ рѣку и переплылъ чрезъ нее. Чингизъ-ханъ, видя этотъ подвигъ султана, похвалилъ его, и, обративъ рѣчь къ своимъ дѣтямъ, сказалъ: „таковыми дѣтьми да награждаетъ отцевъ природа!“ Чингизъ-ханъ захватилъ семейство и казну султана; послалъ Дурбай-нойяна и Бала-нойяна преслѣдовать султана; они проникли до средины Индостана, но, потерявши слѣды его и не получая вѣсти о немъ, возвратились. Чингизъ-ханъ отправился назадъ изъ этой страны, подчинивъ себѣ сосѣднія области и во всѣхъ ихъ поставивъ своихъ правителей, возвратился въ Самаркандъ и тамъ провелъ зиму.

Преслѣдованіе султана Мохаммеда войскомъ Чингизъ-хановымъ.

Чингизъ-ханъ, осаждая Балхъ, когда услышалъ, что султанъ Мохаммедъ съ немногими людьми вышелъ изъ Термиза и перешелъ на другую сторону рѣки Аму, послалъ Чепе-нойяна, Субудай-багадура и Тугаджаръ-конкирата въ слѣдъ за нимъ, давъ каждому изъ нихъ по десяти тысячъ человѣкъ, и сказавъ, чтобы они нигдѣ не останавливались, пока не схватятъ султана Мохаммеда. „Каждой изъ державъ, которая, покорившись вамъ, будетъ просить пощады, давайте пощаду; если же какіе народы не станутъ повиноваться, тѣхъ истребляйте, семейства и имущества ихъ берите въ плѣнъ, города ихъ сожигайте. Надѣюсь, что, до истеченія трехъ лѣтъ, эти дѣла должны быть окончены. Я не останусь здѣсь и отправлюсь въ свой юртъ; кончивъ ваше дѣло, вы въ этомъ же походѣ должны пройти по Дешти (Кипчаку)“. Князья, получивши отпускъ отъ Хана, переправились чрезъ рѣку и вступили въ Балхъ; изъ него пошли въ область Гератскую. Государь Гератскій, по

имени Ханъ-меликъ, вмѣстѣ съ подданными, встрѣтилъ ихъ съ дарами и изъявилъ свою покорность. Чепе нойянъ, не встрѣчая препятствій, отправился далѣе на преслѣдованіе султана Мохаммеда. Тугаджаръ-конкиратъ оставался назади; онъ, прибывъ къ Герату, не принялъ предложеній его жителей и съ ними началъ битву; Гератцы принуждены были отбиваться. Тугаджаръ, раненый стрѣлою, пущенною изъ города, умеръ; войско его отступило и соединилось съ Чепе-нойяномъ. Послѣ этого они дошли до Ясава. Ясавійцы не оказали имъ уваженія; они заперли ворота города; когда Монголы, не рѣшаясь останавливаться на своемъ походѣ, проходили мимо его, Ясавійцы, въ безразсудствѣ насмѣхаясь надъ Монголами, начали ругать ихъ. Послѣдніе, бывши раздражены ими, воротились, подступили къ крѣпости, три дня держали ее въ осадѣ, въ четвертый взяли, избили всѣхъ людей, не оставивши въ живыхъ ни одного человѣка; отселѣ пошли къ Нишабуру.

Въ то время султанъ Мохаммедъ получилъ вѣсть, что тридцать тысячъ Монголовъ, перешедши рѣку, несутся подобно бурѣ и ищутъ одного только султана, созвалъ своихъ князей, совѣтовался съ ними; по совѣту ихъ отправилъ свое семейство въ крѣпость Карундеръ, а самъ отступилъ къ Ираку; поручивъ защиту Нишабура Фахръ-эль-мюльку, Низамъ-эддину, Абуль-магаля-Кетибу и Зіа-уль-мюльку съ нѣсколькими другими князьями, онъ чрезъ Рей пошелъ въ Казвинъ. Въ немъ находится его сынъ султанъ Рукнъ-эд-динъ съ тридцатью тысячами человѣкъ; услышавъ о приближеніи отца, онъ вышелъ къ нему на встрѣчу; отселѣ султанъ Мохаммедъ другаго сына своего, султана Мохаммедъ-гайясъ-эд-дина, вмѣстѣ съ матерью его, отправилъ въ Карундеръ.

Между тѣмъ Чепе-нойянъ и Субудай-багадуръ, съ пути къ Нишабуру, отправили посла къ бекамъ, оставленнымъ тамъ султаномъ Мохаммедомъ, съ требованіемъ сдачи города; беки отъ себя послали трехъ человѣкъ съ богатыми да-

рами и говорили: „пусть представятъ намъ султана Мохаммеда; тогда все государство отдастся имъ“. Чепе-нойянъ послалъ къ нимъ письмо на уйгурскомъ языкѣ за печатію Чингизъ-хана; содержаніе его такое: „Всесильный Господь отдалъ мнѣ владычество надъ міромъ: кто мнѣ покорится, тотъ будетъ счастливъ; а кто не будетъ повиноваться, тотъ будетъ уничтоженъ“. Беки не замедлили сдать городъ.

Монголы, взявши изъ Нишабура проводниковъ, пошли далѣе по слѣдамъ султана Мохаммеда. Перешедши въ Мазандеранъ, они въ немъ умертвили много жителей, сравняли крѣпость съ землею и выступили на дорогу къ Асфарайну. Встрѣчавшихся имъ на этомъ пути городовъ они не тревожили, когда они покорялись имъ; раззоряли до основанія тѣ, которые имъ не покорялись. Обложивъ отрядомъ войска крѣпость Иланъ, въ которой находилась мать султана, они пошли къ Рею; овладѣвъ Реемъ, истребили жителей его, раззорили до основанія крѣпость его. Харезмскій шахъ, получивъ вѣсть объ этомъ, не зналъ куда дѣться, совѣтовался со всѣми князьями, и въ страхѣ, нигдѣ не находя себѣ убѣжища, ушелъ въ Карундеръ; а изъ людей, при немъ бывшихъ, каждый бѣжалъ въ свою сторону. Когда Харезмскій шахъ шелъ къ Карундеру, встрѣтился съ отрядомъ Монголовъ; началась битва, султанъ Мохаммедъ, когда конь подъ нимъ раненъ былъ стрѣлою, обратился въ бѣгство и пошелъ въ Карундеръ, но, не смѣя остановиться и тутъ, принялъ направленіе къ Гилану; Монголы, преслѣдуя его, вступали въ жаркія битвы съ нимъ; они гнались за султаномъ Мохаммедомъ не со всѣми силами, оставивъ часть ихъ подъ Карундеромъ. Султанъ Мохаммедъ, семь дней пробывъ въ Гиланѣ, выступилъ къ Истидару; на дорогѣ онъ потерялъ свою казну и отселѣ пошелъ къ Каспійскому морю, переправился на одинъ изъ острововъ его, Абискунъ, но и на немъ не смѣлъ остановиться. Въ то время, какъ султанъ вышелъ изъ Гилана, Монголы также пошли за нимъ, но, не нашедши его, поворотили

и пришли къ Карундеру: въ немъ были нѣкоторыя изъ женъ и дѣтей султана; Монголы захватили здѣсь ихъ въ плѣнъ. Младшія изъ дѣтей его были въ крѣпости Иланѣ; Монголы пошли къ ней и осадили ее. Говорятъ, что отъ Адама до настоящаго времени здѣсь не было недостатка въ дождѣ; жители города, выкапывая водохранилища, собирали въ нихъ столько воды, что не имѣли въ ней недостатка, хотя бы имъ приводилось цѣлые годы сидѣть въ осадѣ; но въ это время, къ счастію Чингизъ-хана и злополучію султана Мохаммеда, шаха Харезмскаго, не упало ни одной капли дождя; чрезъ пятнадцать дней воды не стало. Визирь султана Мохаммеда, Насръ-эд-динъ, вышелъ изъ крѣпости, явился предъ Чепеноянномъ и—тотчасъ пролился такой дождь, что потекли ручьи. Монголы взяли казну и сокровища, какія тамъ были; визиря, мать и дѣтей султана отослали къ Чингизъ-хану. Чингизъ-ханъ велѣлъ убить визиря и дѣтей султана. Султанъ Мохаммедъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, пораженъ былъ скорбію, упалъ безъ-чувствъ, и уже не приходилъ въ себя. „Мы Божіи, и къ Богу возвратимся“. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, не нашли полотна для савана, и въ одеждѣ, какая была на немъ, похоронили его. Это событіе совершилось въ годъ змѣи, въ шестьсотъ семнадцатомъ году гиджры (1220 Р. Х.). Султанъ Мохаммедъ царствовалъ двадцать одинъ годъ.

Монголы вступили въ области Нахичеванскую и Адзербайджанскую, и, опустошивши ихъ, вошли въ Ширванъ. Взявши десять проводниковъ изъ Шамахи, они одного изъ нихъ убили, чтобы устрашить остальныхъ, и этимъ послѣднимъ сказали: „если вы не поведете насъ по хорошей дорогѣ, то мы то же съ вами сдѣлаетъ, что сдѣлали съ вашими товарищами“, и приказали имъ вести себя; они повели ихъ по Дербендской дорогѣ. Въ то время эти пути были заняты Кипчаками и Аланами. Субудай-багадуръ, отправивъ человѣка къ Кипчакамъ, говорилъ имъ: „вы намъ братья, а Аланы

намъ чужіе; не помогайте имъ, а будьте дружны съ нами". При этомъ посланы были богатые подарки. Кипчаки, склонившись на слова Монголовъ, отдѣлились отъ Аланъ. Когда эти остались безпомощными, Монголы напали на нихъ, поразили, разграбили и плѣнили. Кипчаки обратились къ Руси и, получивъ отъ нея вспомогательную рать, пошли на Монголовъ. Монголы, увидѣвши ихъ, захотѣли обмануть ихъ ложнымъ отступленіемъ; Кипчаки подумали, что они бѣгутъ отъ страха, погнались за ними, двѣнадцать дней преслѣдовали ихъ. Тогда Монголы вернулись назадъ, напали на нихъ: въ продолженіе семи дней бились съ ними; наконецъ ихъ одолѣли, поразили, истребили. Захвативъ много добычи и плѣнниковъ, они съ весельемъ и торжествомъ возвратились ко двору Чингизъ-хана. Доставивъ богатую добычу, они представили отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; ханъ, съ своей стороны, похваливъ ихъ подвиги, осыпалъ ихъ наградами и милостями.

Отправленіе Тули-хана Чингизъ-ханомъ въ Хорасанъ.

Ханъ, покоривъ Балхъ, послалъ Тули-хана въ Хорасанъ. Тули-ханъ, взявъ осемьдесятъ тысячъ человѣкъ Чингизъ-ханова войска, выступилъ къ Мерву. Въ то время Хорасанъ былъ въ самомъ отличномъ состояніи, такъ что Мервскіе поселяне, гордясь своимъ большимъ богатствомъ и изобиліемъ, считали себя лучшими подданными государя и ставили себя выше бековъ. Предъ тѣмъ временемъ султанъ Мохаммедъ поставилъ Мервскимъ правителемъ Меджд-уль-мюлька; но когда въ Меджд-уль-мюльковомъ управленіи открылась нѣкоторая неисправность, то султанъ Мохаммедъ, отрѣшивъ Меджд-уль-мюлька отъ должности, поставилъ правителемъ Мерву Бегаръ-эль-мюлька. Когда султанъ Мохаммедъ удалился въ Иракъ, а Меджд-уль-мюлькъ шелъ для соединенія

съ султаномъ, въ Иракѣ разнесся слухъ, что Монгольское войско вступило въ Хорасанъ. Султанъ Мохаммедъ послалъ правителю Мерва такой приказъ: „когда придетъ на тебя Монгольское войско, ты не вступай съ нимъ въ битву, но покорись ему и сдай Мервъ“. Когда это повелѣніе пришло къ правителю Мерва, Бегаръ-эль-мюльку, онъ, не считая для себя хорошимъ оставаться въ Мервѣ, перешелъ въ крѣпость Язеръ и въ ней заперся, а изъ жителей Мерва нѣкоторые удалились въ другія области, иные, которыхъ жизнь достигла своего предѣла, остались въ Мервѣ. Въ это время два военачальника изъ войска Тули-ханова съ большими силами пришли къ Мерву. Намѣстникъ Бегаръ-эль-мюлька, Шейхъ-уль-ислямъ и всѣ жители вышли изъ города, явились къ военачальникамъ и, изъявивши имъ свою покорность, отдали имъ имущество. Нойяны, удовольствовавшись этимъ имуществомъ, отступили отъ Мерва. Въ это время одинъ чиновникъ султана Мохаммеда, по имени Бука-тюркманъ, съ нѣсколькими Тюркманами скрывался въ одной безлюдной, дикой степи, лежащей въ окрестностяхъ Мервскихъ; по отшествіи Монгольскаго войска, онъ изъ этого убѣжища выступилъ и, согласившись съ Тюркманами, вошелъ въ Мервъ. Тогда разбѣжавшіеся и скрывавшіеся по сторонамъ Тюркманы, Таджики, слуги султана Мохаммеда, собрались къ Букѣ-тюркману, и, препоясавши чресла свои поясомъ службы, составили безчисленную рать при Букѣ-тюркманѣ. Въ то самое время, какъ распространилась вѣсть, что султанъ Мохаммедъ на островѣ Абискунѣ перешелъ изъ тлѣннаго жилища въ вѣчное, прежній правитель Мерва, Меджд-уль-мюлькъ сѣлъ на мула и пріѣхалъ изъ Ирака въ Мервъ. Бука-тюркманъ, по пристрастію къ власти, не пустилъ Меджд-уль-мюлька въ Мервъ; черезъ нѣсколько дней Меджд-уль-мюлькъ, употребивъ хитрость, вошелъ въ городъ; всѣ Мервцы, находившіеся подъ властію Буки, предались Меджд-уль-мюльку и поставили его правителемъ. Предъ этимъ временемъ жители Сяр-

хаса покорились Монголамъ, и шейхъ-уль-исляма Сярхасскаго поставили правителемъ въ Сярхасѣ. Шейхъ-уль-ислямъ Мервскій послалъ письмо къ шейхъ-уль-исляму Сярхасскому съ жалобами на Меджд-уль-мюлька. Гонцы Меджд-уль-мюлька схватили людей-шейхъ-уль-ислямовыхъ, отняли письмо и представили его Меджд-уль-мюльку. Меджд-уль-мюлькъ, прочитавъ это письмо, велѣлъ убить шейхъ-уль-исляма и трупъ его стащить за ноги и бросить въ рѣку. Выше мы сказали, что послѣдній изъ Мервскихъ правителей, Бегаръ-уль-мюлькъ, заперся въ крѣпости Язерѣ; онъ вышелъ изъ Язера, пошелъ въ Мазандеранъ къ воеводамъ Монгольскимъ и, разсказавъ, что дѣлается въ Мервѣ, говорилъ: „дайте мнѣ войска; я пойду и покорю вамъ Мервцевъ. На каждый годъ буду доставлять въ дань тканей, каждому изъ васъ на одинъ кафтанъ“. Монгольскіе князья согласились на его предложеніе, дали ему семь тысячъ человѣкъ войска и послали къ Мерву. Бегаръ-уль-мюлькъ съ семью тысячами Монголовъ отправился въ походъ и прибылъ въ мѣстечко Шагристанъ. Тутъ онъ узналъ, что Меджд-уль-мюлькъ сдѣлался правителемъ Мерва; что при немъ осемьдесятъ тысячъ человѣкъ войска; съ однимъ Монголомъ и Календеромъ послалъ отъ себя Меджд-уль-мюльку письмо, въ которомъ писалъ: „съ Монголами воевать вамъ не должно. Такъ какъ при мнѣ семь тысячъ Монголовъ, то лучше всего, чтобы вы намъ предались и покорились“. Пришедши въ Мервъ, Монголы отдали письмо Меджд-уль-мюльку. Меджд-уль-мюлькъ, вникнувъ въ смыслъ этого письма, велѣлъ обоихъ этихъ посланцевъ убить и на дорогѣ поставилъ стражу. Когда это услышали семь тысячъ Монголовъ, шедшихъ съ Бегаръ-уль-мюлькомъ, то они его убили и ушли назадъ. Меджд-уль-мюлькъ, услышавъ объ этомъ поступкѣ Монголовъ, почелъ свое положеніе безопаснымъ и съ лучшими изъ Мервцевъ предался пьянству и веселостямъ; но въ это время правитель Амувіи, Ихтіяръ-эддинъ, Тюркманъ, съ нѣсколькими Тюркманами пришелъ въ

Мервъ и сказалъ Меджд-уль-мюльку, что Монгольское войско идетъ для осады Мерва, что одинъ отрядъ этого войска пришелъ къ Амувіѣ и что съ минуты на минуту надобно ждать прихода Монголовъ къ Мерву. Меджд-уль-мюлькъ сильно встревожился, велѣлъ народу приготовить нужное въ случаѣ осады крѣпости; а Ихтіяръ-эд-динъ съ нѣсколькими Тюркманами, по общему соглашенію между ними, расположился станомъ на берегу одной большой рѣки, между Монгольскимъ войскомъ и Мервомъ. Отрядъ Монгольскаго войска въ восемьсотъ человѣкъ подошелъ къ стану Тюркмановъ, пустилъ на него свою конницу, разграбилъ весь станъ, людей избилъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ взялъ въ плѣнъ. Въ это время Тули-ханъ, завоевавъ Нишабуръ, Сярхасъ и нѣсколько другихъ городовъ въ Хорасанѣ, съ безчисленнымъ, съ несмѣтнымъ войскомъ пришелъ и обложилъ Мервъ, въ началѣ мѣсяца Мохаррема, въ шестьсотъ осьмнадцатомъ году (1221 Р. Х.). Мервское войско сдѣлало вылазку, бросилось въ бой и въ одинъ часъ убито было до тысячи Монголовъ. Двадцать дней продолжались битвы; наконецъ, Тули-ханъ, озлобясь, слѣзъ съ коня и пѣшій, прикрывъ голову щитомъ, побѣжалъ къ воротамъ Мерва: всѣ Монголы устремились вслѣдъ за ханомъ. Въ этотъ разъ Мервцевъ, вышедшихъ изъ крѣпости и сражавшихся, было осемьдесятъ тысячъ; всѣ они побѣжали и ушли въ крѣпость; около двухсотъ полковъ Монгольскихъ обступило крѣпость. Меджд-уль-мюлькъ увидѣлъ, что онъ не можетъ противоборствовать такому войску; въ этой крайности выслалъ посла къ Тули-хану съ словами: „отдаюсь и покоряюсь“. Послѣ того Меджд-уль-мюлькъ съ богатыми дарами вышелъ изъ крѣпости, смѣло предсталъ предъ лице хана. Ханъ потребовалъ отъ Меджд-уль-мюлька имущества и сокровищъ города, отпустивъ правителя подъ прикрытіемъ двухсотъ Монголовъ. Послѣ того дано повелѣніе жителей городскихъ вывести въ поле; четыре дня выводили горожанъ въ поле, оставили въ немъ только четыреста человѣкъ ремес-

ленниковъ. Исключая сихъ послѣднихъ, всѣхъ мущинъ, женщинъ, дѣтей раздѣлили войску, на каждаго Монгола пришлось по четыреста человѣкъ, и каждый доставшуюся ему часть людей убилъ. Нѣкто Сеидъ-Газзъ-уд-динъ съ нѣсколькими писцами вышелъ изъ города, переписалъ убитыхъ людей. Тринадцать дней они перечисляли погибшихъ подъ стѣнами города, кромѣ убитыхъ въ полѣ ихъ было милліонъ триста тысячъ человѣкъ. Напослѣдокъ, по распоряженію хана, Монголы разрушили Мервскую крѣпость и всѣ въ немъ зданія, такъ что не осталось и слѣдовъ ихъ. Одного изъ вельможъ Мерва, эмира Зія-уд-дина поставилъ въ Мервѣ правителемъ, сказавъ, чтобы народъ, спасшійся чрезъ побѣгъ и укрывательство, занялся земледѣліемъ, и Ярмета поставилъ надъ ними даругою, а самъ выступилъ изъ Мерва и быстро пошелъ къ Нишабуру. Послѣ этого народъ три раза собирался въ Мервѣ, но находилъ тамъ гибель. Въ одномъ изъ этихъ истребленій было убито народа до шестидесяти тысячъ.

Походъ Тули-хана къ Нишабуру.

Тули-ханъ, покоривъ Мервъ, отправился къ Нишабуру. Нишабурцы выслали къ хану своихъ судей и просили пощады; онъ ея не далъ; произошла упорная битва; Нишабуръ былъ взятъ и жители его избиты. Въ немъ убито тысяча семьсотъ сорокъ человѣкъ, кромѣ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей.

Походъ Тули-хана къ Герату.

Тули-ханъ, опустошивъ Нишабуръ, пошелъ къ Герату. Когда онъ приблизился къ Герату, послалъ къ первымъ вельможамъ Гератскимъ своего чиновника, по имени Зенбура, и велѣлъ сказать: „покоритесь намъ, чтобы самимъ вамъ избавиться отъ смерти и вашимъ семействамъ отъ плѣна и

рабства". Предъ этимъ временемъ султанъ Мохаммедъ Джелаль-эд-динъ поставилъ правителемъ Герата Мелика-шемсъ-уд-дина Мохаммеда, и, ввѣривъ ему сто тысячъ человѣкъ, самъ удалился. Меликъ-шемсъ-эд-динъ Мохаммедъ велѣлъ убить посла Тули-ханова, заперъ крѣпость и началъ поспѣшно приготовлять все нужное къ отраженію врага. Тули-ханъ, услышавъ, что посолъ его убитъ, въ гнѣвѣ двинулъ войско къ Герату и осадилъ его. Въ продолженіе семи дней происходили битвы столь жестокія, что въ рѣкѣ текла не вода, а кровь; на Тули-хановой сторонѣ убито было до тысячи семисотъ бековъ. Въ осьмой день Монголы сдѣлали приступъ къ крѣпости и войско Меликъ-шемсъ-эд-дина Мохаммеда сдѣлало вылазку; произошелъ жестокій бой. Въ этой битвѣ Меликъ-шемсъ-эд-динъ Мохаммедъ, пораженный стрѣлою, былъ убитъ. Тули-ханъ съ двумя стами человѣкъ подскакалъ къ воротамъ Герата, и, снявъ съ головы своей шлемъ, кричалъ городскимъ жителямъ: „жители Герата! знайте и вѣдайте: я сынъ Чингизъ-хановъ, Тули-ханъ; если не хотите себѣ смерти, а дѣтей и семейства ваши видѣть въ плѣну и рабствѣ и желаете покоя, выходите изъ города, явитесь ко мнѣ, и, покорившись мнѣ, доставляйте Чингизъ-хану въ каждый годъ половину того, что вы давали султану Джелаль эд-дину". Гератцы, выслушавши эти слова, раздѣлились на двѣ партіи; приверженцы султана Джелаль-эд-дина говорили: „не вступимъ въ подданство; не станемъ сдавать города!" Но горожане отворили ворота, вышли и явились предъ Тули-ханомъ. Ханъ, вступивъ въ городъ, велѣлъ избить двѣнадцать тысячъ человѣкъ изъ войска султана Джелаль-эд-дина; и, простивъ городскимъ жителямъ вину ихъ, далъ имъ правителя Меликъ-Абу-бекра, даругою сдѣлалъ одного изъ своей свиты, Монгола Мангкатая, а самъ отправился къ своему отцу и соединился съ нимъ въ Талканѣ.

По выходѣ Тули-хана, Меликъ-Абу-бекръ и Мангкатай вмѣстѣ правили и судили. Въ это время произошла великая

битва у Чингизъ-хановыхъ нойяновъ съ султаномъ Джелаль-эд-диномъ, между Газниномъ и Маміяномъ, и какъ нойяны худо дѣйствовали, то изъ Монголовъ много было убито въ этомъ сраженіи. Молва объ этой битвѣ разнеслась вездѣ, въ обоихъ Иракахъ, въ Хорасанѣ и въ Мавераннегрѣ. Народъ вообразилъ себѣ, что Чингизъ ханъ не можетъ стать лицемъ къ лицу противъ султана Джелаль-эд дина; поэтому жители Герата съ Меликъ-Абубекромъ убили даругу Мангкатая, взбунтовались противъ Чингизъ-хана и сдѣлали своимъ правителемъ Меликъ-Мубаризъ-эд-дина. Всемірный властитель, получивъ объ этомъ извѣстіе, не одобрилъ распоряженія Тули-ханова; онъ сказалъ ему: „если бы ты избилъ этотъ народъ, то такого бунта не было бы!“ и, разгнѣванный, послалъ на Гератъ Ильчиктай-нойяна съ восьмьюдесятью тысячами человѣкъ. „Возьми Гератъ, сказалъ ханъ, и не оставляй въ немъ ни одного живаго человѣка! „Ильчиктай-нойянъ отправился въ походъ и, прибывъ къ Герату, осадилъ его. Жители Герата до шести дней жестоко дрались съ нимъ: много пало и мусульманъ и невѣрныхъ. Наконецъ двадцать тысячъ воиновъ со всѣхъ четырехъ сторонъ устремились на городъ, вошли въ него и овладѣли имъ; избили весь народъ; шестьсотъ тысячъ человѣкъ было истреблено. Разрушивъ крѣпость Гератскую, Монголы сравняли ее съ землею. Въ Гератѣ только пятнадцать человѣкъ осталось живыхъ, кромѣ ихъ ни одной души не осталось.

Совѣщаніе Чингизъ-хана съ своими братьями и сыновьями о возвращеніи въ Монголію.

Чингизъ-ханъ покорилъ Ирапъ и Туранъ, и одни изъ враговъ его погибли, другіе, убѣжавъ, трепетали предъ его грознымъ могуществомъ: при такомъ положеніи его дѣлъ, изъ Китая получена вѣсть, что Китайцы возмутились и отложились отъ Чингизъ-хана. Ханъ, получивъ это извѣстіе, при-

звалъ къ себѣ своихъ дѣтей и бековъ и сдѣлалъ такое распоряженіе: Джагатая послалъ къ Гилану для того, чтобы онъ отыскалъ и захватилъ въ руки султана Джелаль-эд-дина; Окдая послалъ къ Газнину, съ тѣмъ, чтобы онъ разорилъ юртъ султана Мохаммеда Субектекина, а самъ захотѣлъ итти въ Туранъ. Окдай-каанъ, по распоряженію отца, отправясь въ Газнинъ, покорилъ юртъ Субектекиновъ и возвратился въ Туранъ. Также и Джагатай-ханъ, отправясь въ Мекранъ, разорилъ тамошніе города, жителей взялъ въ плѣнъ и, не получивъ никакого свѣдѣнія о султанѣ Джелаль-эд-динѣ, возвратился въ области Бухары, Ташкенда, Самарканда.

Возвращеніе Чингизъ-хана въ свой юртъ.

Чингизъ-ханъ весною отправился обратно въ свой юртъ. Переходя по областямъ и укрѣпленнымъ мѣстечкамъ, онъ поставилъ правителей и даругъ. Перешедъ чрезъ рѣку Аму, вступилъ въ Бухару. Здѣсь съ нимъ соединились царевичи и нойяны, которыхъ онъ посылалъ на сторону.

Завоеватель страны Чингизъ-ханъ послалъ отъ себя къ жителямъ Бухары человѣка съ приказомъ: „пришлите ко мнѣ кого нибудь изъ ученыхъ муллъ; я хочу кое-о чемъ спросить его“. Бухарцы послали къ нему кадія, по имени Эшрефа, и одного ваиза (проповѣдника). Чингизъ-ханъ спросилъ ихъ: „что значитъ ваше имя: мусульмане?“ Они отвѣчали: слово мусульмане значитъ: рабы Божіи. Господь единъ; онъ ни съ чѣмъ не имѣетъ сходства, не имѣетъ вида. Чингизъ-ханъ сказалъ: „и я знаю, что Богъ единъ“. Они дальше говорили:—Былъ пророкъ-посланникъ Божій; Всевышній Господь присылалъ его для того, чтобы рабамъ Своимъ дать повелѣнія и запрещенія.—Чингизъ-ханъ одобрилъ и эти слова. Потомъ говорили они: каждодневно совершая пятивременную молитву, мы тѣмъ совершаемъ наше служеніе Богу.—Это онъ также похвалилъ.—Въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ мы

ѣдимъ, когда только хотимъ; но въ одинъ мѣсяцъ мы не вкушаемъ пищу днемъ, а ѣдимъ только ночью. И это онъ почелъ хорошимъ. Потомъ они говорили: есть городъ Мекка: туда мы ходимъ, если позволятъ силы, на поклоненіе Богу. Чингизъ-ханъ не одобрилъ этого, и сказалъ: „весь міръ есть обитель Бога: зачѣмъ ходить для этого въ одно только мѣсто!“ Послѣ того Чингизъ-ханъ отпустилъ ихъ отъ себя. Граждане и сановники Бухары просили себѣ у хана тарханнаго ярлыка, и ханъ благосклонно пожаловалъ народу тарханный ярлыкъ.

Изъ Бухары Чингизъ-ханъ перешелъ въ Самаркандъ. Оттуда онъ отправилъ посла къ Джучи-хану въ Кипчакъ, и говорилъ: „любезный сынъ! выѣзжай со всѣмъ своимъ войскомъ и пригони къ нашей сторонѣ звѣрей Дештъ-кипчакскихъ: я хочу охотиться“. Выше было сказано, что, когда царевичи были въ походѣ на Харезмъ, Чингизъ-ханъ послалъ къ нимъ приказъ, чтобы Джучи и Джагатай считали Окдая главнымъ своимъ начальникомъ и не выходили изъ-подъ его распоряженій. По этой причинѣ Джучи-ханъ, послѣ завоеванія Харезма, тяготясь этимъ распоряженіемъ, отправился въ Дештъ-кипчакъ, подчинилъ себѣ всѣхъ жителей этой степи и проводилъ время тамъ въ охотѣ за звѣрьми и птицами. Какъ скоро отъ отца его пришелъ посланный и пересказалъ его слова, Джучи-ханъ выѣхалъ со всѣмъ своимъ войскомъ и, гоня предъ собою всѣхъ звѣрей степныхъ, прибылъ къ отцу своему. Тогда же онъ привезъ ему богатые дары; коней доставилъ онъ въ даръ сто тысячъ: изъ нихъ двадцать тысячъ были сѣрые, двадцать тысячъ были сивые, двадцать тысячъ гнѣдые, двадцать тысячъ вороные и двадцать тысячъ чубарые. Ханъ съ своей стороны изъявилъ свою любовь и ласку къ Джучію. Джучи-ханъ къ своимъ младшимъ братьямъ показалъ полную и нѣжную привязанность. Тогда Чингизъ-ханъ вмѣстѣ съ своими сыновьями весело охотился. Возвратившись въ свой юртъ и увидѣвши свои семейства, они радовались своему счастію.

Въ это время получено извѣстіе, что правитель Тангута, Шидурку, возмутился. Ханъ выступилъ въ походъ съ большими силами противъ Шидурку; и Шидурку съ своей стороны съ многочисленною арміею вышелъ и сталъ лицемъ къ лицу предъ ханомъ. Началась жестокая битва. Шидурку наконецъ обратился въ бѣгство и заперся въ одномъ укрѣпленномъ городѣ. Чингизъ-ханъ разграбилъ и опустошилъ область его, и съ побѣдою возвратился въ свою Орду. Вслѣдъ за симъ прибылъ посолъ отъ Шидурку, который чрезъ него говорилъ: „я готовъ явиться къ хану, если онъ проститъ мнѣ мою вину и приметъ меня въ число сыновъ своихъ, клятвою увѣривъ меня въ моей безопасности“. Чингизъ-ханъ согласился на это предложеніе и отпустилъ посла, щедро осыпавъ его милостями. Когда посолъ Шидурку выѣхалъ отъ двора ханова, ханъ заболѣлъ и слегъ въ постель.

Болѣзнь Чингизъ-хана, наставленіе его своимъ дѣтямъ и смерть его.

Чингизъ-ханъ, во время похода въ Китай, видѣлъ сонъ и отъ того сильный страхъ овладѣлъ имъ. Теперь вообразивъ, что онъ скоро умретъ, вдругъ сдѣлался боленъ. Чувствуя свою слабость, онъ созвалъ къ себѣ дѣтей и вельможъ. Джучи-хана какъ въ это время уже не было въ живыхъ, то онъ велѣлъ представить къ себѣ его дѣтей. Далъ имъ наставленіе и говорилъ своимъ дѣтямъ: „смотрите, другъ друга не обижайте изъ-за временныхъ выгодъ. Если въ сердце кому изъ васъ западетъ самое малое подозрѣніе, изгоните его изъ сердца, дабы вамъ избавиться отъ коварства врага. Окдая поставьте государемъ вмѣсто меня, всѣ будьте покорны ему, выполняя всѣ его распоряженія“. Дѣтямъ и вельможамъ онъ велѣлъ написать актъ о избраніи Окдая на престолъ. Также онъ завѣщалъ: „о моей смерти никому не открывайте, доколѣ не придетъ сюда Шидурку съ своими людьми; когда

онъ придетъ, убейте его и всѣхъ кто съ нимъ будетъ. Послѣ того объявите о моей смерти". Тутъ птичка души его улетѣла изъ клѣтки его тѣла. Царевичи, согласно завѣщанію отца своего, никому не давали знать о смерти хана. Чрезъ нѣсколько времени пришелъ Шидурку съ войскомъ; царевичи, схвативъ Шидурку, убили его и перебили также войско его; потомъ объявили о смерти Чингизъ-хана и предались глубокой горести и скорби. Однажды Чингизъ-ханъ, бывъ на охотѣ, остановился подъ высокимъ деревомъ и сказалъ: „когда я умру, то похороните меня подъ этимъ деревомъ". Когда Чингизъ-ханъ умеръ, его тѣло положили въ ящикъ и похоронили подъ тѣмъ деревомъ; это урочище называютъ Бурханъ-калдунъ. На этомъ мѣстѣ, послѣ того какъ тутъ похороненъ былъ ханъ, выросъ столь густой лѣсъ, что стрѣла, пущенная изъ лука, не могла пролетѣть чрезъ него. Это мѣсто сдѣлалось кладбищемъ всѣхъ государей и князей. Чингизъ-ханъ преставился изъ этого міра въ шестьсотъ двадцать четвертомъ году (1227 Р. Х.), въ годъ свиньи; родился въ годъ свиньи и въ годъ свиньи сдѣлался ханомъ. Всѣхъ лѣтъ жизни хана было семьдесятъ три; царствовалъ двадцать пять лѣтъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ со всѣхъ сторонъ приходилъ народъ, чтобы раздѣлить скорбь свою съ царевичами; по окончаніи траура, каждый пошелъ въ станъ свой, а о средствахъ къ государственному устройству никто не помыслилъ.

Чингизъ-ханъ управленіе десятью тысячами человѣкъ возлагалъ на одного человѣка и назвалъ его темникомъ; начальство надъ тысячью человѣкъ поручалъ человѣку съ именемъ тысячника; сто человѣкъ поручивъ кому либо въ управленіе, назвалъ того сотникомъ; управленіе надъ пятьюдесятью человѣками поручалъ начальнику съ именемъ пятидесятника; управленіе десятью человѣками поручалъ человѣку съ именемъ десятника, и далъ законъ, чтобы ничья тма, тысяча, сотня, пятидесятокъ, десятокъ, не смѣшивались съ тмою, тысячею, сотнею, пятидесяткомъ, десяткомъ другаго; и у кого изъ на-

рода, состоящаго въ какой-либо тмѣ, тысячѣ, сотнѣ, пятидесяткѣ, десяткѣ, будетъ какое дѣло, тотъ съ нимъ относился бы къ своему темнику, тысячнику, сотнику, пятидесятнику, десятнику. Онъ также узаконилъ, чтобы мущина, женщина хранили при себѣ все нужное, даже шило, иглу; чтобы всякое военное оружіе, какое требуется въ сраженіи, держали при себѣ въ полномъ количествѣ; а кто нарушалъ этотъ уставъ, тотъ подвергался царскому гнѣву и наказывался. Чингизъ-ханъ строго требовалъ, чтобы сынъ повиновался приказамъ отца своего, младшій братъ словамъ старшаго брата; жена была согласна съ своимъ мужемъ; зять не оскорблялъ своего тестя; запретилъ ворамъ промышлять воровствомъ; негодяю дѣлать негодныя дѣла: въ Чингизъ-ханово время не смѣли дѣлать поступковъ противныхъ этимъ правиламъ. Въ комъ замѣчалъ умъ, храбрость, того дѣлалъ начальникомъ въ войскѣ; проворнаго и быстраго посылалъ смотрѣть за табунами; малосмысленныхъ, вялыхъ дѣлалъ пастухами стадъ. Потому дѣла Чингизъ-хана со дня на день улучшались и могущество его увеличивалось.—Онъ говорилъ: темникъ, тысячникъ, сотникъ, даже десятникъ, если старается видѣть меня въ началѣ или концѣ года и знать мои намѣренія, можетъ быть начальникомъ большого войска; а кто не дѣлаетъ этого, тотъ не годится въ начальники и мужикамъ. Таковаго человѣка онъ сравнивалъ съ камнемъ, который бросаютъ въ воду, и котораго, когда упадетъ на дно, не видно больше. Онъ также говорилъ: кто хорошо держитъ свой домъ, тотъ хорошо будетъ управлять и царствомъ. Также его слова: кто десять человѣкъ въ войскѣ хорошо устроитъ, тотъ съумѣетъ управлять большою арміею.—Кто у себя удаляетъ все дурное, тотъ способствуетъ государственному благосостоянію.—Еще: кто приходитъ къ начальнику, тотъ не долженъ говорить съ нимъ, не испросивъ позволенія; а если заговоришь о чемъ-нибудь, не спросившись, и другіе будутъ слушать слова его—что хорошаго? а если слушать не станутъ, то онъ будетъ подобенъ кузнецу, который куетъ молотомъ холодное желѣзо.

Такихъ присловій у Чингизъ-хана было много; если намъ здѣсь писать ихъ всѣ, то наше сочиненіе будетъ велико; потому мы здѣсь вписали не многія.

Глава четвертая.

Исторія Окдая-каана, третьяго сына Чингизъ ханова, и всѣхъ государей изъ рода Чингизъ-ханова, царствовавшихъ въ Монголіи.

Спустя два года послѣ смерти Чингизъ-хана, сыновья его Джагатай-ханъ и Тули-ханъ съ своими дѣтьми, сыновья Джучи-хановы, прибывшіе изъ Дештъ-кипчака, правители восточной стороны Бильгедай-нойянъ и Ильчидай-нойянъ и другіе всѣ князья, собравшись вмѣстѣ, вынули данную Чингизъ-ханомъ граммату о наслѣдованіи престола, и, исполняя слѣланное ханомъ завѣщаніе, сказали Окдаю: „ханство тебѣ предоставлено“. Окдай сказалъ: „есть другіе старше меня: возведите на ханство моего дядю, или моего старшаго брата Джагатая, или младшаго моего брата Тулія“. Сорокъ дней продолжался споръ по этому дѣлу. По истеченіи сорока дней, всѣ они сказали: „мы не хотимъ перемѣнить распоряженія Чингизъ-ханова“, и Джагатай-ханъ, взявъ Окдай-каана за правую руку, а Тули-ханъ за лѣвую, возвели его на престолъ. По обычаю Монгольскому, они, взявши чаши, сдѣлали большой пиръ, народу роздали щедрые подарки. Это было въ шестьсотъ двадцать седьмомъ году (1229—30 Р. Х.).

Послѣ Чингизъ-хана въ нѣкоторыхъ областяхъ открылись возмущенія: Окдай усмирилъ ихъ. Для пораженія султана Джелаль-эд-дина, онъ послалъ Джирмагунъ-бека и Итмаса съ тремя тмами человѣкъ войска въ Иранъ. Султанъ Джелаль-эддинъ, пришедъ туда изъ Индіи, завладѣлъ Керманомъ, Ширазомъ, Адзербайджаномъ и Тебризомъ, и покорилъ другіе города; привлекъ на свою сторону много людей, казал-

ся сильнымъ и крѣпкимъ. Джирмагунъ-бекъ послалъ въ эту область Итмаса съ отрядомъ войска: въ жестокихъ битвахъ часть жителей была истреблена, другая взята въ плѣнъ. Султанъ Джелаль-эд-динъ, узнавъ о нашествіи Монголовъ, обратился въ бѣгство и ушелъ въ Діарбекиръ, потомъ въ Курдистанъ. Курды отняли у него коней, разграбили имѣніе и самого его убили. Нѣкоторые говорятъ, что онъ сдѣлался календеромъ и въ этомъ состояніи умеръ: Богъ знаетъ лучше. Изъ царей Харезмскихъ не осталось въ мірѣ ни одного человѣка.

Походъ Окдай-каана въ Китай.

Въ шестьсотъ двадцать седьмомъ году (1229—30 Р. Х.) въ мѣсяцѣ Раби-эль-эуввалъ, Окдай-каанъ, Джагадай-ханъ и Тули-ханъ съ безчисленнымъ войскомъ предприняли походъ въ Китай. На берегу рѣки Кара-мурана они осадили одинъ городъ; жители его, стѣсненные осадою, въ продолженіе сорока дней сражались съ Монголами; наконецъ, совершенно ослабѣвши, просили пощады и сдали городъ. Изъ войска Китайскаго двѣнадцать тысячъ человѣкъ сѣли на суда и убѣжали; изъ прочихъ жителей большая часть избита, а малолѣтніе взяты въ рабство. Отселѣ Монголы обратили силы къ другому Китайскому городу. Окдай-каанъ впередъ себя отправилъ Тули-хана съ десятью тысячами человѣкъ, и самъ медленно подвигался въ слѣдъ за нимъ. Въ это время Китайскій царь Алтанъ-ханъ, получивъ извѣстіе о Тули-ханѣ, выслалъ противъ него одного изъ своихъ эмировъ съ сотнею тысячъ человѣкъ; эти сто тысячъ, встрѣтясь съ Тули-ханомъ, усмотрѣвши малочисленность войска Тули-ханова, окружили его съ фланговъ. Тули-ханъ увидѣлъ свое затруднительное положеніе, и, въ заботѣ о своемъ спасеніи, далъ повелѣніе волхвамъ (шаманамъ) совершить волхованіе. Въ продолженіе трехъ сутокъ совершались волхованія: въ знойный лѣтній

день пошелъ дождь со снѣгомъ и сдѣлалось такъ холодно, что многіе не могли вынуть рукъ изъ пазухи. Тули-ханъ, увидѣвъ, что войско Китайское ослабѣло отъ холода, далъ приказъ своему войску ударить на Китайское войско съ обоихъ боковъ. Монгольская конница съ обѣихъ сторонъ напала и смяла Китайское войско. Изо ста тысячъ только пять тысячъ спаслись бѣгствомъ, прочіе всѣ были побиты. Алтанъ-ханъ, услышавъ объ этомъ пораженіи, обратился въ бѣгство, и куда бѣжалъ—объ этомъ никто не зналъ. Въ нѣкоторыхъ хроникахъ сказано, что онъ велѣлъ развести большой огонь и, вмѣстѣ съ своими дѣтьми бросившись въ него, сгорѣлъ. Тули-ханъ извѣстилъ каана о смерти хана Китайскаго и о покореніи Китая: каанъ самъ прибылъ въ Китай, подчинилъ себѣ всѣ области его, и, поставивъ тамъ даругой Махмудъ Илауча, возвратился домой. Въ это время Тули-ханъ заболѣлъ и умеръ: онъ ушелъ въ слѣдъ за отцемъ своимъ, царствовавъ послѣ него четырнадцать лѣтъ.

Отправленіе царевичей Окдай-кааномъ для завоеванія Руси, Черкесовъ, Болгаръ, Туры, Башкурдовъ и другихъ народовъ.

Окдай-каанъ, по завоеваніи Китая, возвратившись въ Монголію въ шестьсотъ тридцать третьемъ году (1235—36 Р. Х.), въ годъ обезьяны, послалъ Джучи-ханова сына Бату, своего сына Кіюка, Тули-ханова сына Менгу и Джагатай-хановыхъ дѣтей, для завоеванія Руси, Черкесовъ, Болгара, Туры, Башкурдовъ и другихъ народовъ; самъ онъ, оставшись въ Кара-корумѣ, призвалъ къ себѣ плотниковъ и живописцевъ, привезенныхъ изъ Китая, велѣлъ имъ построить прекрасные домы и дворцы; также всѣ царевичи и беки около его дворца построили домы для себя. Послѣ того онъ велѣлъ мастерамъ золотыхъ дѣлъ изваять изъ золота и серебра статую слона и статую тигра, и предъ тѣмъ и другимъ сковать

серебряные водоемы, въ которые изъ пастей слона и тигра лились питья. Также онъ велѣлъ построить изъ дерева и дерна квадратную огородку, въ которой каждая стѣна была длиною на двухдневный путь; въ стѣнахъ ея велѣлъ сдѣлать ворота. Ханъ, каждый разъ, какъ хотѣлъ забавляться охотою, съ своими придворными садился на коня; съ пространства, переѣзжаемаго въ десять дней, пригоняли звѣрей во внутренность той ограды: Окдай-каанъ охотился за ними. Между тѣмъ царевичи, въ продолженіе семи лѣтъ, завоевавъ тѣ государства, для покоренія которыхъ были посланы, возвратились въ отечество. Такъ какъ Гератъ былъ разрушенъ, то ханъ велѣлъ снова построить этотъ городъ, и, возобновленный, онъ сдѣлался лучше прежняго.

Смерть Окдай-каана.

Когда повелитель вселенной Окдай-каанъ завоевалъ Китай, а царевичи завоевали другія государства и возвратились въ отечество, тогда каанъ во всѣ стороны отправилъ пословъ съ приказаніемъ, чтобы всѣ братья и родные прибыли къ нему: „пусть они, говорилъ онъ, отъ меня примутъ награды, и нѣсколько дней веселятся и празднуютъ смѣстѣ со мною“. Тогда со всѣхъ сторонъ его подданные толпами приходили къ нему, и въ ордѣ Окдай-каана собралось столь великое число ихъ, что въ мірѣ никогда такого не бывало. Предаваясь удовольствіямъ вмѣстѣ съ подданными, онъ щедро наградилъ ихъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ отпустилъ отъ себя народъ: каждый возвратился въ свою сторону. По отбытіи народа, хану внезапно приключилась болѣзнь, и онъ изъ тлѣннаго сего міра переселился въ вѣчный.

Разсказъ о нѣкоторыхъ поступкахъ Окдай-каана, властителя Ирана и Турана.

Одинъ человѣкъ враждовалъ противъ религіи пророка Мохаммеда—миръ и благословеніе Божіе ему! Въ одинъ день онъ пришелъ къ каану и сказалъ: въ нынѣшнюю ночь во снѣ я видѣлъ Чингизъ-хана; онъ мнѣ сказалъ: скажи Оклаю, чтобы онъ избилъ мусульманъ. Ханъ спросилъ: „это тебѣ говорилъ самъ Чингизъ-ханъ, или переводчикъ?“ Тотъ отвѣчалъ: самъ ханъ мнѣ говорилъ. Послѣ того каанъ спросилъ: „монгольскій языкъ знаешь?“ Онъ отвѣчалъ: не знаю. Каанъ сказалъ: „убейте этого человѣка; онъ лжетъ, ибо Чингизъ-ханъ не зналъ другого языка, кромѣ монгольскаго“.

Оклай выдалъ ярлыкъ, чтобы никто, когда будетъ рѣзать овецъ, не рѣзалъ имъ горла, а распарывалъ бы у нихъ грудь. Одинъ мусульманинъ, купивъ на базарѣ овцу, привелъ ее домой, заперъ двери, сталъ ее рѣзать. Въ это время одинъ Монголъ, смѣкнувъ о дѣлѣ мусульманина, спустился въ его домъ сквозь отверстіе въ крышѣ и, связавъ ему руки и зацѣпивъ веревку къ шеѣ, привелъ его къ каану. Каанъ прекрасное сдѣлалъ рѣшеніе: онъ велѣлъ убить этого монгола, сказавъ: „этотъ мусульманинъ, исполняя повелѣніе, заперъ двери своего дома; а ты не соблюлъ закона, безъ позволенія вошедъ въ чужой домъ“.

Другой поступокъ каана: одинъ бѣдный кузнецъ сковалъ четыре или пять шилевъ, и, взявъ ихъ себѣ въ руки, вышелъ на базаръ продать ихъ; онъ стоялъ съ ними на томъ мѣстѣ, гдѣ проѣзжалъ каанъ. Каанъ, проѣзжая тутъ, ненамѣренно увидѣлъ кузнеца и сказалъ есаулу: поди, узнай, что это за человѣкъ? Эсаулъ, спросивъ его объ этомъ, принесъ къ каану шилья, которыя тотъ отдалъ въ подарокъ ему. Каанъ за каждое шило далъ кузнецу по эшрефу.

Еще было: одинъ старикъ, у котораго не было ни дѣтей, ни родственниковъ, однажды пришелъ во дворецъ каана и

говорилъ: если бы у меня было имѣніе, то я занялся бы торговлей. Каанъ сказалъ: „дайте ему двѣсти кошельковъ золота“. Каану говорили, что этотъ старикъ близокъ къ смерти, и ему не должно давать денегъ; что у него нѣтъ ни дѣтей, ни сродниковъ. Каанъ на это сказалъ: „онъ пришелъ сюда съ надеждою получить что-нибудь; намъ не прилично отказать ему въ томъ; пока онъ еще не умеръ, дайте ему золота, послѣ того пусть умираетъ“. Казначеи тотчасъ отсчитали ему сто червонныхъ. Получивъ ихъ, старикъ въ тотъ же часъ умеръ.

Подобнымъ образомъ другой бѣднякъ пришелъ къ каану и объяснилъ, что у него нѣтъ никакого имѣнія. Каанъ далъ ему пятьсотъ червонцевъ, чтобы онъ поправилъ на нихъ свое состояніе. Этотъ человѣкъ, получивъ пятьсотъ червонныхъ, пошелъ и истратилъ ихъ, и опять пришелъ къ каану съ словами, что у него нѣтъ имѣнія. Каанъ еще далъ ему пятьсотъ червонцевъ. По прошествіи немногаго времени, когда онъ опять пришелъ и говорилъ, что у него нѣтъ состоянія, придворные сказали каану: сколько разъ ты, Государь, ни давалъ ему денегъ, онъ постоянно ихъ истрачивалъ: лучше бы было не давать ему. Каанъ спросилъ: „какъ онъ ихъ истрачиваетъ?“ Ему отвѣчали:—золото продаетъ онъ подданнымъ твоего государства, истрачивая по одному пулу на свою пищу, питье и одежду. „Если такъ, сказалъ ханъ, то онѣ опять придутъ въ казну мою“; и еще далъ ему пятьсотъ червонныхъ, сказавъ: „теперь уже много не трать!“

Если бы мы хотѣли передать всѣ таковые поступки Окдай-каана, то они не помѣстились бы въ одну книгу: потому мы пересказали здѣсь только нѣкоторые изъ нихъ.

Жены и сыновья Окдая-каана.

У Окдай-каана было четыре жены и шестьдесятъ наложницъ. Имя старшей женѣ было Тура-кучинь; имя второй Ту-

ракиня, изъ племени Меркитскаго, нѣкоторые говорятъ, что Туракиня была женою Ойратскаго начальника Таирсуна: Окдай-каанъ, убивъ Таирсуна, взялъ ее въ плѣнъ; Туракиня была не красива, но понравилась Окдай-каану. Третья жена его была Мунга; четвертая жена была Джачинь. У каана было семь сыновъ: пятеро отъ жены Туракини, а два сына отъ наложницы. Имя старшему изъ сыновей каановыхъ Кіюкъ; его юртъ былъ въ землѣ Камакъ, нѣкоторые называютъ ее Мунгракъ и Ималь. Наслѣдникомъ престола послѣ Окдая назначался внукъ его Ширамунъ, но дѣти Окдаевы отъ Туракини, вопреки распоряженію своего отца, провозгласили кааномъ Кіюкъ-хана и возвели его на престолъ отцевъ, не смотря на то, что онъ разбитъ былъ параличемъ. У него было три сына въ такомъ порядкѣ: старшій назывался Ходжагулъ, имя его матери было Камышь; второй сынъ назывался Багу, родившійся также отъ жены Камышь и имѣвшій у себя одного сына по имени Хабатъ; третій сынъ назывался Уку, у котораго было десять сыновъ. Второму Окдай-каанову сыну имя было Кутанъ, его юртомъ былъ Тангутъ; имя третьяго сына Куджу: этотъ былъ очень уменъ, но умеръ еще при жизни Окдай-каана; имя четвертаго сына было Карачаръ; имя пятаго сына Каши; имя Каши ему дали потому, что словомъ Каши называли Тангуты; когда онъ родился, Чингизъ-ханъ тогда завоевалъ Каши, въ память этого и дали ему имя Каши. Онъ былъ преданъ пьянству и былъ развратенъ, потому умеръ въ молодости.

Кіюкъ-ханъ, при вступленіи на престолъ отцовскій, отворивъ двери казнохранилища, роздалъ столь щедрые дары родственникамъ и чужимъ, нищимъ и бѣднымъ, большимъ и малымъ, что никто никогда не дѣлалъ такихъ даровъ. Онъ благопріятствовалъ христіанской вѣрѣ; черезъ годъ своего царствованія, онъ перешелъ изъ этого міра въ другой.

Менгу-каанъ.

По смерти Кіюкъ-хана, всѣ принадлежавшіе къ роду Чингизъ-хана, тѣсно соединившись съ подданными Сююркуктай-бики, жены Тули-хановой, согласились сдѣлать царемъ одного изъ сыновей Тули-хановыхъ; соглашались также доставить царство сыну Джучи-ханову, Бату-хану, особенно потому, что изъ внуковъ Чингизъ-хановыхъ никто не превосходилъ Бату-хана въ искусствѣ правленія и въ благоразумін. Бату былъ въ Дештъ-кипчакѣ; онъ прислалъ человѣка къ царевичамъ, нойянамъ и князьямъ съ приглашеніемъ прибыть имъ въ Кипчакъ, дабы единодушно избрать кого-либо въ ханы и возвести на престолъ. Нѣкоторые изъ нихъ не хотѣли итти и чрезъ своихъ пословъ сказали: „Чингизъ-хановъ юртъ есть Келуранъ, а потому мы не пойдемъ въ Кипчакъ“. Тогда Сююркуктай-бики сказала своимъ дѣтямъ: „вашъ дядя, Бату-ханъ, нездоровъ ногами, лежитъ неподвиженъ; подите къ нему и спросите о семъ дѣлѣ“. Сыновья Сююркуктай-бики, Менгу-каанъ, Гулагу-ханъ, Кублай-каанъ и Мунка-угулъ отправились въ Дешгъ-кипчакъ, прибыли къ Бату-хану. Бату, увидѣвъ Менгу-каана, сказалъ царевичамъ, нойянамъ и князьямъ: „Менгу-каана я считаю достойнымъ престола, вы что скажете на это?“ Всѣ признали за нимъ это достоинство и, объявивши его ханомъ, сказали: „въ слѣдующій годъ, мы со всѣмъ народомъ соберемся въ Келуранѣ и возведемъ Менгу-каана на ханскій престолъ. По прошествіи года всѣ подданные собрались въ Келуранѣ и возвели Менгу-каана на ханство. Семь дней продолжался пиръ: въ каждый день для угощенія истрачивалось по двѣ тысячи телѣгъ вина и другихъ напитковъ, по триста лошадей и коровъ и по двѣ тысячи овецъ на жареное. Въ шестьсотъ четыредесятъ осьмомъ году (1250—51 Р. Х.) онъ сдѣлался ханомъ.

Дѣти Кіюкъ-хана, руководимые Ширамуномъ, умыслили убить Менгу-каана. Они, уложивши оружіе на нѣсколько те-

лѣгъ, подъ распоряженіемъ Ширамуна, послали впередъ пятьсотъ человѣкъ, а сами съ другими должны были отправиться вслѣдъ за ними, чтобы, улучивши время, напасть на каана. Каанъ въ это время предавался утѣхамъ и не зналъ того, что въ мірѣ дѣлалось. Случилось, что у одного изъ каановыхъ чиновниковъ потерялся верблюдъ; этотъ человѣкъ выѣхалъ отыскивать своего верблюда; отыскивая его, онъ нечаянно пріѣхалъ въ станъ Ширамуновъ; увидѣвъ лежавшее въ телѣгѣ оружіе, возвратился къ каану съ извѣстіемъ объ этомъ. Каанъ послалъ Мингаръ-нойяна съ двумя тысячами человѣкъ развѣдать о томъ. Мингаръ-нойянъ пріѣхалъ въ военный станъ Ширамуновъ. Ширамунъ, увидѣвъ его, смутился и говорилъ: „мы ѣдемъ повидаться съ кааномъ“.—Если ты ѣхалъ на свиданіе съ кааномъ, отвѣчалъ Мингаръ-нойянъ, то поѣзжай вмѣстѣ со мною.—Ширамунъ противъ воли, вмѣстѣ съ Мингаръ-нойяномъ, отправился въ орду ханову и увидѣлся съ кааномъ. Каанъ три дня угощалъ Ширамуна; въ четвертый день, возсѣдъ на престолъ, пыталъ Ширамуна и всѣхъ его спутниковъ; они всѣ признались въ своемъ умыслѣ. Изъ людей Ширамуновыхъ онъ велѣлъ казнить смертію восемьдесятъ человѣкъ, но простилъ, ради родства, дѣтей Ширамуна и Кіюкъ-хана. Послѣ того онъ, роздавъ подарки всѣмъ царевичамъ, нойянамъ и князьямъ, позволилъ каждому изъ нихъ возвратиться на мѣсто своего жительства.

Отправленіе Менгу-кааномъ Кублай-каана въ восточныя царства, а Гулагу-хана въ западныя государства.

Менгу-каанъ, восшедъ на престолъ содѣйствіемъ Бату или Саинъ-хана, какъ его иначе называютъ, занялся дѣлами государственными. На восточной сторонѣ было нѣсколько царствъ, которыя не были подъ властію Каана; на западной сторонѣ также были нѣкоторыя царства, которыя не были

подвластны: Менгу-каанъ послалъ Кублай-каана на востокъ, Гулагу-хана на западъ, а самъ съ безчисленнымъ войскомъ отправился въ походъ на Чинъ-Мачинъ. Завоевавъ государство Чинское, онъ осадилъ одну большую и сильную крѣпость, но сколько ни было употреблено старанія, не могъ взять ее. Миновала зима, наступило лѣто, и время настало чрезвычайно знойное. Князья представляли, что, по причинѣ наставшихъ жаровъ, много людей въ войскѣ умерло отъ цынги, и потому предлагали мнѣніе приступить къ войнѣ, когда наступитъ зима. Каанъ не согласился на это, сказавъ: „не отойду, не взявъ крѣпости“. Послѣ того ему приключилась болѣзнь; восемь дней онъ лежалъ на ложѣ страданій, и въ девятый день умеръ.

Ханствованіе Кублай-каана.

Кублай-каанъ, четвертый сынъ Тули-хана, во время смерти Менгу-каана, былъ въ Китаѣ. Услышавъ о смерти Менгу-каана, онъ впалъ въ большую печаль. По прошествіи дней сѣтованія, онъ, по согласному избранію царевичей и нойяновъ, бывшихъ съ нимъ, восшелъ на престолъ ханскій и обратилъ свою дѣятельность на устройство государства. У него былъ младшій братъ Артукъ-бука. Менгу-кааномъ онъ поставленъ былъ правителемъ Орды въ Кара-корумѣ; послѣ Менгу-каана, онъ вступилъ на ханскій престолъ, и, возмутившись противъ Кублай-каана, умертвилъ пословъ его. Въ Дештъ-кипчакѣ, по смерти Саинъ-хана, младшій его братъ, Бурке-угулъ возсѣлъ на ханскій престолъ. Артукъ-бука съ многочисленнымъ войскомъ выступилъ противъ Бурке; они сразились. Артукъ-бука, разбитый Бурке-ханомъ, убѣжалъ въ Кара-корумъ. Въ это время Кублай-каанъ, получивъ извѣстіе о Артукъ-Букѣ, пошелъ въ Кара-корумъ, и Артукъ-Бука, узнавъ о движеніи Каана, обратился въ бѣгство. Чрезъ нѣсколько времени, когда конь подъ нимъ истомился, когда плащъ

на немъ износился, онъ пришелъ во дворецъ Кублай-каана, просилъ прощенія, и ханъ простилъ ему вину.

Въ то время отъ Гулагу, Бурке и Алгу прибылъ посолъ съ словами: „мы повинуемся Кублай-каану и согласны на утвержденіе за нимъ ханства". Каанъ, съ своей стороны, отдалъ Гулагу-хану страну отъ Джейхуна до Египта и Сиріи; Дештъ-кипчакъ и всѣ области, которыя зависѣли отъ Саинь-хана, предоставилъ Бурке; страну отъ Алтая до берега рѣки Аму отдалъ Алгу (Алгу былъ внукъ Джагатай-хана). Послѣ того Кублай-каанъ завоевалъ все государство Чинъ. Онъ царствовалъ тридцать пять лѣтъ; жизни его было восемьдесятъ три года. Онъ много совершилъ дѣлъ чудесныхъ и необыкновенныхъ; если бы намъ всѣ ихъ описывать, то они не вмѣстились бы въ книгу; потому мы описали ихъ кратко.

Глава пятая.

Исторія Джагатай-хана, втораго сына Чингизъ-ханова, и его потомковъ, царствовавшихъ въ Мавераннегрѣ.

Джагатай-ханъ былъ государь суровый и строгій, но умный и разсудительный. Чингизъ-ханъ отдалъ ему Мавераннегръ, часть Харезма, страну Уйгуровъ, также Кашгаръ, Бедехшанъ, Балхъ и Газнинъ до рѣки Синдъ. Джагатай-ханъ не жилъ ни въ одномъ изъ сказанныхъ городовъ, но, поставивъ надъ ними даругъ, самъ находился при Окдаѣ. Въ числѣ его придворныхъ былъ мулла Секаки: однажды, во время чтенія молитвы, Секаки показалъ войско, у котораго оружіе, какъ и само оно, было изъ огня, но этимъ произвелъ въ Джагатаѣ нерасположеніе къ себѣ. Визирь Джагатай-хана, злобясь на Секаки, при представившемся случаѣ, выставилъ его съ худой стороны предъ ханомъ, который сковалъ его и по-

садилъ въ темницу, гдѣ онъ наконецъ и умеръ. Этотъ судъ хана встревожилъ всѣхъ. Вскорѣ послѣ этого происшествія, ханъ впалъ въ такую болѣзнь, что врачи не могли помочь ему, и онъ, въ шестьсотъ четыредесятомъ году (1242 — 3 г. Р. Х.) переселился изъ видимаго міра.

У Джагатай-хана было много женъ и наложницъ. Двѣ изъ женъ его были достоинствомъ выше другихъ: одна изъ нихъ звалась Ясулунь, дочь Конкиратскаго государя, Кабанойяна; отъ нея были законные сыновья Джагатаевы. Имя другой жены его было Таркань-хатунь, младшая сестра первой его жены Ясулуни; она была взята имъ по смерти Ясулуни. У Джагатай-хана было семь сыновъ въ семъ порядкѣ: старшій былъ Мутукинъ, родившійся отъ Ясулуни; второй сынъ былъ Муджи; третій сынъ назывался Бильдаши; четвертый Сабинъ-Билька; пятый Сарманъ; шестому сыну имя было Ясумунка, седьмому Байдаръ.

Дѣти и потомки Джагатай хановы, царствовавшіе въ Мавераннегрѣ.

По смерти Джагатай-хана, былъ государемъ Кара-Гулагу, сынъ Мутукина, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него царствовалъ Мубарекъ-шахъ, сынъ Кара-Гулагу, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова. Какъ Мубарекъ-шахъ былъ дитя, то благопріятными и неблагопріятными дѣлами государства распоряжалась его мать, Аргуна-хатунь.

Послѣ Мубарекъ-шаха былъ государемъ Алгу, сынъ Байдара, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него былъ государемъ Баракъ-ханъ, сынъ Ясумунки, сына Джагатай-ханова. Послѣ двухъ лѣтъ царствованія, онъ сдѣлался мусульманиномъ; ему дали прозваніе султанъ Гайясъ эд-динъ; изъ членовъ, принадлежащихъ къ роду Джагатай хана, онъ первый озарился свѣтомъ вѣры.

Послѣ него былъ государемъ Бикій, сынъ Сармана, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него царствовалъ Буга-тимуръ-ханъ, сынъ Курагая, сына Бузая, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него былъ ханомъ Дуи-ходженъ, сынъ Баракъ-хана, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него сдѣлался ханомъ Кюньче-ханъ, сынъ Дуи-ходжена, сына Баракъ-ханова.

Послѣ него царствовалъ Балига, сынъ Курагая, сына Бузая, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова.

Послѣ него былъ ханомъ Исенъ-буга, сынъ Дуи-ходжена.

Послѣ него ханствовалъ Кюбюкъ, сынъ Дуи-ходжена.

Послѣ него былъ ханомъ Дуи-тимуръ ханъ, сынъ Дуи-ходженовъ.

Послѣ него былъ ханомъ Тармаширъ, сынъ Дуи-ходженовъ: онъ также сдѣлался мусульманиномъ и весь Мавераннегрскій улусъ, послѣдуя ему, принялъ мусульманство. Выше сказано, что Баракъ-ханъ, сдѣлавшись мусульманиномъ, первый вводилъ здѣсь мусульманскую вѣру, но, по смерти Барака, всѣ, принявшіе мусульманство, возвратились къ прежнимъ своимъ вѣрамъ; принявшіе мусульманство при Тармаширѣ уже никогда не оставляли его.

Буранъ, сынъ Дуи-тимура, сына Дуи-ходженова, убилъ Тармашира и самъ воцарился.

Послѣ него царствовалъ Джангши, сынъ Абукана, сына Дуи ходженова.

Послѣ него былъ государемъ Ясунъ-Тимуръ, сынъ Абукана, сына Дуи-ходженова. Джангши и Ясунъ-Тимуръ родились отъ одного отца и одной матери. Ясунъ-тимуръ замыслилъ убить Джангшія; мать его, услышазъ объ этомъ, извѣстила сына сего. Джангши и Ясунъ-Тимуръ собрали войска и вступили въ битву; Ясунъ-Тимуръ одержалъ побѣду, убилъ брата и истребилъ его войско, и у матери своей отрѣзалъ груди.

Послѣ этого происшествія, Али-Султанъ, изъ рода Окдай-каана, побѣдилъ потомковъ Джагатаевыхъ и сдѣлался государемъ въ Мавераннегрѣ.

Послѣ него былъ государемъ Мохаммедъ, сынъ Булада, сына Кюнчека, сына Дуи-ходженова.

Послѣ него царствовалъ Казанъ Султанъ-ханъ, сынъ Ясуна, сына Урюкъ-тимура, сына Буга-тимура, сына Курагая, сына Бузая, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова.

Извѣстно, что изъ потомковъ Джагатай-хановыхъ, царствовавшихъ въ Мавераннегрѣ, двадцать одинъ человѣкъ были полновластными государями; послѣ нихъ цари изъ дома Джагатаева, кого только изъ нихъ дѣлали ханомъ и возводили на ханскій престолъ эмиры, были ханами только по имени, но нимало не имѣли свободы распоряжаться государственными дѣлами. Въ истинѣ этого свидѣтельствуетъ слѣдующее событіе. Казанъ Султанъ-ханъ былъ государь легковѣрный. Эмиры всякій разъ какъ пріѣзжали представляться ему, ласкательствомъ его избалованнымъ дѣтямъ выпрашивали себѣ прощеніе въ винахъ: это возбудило подданныхъ къ бунту противъ него. Одинъ изъ его эмировъ, по имени Кузгунъ, возсталъ противъ Казанъ Султанъ-хана и обнажилъ мечъ. Открылась междоусобная война; Казанъ Султанъ-ханъ разбилъ войско эмира Кузгуна, истребилъ его участниковъ, разграбилъ ихъ имѣніе и, прибывъ въ Карши, здѣсь остановился зимовать. Между тѣмъ эмиръ Кузгунъ спасся. Въ Карши выпалъ большой снѣгъ, и въ войскѣ Казанъ Султанъ-хана погибли всѣ лошади. Эмиръ Кузгунъ, узнавъ о его положеніи, собралъ многочисленную рать, напалъ на Казанъ Султанъ-хана, вступилъ съ нимъ въ битву, и, одержавъ надъ нимъ побѣду, велѣлъ умертвить его. Родъ Джагатай-хана, сына Чингизъ-ханова, до смерти Казанъ-Султанъ-хана, царствовалъ въ Мавераннегрѣ сто тридцать лѣтъ: всѣхъ государей этого дома было двадцать одинъ. Эмиръ Кузгунъ, низложивъ Казана, поставилъ ханомъ Данишмендча-хана, сына Кайду-хана, сына

Тайшія, сына Окдай-каана, сына Чингизъ-ханова. По прошествіи двухъ лѣтъ онъ предалъ его смерти.

Послѣ него сдѣлали ханомъ Баянъ-кулы-хана, сына Сургу, сына Дуи-ходжена, сына Барака, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-хана, сына Чингизъ-ханова. По смерти эмира Кузгуна, сынъ его, Абдуллахъ, влюбился въ жену Баянъ-кулы-ханову и предалъ смерти невиннаго Баянъ-кулы-хана.

Онъ поставилъ ханомъ Тимуръ-шаха, сына Ясунъ-Тимура, сына Абукана, сына Дуи-ходжена, сына Баракъ-хана, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова.

По смерти эмира Абдуллаха, племянникъ его эмиръ Хусеинъ, сынъ Беслая, сына Эмиръ-Кузгунова, поставилъ ханомъ Адиль-Султана, сына Мохаммеда, (сына) Булада, сына Кюнчека, сына Дуи-ходжена, сына Баракъ-хана, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова. Но какъ скоро эмиръ Тимуръ открылъ войну противъ эмира Хусеина, эмиръ хусеинъ, подозрѣвая въ этомъ хана, связалъ ему руки и ноги и утопилъ его въ рѣкѣ.

Послѣ того онъ поставилъ ханомъ Кабулъ-Султана, сына Дорджи, сына Ильчикдая, сына Дуи-Ходженъ-ханова.

Послѣ сего эмиръ Тимуръ, сынъ эмира Турагая, изъ поколѣнія Берласъ, вступилъ въ сраженіе съ эмиромъ Хусеиномъ при Балхѣ. Эмиръ Тимуръ одержалъ побѣду и предалъ смерти хана и эмира Хусеина. Эмиръ Тимуръ возвелъ въ ханы Сююргатмышъ-хана, сына Данишмендча-хана, сына Кайду, сына Тайшія, сына Огдай-Каана, сына Чингизъ-ханова.

Когда Сююргатмышъ-ханъ отошелъ къ Божію милосердію, на мѣсто его возвели въ ханское достоинство сына его, Махмудъ-Султана.

Со времени Казанъ-Султанъ-хана изчисленные ханы были ханами только по одному имени, но не имѣли никакой

власти въ дѣлахъ; въ каждой землѣ лица, значительнѣйшія въ народѣ, ставили себѣ хановъ по своему произволу: областныхъ царей было тогда много.

Эмиръ Тимуръ, сынъ Турагая, изъ поколѣнія Берласъ, собравъ вокругъ себя своихъ однородцевъ, на одинъ часъ не останавливалъ войнъ и битвъ. Въ его время въ Кашгарѣ сдѣлался сильнымъ ханомъ Туклукъ-Тимуръ-ханъ, потомокъ Джагатай-хана. Узнавъ о положеніи дѣлъ въ Мавераннегрѣ, онъ, желая завоеваній, собралъ многочисленное войско и вступилъ въ Мавераннегръ. Одна часть жителей ему покорилась, другая осталась подъ властію хана, а нѣкоторые изъ нихъ бѣжали. Эмиръ Тимуръ и эмиръ Хусеинъ, убѣжавши, ушли въ Никудери-гезаръ. Туклукъ-Тимуръ-ханъ пробылъ въ Мавераннегрѣ одинъ годъ; у него былъ сынъ, по имени Ильясъ-Ходжа, ему онъ поручилъ управленіе Мавераннегромъ, а самъ возвратился въ Кашгаръ. Чрезъ годъ онъ умеръ. Эмиръ-Тимуръ и эмиръ Хусеинъ, узнавши о его смерти, пришли въ Мавераннегръ и открыли войну съ Ильясъ-Ходжа-ханомъ. Ильясъ-Ходжа бѣжалъ въ Кашгаръ. Съ этого времени въ Мавераннегрѣ не было никого сильнѣе этихъ двухъ эмировъ. Напослѣдокъ между обоими эмирами началась война. Въ сраженіи при Балхѣ эмиръ Тимуръ одержалъ побѣду надъ эмиромъ Хусеиномъ, убилъ его и одинъ сдѣлался обладателемъ Мавераннегра.

Эмиръ Тимуръ, возведя Сююргатмыша на престолъ, оставилъ за нимъ только наружность ханскаго достоинства, а въ существѣ былъ ханомъ самъ. Въ хутбѣ провозглашалось имя хана. Сююргатмышъ-ханъ, послѣ двадцати-двух-лѣтняго мнимаго владычества, отошелъ къ милосердію Божію.

Послѣ него сынъ его, султанъ Махмудъ-ханъ получилъ отъ эмира титло хана. Султанъ Махмудъ-ханъ такъ чтилъ и уважалъ эмира Тимура и его дѣтей, что не давалъ одной пылинкѣ недовѣрія упасть на душу эмира Тимура. Ночи и дни онъ проводилъ въ томъ, что читалъ Коранъ, и намазы, постился, молясь о благополучномъ правленіи эмира

Тимура. Эмиръ Тимуръ въ тугрѣ ярлыковъ велѣлъ писать такъ: „правосудный Махмудъ-ханъ и воитель за вѣру эмиръ— наше слово.“ На пирахъ, на праздникахъ ханъ, предоставляя первенство эмиру Тимуру, самъ скромно сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги; также когда приходили послы, онъ, предоставляя пріемъ ихъ эмиру Тимуру, самъ сидѣлъ тутъ въ скромномъ положеніи.

Эмиръ Тимуръ, когда минуло тридцать лѣтъ его правленія и шестьдесятъ лѣтъ его жизни, предпринялъ походъ въ Румъ. Ставъ съ Баязидомъ Ильдеримомъ лицемъ къ лицу, онъ началъ съ нимъ битву, продолжавшуюся съ утра до половины ночи. Баязидъ Ильдеримъ обратился въ бѣгство. Махмудъ-ханъ погнался въ слѣдъ за нимъ, и на слѣдующій день, въ заполдень, настигъ его и, взявъ въ плѣнъ, представилъ его эмиру Тимуру. Тимуръ годъ пробылъ въ Румѣ; предавъ смерти Ильдеримъ Баязида и Махмудъ-хана, онъ велѣлъ провозглашать въ хутбѣ свое имя, и свое имя выбивать на монетѣ. Оттуда онъ возратился въ Самаркандъ. Потомъ онъ предпринялъ походъ въ государство Китайское, и, по приходѣ въ Отраръ, переселился изъ тлѣннаго жилища въ вѣчное. Жизни его было семьдесятъ одинъ годъ; государствовалъ онъ тридцать шесть лѣтъ. Онъ умеръ въ восемьсотъ седьмомъ годѣ (1404 Р. Х.).

Принятіе мусульманской вѣры Туклукъ-Тимуръ-ханомъ.

Потомокъ Джагатай-хана Иль-ходжа, которому прозваніе было Исенъ-буга-ханъ, сынъ Дуи-Ходжена, сына Баракъ-хана, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-ханова, родился въ Мавераннегрѣ. Въ Кашгарѣ, Яркендѣ, Ала-тагѣ и въ землѣ Уйгуровъ не было полновластнаго государя изъ рода Джагатай-ханова. По этой причинѣ Монгольскіе эмиры, сдѣлавъ между собою совѣщаніе, призвали изъ Бухары Исенъ-

бугу и поставили его государемъ Кашгара, Яркенда, Ала-тага и земли Уйгурской. Такъ онъ сдѣлался высокодержавнымъ государемъ. У него была жена, по имени Сатылмышь-хатунь, но отъ нея не было у него дѣтей. Поэтому онъ обратилъ взоръ на одну изъ прислужницъ, по имени Менгли, и держалъ ее при своемъ дворѣ (Ордѣ). Со временемъ эта прислужница сдѣлалась беременною. Когда ханъ отправился на охоту, Сатылмышь-хатунь ту прислужницу выдала въ замужество за одного монгола, по имени Ширя-угулъ, и сказала ему: „ты не оставайся въ этомъ государствѣ, но перейди отселѣ въ землю Монгольскую и живи тамъ“. Монголъ, исполняя этотъ приказъ, переселился оттуда. Но между тѣмъ весь народъ зналъ, что та невольница была беременна отъ хана. Ханъ, возвратившись съ охоты, спросилъ невольницу, и ему разсказали подробно поступокъ съ нею. Ханъ ни одного слова не сказалъ Сатылмышь-хатуни, потому что у Монголовъ есть обычай, что, если у государя будетъ нѣсколько женъ, то одна изъ нихъ полновластно управляетъ другими: она что ни прикажетъ имъ, онѣ противъ нея слова не скажутъ. Потому ханъ не сказалъ ей ни слова. По прошествіи нѣкотораго времени Исенъ-буга-ханъ умеръ. Изъ потомковъ Джагатай-хановыхъ не оставалось ни одного, который бы способенъ былъ царствовать, хотя каждое поколѣніе ставило для себя своего хана и царей областныхъ было много. У Исенъ-буги-хана былъ эмиръ, по имени Эмиръ-Юлаучій; онъ зналъ, что Менгли-хатунь во время удаленія была беременна, а потому онъ одному изъ людей, Ташъ-Тимуру, давъ сто овецъ на путевое содержаніе, сказалъ: „если ты во сколько бы ни было времени развѣдаешь о Менгли-хатуни, о томъ, кого она родила, и принесешь ко мнѣ о томъ извѣстіе, то я дамъ тебѣ за то безсчетное количество денегъ.“ Съ этимъ обѣщаніемъ онъ послалъ Ташъ-Тимура, и Ташъ-Тимуръ, скитаясь и переходя изъ одного жительства въ другое, пришелъ въ одинъ юртъ Монгольскій. Ему случайно привелось войти въ одинъ участокъ его, и когда онъ

спросилъ: чье это жительство? ему сказали, что тутъ живетъ Ширя-угулъ. Ташъ-Тимуръ, собирая свѣдѣнія, спросилъ о дѣтяхъ Менгли-хатуни. Ему сказали, что у Менгли-хатуни отъ Буга-хана родился сынъ, которому дано имя Туклукъ-Тимуръ, и что у ней также отъ Ширя-Угула есть сынъ по имени Тимуръ-Меликъ; оба они въ это время играли при своемъ кочевьѣ. Послѣ того Ташъ-Тимуръ, употребивъ много хитростей, доставилъ Туклукъ-Тимуръ-хана къ эмиру Юлаучію. Тогда эмиръ Юлаучій возвелъ Туклукъ-Тимуръ-хана на ханство, давъ пиры по монгольскому обычаю. Туклукъ-Тимуръ въ непродолжительномъ времени подчинилъ себѣ Кашгаръ, Яркендъ, Алатагъ и Уйгурію. Потомъ подчинивъ своему владычеству Мавераннегръ, онъ поставилъ правителемъ Самарканду сына своего Ильяса-ходжу. Возвратившись въ свою державу, онъ вскорѣ отошелъ къ Божію милосердію. Въ Кашгарѣ онъ былъ первый человѣкъ изъ Чингизъ-хановыхъ потомковъ, сдѣлавшійся мусульманиномъ.

Случай, по которому онъ сдѣлался мусульманиномъ, былъ такой. Въ одинъ день онъ велѣлъ быть охотѣ, а потому, когда онъ, охотясь, ѣздилъ, неожиданно увидѣлъ тамъ толпу людей, которые во время своего переѣзда тутъ остановились. Ханъ далъ приказъ привести къ нему тѣхъ людей, перевязавъ имъ руки; его есаулы перевязали ихъ и привели ихъ къ нему. Ханъ сказалъ имъ: „зачѣмъ вы не соблюдаете моего повелѣнія, и ѣздите на мѣстахъ, отведенныхъ для охоты?“ Ханъ прежде того далъ повелѣніе, чтобы въ ловищѣ его никто не ѣздилъ, и, если кто тамъ поѣдетъ, тѣхъ вязать и представлять ему. Набольшимъ надъ людьми, къ нему приведенными, былъ шейхъ Джемаль-уд-динъ, урожденецъ Бухарскій, человѣкъ состоятельный и уважаемый по роду отца и матери. Этотъ шейхъ ему отвѣчалъ: „мы путешественники, и не знали, что государемъ дано было такое повелѣніе: мы пріѣхали сюда изъ земли Китакъ“. Ханъ спросилъ: „вы Таджики?“ На отвѣтъ его, что они Таджики, ханъ сказалъ: „со-

бака лучше Таджика". — „Если бы мы, сказалъ шейхъ, были люди безъ вѣры, то были бы ничтожнѣе собаки." — Эти слова сдѣлали впечатлѣніе на сердце хана и онъ сказалъ одному изъ есауловъ: „когда я возвращусь домой, тогда приведи ко мнѣ этого Таджика. Когда ханъ воротился съ охоты, есаулы представили къ нему шейха. Ханъ былъ одинъ; онъ спросилъ: „ты сказалъ, что невѣрующій человѣкъ хуже самой собаки, что значатъ эти слова? что такое вѣра?" шейхъ далъ столь ясное понятіе о вѣрѣ, что сердце хана, которое было жестче камня, сдѣлалось мягко какъ воскъ а невѣріе представилъ столь презрительнымъ, что ханъ получилъ отвращеніе отъ него. Онъ много плакалъ и сказалъ шейху: „хотя бы я и объявилъ теперь о мусульманствѣ, но былъ бы не въ состояніи поставить народъ на прямой путь; потерпи немного, со временемъ я получу полную власть въ наслѣдственныхъ моихъ владѣніяхъ, тогда непремѣнно, непремѣнно приходи ко мнѣ?" Говоря это, онъ показалъ въ себѣ ревность о вѣрѣ. Шейхъ возвратился въ страну своего жительства (кошъ). По прошествіи нѣкотораго времени, шейхъ сдѣлался боленъ, и, дѣлая предсмертное завѣщаніе своему сыну, сказалъ: „Этотъ ханъ будетъ великимъ государемъ; тогда ты, не боясь, сходи къ нему, скажи ему отъ меня привѣтствіе мира, и напомяни ему объ обѣтѣ, данномъ имъ при мнѣ. Смотри, не бойся этого дѣла!" Сказавъ это, онъ перешелъ изъ тлѣннаго міра въ вѣчный. Имя сыну шейха было Рашидъ-эд-динъ; его поставилъ шейхъ преемникомъ себѣ. Прошло послѣ того нѣсколько лѣтъ и ханъ получилъ въ свою власть Кашгаръ, Ташкендъ, Яркендъ, Уйгурію, Андеджанъ, Самаркандъ, Бухару и весь Мавераннегръ. Шейхъ Рашидъ-эд-динъ, чтобы исполнить завѣщаніе своего отца, пришелъ въ орду хана, но, сколько ни старался, не могъ увидѣть хана. Въ одинъ день, рано утромъ, подошедъ ко дворцу, онъ громко сталъ возглашать *азанъ* (призывъ на молитву); ханъ, услышавъ голосъ, послалъ человѣка, съ приказаніемъ, чтобы онъ привелъ къ нему того

крикуна. Тотъ пошелъ и привелъ къ нему шейха. Ханъ сказалъ ему: „зачѣмъ ты пробудилъ меня отъ сладкаго сна?“ Шейхъ Рашидъ-эд-динъ подробно пересказалъ хану всѣ слова, какія говорилъ отецъ его: ханъ, произнесши слова исповѣданія, сдѣлался мусульманиномъ, и потомъ призывая къ себѣ порознь своихъ эмировъ, дѣлалъ ихъ мусульманами. Но одинъ изъ бековъ, по имени Чурасъ, сказалъ: „здѣсь есть одинъ силачъ; пусть этотъ Таджикъ поборется съ нимъ: если онъ поборетъ его, я сдѣлаюсь мусульманиномъ. Ханъ сколько ни отклонялъ его, онъ не соглашался. Шейхъ Рашидъ-эд-динъ сказалъ: „условіе, предложенное эмиромъ Чурасомъ, хорошо; приведите сюда богатыря, я готовъ съ нимъ бороться“. Привели силача Монгола; шейхъ взялся бороться съ нимъ, и когда этотъ силачъ сильно разъяренный ходилъ, онъ ударилъ его въ грудь такъ сильно, что онъ повалился безъ чувствъ. Пролежавъ нѣсколько времени, силачъ пришелъ въ себя и, повторяя нѣсколько разъ слова исповѣданія вѣры, всталъ съ земли. Шейхъ припалъ къ ногамъ его. Эмиръ Чурасъ, увидѣвъ такой оборотъ дѣлу, сдѣлался также мусульманиномъ. Въ этотъ день сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ приняли мусульманскую вѣру. Съ этого времени въ удѣлѣ Джагатая исламъ объявленъ господствующею вѣрою.

По прошествіи нѣкотораго времени эмиръ Юлаучій умеръ. Когда Туклукъ-Тимуръ-хана возвели въ ханское достоинство, онъ сдѣланъ при немъ эмиромъ эмировъ (эмиръ-уль-умара). Послѣ него остался сынъ семи лѣтъ, по имени Ходайдадъ; ему дано достоинство отца его. У эмира Юлаучія было пять братьевъ; третій изъ младшихъ его братьевъ былъ Камаръ-уд-динъ, человѣкъ дерзкій, но сильный и храбрый. Однажды, когда ханъ сидѣлъ въ пріемной залѣ, Камаръ-уд-динъ сдѣлалъ ему предложеніе въ такихъ словахъ: „Эмиръ Ходайдадъ по молодости своей не можетъ надлежащимъ образомъ управлять дѣлами столь великаго государства; передай мнѣ его должность, а онъ пусть находится при мнѣ до того

времени, какъ будетъ въ состояніи править дѣлами". Ханъ не принялъ его предложенія, и по этой причинѣ Камаръ-уддинъ носилъ въ своемъ сердцѣ неудовольствіе къ хану. Туклукъ-Тимуръ-ханъ родился въ семьсотъ тридцатомъ году (1329. Р. Х), на шестнадцатомъ году своего возраста онъ сдѣлался ханомъ, при содѣйствіи Юлаучія Дуглата; на двадцать четвертомъ году жизни онъ, озарившись свѣтомъ вѣры, сдѣлался мусульманиномъ; на тридцать четвертомъ году жизни, онъ, исполняя судьбы Божіи, перешелъ изъ временнаго жилища въ вѣчное.

По смерти хана, Камаръ-уд-динъ Дуглатъ возмутился и убилъ Ильясъ-ходжу, сына Туклукъ-Тимуръ ханова. Въ это время предано было мученической смерти осьмнадцать тысячъ человѣкъ, и большихъ и малыхъ, принадлежавшихъ къ роду Туклукъ-Тимуръ-хана. При этомъ случаѣ онъ сдѣлалъ приставниковъ изъ довѣренныхъ лицъ, и поручилъ имъ убивать всѣхъ, которые найдутся гдѣ изъ рода Туклукъ-Тимуръ-ханова. Послѣ того Камаръ уд динъ присвоилъ себѣ имя хана, велѣлъ свое имя возглашать въ хутбѣ и выбивать на монетѣ.

Но послѣ Туклукъ-Тимуръ-хана остался сынъ, кормившійся еще грудью; мать его звали Амирь-ага. Амирь-ага-хатунь съ этимъ своимъ сыномъ ушла къ Ходайдаду; эмиръ Ходайдадъ скрылъ его у себя. Сколько разъ ни присылалъ за нимъ Камаръ-уд-динъ, онъ не отдалъ ему его. Къ этому времени эмиръ Тимуръ съ многочисленными силами приходилъ воевать съ Камаръ-уд-диномъ; и въ то время, какъ они заняты были спорами и битвами, эмиръ Ходайдадъ для сына Туклукъ-Тимуръ-ханова, назначивъ воспитателей и поручивъ его имъ, отправилъ его съ ними въ горы Бедехшана, въ сопровожденіи нѣсколькихъ надежныхъ людей, и велѣлъ имъ тамъ жить. Между тѣмъ эмиръ Тимуръ сдѣлалъ пять походовъ противъ Камаръ-уд-дина, въ каждый походъ, они, устроя полки къ битвѣ, сражались между собою. Въ послѣдній изъ сихъ походовъ Камаръ-уд-динъ, съ давняго времени страдав-

шій водяною болѣзнію, когда услышалъ, что эмиръ Тимуръ идетъ на него, съ нѣсколькими человѣками скрылся, потому что въ Камаръ-уд-динѣ кромѣ наклонности къ чувственнымъ удовольствіямъ не было другихъ чувствованій и наклонностей. При такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, Камаръ-уд-дина, снабдивъ съѣстными припасами на нѣсколько дней и поручивъ его одной невольницѣ, отправили въ одинъ большой и дикій лѣсъ, какой въ той сторонѣ былъ. Чрезъ нѣсколько дней стали говорить, что слухъ о нашествіи эмира Тимура ложенъ, и потому жители стали возвращаться—каждый въ свою землю; за Камаръ-уд-диномъ послали въ лѣсъ людей, но посланные, сколько ни искали его тамъ, не нашли ни слѣда, ни признака его и воротились назадъ. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Камаръ-уд-динъ поступилъ на службу къ Маликъ-Хаджиму. При такихъ обстоятельствахъ, сына Туклукъ-Тимурова, который отправленъ былъ въ Бедехшанъ, и которому имя было Хызръ-ходжа, возвратили изъ Бедехшана, и возвели на ханскій престолъ, на мѣсто отца. Съ этого времени и до настоящаго, всѣ государи въ Кашгарѣ и Яркендѣ ведутъ родъ свой отъ Хызръ-Ходжа-хана, сына Туклукъ-Тимура, сына Исанъ-буги-хана, сына Дуи-ходженъ-хана, сына Баракъ-хана, сына Ясунту, сына Мутукина, сына Джагатай-хана, сына Чингизъ-ханова.

Въ поколѣніи Акъ-манкытъ былъ человѣкъ, по имени Кутлукъ-Кыя. У него были сынъ и дочь. Дочь его взялъ за себя сынъ Тимуръ-бека, у котораго родился Тимуръ-Кутлукъ ханъ. Сынъ его (Кутлукъ-Кыя) былъ Идигей, который поступилъ на службу къ Токтамышъ-хану. Въ то время, когда Токтамышъ-ханъ, гонимый Урусъ-ханомъ, ушелъ къ Тимуръ-беку въ Самаркандъ, въ слѣдъ за нимъ пришелъ туда и Идигей Манкытъ, сказывая, что Урусъ-ханъ, собравъ войско, идетъ въ эту сторону. При помощи Тимуръ-бека, Токтамышъ ханъ, усмиривъ Урусъ-хана, сдѣлался властителемъ Джучій-хановой державы и въ городѣ Сараѣ вступилъ на ханскій

престолъ. Когда Тимуръ-Кутлукъ-ханъ пришелъ въ полную силу, то Идигей Манкытъ оставилъ Токтамышъ-хана и присталъ къ Тимуръ-Кутлукъ-хану, потому что въ сердцѣ Тимуръ-Кутлукъ-хана запала мысль сдѣлаться государемъ поэтому онъ произвелъ мятежъ противъ Токтамышъ-хана. Токтамышъ-ханъ схватилъ его и намѣревался убить, но Тимуръ Кутлукъ-ханъ, бѣжавъ, ушелъ къ Тимуръ-беку; Идигей Манкытъ отсталъ отъ него. Чрезъ шесть мѣсяцевъ Идигей Манкытъ перешелъ къ Тимуръ-Кутлуку. По прошествіи нѣкотораго времени эмиръ Тимуръ пошелъ воевать Иранское царство; Токтамышъ-ханъ, зная, что Мавераннегръ остался безъ защиты, вторгнулся въ Самаркандъ, избилъ въ немъ нѣсколько мусульманъ; разграбилъ его и возвратился назадъ. Эмиръ Тимуръ, получивъ извѣстіе объ этомъ, возвратился въ Самаркандъ и, не останавливаясь въ немъ, повелъ войско противъ Токтамышъ-хана. На берегу рѣки Идиля (Волги) онъ сразился съ Токтамышемъ. Эмиръ Тимуръ одержалъ побѣду, а Токтамышъ-ханъ обратился въ бѣгство. Эмиръ Тимуръ истребилъ много народа. Выше мы говорили, что Тимуръ-Кутлукъ-ханъ убѣжалъ отъ Токтамышъ-хана и ушелъ къ эмиръ Тимуру: этотъ самый Тимуръ-Кутлукъ былъ вмѣстѣ съ эмиръ Тимуромъ въ этомъ походѣ. Представъ предъ эмира Тимура, онъ сказалъ ему: „Токтамышъ-ханъ силою завладѣлъ моимъ наслѣдственнымъ удѣломъ; жители его, какъ слышу, всѣ нынѣ благоденствуютъ. Если ты позволишь, я всѣхъ ихъ приведу сюда, для служенія тебѣ“. Эмиръ Тимуръ далъ ему позволеніе. Тимуръ Кутлукъ, отыскавъ жителей на берегу рѣки Идиля, немедля сталъ переселять ихъ въ области эмира Тимура. Когда они прошли нѣсколько становищъ, Идигей Манкытъ сказалъ Тимуръ-Кутлуку: „какая тебѣ польза отъ того, что ты этихъ людей переведешь къ Тимуръ-бію? Тимуръ-бій разошлетъ ихъ изъ Самарканда по разнымъ мѣстамъ; а ты останешься, какъ и прежде, только слугою Тимуръ-бію.“ Тимуръ Кутлукъ-Угланъ, дѣйствуя соотвѣтственно словамъ Идигей Манкыта, собралъ

стариковъ изъ этихъ людей и сказалъ имъ: „Тямуръ-бій васъ предастъ смерти, а вашихъ дѣтей сдѣлаетъ невольниками“. На это они сказали ему: мы только для тебя идемъ туда, а Тимуръ-бій намъ нисколько и не знакомъ. Тогда Тимуръ-Кутлукъ-Угланъ воротился назадъ съ этими людьми, и, удалившись въ одинъ укромный уголокъ, тамъ жилъ.

Глава шестая.

Исторія потомковъ Тули-хана, младшаго сына Чингизъ-ханова, царствовавшихъ въ юртѣ Иранскомъ.

По смерти Гіюкъ-хана, сына Огдай-каанова, сдѣлался ханомъ Менгу-каанъ, сынъ Тули-хана. Да будетъ извѣстно, что титло каанъ имѣетъ такое значеніе: того человѣка, котораго достоинство и честь считаются выше ханскихъ, эмиры и народъ называютъ хаканомъ; а того, котораго достоинство выше, чѣмъ хакана, народъ титулуетъ кааномъ. Почетнѣе титула каанъ нѣтъ титула. Менгу-каанъ послалъ въ Хорасанъ для управленія имъ Аргунъ-агу, происходившаго изъ народа Ойратъ. Аргунъ-ага десять лѣтъ управлялъ имъ. По смерти его, Менгу-каанъ управленіе Иранскимъ царствомъ поручилъ своему младшему брату, Гулагу-хану, давъ ему пятую часть своихъ войскъ. Гулагу-ханъ, пришедъ въ Иранъ, истребилъ еретическую общину Мюльхидовъ и предалъ смерти халифа Мотасема, а владѣнія ихъ подчинилъ своему престолу. Оттуда онъ ходилъ въ Сирію и покорилъ это царство. Царствовавъ девять лѣтъ, онъ отошелъ изъ сего міра.

Послѣ сего Абака-ханъ, сынъ Гулагу-хана, вступилъ на мѣсто своего отца, по повелѣнію своего дяди Кублай-каана. Ханствовавъ семнадцать лѣтъ, онъ ушелъ въ слѣдъ за отцемъ своимъ.

Послѣ него былъ государемъ Ахмедъ-ханъ, сынъ Гулагу-хана. По прошествіи двухъ лѣтъ его царствованія, его убилъ Аргунъ, сынъ Абака-хана, сына Гулагу-ханова, и заступилъ его мѣсто.

Аргунъ царствовалъ семь лѣтъ и переселился изъ сего міра.

Послѣ него сдѣлался ханомъ Кенджайту, сынъ Абака-хана, сына Гулагу-ханова. Его царствованіе продолжалось четыре года.

Байду, сынъ Тургая, сына Гулагу-ханова, убилъ Кенджайту и вмѣсто его сдѣлался ханомъ: царствовалъ только восемь мѣсяцевъ.

Газанъ-ханъ, сынъ Аргунъ-хана, сына Абака-хана, сына Гулагу-ханова, убивъ Байду, сдѣлался вмѣсто его государемъ. Онъ первый изъ потомковъ Тули-хановыхъ въ Иранѣ облагородился вѣрою ислама. Онъ ревностно содѣйствовалъ къ распространенію ислама; невѣріе притаилось; идольскія капища онъ сожигалъ: вліяніемъ его всѣ Монголы Иранскіе приняли исламскую вѣру. Послѣ девятилѣтняго царствованія, въ семьсотъ первомъ году гиджры (1301 Р. Х.), онъ изъ тлѣннаго жилища перешелъ въ вѣчное; онъ жилъ тридцать лѣтъ.

Послѣ него былъ государемъ Олджайту, сынъ Аргунъ-хана, сына Абака-хана, сына Гулагу-ханова. Умеръ, царствовавъ тринадцать лѣтъ.

Послѣ него былъ государемъ Абу-Саидъ-ханъ, сынъ Олджайту. Абу-Саидъ-ханъ, когда умеръ отецъ его, былъ двѣнадцати лѣтъ; по этой причинѣ бразды правленія вручены были на нѣсколько лѣтъ эмиру Чупанъ-Сюльдуру. Послѣ девятнадцати лѣтъ своего царствованія, онъ перешелъ къ Божію милосердію.

Ханы изъ потомковъ Гулагу-хана въ царствѣ Иранскомъ, возводимые на престолъ эмирами, послѣ Абу-Саидъ-хана.

Да будетъ извѣстно, что эти ханы были только по имени ханами, но не имѣли никакой силы въ государственномъ управленіи. Эмиры изъ рода Сюльдуръ, которымъ общее названіе было Чупанъ, послѣ Абу-Саидъ-хана возвели на ханскій престолъ Арба-хана, потомка Арикъ буги, сына Тули-ханова.

Въ то же время Алій Ойратъ, который былъ правителемъ Багдада, поставилъ ханомъ Мусу, сына Алія, сына Байду, сына Турагая, сына Гулагу-ханова. Онъ вступилъ въ битву съ Арба-ханомъ и, одержавъ надъ нимъ побѣду, убилъ его, и привелъ государство подъ власть своего престола.

Въ то время Шейхъ-Хасанъ Джелаиръ, котораго звали также Шейхъ-Хасанъ Бузургъ (Старшій), былъ правителемъ Рума. Онъ когда услышалъ, что Муса сдѣлался ханомъ, возвелъ въ ханы Мохаммеда, сына Юлъ-Кутлука, сына Тимура, сына Анбаджара, сына Менгу, сына Гулагу-ханова. Собравъ большое войско, онъ изъ Рума и Грузіи пошелъ въ Иранъ; при Тебризѣ онъ сразился съ Муса-ханомъ и одержалъ надъ нимъ побѣду. Алій Ойратъ, который былъ первенствующимъ лицемъ въ Ойратскомъ народѣ, лишился жизни. Муса ханъ, обратившись въ бѣгство, ушелъ къ Ойратамъ.

Тогда Шейхъ-Алій, сынъ эмира Алія Кушчія, бывшій правителемъ Хорасана, услышавъ объ оныхъ происшествіяхъ, собралъ всѣхъ Монголовъ, жившихъ въ Хорасанѣ, и съ ними перешелъ въ Бастамъ; они призвали къ себѣ Тугай-Тимура, потомка Джучи Касара, младшаго брата Чингизъ-ханова, изъ Мазандерана, гдѣ онъ былъ правителемъ, и поставили его ханомъ; и потомъ пошли противъ Мохаммедъ-хана, возведеннаго въ ханство Шейхъ-Хасаномъ Джелаиромъ. Къ Тугай, Тимуру присоединился и Муса-ханъ, пришелъ къ нему съ народомъ Ойратскимъ. Шейхъ-Хасанъ Джелаиръ, получивъ

извѣстіе объ этомъ, выступилъ имъ на встрѣчу. Два войска вступили въ битву на поляхъ Гермъ-Рудскихъ; Шейхъ-Хасанъ Джелаиръ остался побѣдителемъ. Муса ханъ убитъ въ битвѣ; Тугай-Тимуръ-ханъ и Шейхъ-Алій, сынъ эмира Алія, бѣжали въ Хорасанъ.

Шейхъ-Хасанъ, сынъ Тимуръ-Таша, сына эмира Чубанъ-Сюльдура, извѣстный также подъ именемъ Шейхъ-Хасанъ-Кючукъ младшій, былъ правителемъ въ области Рума, поставленный на эту должность еще Абу-Саидъ-Ханомъ. Онъ также, услышавъ о тѣхъ происшествіяхъ, съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ противъ Шейха-Хасана Джелаира, оба войска сразились при Нахичеванѣ. Шейхъ Хасанъ-Кючукъ остался побѣдителемъ; Мохаммедъ-Ханъ убитъ въ сраженіи. Шейхъ-Хасанъ Джелаиръ, бѣжавъ, ушелъ въ Султанію. Шейхъ Хасанъ-Кючукъ въ Тебризѣ возвелъ на престолъ Сати-Бика-Хатунь, дочь султана Мохаммеда Харъ-бенде, и пошелъ на преслѣдованіе Шейхъ-Хасана Джелаира; но Джелаиръ самъ напередъ пришелъ и предался Шейхъ-Хасанъ Кючуку: они помирились.

По прошествіи одного года, Шейхъ-Хасанъ Кючукъ лишилъ престола Сти-бика-хатунь и поставилъ Ханомъ Сулеймана, сына Мохаммеда, сына Сенке, сына Яшмута, сына Гулагу-ханова, и Сати-бика-хатунь отдалъ за него въ замужество. Чрезъ нѣсколько времени Шейхъ-Хасанъ-Бузургъ, отставъ отъ эмира Шейхъ-Хасанъ-Кючюка, ушелъ въ Багдадъ и поставилъ ханомъ Джеганъ Тимуръ-хана, сына Алафиренка, сына Кенджайту-хана, сына Абака-хана, сына Гулагу-ханова. Собравъ войско, онъ пошелъ и вступилъ въ битву съ Шейхъ-Хасанъ Кючукъ-Сюлдуромъ. Шейхъ-Хасанъ-Кючукъ побѣдилъ, а Шейхъ-Бузургъ Джелаиръ убѣжалъ въ Багдадъ, и, низложивъ хана, самъ сдѣлался ханомъ. Послѣ сего дѣло Шейхъ-Хасана-Сюльдура получило блескъ.—У Шейхъ-Хасана-Кючюка была жена арабка. Въ эту женщину влюбился нѣкто Якубъ-Шахъ, и жена эта взаимно полюбила его. Якубъ-Шахъ

однажды сдѣлалъ проступокъ, и за него Шейхъ-Хасанъ посадилъ его въ темницу. Женщина та вообразила, что Шейхъ посадилъ его въ темницу за то, что онъ находится въ связи съ нею. Поэтому, въ одну ночь, когда Эмиръ Шейхъ-Хасанъ, будучи пьянъ, легъ въ постель, эта женщина—арабка схватила Шейхъ-Хасанъ-Кючюка за ядра, и сжавши ихъ, умертвила его.

У Шейхъ-Хасана Кучюка былъ младшій братъ, по имени Меликъ-Эшрефъ; онъ, заступивъ мѣсто своего старшаго брата, поставилъ ханомъ потомка Гулагу-ханова Ануширвана; но чрезъ нѣсколько времени, низложивъ его, самъ сдѣлался ханомъ, и велѣлъ возглашать свое имя въ хутбѣ и выбивать на монетѣ. Меликъ-Эшрефъ былъ чрезвычайно жестокій государь. Потому мусульмане бѣжали оттуда въ разныя стороны. Кадій-Мюхьи-ддинъ, малоизвѣстный по своему происхожденію, бѣжавъ оттуда, перешелъ въ Дештъ-Кипчакъ къ Джани-бекъ-хану. Предъ Джани-бекъ-ханомъ онъ такъ ясно представилъ безчеловѣчіе Меликъ-Эшрефа, что Джани-бекъ-ханъ и всѣ люди горько заплакали. Вслѣдствіе этого, Джани-бекъ-ханъ съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ на Меликъ-Эшрефа Вступивъ въ Адзербайджанъ, онъ при Хоѣ сразился съ Меликъ-Эшрефъ-Сюльдуромъ. Одержавъ побѣду, онъ предалъ смерти Меликъ-Эшрефа и овладѣлъ всей казной и всѣми его драгоцѣнностями. Это событіе было въ семьсотъ пятьдесятъ девятомъ году (1358 Р. Х.).

Глава седьмая.

Исторія потомковъ Джучи-хановыхъ, царствовавшихъ въ Дештъ-Кипчакѣ.

Сначала скажемъ о Джучи-ханѣ. Имя Джучи-хановой матери было Бурте-Кучинь. Бурте-Кучинь была беременна. Въ одно время, когда Чингизъ-хана не было дома, ханъ

Меркитскаго народа сдѣлалъ набѣгъ на Чингизъ-хановъ домъ, и, захвативъ въ плѣнъ Бурте-Кучинь, увелъ ее съ собой. Старшая сестра Бурте-Кучини была женой Унгъ-хана (Кераитскаго). Унгъ-ханъ былъ въ дружбѣ съ ханомъ Меркитскимъ, по этой причинѣ Унгъ-ханъ выпросилъ себѣ Бурте-Кучинь и отправилъ ее къ Чингизъ-хану, потому что Унгъ-ханъ былъ другомъ отцу Чингизъ-ханову, Исукей-багадуру. Бурте-Кучинь, находясь въ пути, родила Джучи-хана. Такъ какъ въ томъ мѣстѣ не было колыбели, въ которую бы положить его, то изъ опасенія, чтобы онъ не занемогъ, велѣли сдѣлать изъ тѣста корзину, и въ нее положили его и принесли домой. Чингизъ-ханъ, увидѣвъ этого своего сына, сказалъ: „къ намъ благополучно прибылъ новый гость!“ Монголы на своемъ языкѣ гостя, въ первый разъ пришедшаго, называютъ словомъ *джучи*. По такому обстоятельству дано этому сыну имя Джучи. Извѣстно, что Джучи-ханъ умеръ прежде своего отца. Главныя обстоятельства его жизни описаны въ исторіи Чингизъ-хана, а потому нашъ разсказъ о немъ здѣсь коротокъ.

Исторія Бату-хана, сына Джучи-ханова.

Чингизъ-ханъ, услышавъ о смерти Джучи-хана, крайне опечалился, и носилъ трауръ. Въ это время онъ высказалъ своимъ дѣтямъ и эмирамъ свои желанія и мысли о мѣрахъ къ государственному благоустройству, и передалъ слова, составляющія его завѣщаніе. По окончаніи траурныхъ дней, онъ сказалъ Утчикину: „отправься въ Дештъ-Кипчакъ и второго Джучи-ханова сына, Бату-Саинъ-хана, какъ его прозвали, возведи на отцевскій престолъ; младшимъ его братьямъ и эмирамъ вели быть въ повиновеніи у него. Если его братья и эмиры не будутъ держаться этого распоряженія. то ты останься тамъ и мнѣ доноси о тамошнихъ дѣлахъ; мы примемъ на себя заботы о устройствѣ ихъ“. Съ такимъ прика-

зомъ онъ послалъ его. Утчикинъ, когда приближался къ удѣлу Бату-ханову, Бату, узнавъ о томъ, выслалъ для встрѣчи его своихъ дѣтей и младшихъ братьевъ, а вслѣдъ за ними и самъ выѣхалъ для его встрѣчи. Свиданіе съ Утчикиномъ возобновило скорбь ихъ. По прошествіи трехъ дней Утчикинъ посадилъ Бату-хана на отцевскомъ престолѣ, младшимъ братьямъ и эмирамъ Бату-хановымъ передалъ слова, сказанныя Чингизъ-ханомъ; весь народъ изъявилъ покорность имъ. При этомъ сдѣлали большой пиръ: по монгольскому обычаю Бату-хану поднесли чашу, и также Бату-ханъ подалъ имъ чашу, и роздалъ много даровъ.

Въ это время сверхъ ожиданія прибылъ изъ Чингизъ-хановой орды человѣкъ съ извѣстіемъ, что ханъ умеръ; вдругъ, объятые скорбію, такъ сильно плакали, что вопли далеко неслись за стѣнами жилищъ. По прошествіи дней сѣтованія, Бату-ханъ, поручивъ свое царство младшему своему брату, Тукай-Тимуру, отправился въ Кара корумъ, столицу Чингизъ-Ханову, взявъ съ собой пятерыхъ своихъ братьевъ, Орду, Шибана, Беркая, Джамбая, Беркчара; съ ними также былъ Утчикинъ. Прибывши въ Кара-корумъ и увидѣвшись со всѣми эмирами и лицами царскаго дома, они совершили обряды поминовенія въ память умершаго. По окончаніи ихъ, Бату ханъ и всѣ царевичи, сообразно завѣщанію Чингизъ-хана, посадили на престолъ Огдай-каана; устроивъ большой пиръ, подали каану чашу и каанъ также далъ пиръ царскому дому и эмирамъ, и, отворивъ двери казнохранилища, роздалъ столь много даровъ, что никто не остался бѣднымъ, всѣ сдѣлались богачами.

Нѣкоторые изъ государей, имѣвшихъ владѣнія свои въ Китайскомъ государствѣ, возмутились. Каанъ долженъ былъ предпринять походъ въ ту страну. При этомъ случаѣ, онъ далъ повелѣніе, чтобы и Бату ханъ былъ вмѣстѣ съ нимъ въ этомъ походѣ. Бату-ханъ съ пятью своими младшими брать-

ями участвовалъ въ этомъ походѣ. Каанъ, поразивъ и разоривъ всѣ тѣ царства, возвратился въ Кара корумъ.

Послѣ сего онъ указалъ Бату-хану покорить для себя Русь, Черкесовъ, Болгаръ и другіе города. Онъ приказалъ, чтобы его сынъ Кіюкъ-ханъ, Тули-хановъ сынъ, Менгу-каанъ, и Джагатай-хановъ сынъ, Байдаръ, служили и помогали Бату-хану въ этомъ походѣ. Бату-ханъ, взявъ ихъ съ собой, отправился въ путь, прибылъ въ свою столицу. Бату-хановъ братъ, Тукай-Тимуръ-ханъ, гостепріимно встрѣтилъ ихъ всѣхъ, угощалъ ихъ трое сутокъ. Потомъ Бату-ханъ въ продолженіе сорока сутокъ угощалъ все это собраніе: во всѣ эти сорокъ сутокъ на одну минуту не были они свободны отъ утѣхъ и удовольствій. Послѣ сего Бату разослалъ по областямъ знаменьщиковъ для набора войска; на этотъ разъ собралось войска такъ много, что ему не было счета. Замѣчаемъ, что резиденція Джучи-хана была въ Дештъ-Кипчакѣ, въ странѣ, которая называется Синяя Орда. О томъ, какъ Бату-ханъ завоевалъ Маджаровъ, Башкурдовъ, Русь, Корелу и Нѣмцевъ, и о его смерти будетъ сказано ниже сего.

Ханствованіе Берке-хана, сына Джучи-ханова въ Дештъ-Кипчакѣ.

По смерти Бату-хана, Менгу-каанъ сдѣлалъ Кипчакскимъ ханомъ Сартака, сына Бату-ханова: но онъ умеръ прежде вступленія на престолъ ханства. Послѣ него избрали въ ханы младшаго его брата Улакыча, но и Улакычъ въ скоромъ времени умеръ. Послѣ него Менгу-каанъ сдѣлалъ ханомъ Берке-хана, сына Джучи-ханова.

Берке-ханъ, сдѣлавшись ханомъ, сдѣлалъ большой пиръ, роздалъ много даровъ, за всѣми старшими и младшими своими братьями утвердилъ тѣ удѣлы, которые далъ имъ Бату-ханъ. Къ каану послалъ большіе дары. Послѣ сего, въ одинъ изъ

дней, Всевышній Господь вложилъ въ сердце Берке-хана любовь къ мусульманству, и онъ узналъ, что его вѣра была неистинна. Это было такъ: въ одно время Берке-ханъ отправился въ городъ Сарайчикъ, основанный старшимъ его братомъ; здѣсь онъ увидѣлъ большой караванъ, прибывшій изъ Бухары. Изъ этого каравана онъ призвалъ къ себѣ, въ уединенное отъ людей мѣсто, двухъ хорошихъ человѣкъ, и спросилъ у нихъ объ ученіи и правилахъ мусульманства. Эти люди хорошо объяснили ему, въ чемъ состоитъ мусульманство. Счастливецъ государь, этотъ Берке-ханъ, отъ искренняго сердца, сдѣлался мусульманиномъ. Призвавъ послѣ сего младшаго изъ своихъ братьевъ, Тугай-Тимура, онъ пересказалъ ему свою тайну, и этотъ также сдѣлался Мусульманиномъ. Потомъ онъ объявилъ народу вѣру ислама и, какъ скоро узнавалъ гдѣ невѣрующихъ, поступалъ съ ними жестоко, притѣснялъ ихъ. Напослѣдокъ въ его благородномъ тѣлѣ открылась болѣзнь колика, и отъ нея онъ, въ шестьсотъ шестьдесятъ четвертомъ году (1265—6 Р. Х.), перешелъ къ милосердію Божію. Царствованіе его продолжалось двадцать пять лѣтъ.

Исторія Менгу-Тимуръ-хана, сына Тукая, сына Бату-ханова; потомъ исторія Туда-Менгу, сына Тукая, сына Бату-ханова, послѣ того исторія Токтагу-хана, сына Менгу-Тимуръ-ханова.

По смерти Берке-хана сдѣлался ханомъ Менгу-Тимуръ-ханъ, и занялся управленіемъ народа въ своемъ удѣлѣ; въ отношеніи родственниковъ своихъ, какъ старшихъ такъ и младшихъ въ родѣ, онъ дѣйствовалъ согласно распоряженіямъ Бату-хана, а потому владѣніе въ Бѣлой Ордѣ отдалъ онъ Багадуръ-хану, сыну Шибанъ-ханову; области Кафу и Крымъ отдалъ Уранъ-Тимуру. Уранъ-Тимуръ былъ сынъ Тукай-Тимура. Самъ онъ предпринималъ походъ въ царство Болгарское:

по прошествіи двухъ лѣтъ, онъ, одержавъ побѣду, возвратился домой. Послѣ того онъ съ многочисленнымъ войскомъ отправился воевать съ Абака-ханомъ; прибывъ въ царство Иранское, онъ заключилъ миръ съ Абака-ханомъ и возвратился домой; они другъ къ другу постоянно пересылали подарки. Въ шестьсотъ осьмидесятомъ году (1281 Р. Х.) Абака-ханъ оставилъ здѣшній міръ; вмѣсто его сдѣлался ханомъ Ахмедъ-ханъ, который былъ мусульманинъ, но онъ вскорѣ погибъ отъ руки Аргуна, сына Абака-ханова, и Аргунъ-ханъ, сынъ Абака-хановъ, сдѣлался государемъ. Менгу-Тимуръ-ханъ, государь Дештъ-Кипчакскій, услышавъ, что Аргунъ-ханъ сдѣлался государемъ, послалъ противъ Аргунъ-хана войско въ числѣ осьмидесяти тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ двухъ бековъ, Тукая и Туркеная. Аргунъ-ханъ, получивъ извѣстіе объ этомъ, выслалъ противъ непріятеля эмира Тугаджара съ многочисленнымъ войскомъ, а въ слѣдъ за нимъ и самъ выступилъ въ походъ. Войска вступили въ битву на высотахъ Карабага. Войско Менгу-Тимуръ-хана было разбито и обратилось въ бѣгство. Менгу-Тимуръ-ханъ, услышавъ объ этомъ, крайне огорчился и умеръ.

Послѣ него сдѣлался государемъ Туда-Менгу, сынъ Тукая, сына Бату-ханова. Туда-Менгу-ханъ началъ свое царствованіе многими притѣсненіями и неправдами. Токтагу-ханъ, сынъ Менгу-Тимуръ-хана, долженъ былъ бѣгствомъ скрыться отъ его тиранства; но, по прошествіи нѣкотораго времени, онъ набралъ большое войско, напалъ на Туда-Менгу, въ битвѣ съ нимъ разбилъ его войско, убилъ Туда-Менгу и самъ сдѣлался государемъ.

Токтагу-ханъ, овладѣвъ многими областями, дѣйствовалъ въ управленіи ими по уставамъ отца и своихъ предковъ. Напослѣдокъ, онъ перешелъ отъ тлѣннаго жилища въ вѣчное. Царствованіе его продолжалось шесть лѣтъ; онъ похороненъ въ Сарайчикѣ.

Ханствованіе Узьбекъ-хана, сына Тугрулъ-хана, сына Менгу-Тимуръ-хана,... сына Бату-хана, сына Джучи-хана, сына Чингизъ-ханова.

По смерти Токтагу хана сдѣлался ханомъ Узьбекъ-ханъ. На тридцатомъ году своего возраста онъ принялъ правленіе и дѣйствовалъ въ ономъ по уставамъ своихъ отцевъ и дѣдовъ. Оказывая каждому благоволеніе, соотвѣтственно его достоинству, онъ щедро награждалъ его. Онъ ввелъ въ удѣлъ свой вѣру ислама: содѣйствіемъ этого государя всѣ его подданные облагорожены вѣрою священнаго ислама. Съ его времени весь удѣлъ Джучіевъ стали называть удѣломъ Узьбековымъ и такъ будутъ называть до дня всеобщаго воскресенія. Подданные наслаждались плодами его правосудія. Онъ сдѣлалъ два похода въ царство Иранское противъ Абу-Саидъ-хана, но не могъ овладѣть имъ и возвратился безъ успѣха. Напослѣдокъ онъ перешелъ изъ сего міра въ другой.

Ханствованіе Джанибекъ хана, сына Узьбекъ-ханова.

По смерти Узьбекъ-хана сдѣлали ханомъ Джанибекъ-хана. Этотъ Джанибекъ-ханъ былъ чудный изъ мусульманскихъ государей. Онъ оказывалъ великое уваженіе ученымъ и всѣмъ, отличавшимся познаніями, аскетическими дѣлами и благочестіемъ. По вступленіи на престолъ въ городѣ Сарайчикѣ, онъ былъ защитникомъ свѣтлаго закона. Меликъ-Эшрефъ, сынъ Тимуръ-таша, былъ государемъ въ Адзербайджанѣ; этотъ Меликъ-Эшрефъ былъ крайне дурной и жестокій правитель, такъ что жители Адзербайджана, и простолюдины и сановники, должны были разсѣяться оттуда въ разныя стороны. Кади Мухьи-ддинъ, убѣжавъ оттуда, пришелъ въ городъ Сарайчикъ и въ немъ остался жить. По временамъ онъ говорилъ поученія. Однажды ханъ пришелъ въ то мѣсто, гдѣ

онъ говорилъ поученія, чтобы послушать проповѣдь кадія. Кадій, сказавъ поученіе, разсказалъ нѣсколько случаевъ о жестокости, несправедливости Меликъ-Эшрефа съ такой живостію, что всѣ присутствовавшіе, начиная съ хана, горько плакали. Тутъ кадій сказалъ хану: „если не защитишь насъ отъ Меликъ-Эшрефа, то въ будущемъ свѣтѣ на пути въ рай наши руки удержатъ тебя за твою одежду...“ Эти слова сдѣлали впечатлѣніе на хана; онъ, собравъ войско, повелъ его противъ Меликъ-Эшрефа, сразился съ Меликъ-Эшрефомъ и его убилъ. У Меликъ-Эшрефа было, кромѣ другого имѣнія, драгоцѣнныхъ камней столько, что они составляли четыреста вьюковъ верблюжьихъ: Джани бекъ роздалъ тѣ камни своему войску. Сопутствуемый побѣдою и Божіимъ храненіемъ, онъ возвратился въ свою столицу, оставивъ правителемъ завоеванной страны своего сына Бирди-бека. Когда возвратился онъ въ свой юртъ, открылась болѣзнь въ его благородномъ тѣлѣ; и какъ болѣзнь не прекращалась, то ханъ, не надѣясь избавиться отъ нея, отправилъ къ Бирди-беку въ Адзербайджанъ человѣка и звалъ его къ себѣ. Но прежде прибытія оттуда Бирди-бека, Джани-бекъ изнемогъ отъ болѣзни. Собравъ къ себѣ народъ, онъ заочно назначилъ Бирди-бека наслѣдникомъ престола, говорилъ много въ наставленіе и назиданіе имъ, и перешелъ къ Божію милосердію въ семь сотъ пятьдесятъ осьмомъ году (1357 по Р. Х.). Онъ царствовалъ семнадцать лѣтъ; похороненъ въ Сарайчикѣ.

Ханствованіе Бирди-бекъ-хана, сына Джани-бекова.

Послѣ смерти Джани-бека, Бирдибекъ-ханъ прибылъ изъ Адзербайджана (Тебриза) въ Сарайчикъ; три дня продолжался трауръ. По окончаніи траура всѣ царевичи и эмиры поставили Бирди-бека въ ханы. Бирди-бекъ былъ человѣкъ жестокій, нечестивый, съ душей черной, злорадной. Изъ своихъ братьевъ, и старшихъ и младшихъ, изъ близкихъ родственниковъ, никого не пощадилъ, всѣхъ предалъ смерти; желая

упрочить за собой государство, онъ не понималъ, что здѣшняя жизнь преходяща. Въ самомъ дѣлѣ царствованіе его не продолжалось и двухъ лѣтъ: онъ умеръ въ семьсотъ шестьдесятъ второмъ году (1361 Р. Х.). Бирди-бекомъ кончилась прямая линія дѣтей Саинъ-хановыхъ. Нынѣ между Узьбеками есть пословица: „въ Бирди-бекѣ ссѣченъ стволъ гранатоваго дерева“. Послѣ него въ Дештъ-Кипчакѣ царствовали потомки другихъ сыновъ Джучи-хановыхъ.

Глава осьмая.

Потомки Шибанъ-хана, пятаго сына Джучи-хана, сына Чингизъ-ханова, царствовавшіе въ Туранѣ, у Казаковъ, въ Крымѣ и въ Мавераннегрѣ.

(Шибаниды въ Туранѣ).

У Чингизъ-хана сынъ Джучи-ханъ; у него сынъ Шибанъ-ханъ, его сынъ Багадуръ-ханъ, его сынъ Джучи-буга, его сынъ Бадакулъ, его сынъ Мунга-Тимуръ, его сынъ Бикъ-кунди-угланъ, его сынъ Алій-угланъ, его сынъ Хаджи Мохаммедъ-ханъ, его сынъ Махмудекъ-ханъ, его сынъ Абакъ-ханъ, его сынъ Тулукъ-ханъ, его сынъ Шамай-султанъ, его сынъ Узарь-султанъ, его сынъ Багадуръ-султанъ. У помянутаго выше Махмудекъ-хана былъ сынъ Муртаза-ханъ, у этого сынъ былъ Кучумъ-ханъ. Кучумъ-ханомъ пресѣкся родъ этого дома. Кучумъ-ханъ сорокъ лѣтъ царствовалъ въ Туранѣ. Жизнь его была долга; подъ конецъ ея онъ ослѣпъ. Въ тысяча третьемъ году (1595 Р. Х.) Русскіе отняли Туранъ изъ рукъ Кучумъ-хана. Кучумъ-ханъ, убѣжавъ, скрылся у народа Мангкытъ и тамъ отошелъ къ Божію милосердію.

Родъ Тукай-Тимура, царствовавшій въ Крымѣ.

У Чингизъ-хана сынъ Джучи-ханъ, у него сынъ Тукай-Тимуръ, его сынъ Узь-Тимуръ (Уранъ-Тимуръ), его сынъ

Сарича, его сынъ Кюньджекъ угланъ, его сынъ Тукъ-кулъ ходжа-угланъ, его сынъ Туй-ходжа-угланъ, его сынъ Токтамышъ ханъ; у этого было восемь сыновъ въ такомъ порядкѣ: Джелаль-эд-динъ, Джаббаръ-бирди, Кюпекъ, Керимъ-бирди, Искендеръ, Абу-саидъ, Куджекъ, Кадиръ-бирди.

У помянутаго выше Тукъ-кулъ ходжи былъ младшій братъ по имени Тулюкъ-Тимуръ; у этого сынъ былъ Хине, его сынъ Хасанъ-угланъ, котораго зовутъ также Ичкилій Хасанъ; у него сынъ былъ Мохаммедъ-ханъ, его сынъ Таштимуръ, его сынъ Гайясъ-эд-динъ-ханъ, его сынъ Хаджи-Герай. У этого было восемь сыновъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Девлетъ-яръ, Нуръ-девлетъ-ханъ, Хайдаръ-ханъ, Кутлукъ-заманъ, Кюльдашъ, Минглій-Герай-ханъ, Ямгурдчій, Узь-Тимуръ. Родъ Крымскихъ государей идетъ отъ Хаджи-Герая; но въ настоящее время, за отдаленностію этой страны отъ насъ, нельзя знать, отъ котораго сына Хаджи-Гераева начинается родъ царствующихъ нынѣ въ Крымѣ государей.

Родъ Тукай-Тимура, царствовавшій у Казаковъ.

У Чингизъ хана сынъ Джучи-ханъ, его сынъ Тукай-Тимуръ, его сынъ Узь-Тимуръ, его сынъ... Ходжа, его сынъ Бадакулъ-угланъ, его сынъ Урусъ-ханъ, его сынъ Коирчакъ ханъ, его сынъ Беракъ-ханъ, его сынъ Абу-саидъ, по прозванію Джанибекъ-ханъ. У этого было девять сыновъ въ такомъ порядкѣ: Ирандчій, Махмудъ, Касимъ (это тотъ, который, препираясь съ Махмедъ-ханомъ Шибани, былъ виновникомъ смерти Мохаммедъ-хана); за нимъ слѣдовали: Итикъ, Джанишъ, Канбаръ, Тенишъ, Усюкъ, Джаукъ.

Государи изъ рода Тукай-Тимура, третьяго сына Джучи-ханова, царствовавшіе въ Мавераннегрѣ.

У Чингизъ-хана сынъ Джучи-ханъ, у него сынъ Тукай-Тимуръ, у него сынъ Узь-Тимуръ, его сынъ Абай, его сынъ

Нумганъ, его сынъ Кутлукъ-Тимуръ угланъ, его сынъ Алій Тимуръ-бекъ угланъ, его сынъ Тимуръ Кутлукъ-ханъ, его сынъ Тимуръ-султанъ, его сынъ Мохаммедъ-ханъ, его сынъ Джувакъ-султанъ, его сынъ Манкышлакъ-султанъ, его сынъ Яръ-Мохаммедъ-султанъ, его сынъ Джанъ-султанъ, его сынъ Динъ-Мохаммедъ-султанъ, его сынъ Нуръ Мохаммедъ ханъ, его сынъ Абдулъ-азизъ-ханъ.

Узьбекскіе генеалогисты говорятъ, что предки Абдулъ-азизъ-хана, предки Казакскихъ государей и предки Крымскихъ государей ведутъ свой родъ отъ Тукай-Тимуръ хана, третьяго сына Джучи-хана, сына Чингизъ-ханова, что отцы Хаджимъ-хана, Абдуллахъ-хана и Кучумъ-хана ведутъ свой родъ отъ Шибанъ-хана, пятаго сына Джучи-хана, сына Чингизъ-ханова. Извѣстно, что названные три хана были современниками другъ другу и одинъ послѣ другого перешли изъ сего міра въ другой. О прочихъ сыновьяхъ Джучи-хановыхъ и о владѣніяхъ ихъ сказано было выше.

Связь осьмой главы съ девятой.

Ниже сего девятая глава будетъ отдѣлена отъ осьмой, но въ семъ мѣстѣ требуется разсказать событія, которыми связывается ихъ содержаніе.

Исторія дѣтей Шибанъ-хана, пятаго сына Джучи-ханова.

Прежде сказано было, что Джучи-ханъ далъ повелѣніе, чтобы народъ его удѣла выступилъ съ нимъ для завоеванія государствъ Маджаровъ, Башкурдовъ, Руси, Корелы и Нѣмцевъ, и приготовился къ трудамъ семилѣтняго похода; но

прежде нежели собралось войско, онъ заболѣлъ и умеръ Также сказано было, что Чингизъ-ханъ, который въ то время былъ еще въ живыхъ, далъ повелѣніе своему внуку, Бату, которому прозваніе Саинъ-ханъ, въ сихъ словахъ: „прими на себя власть отца и иди въ земли, въ которыя хотѣлъ итти онъ“, и что въ то время, когда Саинъ-ханъ собиралъ войско, умеръ и Чингизъ-ханъ. По прошествіи двухъ лѣтъ сдѣлался ханомъ Огдай-каанъ; онъ снова повелѣлъ Саинъ-хану предпринять походъ. Въ этомъ походѣ Саинъ-ханъ завоевалъ одинъ за другимъ Русскіе города и дошелъ до Москвы. Тамъ соединились между собою государи Корелы, Нѣмцевъ и Руси; оцѣпивши свой станъ и окопавшись рвомъ, они отбивались въ продолженіе почти трехъ мѣсяцевъ. Напослѣдокъ, Шибанъ-ханъ сказалъ своему брату Саинъ-хану: „дай мнѣ тысячъ шесть человѣкъ въ прибавокъ къ воинамъ, которые при мнѣ; ночью я скроюсь въ засаду въ тылу непріятеля; на слѣдующій день, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, вы нападите на него спереди, а я сдѣлаю нападеніе на него съ тыла“. На слѣдующій день они такъ и сдѣлали. Когда разгорѣлся бой, Шибанъ-ханъ, поднявшись изъ засады, устремился съ конницей, доскакавъ до края вала, онъ, спѣшась, перешелъ чрезъ валъ. Внутри вала станъ оцѣпленъ былъ со всѣхъ сторонъ телѣгами, связанными желѣзными цѣпями: цѣпи перерубили, телѣги изломали, и всѣ, дѣйствуя копьями и саблями, пѣшіе, напали на непріятеля.—Саинъ-ханъ спереди, Шибанъ-ханъ съ тыла: въ этомъ мѣстѣ избили они семьдесятъ тысячъ человѣкъ. Всѣ эти области сдѣлались подвластными Саинъ-хану.

Когда Саинъ-ханъ, возвратившись изъ этого похода, остановился на своемъ мѣстѣ, сказалъ Ордѣ, по прозванію Иченъ, старшему изъ сыновъ Джучи-Хана: „въ этомъ походѣ ты содѣйствовалъ окончанію нашего дѣла, то въ удѣлъ тебѣ отдается народъ, состоявшій изъ пятнадцати тысячъ семействъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ отецъ твой“. Младшему своему

брату, Шибанъ-хану, который также сопутствовалъ своему брату Саинъ-хану въ его походѣ, отдалъ въ удѣлъ изъ государствъ, покоренныхъ въ этомъ походѣ, область Корелъ; и изъ родовыхъ владѣній отдалъ четыре народа: Кушчи, Найманъ, Карлыкъ и Буйракъ, и сказалъ ему: юртъ (область), въ которомъ ты будешь жить, будетъ между моимъ юртомъ и юртомъ старшаго моего брата, Ичена: лѣтомъ ты живи на восточной сторонѣ Яика, по рѣкамъ Иргизъ-сувукъ, Орь, Илекъ до горы Урала; а во время зимы живи въ Аракумѣ, Каракумѣ и по берегамъ рѣки Сыръ-при устьяхъ рѣкъ Чуй-су и Сари-су. Шибанъ-ханъ послалъ въ область Корелъ одного изъ своихъ сыновъ, давъ ему хорошихъ бековъ и людей. Этотъ юртъ постоянно оставался во власти сыновъ Шибанъцановыхъ; говорятъ, что и въ настоящее время государи Корельскіе-потомки Шибанъ-Хана; эта земля далека отъ насъ, потому одинъ Богъ вѣрно знаетъ, истинны ли, или ложны эти извѣстія. Шибанъ-Ханъ въ показанныхъ областяхъ проводилъ лѣта и зимы, и, по прошествіи нѣсколькихъ годовъ, умеръ.

У Шибанъ-хана было двѣнадцать сыновъ; вотъ имена ихъ, написанныя по порядку: Байналъ, Багадуръ, Кадакъ, Балга, Джирикъ, Мерканъ, Куртга, Аяджій, Саилганъ, Баянджаръ, Маджаръ, Кунджій.

Второй сынъ его, Багадуръ-ханъ, заступилъ мѣсто отца. У Багадуръ-хана было два сына: старшему имя было Джучій-буга, младшему Кутлукъ-буга.

Джучій-буга заступилъ мѣсто отца своего. У него было четыре сына; имена ихъ: Байда-кулъ, Бектимуръ, Нукеджаръ, Ясъ-буга.

Когда Джучій-буга перешелъ изъ сего міра въ другой, старшій сынъ его Бадакулъ вступилъ на отцевскій престолъ. У него былъ одинъ сынъ, по имени Мингъ-тимуръ: онъ былъ удивительно храбръ, боекъ и уменъ, потому его прозвали

Кюлюкъ-Мингъ-Тимуръ. Слово *Кюлюкъ* на тюркскомъ языкѣ имѣетъ такой смыслъ: у кого есть какая либо надежная вещь, и ея владѣлецъ будетъ отъ сердца обнадеживать себя ею, говоря: доколѣ эта вещь будетъ у меня, я не испытаю ничего дурнаго; того называютъ Кюлюкъ.

У Мингъ-Тимура было шесть сыновъ, которыхъ имена: Ильсакъ, Джанта, Буладъ, Сююнучь, Тимуръ-тюнга, Бекъ-Кунди.

Буладъ, по смерти отца своего, Мингъ-Тимура, занялъ мѣсто его. У него было два сына: Ибрагимъ и Арабъ-шахъ; Узбеки обоихъ ихъ называютъ Аса-арабъ.

Государи изъ рода Шибанъ-хана, бывшіе въ Мавераннегрѣ.

У Чингизъ-хана сынъ Джучій; у этого сынъ Шибанъ-ханъ; его сынъ Багадуръ-ханъ; его сынъ Джучій-буга; его сынъ Байдагулъ; его сынъ Мунга-Тимуръ; его сынъ Буладъ; его сынъ Ибрагимъ-угланъ; его сынъ Девлетъ-шейхъ-угланъ; его сынъ Абуль-хаиръ-ханъ. У него было одиннадцать сыновъ.

Имя старшему Абуль-хаирову сыну Шахъ-Бадакъ-султанъ, у котораго было два сына: старшему сыну имя было Мохаммедъ, прозваніе ему Шахтъ-бехтъ, милость Божія надъ нимъ! Онъ былъ поэтъ, и такъ какъ онъ происходилъ изъ рода Шибанъ-хана, то въ предисловіяхъ своихъ поэмъ онъ называлъ себя Шибани. Младшій сынъ Шахъ-Бадакъ-султана назывался Махмудъ-султанъ, его сынъ Абдуллахъ-ханъ.

Имя второму сыну вышеупомянутаго Абуль-хаиръ-хана было Ходжа-Мохаммедъ: Узбеки называютъ его Ходжугумъ-Тинтакъ; у него сынъ Джани-бекъ-ханъ: это былъ человѣкъ глупый. Его сынъ Искендеръ-ханъ также былъ малоуменъ; но въ немъ было два хорошихъ качества: усердіе совершать

молитвы, каноническія и произвольныя, и умѣнье охотиться съ ястребами и держать ихъ. У него былъ сынъ извѣстный и знаменитый Абдуллахъ-ханъ, а у этого сынъ былъ Абдулъ-муминъ-ханъ. Абдулъ-муминомъ пресѣкся этотъ домъ. Такъ какъ исторія Абдуллахъ-хана очень извѣстна въ свѣтѣ, то мы не изложили ея подробно.

Глава девятая.

Потомки Шибанъ-хана, пятаго сына Джучи-хана, сына Чингизъ-ханова, царствовавшіе въ Харезмѣ.

По смерти Булада, два сына его Ибрагимъ и Арабъ-шахъ, раздѣливъ отцевы владѣнія, вмѣстѣ въ одной землѣ и кочевали и имѣли свои станы; лѣто проживая при вершинѣ Яика, а зиму при устьѣ Сыра, они съ пріятностію провели свой вѣкъ.

По смерти Арабъ-шаха, сынъ его Хаджи-Тулій, заступивъ мѣсто отца своего, царствовалъ надъ народомъ. У него былъ сынъ по имени Тимуръ-шейхъ; Хаджи-Тулій, умирая, поставилъ на свое мѣсто Тимуръ-шейха.

Во время молодыхъ еще лѣтъ Тимуръ-шейха, Калмыки, въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, сдѣлали набѣгъ на его область. Когда они съ взятымъ въ плѣнъ отступали, Тимуръ-шейхъ, увлекаясь мщеніемъ, погнался преслѣдовать ихъ прежде, чѣмъ успѣло собраться войско его. Настигнувъ ихъ, онъ вступилъ въ сраженіе съ ними, но былъ ими разбитъ и палъ въ битвѣ. Послѣ него не осталось дѣтей; и потому народъ, подвергшись набѣгамъ враговъ, сталъ отдѣляться отъ своихъ правителей. Такъ какъ и отъ младшихъ братьевъ государя не оставалось сыновей, то всѣми овладѣла безнадежность. По

этой причинѣ пограничные жители ушли къ другимъ владѣльцамъ. Тогда бѣлобородые старики Уйгуровъ собрались къ дверямъ ставки ханши и чрезъ посла сказали ей: „весь народъ отошелъ къ постороннимъ владѣльцамъ, и мы также готовы уйти: благодаримъ за хлѣбъ-соль! Но хотимъ сказать еще одно слово: у хана много было женъ и наложницъ: пусть вѣрно развѣдаютъ, нѣтъ ли которой нибудь изъ нихъ беременной; если будетъ такая, то мы не отложимся и останемся на своемъ мѣстѣ до разрѣшенія ея отъ бремени". Выслушавши сіи слова, ханша сказала: „изъ другихъ женъ нѣтъ беременной, а я уже третій мѣсяцъ ношу во чревѣ". Услышавши это, Уйгуры остались при ордѣ; Найманы, прежде сего оставившіе орду, когда услыхали слова ханши, не стали искать себѣ другихъ начальниковъ, воротились къ ордѣ, хотя и не входили въ сношеніе съ нею. Другія же поколѣнія перешли къ другимъ владѣтелямъ и сдѣлались слугами ихъ. По прошествіи шести мѣсяцевъ ханша родила мальчика и ему дали имя Ядигеръ. Тогда Уйгуры послали человѣка къ отошедшимъ людямъ, сказавши ему: „обойди всѣхъ ихъ и проси у нихъ даровъ за радостную вѣсть". Этотъ человѣкъ сначала ходилъ къ Найманамъ, и они дали ему въ подарокъ каряго съ лысиною коня. Когда они опять прикочевали къ ханской ордѣ, мать взяла своего новорожденнаго сына, принесла его въ отцовскій пріемный шатеръ, и посадила его на переднемъ мѣстѣ. По понятіямъ Монголовъ, лѣвая сторона почетнѣе правой: потому что сердце есть царь въ государствѣ тѣла, а сердце Богъ устроилъ въ лѣвомъ боку. Уйгуры, принимая Найманов какъ гостей, посадили ихъ на лѣвой сторонѣ выше себя. По этой причинѣ Найманы и въ нынѣшнее время садятся выше Уйгуровъ. Послѣ сего и нукеры, бывшіе при отцѣ его, охотно пришли къ нему. Они—слуги хана при дворѣ его, они одежда; а Найманы и Уйгуры—воротъ и рукава... Тотъ и другой изъ этихъ народовъ говорилъ: „я—карачій сынамъ Ядигера!" Смыслъ этихъ словъ такой: на узбекскомъ

языкѣ сказать: „карачи“ значитъ сказать: наблюдай, что́ хорошо или худо, что́ придетъ или уйдетъ, что́ безпокоитъ или не безпокоитъ, не передаваясь ни на чью сторону.

Ядигеръ-ханъ благополучно выросъ. У него было четыре сына: первый Берке, второй Абу-лекъ, третій Аменкъ, четвертый Іякъ.

Имя Аменкъ на Монгольскомъ языкѣ, который въ это время еще не совсѣмъ былъ забытъ, имѣетъ такой смыслъ. Слово *душа* на арабскомъ языкѣ *джанъ*, у Таджиковъ *гюшъ*, у Узбековъ *тынъ*, а у Монголовъ *аменъ*. Въ имени Аменкъ буква к, прибавленная къ *аменъ*, выражаетъ уменьшеніе; Узбеки выражаютъ это уменьшеніе приложеніемъ къ слову частицы *гна*, иногда *гня*; такъ для означенія малой лошади, которая зовется *атъ*, они говорятъ *атгна* (лошадка), а о небольшемъ человѣкѣ они выражаются *кшигня* (человѣчекъ) отъ *кши* (человѣкъ). Потому слово Аменкъ значитъ *душенька*. Но обратимся къ тому, о чемъ мы говорили.

Старшій сынъ Ядигера, Берке-султанъ, былъ весьма бойкій, храбрый витязь. Говорятъ, что Господь Богъ далъ ему цѣльную грудь. Въ тѣлѣ человѣческомъ между суставами костей есть хрящи, а у него не было хрящей; у него грудь была безъ суставовъ, какъ бы одна доска. Берке-султанъ былъ современникомъ Абуль-Хаиръ-хану: когда Берке-султанъ былъ въ юношескихъ лѣтахъ, Абуль-Хаиръ-ханъ былъ въ старческихъ годахъ, а потому оба они жили въ одно время.

Въ Мавераннегрѣ Абу-Саидъ-мирза, потомокъ Тимуръ-бека, убилъ одного изъ своихъ братьевъ, Абдуллатифа-мирзу и сдѣлался обладателемъ юрта. Сынъ Абдуллатифа мирзы, Мирза-Мохаммедъ-Джукій бѣжалъ и пришелъ къ Абуль-хаиръ-хану. Жена Абуль-хаиръ-ханова была младшая сестра Абдуллатифу и тетка Мирзѣ-Мохаммеду-Джукію. Когда онъ жилъ нѣсколько времени при дворѣ хана, пришелъ изъ

Маверанегра человѣкъ съ извѣстіемъ, что султанъ Абу-Саидъ-Мирза изъ Самарканда отправился въ походъ въ Хорасанъ, а изъ него предположилъ итти въ Мазандеранъ. Получивъ эти вѣсти, Мирза-Мохаммедъ-Джукій сталъ просить у хана помощи. Ханъ пригласилъ Берке-султана, сказавъ ему: „Мирза-Мохаммедъ-Джукій проситъ у насъ помощи, но въ моихъ сыновьяхъ и младшихъ братьяхъ нѣтъ такого, который могъ бы совершить это дѣло. Ты также сынъ мнѣ: выступи съ своимъ войскомъ, съ твоимъ я соединю и свое войско". Берке-султанъ согласился на слова хана, и, взявъ со собой Мирзу-Мохаммедъ-Джукія, съ тридцатью тысячами человѣкъ отправился въ походъ и вступилъ въ область Ташкендъ. Джагатайскій народъ, который, бывъ отлученъ отъ Джукія и его отца, былъ только полусердечно расположенъ къ Абу-Саиду, тяготясь виной, передался Мирзѣ-Мохаммедъ-Джукію. Тогда онъ вступилъ въ городъ Ташкендъ; отъ него пошелъ къ Шахъ-рухіѣ и взялъ ее. Отселѣ, переправясь чрезъ рѣку Сыръ, пошелъ къ Самарканду. Абу-Саидъ-мирза, уходя въ Хорасанъ, къ Самаркандѣ оставилъ вмѣсто себя эмира Мозайяда, потомка Аргунова. Онъ съ людьми, ему покорными, вышелъ изъ Самарканда, построился въ боевой порядокъ и вступилъ въ сраженіе. Берке-султанъ поставилъ въ центрѣ Мирзу-Джукія съ Джагатайцами, самъ сталъ на лѣвомъ крылѣ, а войско Абуль-Хаирово, подъ начальствомъ Пешкендъ-углана, поставилъ на правой сторонѣ и вступилъ въ битву. Всевышній Господь возвысилъ руку Берке-султана, а знамя Мозайядъ Аргуна уронилъ. Битва происходила вблизи города; поражая мечемъ джагатайское войско, они преслѣдовали его до городскихъ воротъ и возвратились. Эмиръ Мозайядъ спасся отъ руки и вошелъ въ городъ. Онъ поставилъ стражу въ воротахъ и въ башняхъ города, приготовилъ снаряды для защиты въ случаѣ осады, и отправилъ въ Хорасанъ къ Абу-Саиду-мирзѣ письменное донесеніе о своихъ обстоятельствахъ. Абу-Саидъ-мир-

за, прочитавъ донесеніе, далъ приказъ, чтобы Хорасанское войско собралось въ скорѣйшемъ времени. Когда оно собралось въ большихъ силахъ, онъ отправился съ нимъ къ Самарканду. Мохаммедъ-Джукій-Мирза вступилъ въ Куфейнъ и Керминю. Всѣ области Мавераннегра, кромѣ Бухары и Самарканда, покорились Мохаммедъ-Джуки-Мирзѣ; онъ во всѣхъ ихъ поставилъ даругъ. Въ это время получена вѣсть, что Саидъ-мирза съ большимъ войскомъ пришелъ къ Балху. Услышавъ объ этомъ, всѣ, большіе и малые, въ общемъ засѣданіи, составили совѣтъ. Берке-султанъ сказалъ: „Слава Богу, Ташкендъ, Туркестанъ и Мавераннегръ въ нашей власти! Сильное войско, Узбекское и Джагатайское, съ нами; для насъ ни откуда нѣтъ опасности. Пойдемъ на берегъ рѣки Аму, не дадимъ врагу перейти чрезъ нее; если перейдетъ сюда, сразимся съ нимъ!“ Джагатайскіе беки говорили: „воротимся отселѣ и уйдемъ за рѣку Сыръ, и остановимся въ Шахъ-рухіѣ. Мавераннегра мы не убережемъ, довольно для насъ, если удержимъ за собой Туркестанъ и Ташкендъ“. Мохаммедъ-Джукій-мирза признавалъ благоразумнымъ мнѣніе Берке-Султана; но не могъ перемочь словъ своего народа, а потому отъ Кермини онъ пошелъ прямо къ Шахъ-рухіѣ. Карайманы Джагатайскіе вообразили, что онъ бѣжитъ, не имѣя силъ противостать Абу-Саидъ-мирзѣ, и въ тотъ же день отдѣлились отъ него и перешли на сторону Абу-Саида. Берке-султанъ гнѣвался за то, что не приняли его совѣта. Увидѣвъ, что изъ Джагатайцевъ не осталось съ ними ни одного человѣка и что весь Мавераннегръ принялъ сторону врага, онъ далъ своимъ чиновникамъ приказъ выступить войску въ обратный путь. Поспѣшили дать его чрезъ гонцевъ; въ продолженіе трехъ дней согнали, сколько могли, скотъ, навьючили, сколько могли, багажъ, и Берке-султанъ возвратился домой. Мохаммедъ-Джукій-мирза пошелъ въ Шахъ-рухію. Абу-Саидъ-мирза, получивъ извѣстія объ этомъ, пу-

стился преслѣдовать его, и осадилъ его въ Шахъ-рухійской крѣпости. Четыре мѣсяца онъ держалъ ее въ осадѣ, но не могъ взять ее. Напослѣдокъ онъ послалъ къ нему Ходжу-Обейда Самаркандскаго, который, клятвою увѣривъ Мохаммеда-Джукія-мирзу въ безопасности, склонилъ его выти изъ крѣпости и явиться къ Абу-Саиду-мирзѣ. Исполняя свое слово, Абу-Саидъ-мирза не предалъ его смерти, но, заковавъ въ узы, заключилъ его въ крѣпость Ихтіяръ-уд-динъ, въ Хорасанѣ. Это было въ восемь сотъ шестидесятомъ году (1455 Р. Х.).

Прибытіе Мангыта Муса-бія ко двору Берке-султана съ просьбою о помощи.

Муса-бій и Куджашъ, сдѣлавшись врагами одинъ другому, вступили въ битву. Куджашъ-мирза остался побѣдителемъ, а Муса-бій обратился въ бѣгство. Разсуждая съ самимъ собою и совѣтуясь съ своими людьми, онъ говорилъ: „куда обратиться мнѣ, чтобы отомстить за себя? Если можетъ кто это сдѣлать, то можетъ сдѣлать только Берке-султанъ; другимъ того не сдѣлать“. Онъ пришелъ ко двору Берке-султана и разсказалъ ему о своемъ положеніи. Берке-султанъ сказалъ: „очень радъ я, очень радъ твоему приходу“. Онъ не сомнѣвался въ своемъ успѣхѣ и сказалъ: „пусть отецъ мой будетъ ханомъ, а ты при дворѣ его будешь великимъ-біемъ“. Со всѣхъ четырехъ сторонъ своего владѣнія онъ собралъ народъ, и сдѣлалъ большой пиръ; отца его Ядигера посадили на бѣлый войлокъ и подняли его въ ханы. На Ядигера и на Мусу-бія указываетъ извѣстная между Узбеками пословица: „Абуль-хаиръ былъ ханомъ, а князь былъ и въ судѣ и въ войнѣ паномъ“. Послѣ того Берке-султанъ, приготовясь къ походу, отправился въ путь, взялъ съ собой Муса-бія, поставилъ

его начальникомъ передового отряда. Была зима; выпалъ большой снѣгъ; отъ продолжительнаго похода кони ихъ утомились, съѣстные припасы истощились. Войско желало воротиться, но султанъ не хотѣлъ того. Прошло нѣсколько дней и войско пришло въ разстройство отъ показанныхъ причинъ. Тогда всѣ беки, въ главѣ которыхъ былъ самъ Муса-бій, пришли къ султану и сдѣлали предложеніе: „дѣло наше плохо: безъ лошадей, пѣшкомъ куда намъ итти? Не сбылся этотъ походъ въ нынѣшній годъ, пусть совершится въ слѣдующій годъ. Теперь лучше воротиться“. Султанъ отвѣчалъ: „сегодня и завтрашній день пойдемъ дальше; что узнаемъ, сообразно тому и будемъ дѣйствовать; въ противномъ случаѣ воротимся“. На слѣдующій день они продолжали походъ. Предъ ними открылось поле; когда они вышли на него, увидѣли подъ горою въ долинѣ большое жительство. Отошедши назадъ съ поля, слѣзли съ коней и послали двухъ человѣкъ развѣдать объ этомъ народѣ. Они пошли и привели пастуха, который, когда его стали разспрашивать, сказалъ, что тутъ домъ Куджаша-мирзы. Они сѣли на коней и внезапно нахлынули на домъ мирзы. Куджашъ-мирза былъ схваченъ, и султанъ велѣлъ убить его. Жители были ограблены, многіе изъ нихъ взяты въ плѣнъ, остальные покорились. У Куджаша-мирзы была дочь, по имени Малай-ханъ-задя; султанъ взялъ ее себѣ. Тамъ они провели всю зиму и весной воротились домой.

Смерть Ядигеръ-хана и убіеніе Берке-султана.

Минуло нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ происшествій; Ядигеръ-ханъ скончался; послѣ него умеръ и Абуль-хаиръ-ханъ. Абуль-хаиръ-ханъ былъ человѣкъ бойкій: доставлялъ радость друзьямъ, заставлялъ плакать враговъ; изъ окружающихъ

его съ четырехъ сторонъ родственниковъ до каждаго касалось его колѣно, доставала его рука. Потому всѣ они подняли головы и убили Абуль-хаиръ-хана. У него какъ ни много было дѣтей и внуковъ, но столько же много явилось и враговъ, которые подняли на нихъ руки, и нѣкоторые изъ сыновъ его были убиты, остальные разбѣжались. Многочисленный народъ его весь разсѣянъ на четыре стороны. Есть старинная пословица: „если врагъ разоритъ домъ отца твоего, то и ты въ отплату разори его домъ“. Дѣйствовавшій согласно съ этой пословицей Берке-султанъ съ своей стороны поднималъ на нихъ руки. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, внукъ Абуль-хаиръ-хана, Шахъ-бехтъ-ханъ, отъ природы храбрый витязь, пришелъ въ отцовскій юртъ, собралъ разсѣявшихся и разогнанныхъ жителей. Какъ дѣдъ его мирно жилъ съ Берке-султаномъ, такъ и онъ обходился съ нимъ, нимало не обнаруживая вражды своей. Въ одинъ годъ они зимовали при устьѣ Сыра; зимовье Шахъ-бехтъ-хана было выше по рѣкѣ отъ Берке-султанова на одинъ оазисъ. Въ одинъ день Шахъ-бехтъ-ханъ далъ приказъ своему народу, чтобы онъ весь въ этотъ день собрался и ночевалъ при его дверяхъ, сказавъ: „завтра я отправлюсь на охоту“. Нукеры его собрались; около полуночи, онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ съ ними къ ордѣ Берке-хана. Онъ сказалъ своимъ нукерамъ: „завтра на разсвѣтѣ нападемъ на Берке въ его домѣ; никто изъ васъ не бросайся на добычу, обступите кругомъ домъ его и Берке представьте мнѣ въ руки“. Когда занялась заря, они, какъ было приказано, окружили станъ, но сколько ни искали султана, не находили его. Когда спросили слугъ и невольницъ, они отвѣчали: до прихода вашего онъ былъ здѣсь; но послѣ прихода вашего куда онъ дѣлся, не знаемъ; каждый изъ насъ бѣжалъ въ свою сторону. —Гдѣ же былъ султанъ? До времени нападенія, султанъ, неодѣтый, лежалъ въ шатрѣ; когда раздался конскій топотъ, онъ, набросивъ на спину соболью

шубу, босой, выбѣжалъ онъ; тутъ онъ увидѣлъ, что вокругъ него враги. Домъ его находился посреди самаго оазиса; предъ дверьми дома было большое озеро, поросшее камышомъ. Время стояло холодное. Онъ побѣжалъ въ камышъ. Когда онъ шелъ по льду, камышевыя спицы искололи и изранили ему ноги, непрестанно текла кровь. Онъ вошелъ въ густой камышъ, и, обвернувъ себѣ ноги полами одежды, сѣлъ. Шахъ-бехтъ-Шибани-ханъ, отыскивая Берке, хваталъ разбѣжавшихся и разспрашивалъ о немъ. У Берке-султана былъ инакъ, Уйгуръ, по имени Мунка; онъ также скрылся, но попался одному изъ людей, искавшихъ Берке-султана. На вопросъ его, кто онъ? Мунка отвѣчалъ, что онъ тотъ, кого ищутъ. Мунка былъ пѣшъ, а тотъ на конѣ. Опасаясь слѣзть съ коня, чтобы схватить его, онъ всталъ на конѣ и поднялъ крикъ: сюда идите, сюда идите! Услышавшіе этотъ зовъ перекликнулись между собою. Всѣ отыскивавшіе Берке-султана собрались, взяли Мунка-Бія, привели его къ Шахъ-бехтъ-хану и сказали: „мы нашли Берке“. Ханъ и всѣ его придворные узнали, что это не ханъ Берке, а Беркеевъ инакъ, Мунка. Ханъ спросилъ его: „зачѣмъ ты сказалъ, что ты Берке, когда ты Мунка?“. Бій отвѣчалъ: „я ѣлъ его хлѣбъ-соль, терпѣлъ съ нимъ непріятности въ жизни и росъ въ одномъ съ нимъ мѣстѣ; а потому я поступилъ такъ для того, чтобы сыщики собрались вокругъ меня, а онъ между тѣмъ скрылся отъ врага своего. Остальное тебѣ извѣстно.—Шахъ-бехтъ-ханъ одобрилъ поступокъ его и, простивъ кровь на немъ, наградилъ его. Послѣ того они всѣ стали искать Берке. Какъ въ ту ночь выпалъ снѣгъ глубиною на палецъ, то одинъ человѣкъ замѣтилъ на краю аула слѣдъ босыхъ ногъ; когда онъ подошелъ къ озеру, на льду увидѣлъ капли крови; идя по кровавому слѣду, въ густомъ камышѣ увидѣлъ сидящаго человѣка. Онъ кликнулъ товарищей; человѣкъ десять сошлись туда, взяли его и привели къ Шахъ-бехтъ-хану; онъ тотчасъ ве-

лѣлъ убить султана. Разграбивъ и опустошивъ домъ его, онъ возвратился къ себѣ домой.

Дочь Куджаша-мирзы была женой Берке-султана, отъ котораго она, около двухъ мѣсяцевъ, была беременна. Ее, какъ плѣнницу, взялъ себѣ сынъ Абуль-хаировъ Ходжа-Мохаммедъ-султанъ. По прошествіи семи мѣсяцевъ, она родила мальчика, котораго назвали Джани-бекъ. У него былъ сынъ Искендеръ-ханъ, а его сынъ былъ знаменитый и славный Абдулла-ханъ; у этого сынъ Абдуль-муминъ-ханъ.

Ходжа-Мохаммедъ-султанъ былъ человѣкъ слабоумный, и его называли Ходжагумъ-тинтакъ. Малоуміе было въ немъ такъ велико, что онъ, бросая въ огонь сало, ворожилъ и гадалъ женщинамъ своего аула, и говорилъ той или другой: у тебя будетъ сынъ, у тебя будетъ дочь, тебѣ то и то будетъ; а самъ не зналъ, тотъ сынъ отъ него ли былъ, или отъ другого кого; у него не было смысла понять это, и всѣ другіе люди говорили, что Ходжугумъ-тинтакъ Берке-ханова сына считалъ своимъ. Малай-ханъ-задя для своей выгоды не открывала ему правды. Наши старики говорили: Абдуллахъ-ханъ въ десять или въ двадцать кратъ отомстилъ дѣтямъ Абуль-хаиръ-хановымъ за кровь своего прадѣда Берке-султана. Не зная близкаго отношенія своего дома къ нашему, онъ и его истребилъ и самъ умеръ; сынъ его ушелъ вслѣдъ за нимъ. Послѣ него не осталось потомства, владѣніе его досталось чужимъ.

Теперь будемъ говорить о сыновьяхъ Берке-султана, а послѣ того, если Богъ благоволитъ, скажемъ о младшихъ братьяхъ его.

Исторія дѣтей Берке-султановыхъ, Ильбарса и Бильбарса.

Послѣ Берке-султана осталось два сына: старшій по имени Ильбарсъ, младшій-Бильбарсъ, который въ народѣ бо-

лѣе извѣстенъ подъ именемъ Билигичь. Онъ, когда еще кормился грудью, сдѣлался боленъ и у него обѣ ноги изувѣчились; голени отъ самыхъ колѣнъ высохли. Оба сына, достигнувъ полнаго возраста, были бойкими, прекрасными витязями; они жили въ юртѣ отцовскомъ. Шахъ бехтъ-ханъ—милость Божія надъ нимъ!—овладѣлъ Мавераннегромъ; потому ихъ владѣнія отошли отъ нихъ. Въ этомъ владѣніи оставались только сыновья Ядигеръ-хана. Такъ теперь разскажемъ о томъ, какъ Ильбарсъ-ханъ овладѣлъ Ургенджемъ.

Шахъ бехтъ-ханъ овладѣлъ Мавераннегромъ. Султанъ Хусеинъ-мирза въ Гератѣ умеръ своею смертію. Шахъ-бехтъ-ханъ пошелъ и отнялъ Хорасанъ у дѣтей Султанъ-Хусеинъ-Мирзы. У султана Хусеинъ-мирзы Джагатая было много сыновъ и внуковъ; двое или трое изъ нихъ спаслись, а прочихъ всѣхъ Шахъ-бехтъ велѣлъ убить, и въ Ургенджъ, который былъ до того времени въ зависимости отъ султана-Хусеинъ-мирзы, послалъ даругу. По прошествіи около шести лѣтъ послѣ этихъ происшествій, шахъ Измаилъ пришелъ къ Мерву, сразился съ Шахъ-бехтъ ханомъ, и, поразивъ его, предалъ его мученической смерти. Даруга, поставленный въ Ургенджѣ Шахъ-бехтъ ханомъ, услышавъ объ этомъ, ушелъ изъ Ургенджа. Шахъ Измаилъ, овладѣвъ всѣмъ Хорасаномъ, прислалъ въ эту область даругу; въ Харезмъ прислалъ трехъ даругъ: одного въ Хиву и Гезараспъ, другого въ Ургенджъ и третьяго въ Везирь. присланные въ Ургенджъ и Везирь были родные братья, родомъ Арабы: Ургенджскому даругѣ имя было Сюбханъ-кули-арабъ, Везирскому Рахманъ-кули-арабъ. Рахманъ-кули-арабъ, по прибытіи въ Везирь, собралъ вельможъ городскихъ, далъ имъ большой пиръ и всѣмъ сдѣлалъ подарки. Въ это время въ Везирѣ былъ ученый старикъ кадій Омаръ. Онъ не представлялся новому правителю, и приглашенный къ пиру, не пошелъ туда, сказавшись больнымъ. На утро послѣ того дня, въ который правитель давалъ пиръ, кадій Омаръ чрезъ посланнаго тайно пригласилъ къ себѣ

до четырехъ человѣкъ изъ почетныхъ гражданъ вмѣстѣ съ начальниками города и сказалъ имъ: „поздравляю васъ съ счастьемъ, какое доставляетъ вамъ новый правитель; поздравляю васъ съ новой вѣрой“. Вельможи изумились словамъ кадія и спросили его: о какой новой вѣрѣ говорите вы? Кадій имъ отвѣчалъ: ужели вы доселѣ не слышали, какой вѣры и какого обряда шахъ Измаилъ и этотъ правитель? Они съ клятвою говорили: „Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ намъ дается правитель отъ того, кто бываетъ государемъ Хорасана. И на этого мы также смотримъ“. Кадій сказалъ имъ: „уже около четырнадцати лѣтъ тому, какъ шахъ Измаилъ принялъ то вѣроисповѣданіе, въ которомъ онъ нынѣ: а это исповѣданіе неправое“, и тутъ онъ подробно объяснилъ имъ свою мысль. „При дарѣ мало людей, а насъ много: по страху своему онъ этого не открываетъ. Поживъ нѣсколько времени, онъ отниметъ у васъ свободу и васъ, первыхъ гражданъ, принудитъ быть хулителями асхабовъ. Сдѣлавъ васъ своими, онъ навяжетъ свою вѣру и всему народу; а кто этого не сдѣлаетъ, того убьетъ. Вы объ этомъ не позаботились, отстали отъ правовѣрія и сдѣлались невѣрными“. Выслушавши эти слова, всѣ первостепенные граждане Везиря приняли этотъ образъ мыслей. Прошло около двухъ лѣтъ, и они не могли ничего сдѣлать. Въ это время въ Бакырганѣ былъ хорошій человѣкъ Хисамъ-эд-динъ, по прозванію Киталь, изъ рода Сеидъ-ата. Нѣкоторые изъ горожанъ Везиря отправились къ нему и сказали: мы хотимъ тебя сдѣлать государемъ, истребить Персовъ. Онъ имъ отвѣчалъ: народъ сегодня готовъ признать меня государемъ, но завтра меня отвергнетъ. Если вы въ самомъ дѣлѣ хотите это сдѣлать, то я найду государя изъ знаменитаго рода. Везирцы спросили: кто же онъ такой? Ходжа, нѣсколько лѣтъ, по одному разу въ годъ, ѣздилъ въ Арку къ Узбекамъ для собранія подаяній, и потому подробно разсказалъ имъ о родѣ Ильбарсъ-хана, о его достоинствахъ, несчастьяхъ и всѣхъ обстоятельствахъ жизни его. Два человѣка изъ жи-

телей Везиря и одинъ отъ ходжи отправились къ Ильбарсу съ письмомъ ходжи и прошеніемъ отъ вельможъ Везирскихъ. Ильбарсъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Бильбарсомъ отправился съ людьми, пріѣхавшими за нимъ изъ Везиря, и съ дороги впередъ себя послалъ ихъ въ Везирь. Они прибыли въ городъ, извѣстили Везирцевъ. Всѣ первостепенные жители собрались и изъ своего засѣданія послали къ Ильбарсу человѣка и говорили чрезъ него хану: народъ, изъявляя ему подданническую покорность, проситъ ихъ пріѣхать ночью въ такое мѣсто, которое не видно изъ города, и тамъ укрыться, и о томъ извѣстилъ бы ихъ чрезъ посланнаго. Ильбарсъ-ханъ такъ и сдѣлалъ. Когда посланный Везирцами къ Ильбарсъ-хану человѣкъ возвратился и извѣстилъ ихъ о прибытіи Ильбарса въ назначенное мѣсто, тогда всѣ граждане, и большіе и малые, собрались, поставили къ городскимъ воротамъ стражу, истребили въ городѣ всѣхъ Кызылбашей, не оставивши изъ нихъ ни одного. На слѣдующее утро Ильбарсъ вступилъ въ городъ. Весь народъ встрѣтилъ хана и помѣстилъ его въ домѣ, въ которомъ жилъ правитель города. Народу дали общественный обѣдъ; сдѣлавши большой пиръ, Узьбеки и Сарты въ общемъ собраніи единодушно возвели Ильбарса на достоинство хана, въ девять сотъ одиннадцатомъ году, въ годъ овцы, (1505—6. Р. Х.). Въ прежнее время въ зависимости отъ Везиря много было областей, изъ которыхъ каждая имѣла своего правителя. Но около времени вступленія въ него Ильбарсъ-хана, онѣ, одна послѣ другой, отпали отъ него; оставалось только три управленія: Везирь, Янга Шагръ, Терсекъ. Ильбарсъ-ханъ жилъ въ Везирѣ; Янга-шагръ отдалъ въ управленіе Билигичь-Султану, въ Терсекѣ поставилъ особаго правителя.

Взятіе Ургенджа Ильбарсъ-ханомъ.

Когда жители Везиря истребляли Кызылбашей, тогда одинъ

сирота укрылся въ одномъ пустомъ зданіи; когда наступилъ вечеръ, онъ вышелъ городскими воротами и ушелъ въ Ургенджъ. Выше мы говорили, что Ургенджскій правитель назывался Сюбханъ-кули-арабъ, а Везирскій Рахманъ-кули-арабъ. Пришедъ къ Сюбханъ-кули-арабу, онъ разсказалъ все, что только видѣлъ. Сюбханъ-кули призвалъ къ себѣ первостепенныхъ жителей Ургенджа и, пересказавъ имъ о томъ, что случилось въ Везирѣ, говорилъ: „вотъ уже нѣсколько лѣтъ я ѣмъ хлѣбъ-соль вашу. Теперь, если вы хотите, чтобы я вышелъ отъ васъ, то уйду; если же угодно, чтобы я оставался здѣсь, то останусь“. Ургенджцы на это сказали: „Славу Богу, Иракъ и Хорасанъ подъ державою такого государя, каковъ шахъ Измаилъ! Вотъ уже почти пять лѣтъ, какъ ты здѣсь по его велѣнію: отъ тебя мы не видѣли никакого притѣсненія и обиды. Что будешь говорить, когда предстанешь предъ государя? то, что изъ Арки десятокъ Узьбековъ пришли въ Везирь? И что намъ сказать государю, когда пошлемъ тебя къ нему? Притомъ у Узбековъ нѣтъ ни домовъ, ни городовъ, они не живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ. Пройдетъ дней десять—и они ограбятъ и разорятъ Везирь и уйдутъ назадъ. А потому зачѣмъ вамъ поднимать тревогу?“ Сюбханъ-кули-арабъ сказалъ: если вы искренно говорите это, то всѣ вы дайте мнѣ въ этомъ присягу. Тогда всѣ, и знатные и простые, сѣли и Сюбханъ-кули поклялись—не мыслить противъ него лиха, и, если придутъ Узьбеки, стоять за него и съ ними сражаться. Потомъ Сюбханъ-кули сказалъ своему конюшему (рикабдарю): „представь сюда возъ денегъ!“ Тотъ принесъ и положилъ ихъ на землю посреди собранія. Тутъ Сюбханъ-кули, обратясь къ первымъ изъ гражданъ, сказалъ: „найдите мнѣ проворнаго, удалого джигита, который бы могъ съѣздить въ Везирь и доставить вѣрныя извѣстія о тамошнихъ происшествіяхъ.“ Они тотчасъ не могли указать прямо на кого нибудь; тутъ одинъ изъ придворной стражи сказалъ:

„когда были мы еще въ дѣтствѣ, между нами былъ одинъ человѣкъ, Ивазъ, по прозванію „рыжій быкъ“; отецъ его былъ бойкій джигитъ. Онъ скоро явился предъ ханомъ и сказалъ: „я исполню это порученіе“. Тогда Сюбханъ-кули сказалъ: „я буду вѣрить извѣстіямъ, которыя ты мнѣ доставишь; эти деньги ты возьми себѣ, и считай меня единовѣрнымъ съ тобою“. Онъ, взявъ деньги и заставивъ его исповѣдать его вѣру, отправился въ Везирь и, возвратившись оттуда, разсказалъ подробно все, что тамъ было.

Ильбарсъ, ханъ, проживъ три мѣсяца въ Везирѣ, выступилъ въ походъ противъ Ургенджа. Сюбханъ-кули, взявъ Ургенджское войско, вышелъ изъ города, и за полтора фарсанга отъ него далъ сраженіе. Ильбарсъ, поразивъ его войско, преслѣдовалъ его до города и вошелъ въ него. Сюбханъ-кули со всѣми своими нукерами палъ въ битвѣ. Послѣ этого Ильбарсъ-ханъ послалъ за своимъ семействомъ и имуществомъ и перевелъ его въ Ургенджъ.

Кызылбаши, жившіе въ Хивѣ и въ Гезараспѣ, входили въ такія же совѣщанія съ Сартами, какъ и Ургенджскій правитель Сюбханъ-кули, и недовольные ихъ поведеніемъ, строго держали ихъ. Изъ Ургендча Узьбекскіе наѣздники дѣлали набѣги на Хиву; въ этихъ наѣздахъ нѣкоторые погибали, а оттого при Ильбарсѣ число нукеровъ уменьшилось. Многіе изъ людей Ядигеръ-хановыхъ оставались при его домѣ и сыновьяхъ. Однажды Ильбарсъ призвалъ своихъ бековъ и сказалъ имъ: „мы прибыли сюда съ немногими людьми; много изъ нашихъ осталось при нашихъ братьяхъ. Если вамъ угодно, я призвалъ бы сюда братьевъ моихъ“. Князья всѣ отвѣчали: „мы и прежде думали, что вы пошлете кого нибудь за ними“. Одинъ старикъ изъ Уйгурскаго племени, который въ это время сидѣлъ у дома, потому что ему не достало въ немъ мѣста, всталъ съ своего мѣста, вошелъ къ хану и, сложивъ руки, почтительно сказалъ ему: „опытные изъ прежнихъ

Узьбековъ говорили: порукою въ благоденствіи государства есть милость къ подданнымъ, а признакъ разстройства государственнаго есть любовь государя къ своимъ родственникамъ". Ильбарсу показались эти слова злонамѣренными. Всѣ бывшіе тутъ беки, ругая этого человѣка, говорили: такіе ничтожные люди, ссоря между собою родственниковъ, въ ласковыхъ словахъ разсыпаютъ вражду. Очень хорошо будетъ, когда ты такихъ злонамѣренныхъ людей, разстроивающихъ своими словами, истребишь одного за другимъ, послѣ того какъ прибудутъ сюда ваши братья".

Прибытіе въ Ургенджь дѣтей Абулекъ-хановыхъ и Аменкъ-хановыхъ. Взятіе Хивы, Гезараспа и пограничной части Хорасана. Приведеніе въ подданство Тюркменовъ, жившихъ въ Абуль-ханѣ, Манкышлакѣ и Дабистанѣ.

Въ это время всѣхъ четырехъ сыновъ Ядигеръ-хановыхъ не было уже въ живыхъ. Къ дѣтямъ ихъ Ильбарсъ отправилъ посла съ словами: „мы, по прибытіи въ сію страну, овладѣли Везиремъ и Ургенджемъ; изъ Хивы и Гезараспа Кызылбаши еще не вышли. Если вы хотите прибыть сюда—о чемъ я молю Бога,—то здѣсь найдете себѣ подданныхъ: угодно ли будетъ вамъ принять управленіе областями, они есть; захотите ли владѣть жителями на поляхъ Хорасанскихъ, они тамъ есть; есть Тюркмены въ Абуль-ханѣ и Манкышлакѣ". Когда посланный пересказалъ это, тогда сынъ Абулекъ-хана и шесть сыновъ Аменкъ-хана съ своими домами и людьми переѣхали въ Ургенджь. Ильбарсъ-ханъ самъ взялъ Везирь, а имъ отдалъ Ургенджь. Послѣ того дѣти Аменкъ-хановы дѣлали много набѣговъ на Хиву и Гезараспъ, опустошили ихъ области; Кызылбаши отъ страха убѣжали. Владѣя Хивою,

Гезараспомъ и Катомъ, они стали дѣлать набѣги на Хорасанъ. Въ это время шахъ Измаилъ умеръ. правители всѣхъ областей, находящихся на сѣверной сторонѣ Хорасанскихъ горъ, къ востоку до Мегины, къ западу до Даруна, страшась Узъбековъ, бросили свои области и убѣжали. Такимъ образомъ владѣнія Узъбековъ расширились: начальники ихъ вступили въ тѣ области и дѣлались владѣтелями ихъ. Отселѣ они дѣлали многократныя опустошительныя вторженія въ Хорасанъ, на югѣ, и въ Абуль-ханѣ и Мангышлакѣ, на западѣ.

Мы выше говорили, что младшій братъ Ильбарсъ-хана, Билигичъ, когда кормился грудью, сдѣлался калѣкою, что у него высохли обѣ ноги ниже колѣнъ и онъ сидѣлъ на бедрахъ. Потому онъ не могъ садиться на коня и ѣздилъ въ телѣжкѣ. Устроивъ въ ней мѣсто для спокойнаго и удобнаго сидѣнія въ ней, онъ велѣлъ оковать желѣзомъ колеса ея. Запрягая въ нее проворныхъ аргамаковъ, онъ въ сопровожденіи четырехъ, пяти храбрыхъ джигитовъ, всегда ѣздилъ на сраженіе въ Абуль-ханѣ и Мангышлакѣ. Онъ былъ стрѣлокъ, не дѣлавшій промаха. Стоя на колѣнахъ въ телѣжкѣ, въ которой онъ будто лежалъ, онъ прямо несся между стрѣлками, окружавшими его съ лѣвой и правой стороны. Въ жаркихъ сшибкахъ, предводительствуя джигитами, онъ всегда былъ въ переднихъ рядахъ. Наклонившись на переднюю сторону телѣжки, кричалъ джигитамъ: „такъ иди! этакъ иди! впередъ! назадъ!“ равняясь съ рядами всадниковъ, онъ сражался; его тележка, запряженная аргамаками, не имѣя тяжестей, не отставала отъ вершниковъ.

Нѣкоторые изъ Тюркменовъ, сдѣлавшись подданными, давали подать, а нѣкоторые бунтовали. Не было прямо опредѣлено, какое давать количество дани: иногда давали много, иногда мало. Въ исторіи Суфіянъ-хана мы скажемъ—если Богъ позволитъ—о приведеніи въ опредѣленность имѣнія Тюркменовъ и о сборѣ дани съ нихъ.

Такой образъ дѣйствій продолжался нѣсколько лѣтъ. Билигичь-султанъ умеръ, а послѣ него и Ильбарсъ-ханъ. Послѣ Ильбарсъ-хана осталось восемь сыновъ: старшему имя Султанъ-гази, второму Мохаммедъ-гази; имена прочихъ неизвѣстны. Отъ Билигичь-султана осталось пять сыновъ; старшій назывался Султанъ-хаджи, другіе неизвѣстны по имени. Замѣчаемъ, что Ильбарсъ-ханъ, овладѣвъ Везиремъ, въ память того, что онъ взялъ эту область изъ подвладычества Кызылбашей, къ имени каждаго изъ своихъ сыновей, придавалъ прозванія гази: такой-то—*гази*, этотъ-то—*гази*. Младшій братъ его Билигичь-султанъ къ именамъ своихъ сыновъ придавалъ прозваніе хаджи: *такой-то* — хаджи; *этотъ-то* — хаджи.

Въ то время между потомками Ядигеръ-хановыми не было никого больше Султана-хаджи, сына Билигичь-султанова: его перевели изъ Янга-шагра въ Везирь и поставили ханомъ. У Султана-хаджи было немного подданныхъ и войска. Народъ, имѣніе и управленіе державою было въ рукахъ Ильбарсъ-хана, а по смерти его въ рукахъ старшаго сына его, Султана-гази, юноши умнаго, храбраго и гордаго. Въ то время между народомъ распространилось мнѣніе: „Султанъ-хаджи правитъ отчасти хорошо, отчасти худо. Но распоряженія Султана-гази есть отрада—что объ этомъ и говорить? Но въ немъ самый большой порокъ—скупость“. Онъ Султанъ-хаджи хану доставлялъ только двѣ доли: одну, такъ называемую, ханскую, другую—столовую. Султанъ-хаджи-ханъ, проживъ только одинъ годъ, ушелъ вслѣдъ за отцами своими.

Послѣ Султана-Хаджи самымъ старшимъ изъ прочихъ лицъ ханскаго дома былъ сынъ Абулекъ-хановъ, Хасянъ-кули: его возвели въ достоинство ханское и отдали ему Ургенджъ. Всѣ ханскіе дома были дѣти троихъ сыновей Ядигеровыхъ. При этомъ общемъ происхожденіи, они, раздѣлившись на три части, распались на три особыя владѣтельныя линіи. При

Хасянъ-кули-ханѣ, дѣтей Ильбарсъ-хановыхъ, дѣтей Билигичь-султановыхъ, и сверхъ другихъ малыхъ семействъ ихъ, большихъ домовъ было больше десяти. Главою всѣхъ ихъ былъ Султанъ-гази. У Аменкъ-хана было шесть сыновъ: старшій Суфіянъ, второй Бучага, третій Аванишъ, четвертый Калъ, пятый Акатай, шестой Аганай. Много дѣтей также было у этихъ шести сыновей. При Хасянъ-кули-ханѣ, кромѣ этихъ шести, еще другихъ большихъ домовъ было шесть. Хасянъ кули-ханъ былъ одинъ сынъ у своего отца, но у него самого было много дѣтей: старшій сынъ въ его семействѣ былъ Билаль. Оба, отецъ и сынъ, не имѣли ратнаго духа. Съ одной стороны многіе изъ бойкихъ дѣтей Ильбарсъ-хановыхъ, и съ другой многія изъ бойкихъ дѣтей Аменкъ-хановыхъ, недовольныя тѣмъ, что Хасянъ-кули-ханъ одинъ владѣетъ доходами Ургенджскими, согласясь между собою, возстали противъ него. Противъ ихъ многихъ Хасянъ-кули, выступивъ съ небольшими силами, биться съ ними не имѣлъ силъ; не имѣя способовъ бороться съ ними, онъ заключился въ Ургенджѣ. Въ то время этотъ городъ еще не имѣлъ крѣпости Эйрекъ (она уже послѣ построена Ишъ-султаномъ). Всѣ они осадили Ургенджъ: всѣ начальники осаждавшихъ, устроивъ полки свои, приступили къ Хорасанскимъ воротамъ. Хасянъ-кули-ханъ съ пѣшими полками вышелъ изъ воротъ, построилъ ихъ къ битвѣ, приставивъ тыломъ ко рву. Осаждавшіе, дѣйствуя конницею, осаждаемые пѣхотою, сильно бились между собою отъ предполудня до вечера. Младшій сынъ Аменкъ-хана, Аганай-султанъ, которому тогда минуло двадцать лѣтъ, сражался съ утра до пополудня и, желая отличиться предъ своими, не умѣвшими преодолѣть врага, взявъ подъ начальство наѣздниковъ, ударилъ на врага, врубился въ пѣхоту его, но не могъ воротиться съ мѣста, куда пробился, и на краю вала, пронзенный копьемъ одного изъ воиновъ, палъ: толпа пѣхотинцевъ стрѣлами убила сперва подъ нимъ коня, а потомъ

и ему сами разсѣкла голову. (Это такъ раздражило осаждавшихъ, что они, ударивъ всѣми силами на войско Хасянъ-кули-хана, заставили его скрыться въ городѣ). Пѣхота, копѣйщики и остальное войско, вступивъ въ городъ, произвели большую тѣсноту; не доставало мѣста для помѣщенія и послѣ того, какъ они расположились опять по своимъ палаткамъ. Начальники перечислили всѣхъ жителей и, раздавъ нукерамъ должную плату, заперлись въ городѣ, думая, что непріятель, не имѣя возможности взять Ургенджь, рѣшится снять осаду. Смерть Аганай-султана сдѣлалась причиною смерти Хасянъ-кули-хана и причиною страданій для многихъ. Если бы онъ не былъ убитъ, то Хасянъ-кули-ханъ не возбудилъ бы противъ себя кровавой мести. Можетъ быть послѣ нѣсколькихъ дней осады, они, давъ осажденнымъ дорогу, выгнали бы ихъ изъ Ургенджа и благополучно проводили бы ихъ въ чужой юртъ. Смерть Аганай-султана сдѣлалась неисцѣльною раною и тяжкимъ ударомъ. Ургенджь, городъ многолюдный, очень скоро почувствовалъ голодъ, такъ что ослиная голова продавалась по двадцати тенке, но и за эту цѣну не находили на одинъ вертелъ. Въ кругу Ургенджскихъ муллъ былъ одинъ очень зажиточный человѣкъ: у него были нѣкоторыя дѣла съ однимъ изъ простыхъ горожанъ. Однажды онъ приходитъ къ нему въ домъ, видитъ, что одинъ бѣлобородый изъ муллъ сидитъ въ домѣ; хозяинъ положилъ на блюдо половой членъ лошака, и говоритъ гостю: „Это крошево, обложенное лошадинымъ паховымъ саломъ“. Таковы дѣлались приготовленія столовыя на всѣхъ вертелахъ того времени! Такое положеніе жителей продолжалось два мѣсяца. Поэтому судите, что было послѣ. Жители, истомленные, начали выходить изъ города; въ немъ осталось немного жителей, такъ что для защиты города не доставало людей. Чрезъ четыре мѣсяца онъ былъ взятъ. Хасянъ-кули-хана и старшаго сына его, Билаль-султана, убили; дѣтей съ матерью отправили въ Бухару. Въ настоящее время

изъ этого семейства до пятнадцати человѣкъ живутъ въ Синдѣ.

Исторія Суфіянъ-хана.

Послѣ того возвели на ханскій престолъ Суфіянъ-хана и отдали ему Ургенджь; Везирь, Янга-шагръ, Терсекъ въ Хорасанѣ, также Дарунъ и Манкышлакскихъ Тюркменовъ взяли внуки Берке-султана, изъ которыхъ главнымъ былъ Султанъ-гази. Дѣти Аменкъ-хана заняли стоящіе по берегамъ рѣки города: Хиву, Гезараспъ, Катъ, Булдусазъ, Никчегу; стоящіе въ горахъ: Багъ-абадъ, Нисай, Эсюрдъ, Джегарду, Мегину, Чегчу; и наконецъ Тюркменовъ, жившихъ въ Абуль-ханѣ и Дабистанѣ. Всѣ эти владѣнія раздѣливши между собой, соотвѣтственно степени права каждаго, четыре сына Аменкъ-хановы жили съ спокойнымъ сердцемъ.

Въ Абуль-ханѣ въ то время жило Тюркменское племя Ирсары: Суфіянъ-ханъ отправилъ къ нимъ человѣка съ такими словами: „Божественный законъ установилъ давать зякатъ (сороковину): Потому вы изъ своего имѣнія каждогодно должны давать сороковину; а я тогда не буду посылать отъ себя людей, съ тѣмъ, чтобы они хищнически собирали ее“. Тюркмены изъявили покорность этому распоряженію и каждый годъ съ своихъ имѣній охотно доставляли хану зякатъ. Такъ они дѣлали въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Суфіянъ, отправляя людей для сбора дани, въ большіе участки посылалъ по человѣку, и по человѣку въ два или даже три малые участка. Въ одинъ годъ онъ также распорядилъ сборомъ. Когда сборщики отправились, ихъ всѣхъ, и хорошихъ и дурныхъ, по счету оказалось сорокъ человѣкъ. Каждый изъ нихъ объѣзжалъ всѣ деревни: побывавъ въ одной и обобравъ ее, отправлялся въ другую. Джигиты Тюркменскіе сдѣлали заговоръ между собою, и каждый изъ нихъ убивалъ коммисара, когда онъ являлся въ его жительство. Чрезъ нѣсколько времени довели это до свѣдѣнія хана. Сильно раздраженный

такимъ поступкомъ Тюркменовъ, ханъ съ четырьмя своими младшими братьями взялъ конницу и отправился въ Абуль-ханъ.

Въ то время переѣздъ изъ Ургенджа въ Абуль-ханъ былъ какъ переѣздъ изъ села въ село, потому что рѣка Аму отъ крѣпости Ургендчской текла къ восточной сторонѣ горы Абуль хана; отъ подошвы этой горы она, обогнувши на южную сторону, шла къ западу, отселѣ текла къ Угурджѣ и вливалась въ Мазандеранское море. На обѣихъ сторонахъ Аму, до самой Угурджи, были нивы, виноградники и деревья. Весною жители выходили на мѣста возвышенныя; когда являлись мухи и слѣпни, люди, имѣвшіе стада, уходили къ дальнимъ колодцамъ, находящимся въ разстояніи отъ рѣки почти на два дневные пути, когда же прекращался оводъ, они приходили опять на берега рѣки. Обработанность и населенность страны превосходили описаніе. По обѣимъ сторонамъ рѣки, отъ Пишкара до Кара-Киджита, жило поколѣніе Адаклы-Хызръ, или отъ Кара-Киджита до западной стороны горы Абуль-хана, по обоимъ берегамъ рѣки жило поколѣніе Алій. Отселѣ до того мѣста, гдѣ рѣка вливалась въ море, жили верблюдоводы. Но обратимся къ нашему разсказу.

Каждый изъ начальниковъ войска, по прибытіи на границу Тюркменской земли, построясь въ ряды, (каждый) съ своей стороны, отрядилъ наѣзниковъ для нападенія. Ирсари и Хорасанскіе Салуры жили вперемежку одни съ другими. Успѣхъ нападенія былъ таковъ, что нападшіе не могли увести съ собою всего скота, малолѣтнихъ дѣтей побрали въ плѣнъ; нѣкоторые спасались бѣгствомъ въ одно мѣсто, въ которомъ не подвергались наѣздамъ по неудобству проѣхать туда на конѣ; тамъ, на сѣверной сторонѣ Абуль-хана, есть безопасная долина. Между ею и Абуль-ханомъ идетъ дорога, на три дня для верхового ѣздока; ее называютъ Джутакъ. Невыгода проѣзда по этому пути та, что непріятель, не запасшись водою, если бы захотѣлъ овладѣть симъ мѣстомъ, то хотя бы

сто лѣтъ трудился взять его, не успѣлъ бы: тамъ идетъ одна тропинка, по которой проходитъ одинъ только вьючный верблюдъ. Мнѣ убогому приводилось много разъ видѣть этотъ путь. Тюркмены ушли въ это мѣсто и тамъ скрылись. Ханъ, когда собрались его наѣздники, осадилъ Джутакъ. Тюркмены держались въ немъ около двухъ дней; но отъ недостатка воды пришли въ изнеможеніе. Семеро изъ старѣйшинъ ихъ спустились съ горы и поспѣшно отправились въ станъ Акатай-хана. Изъявивъ ему свою покорность, они говорили: мы слыхали, что въ землѣ Узьбековъ домъ и все владѣніе принадлежатъ младшему сыну; начиная съ отца, всѣ старшіе братья оказываютъ почетъ младшему брату. По разсказамъ извѣстно намъ, что ты младшій изъ сыновъ, оставшихся послѣ Аменкъ-хана. Потому мы нынѣ умоляемъ тебя: испроси у старшихъ братьевъ твоихъ прощеніе намъ въ винѣ нашей. Всѣ мы клянемся, что будемъ преданы тебѣ, и что наши потомки будутъ покорны каждому потомку Акатай-ханову и никогда не отвратятъ отъ нихъ лица своего. Акатай-ханъ послалъ этихъ людей назадъ, велѣлъ имъ представить къ себѣ всѣхъ людей способныхъ къ дѣламъ. Они, явясь къ Акатай-хану, дали предъ Кораномъ клятву на покорность ему. Акатай-ханъ, оставивъ Тюркменовъ въ своемъ станѣ, отправился къ старшему своему брату Суфіяну и просилъ прощенія Тюркменамъ въ преступленіяхъ ихъ, и онъ простилъ имъ. Отъ него онъ ходилъ къ Бучагѣ-хану, потомъ къ ставкѣ Аванишъ-хана и Калъ-хана; всѣ они сказали: „для тебя мы прощаемъ ихъ и забываемъ вины ихъ: дѣлай съ ними какъ знаешь“. Акатай-ханъ, возвратившись въ свой станъ, разсказалъ Тюркменамъ, что видѣлъ и слышалъ. Сердца ихъ готовы были разорваться отъ радости. Послѣ того онъ разсказалъ Тюркменамъ: „Старшій мой братъ простилъ вамъ вину; такъ вы теперь что́ дадите за провинность?“ Они отвѣчали: „что вы прикажете намъ, то мы и дадимъ“. Акатай-ханъ спросилъ: сколько человѣкъ изъ ханскихъ нукеровъ убили вы? Тюркмены, сосчитавши ихъ, отвѣ-

чали: „сорокъ человѣкъ, и хорошихъ, и худыхъ“. Султанъ сказалъ: „Такъ вотъ рѣшеніе: нынѣшній годъ вы уже поплатились, потерпѣвъ разореніе отъ наѣзда на васъ. Въ слѣдующій годъ—Богъ велитъ—въ уплату за кровь каждаго убитаго дайте моему брату тысячу овецъ. А на слѣдующее время сколько вамъ давать, о томъ вы сами переговорите съ моимъ братомъ“. Они охотно приняли это условіе. Потому Хорасанскіе Салуры обѣщались дать шестнадцать тысячъ овецъ, поколѣнія Теке-Сарыкъ и Ямутъ—восемь тысячъ овецъ, поколѣніе Ирсари должно было дать шестнадцать тысячъ овецъ. Всѣ названныя здѣсь подданныя поколѣнія составляютъ одинъ урукъ: всѣхъ ихъ называютъ каменными Салурами. Ханъ возвратился въ Ургенджъ; въ слѣдующій годъ онъ посылалъ сборщиковъ подати и десять первостепенныхъ князей Тюркменскихъ сполна отдали сборщикамъ сорокъ тысячъ овецъ и съ большими дарами представлялись хану; во второй годъ ханъ опять отправилъ къ нимъ человѣка за данью, они опять ее внесли. Эти сорокъ тысячъ овецъ оставались на ихъ шеѣ до нѣсколькихъ разъ.

Скажемъ здѣсь также о количествѣ дани, доставляемой прочими Тюркменами. По прошествіи нѣсколькихъ годовъ послѣ сихъ событій, разложена была дань и на прочихъ Тюркменовъ, какую они должны были вносить по расчету соразмѣрно числу человѣкъ и количеству ихъ скота. Поколѣніе Ички-Салуръ доставляло хану шестнадцать тысячъ овецъ и сверхъ того тысячу шестьсотъ овецъ для зарѣза на ханскую кухню. Эту послѣднюю дань назвали *котловыми овцами*, а тѣ шестнадцать тысячъ овецъ назвали *податными овцами*, и отдавали ихъ на содержаніе нукеровъ. Но сверхъ количества податныхъ овецъ, которыхъ доставляло каждое поколѣніе Тюркменовъ, они брали на себя десятую часть изъ котловыхъ овецъ: истративъ казенныхъ овецъ, они еще собирали себѣ, говоря обязанному взносомъ дани: „ужели не дашь ты овцы для зарѣза къ государеву столу?“ Поколѣніе Хасянъ-или доставля-

ло шестнадцать тысячъ податныхъ овецъ и тысячу шесть сотъ котловыхъ овецъ; изъ нихъ десять тысячъ давали поколѣнія Икдуръ и Чаудуръ, а четыре тысячи небольшія поколѣнія Арабечи давали четыре тысячи податныхъ овецъ и четыреста котловыхъ овецъ. Гокланъ давали двѣнадцать тысячъ податныхъ овецъ, и тысячу двѣсти котловыхъ овецъ. Адакъ-или двѣнадцать тысячъ податныхъ овецъ и тысячу двѣсти котловыхъ овецъ. На берегахъ рѣки Аму жили три поколѣнія Тюркменовъ, занимавшихся земледѣліемъ, которыхъ называли Учь-Иль („три поколѣпія"), именно: Хызръ-или, Адакъ-или и Алій-или. Съ ихъ земледѣльческихъ промысловъ брали десятину. Тюючи („Занимавшіеся верблюдоводствомъ") и Алій-или платили также и скотомъ; Адакъ-или давали воиновъ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Суфіянъ отошелъ къ милосердію Божію.

Исторія Бучаги-хана.

По смерти Суфіяна Бучага-ханъ переведенъ былъ въ Ургенджъ и возведенъ на ханскій престолъ. У Суфіяна было пять сыновъ: первый Юсуфъ, второй Юнусъ, третій Алій, четвертый Агишъ, пятый Пеглеванъ-кули; всѣмъ имъ пятерымъ отдали Хиву. Во время Бучаги-хана въ Бухарѣ былъ ханомъ Обейдъ-ханъ. Онъ въ нѣсколько походовъ на Хорасанъ овладѣлъ нѣкоторыми городами его; въ мѣста, незанятыя имъ, непрестанно отправляли экспедиціи Узбеки и жителей ихъ брали въ плѣнъ. Узбеки, владѣвшіе Эсюрдомъ, Нисаемъ, Даруномъ, также наѣздами опустошали Хорасанъ до Таиль-Кюпрука: если возвращалась одна партія, отправлялась туда другая. Между Хонджедомъ и Асфараиномъ до Нися лежитъ большое пространство пустопорожней земли. Владѣтели тѣхъ двухъ мѣстъ не занимались ни воздѣлываніемъ земли, ни скотоводствомъ; зимою и лѣтомъ они укрывались внутри кургановъ. Поэтому шахъ Тахмаспъ, бывъ много обезпокоиваемъ тѣмъ, отправилъ посла къ Бучагѣ-хану съ такими словами:

„я желаю быть сыномъ хану. Тимуръ взялъ за себя супругу изъ потомковъ Чингизъ-хановыхъ, и потому доселѣ его называютъ Тимуръ-Кюреканъ; и мое сердце ищетъ также быть въ родствѣ съ потомками Чингизъ-хана. Тогда самый сильный врагъ мой такой, каковъ былъ Хункаръ, скажетъ: шахъ Тагмаспъ женатъ на дочери Узьбекскаго государя; въ хорошемъ родствѣ онъ". У Бучаги-хана не было дочери; у старшаго брата его, Суфіянъ-хана, была дочь, пришедшая въ полный возрастъ, по имени Аиша-бика; ее они согласились отдать за Тагмаспа. Мы говорили, что у этой дѣвицы было пять родныхъ братьевъ. Изъ числа ихъ Агишъ-султанъ былъ человѣкъ бѣдный, скудный и больной. Подъ начальствомъ его ханъ отправилъ девять человѣкъ. Съ дарами отъ невѣсты они явились къ шаху, который для встрѣчи ихъ выслалъ своихъ бековъ и, принявъ ихъ при многолюдномъ собраніи, сдѣлалъ имъ угощеніе и оказалъ почеты безпредѣльные. Агишъ-султану онъ отдалъ городъ Хонджедъ, которымъ онъ послѣ правилъ тридцать лѣтъ, до своей смерти, не выѣзжая изъ этого города ни въ военные походы, ни въ другія путешествія. Бучагъ-хану шахъ послалъ девять кинжаловъ, оправленныхъ золотомъ, девять кинжаловъ, оправленныхъ серебромъ, девять шатровъ, у которыхъ верхи были изъ парчи, а низъ изъ полотна; постель и уборы пріемной части шатра блестѣли золотомъ и серебромъ, девять коней съ сѣдлами и узлами, тысячу кусковъ шелковыхъ тканей. Ханъ также отправилъ невѣсту съ приличнымъ ей приданымъ.

Послѣ того совершилось нѣсколько круговъ времени и Бучага ханъ померъ.

Царствованіе Аванишъ-хана.

Въ Ургенджѣ возвели Аванишъ-хана на престолъ ханскій. У Бучаги-хана было три сына: старшій назывался Достъ-Мохаммедъ, второй Ишъ-Мохаммедъ, третій Бурумъ, котораго

также звали Ишъ-достъ [1]): имъ обоимъ ханъ отдалъ Катъ. У Аванишъ-хана было три сына: старшій по имени Динъ-Мохаммедъ-ханъ, втораго звали Махмудъ, третьяго Алій-султанъ. Динъ-Мохаммедова мать была куплена у купца, привезшаго ее изъ Манкытскаго поколѣнія; она была лицемъ черная. Сама о себѣ сказывала, что была дочь такого-то Манкитскаго мирзы, родившаяся ему отъ наложницы; что когда разоренъ былъ Манкытскій юртъ, одинъ человѣкъ взялъ ее въ полонъ и продалъ купцу. Также мать двоихъ малолѣтнихъ сыновъ его происходила отъ Манкытскихъ князей. Динъ-Мохаммедъ-ханъ, когда былъ отнятъ отъ груди, отданъ подъ смотрѣніе матери Али-султановой, Біимѣ. Государи всѣхъ своихъ женъ, взятыхъ изъ Манкытскихъ княженъ, зовутъ Біимъ. Біимъ очень слабо смотрѣла за воспитаніемъ Динъ-Мохаммедъ-хана. Динъ-Мохаммедъ-ханъ, на шестомъ году своего возраста, играя съ дѣтьми, построилъ крѣпость, и нѣкоторыхъ изъ дѣтей поставилъ въ крѣпости, а другихъ внѣ ея, сказалъ послѣднимъ: „возьмите эту крѣпость; кто изъ васъ войдетъ въ нее, того и награжу; а тѣхъ, кто за трусостію отстанетъ, накажу смертью“. Приходитъ Біимъ и говоритъ: „дѣлалъ бы что тебѣ сроднѣе, вмѣсто городовъ и крѣпостей тебѣ камни и земля!“ Динъ-Мохаммедъ почтительно всталъ

---

[1]) По старшинству они были въ такомъ порядкѣ: 1-й Ишъ-М., 2-й Достъ М., 3-й Бурумъ. Въ этомъ порядкѣ они указываются ниже. Поэтому сдѣлано (тамъ же) и замѣчаніе о правѣ Ишъ-Мохаммеда на ханское достоинство, и требованіе имъ себѣ города Ургенджа. Прежній Русскій переводъ этой книги, «Родословная Исторія о Татарахъ» подтверждаетъ это. Въ самомъ подлинникѣ допущена была, авторомъ ли, или издателями и переписчиками, сбивчивость. И во второмъ мѣстѣ печатн подлинника. Достъ М. названъ (тоже что нынѣ) старшимъ братомъ, а Ишъ М.—младшимъ братомъ. Но считаю это ошибкой, и эти названія должно перенести съ одного изъ этихъ братьевъ на другого. Въ прежнемъ переводѣ во второмъ мѣстѣ Ишъ М. прямо названъ старшимъ братомъ; хотя въ этомъ мѣстѣ ихъ порядокъ такой же, какой и въ нынѣшнемъ текстѣ. Сн. Родосл. Исторія о Татарахъ, Т. II, стр. 207—250. *(Примѣчаніе переводчика).*

я, сложивъ руки, представилъ себя въ положеніи отдающаго честь. Біимъ оскорбилась этимъ и говорила: „я его браню, а онъ мнѣ отвѣчаетъ важничаньемъ!“ Динъ-Мохаммедъ-ханъ сказалъ: „вы изволили сказать, что для меня есть камни и земля; ими наполнитъ Богъ ротъ твой. Но въ то же время изъ земли и камней строятся города и крѣпости“. Соотвѣтственно такому настроенію души, по волѣ Всевышняго Господа, была и его дѣятельность.

Динъ-Мохаммедъ-ханъ, въ зависимости отъ отца, достигъ девятнадцатилѣтняго возраста. Отецъ не давалъ ему ничего. Въ то время пограничная часть Хорасана до Астрабада была въ зависимости отъ Ургенджскихъ государей: ее звали горною стороною, а Ургенджь рѣчною; обѣ эти части составляли юртъ Ургенжчскаго государя. Предпріимчивые изъ Ургенджскихъ джигитовъ ходили въ Хорасанъ, дѣлали набѣги на Кызылбашей и оттуда возвращались съ добычею. Динъ-Мохаммедъ-султанъ подговорилъ нѣсколько джигитовъ пуститься съ нимъ въ Астрабадъ и Мазендеранъ; съ десятками четырьмя отправился туда, не спросивъ позволенія у отца. По берегу рѣки онъ пришелъ къ Чикдаликъ-Тугаю, оттуда перешелъ къ колодезю Динаръ. Когда онъ ѣхалъ отселѣ дальше, ему повстрѣчался человѣкъ съ шестью верблюдами и тридцатью овцами. „Куда ѣдешь?“ онъ спросилъ его. Этотъ отвѣчалъ: я слуга такого-то человѣка изъ придворныхъ чиновниковъ Мохаммедъ-гази-султана. Я ходилъ къ Тюркменамъ за данью; взявъ этотъ оброкъ, возвращаюсь теперь въ Дарунъ. Въ это время правителемъ Даруна былъ сынъ Ильбарсъ-хановъ, Мохаммедъ-гази-султанъ. Въ числѣ овецъ былъ желтый козленокъ. Динъ-Мохаммедъ-султанъ сказалъ: отдай намъ этого козленка. Если Богъ благословитъ нашъ путь, то мы по возвращеніи отплатимъ съ избыткомъ. Тотъ не согласился. Султанъ осердился, велѣлъ связать и прибить его, а всѣхъ верблюдовъ и овецъ его взялъ, и поѣхалъ дальше. Когда я былъ въ дѣтствѣ, слышалъ отъ стариковъ слова: „не дѣлай худаго дѣла, думая: оно неболь-

шое, что̀ изъ того будетъ?“ Эта коза была поводомъ къ пословицѣ: „нашъ городъ разоренъ изъ-за желтаго козленка“. Теперь скажемъ объ этомъ разореніи.

Динъ-Мохаммедъ-султанъ вступилъ въ Астрабадъ, сдѣлалъ три набѣга на Кызылбашей и съ большой добычей возвратился къ отцу. Между тѣмъ тотъ человѣкъ-сборщикъ подати, у котораго велѣлъ онъ отнять овецъ, по приходѣ къ своему господину разсказалъ случившееся съ нимъ. Князь пересказалъ о томъ Мохаммедъ-гази-султану. Гази-султанъ сильно разсердился на поступокъ Динъ-Мохаммедъ-султана, отрядилъ большое число людей на дороги, по которымъ должно было ему ѣхать назадъ, съ тѣмъ, чтобы они его подстерегали. Такимъ образомъ, когда онъ возвращался, ничего не опасаясь, его схватили. Отняли у нукеровъ его добычу и все, что у нихъ было, и сдѣлавши имъ много непріятностей, бросили ихъ, а Динъ-Мохаммедъ-султана взяли съ собою и представили къ Мохаммедъ-гази-султану. Онъ посадилъ его въ одинъ домъ, велѣлъ запереть двери и, приставивъ стражу изъ нѣсколькихъ человѣкъ, приказалъ неотходно стеречь его. А изъ нукеровъ его, оставшихся пѣшими, многіе разошлись по своимъ домамъ, къ которымъ шли они, то падая въ изнуреніи, то снова вставая по отдохновеніи; нѣкоторые изъ нихъ, правдивые, не зная, что сказать по возвращеніи въ свой юртъ, когда султанъ ихъ въ неволѣ, разошлись по селеніямъ, лежащимъ на большой дорогѣ въ Кюрдишѣ, и кормились, или выпрашивая милостыню, или нанимаясь въ водоносцы. Нукеры, возвратившіеся въ свои домы, разсказали все, отъ начала до конца, случившееся съ ними. Эти вѣсти донесли Аванишъ-хану. Онъ ничего не сказалъ, потому что отецъ мало заботился о Динъ-Мохаммедъ-султанѣ, и особенно потому, что хану въ это время было уже пятьдесятъ лѣтъ; а такъ какъ мать Али-султана была въ однихъ годахъ съ ханомъ, то онъ недавно взялъ за себя красивую младшую сестру Мохаммедъ-гази-султанову. Мохаммедъ-гази-султанъ, нѣсколько дней про-

державъ подъ стражею Динъ-Мохаммедъ-султана, захотѣлъ возвратить его къ отцу. У него былъ нукеръ изъ Уйгуровъ по имени Риша-Худай-бирди; ему онъ отдалъ его на руки, и, прикомандировавъ къ нему человѣкъ шесть, сказалъ: „свяжи ему ноги подъ брюхомъ лошади, и, не останавливаясь нигдѣ ни днемъ, ни ночью, скорѣе вези его къ хану, передавъ ему отъ меня благожеланіе, скажи, что я слышалъ, будто бы это дитятко уѣзжало безъ позволенія отца; скажи, что оно здѣсь надѣлало такія-то дѣла и за то я поучилъ его". Тогда Риша-Худай-бирди съ человѣками шестью, взявъ султана, пустился въ дорогу и поспѣшно ѣхалъ. Во время ночныхъ переѣздовъ Динъ-Мохаммедъ-султанъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ предполагалъ жительства, распѣвалъ пѣсни; цѣль этого была та: мои нукеры, въ этихъ жительствахъ меня дожидавшіеся, какъ скоро услышатъ мой голосъ, узнаютъ по нему меня и ко мнѣ явятся. Но всякій разъ какъ султанъ пѣлъ, Худай-бирди говорилъ слово: *риша*. Это слово для султана было острѣе стрѣлы или сабли; а у Худая бирди это слово было обыкновеннымъ присловьемъ, за которое его и звали Ришаи-Худай-бирди. Динъ-Мохаммедъ не зналъ его привычки къ этому присловью и съ досадою думалъ про себя, что онъ этимъ словомъ насмѣхается надъ нимъ. Они пріѣхали въ Кюрдишъ на зарѣ. Тамъ было много людей. Изъ казаковъ султана въ этомъ селеніи было человѣкъ до шести. На топотъ конскій казаки встали. Въ это время султанъ запѣлъ, они услышали его голосъ, узнали и сбѣжались къ нему. Худай-бирдію требовалось сдѣлать остановку и онъ хотѣлъ остановиться въ жительствѣ; султанъ ему сказалъ: „мнѣ стыдно здѣсь останавливаться, поѣдемъ дальше и остановился въ другомъ мѣстѣ". Худай-бирди согласился и поѣхалъ далѣе. Когда стала заниматься заря, онъ остановился и всѣ съ нимъ бывшіе сошли съ коней. Казаки султановы ѣхали слѣдомъ за ними. Одинъ изъ нихъ, разорвавъ перевязку на ногахъ султана, освободилъ его. Султанъ схватилъ саблю Худай-бирдія и ей ссѣкъ ему голову; другіе уби-

ли его провожатыхъ. Засыпали кровь пескомъ, а трупы оттащили дальше отъ дороги и зарыли. Султанъ всѣхъ обязалъ клятвою нукеровъ своихъ никому не сказывать объ этомъ дѣлѣ. Послѣ того онъ пріѣхалъ въ Ургенджъ, явился къ отцу, и на разспросы объ его отсутствіи сказалъ ему: Мохаммедъ-гази-султанъ, человѣкъ обязательный, удержалъ его у себя; подарилъ ему коня, одежду, и, хорошо угостивъ, отпустилъ его отъ себя. Отецъ повѣрилъ.

Въ тотъ же день Динъ-Мохаммедъ призвалъ съ рынка одного рѣщика, велѣлъ ему вырѣзать печать съ именемъ отца, также печать съ именемъ жены отца, дочери Мохаммедъ-гази-хановой. Отъ имени Аванишъ-хана написалъ такое письмо: „Послѣ молитвы къ Богу о здравіи Мохаммедъ-гази-султана, мое слово къ нему: сестра твоя больна; Богу одному извѣстенъ конецъ ея жизни. У ней теперь одно только желаніе увидѣться съ тобою“. Отъ имени сестры написалъ письмо: „Свидѣтельствуя тебѣ, братъ мой, мою полную покорность, извѣщаю тебя, что я съ нѣкотораго времени больна, и потеряла всю надежду оправиться отъ своей болѣзни. Теперь у меня остается единственное желаніе увидѣться съ тобой прежде моей смерти. Прошу, пріѣзжай скорѣе; иначе мы увидимся только на томъ свѣтѣ“. Поручивъ оба свои письма одному изъ своихъ надежныхъ нукеровъ, и внушивъ ему, что̀ еще пересказать сверхъ написаннаго въ нихъ, онъ послалъ его на двухъ лошадяхъ. Потомъ онъ призвалъ къ себѣ тѣхъ джигитовъ, которые съ нимъ были въ его поѣздкѣ и кромѣ ихъ присоединилъ къ себѣ человѣкъ до двадцати, и съ ними каждый день дѣлая пирушки, велѣлъ имъ внимательно дѣлать осмотры на дорогѣ Хорасанской. Посланный Динъ-Мохаммедъ-султаномъ доставилъ письма Мохаммедъ-гази-султану. Прочитавъ письма, онъ поспѣшно отправился въ Ургенджъ. Въѣхалъ въ городъ Ургенджскими воротами, онъ вступилъ въ домъ хана. Сошедши съ коня, побѣжалъ къ сестрѣ. Въ этотъ день должно было пролиться крови Мохаммедъ-гази-султана. Аванишъ-ханъ въ этотъ день съ

утра отправился на ястребиную охоту. Динъ-Мохаммедъ-ханъ, который ночь и день подстерегалъ, извѣстясь отъ своихъ нукеровъ о пріѣздѣ Гази-султана, поспѣшно собралъ ихъ къ себѣ. Это было въ срединѣ между утромъ и полуднемъ въ весенніе дни. Мохаммедъ-гази-султанъ вошелъ въ домъ, въ которомъ жила сестра его; она не знала о его пріѣздѣ; увидѣвъ его, она встала и встрѣтила его. Султанъ сказалъ: „Слава Богу, ты выздоровѣла! Прочитавъ въ твоемъ письмѣ, что мы едва ли увидимся до дня воскресенія, я, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, спѣшилъ сюда“. Сестра ему сказала: я не была больна, и къ тебѣ не писала. Услышавъ это, онъ испугался, и, не останавливаясь, торопливо вышелъ. Онъ услышалъ топотъ, производимый Динъ-Мохаммедомъ съ товарищами, собравшимися толпою. Онъ навѣрно узналъ о бѣдѣ, ему грозящей; но, боясь войти въ домъ, онъ побѣжалъ въ другую сторону. Ему попалась большая дверь, онъ побѣжалъ въ нее, и увидѣлъ конюшню, въ которой никого не было; осмотрѣвъ ее, онъ не нашелъ мѣста, чтобы скрыться. Прислушиваясь, онъ слышалъ топотъ людей, которые бѣгали. Объятый сильнымъ страхомъ, онъ искалъ мѣста, гдѣ бы скрыться, но не находилъ. Не зная куда дѣться, онъ увидѣлъ большую кучу навоза изъ конскаго помета; разрылъ ее и, покрывъ себя корзиною, легъ въ нее. Динъ-Мохаммедъ-султанъ съ человѣками пятьюдесятью нукеровъ вбѣжалъ въ домъ отца; всѣ, разсѣясь, искали Динъ-Мохаммеда, но не находили; спрашивали прислужницъ, но никоторая не знала, гдѣ онъ, одна изъ нихъ сказала, что видѣла, какъ онъ пошелъ въ ту сторону. Динъ-Мохаммедъ-султанъ побѣжалъ туда, всѣ нукеры обыскали домъ; одинъ изъ нихъ вошелъ въ ханскую конюшню. Осмотрѣвъ всѣ стойла, онъ шелъ назадъ и увидѣлъ на навозѣ красный лоскутъ, и когда подошелъ, чтобы узнать, что это лежитъ, увидѣлъ, что это край одежды, и побѣжалъ сказать о томъ Динъ-Мохаммедъ-султану, и онъ пришелъ, вытащилъ Гази-султана изъ-подъ корзины и отрубилъ ему голову. Тот-

часъ разнеслась въ городѣ вѣсть, что Мохаммедъ-гази-султанъ убитъ. Разстояніе между Ургенджемъ и Везиремъ на путь шести агачей. Одинъ изъ нукеровъ султана Гази-султана пріѣзжалъ въ Ургенджъ и въ тотъ же день уѣхалъ къ султану Гази-султану и разсказалъ ему о случившемся въ Ургенджѣ. Младшая жена султана была дочь Суфіянъ-хана, у котораго также былъ сынъ Алій; онъ въ это время пріѣхалъ туда для свиданія съ сестрою. Султанъ Гази-султанъ, услышавъ о смерти своего младшаго брата, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ и не размысливъ надлежащимъ образомъ, въ гнѣвѣ на своего родственника, схватилъ своего шурина Али-султана, лежавшаго тогда въ его домѣ, и убилъ его. Аванишъ-ханъ возвратился съ охоты, увидѣлъ убитаго Мохаммедъ-гази-султана, спросилъ: гдѣ Динъ-Мохаммедъ; ему сказали: „убивъ Мохаммедъ-гази-султана, онъ тотчасъ съ своими нукерами ускакалъ, страшась васъ; куда скрылся—не знаемъ“. Ханъ говорилъ: „въ удовлетвореніе моимъ братьямъ и моимъ бекамъ я готовъ сдѣлать все, что вы скажете къ спасенію моей державы“. Тутъ пріѣхалъ человѣкъ изъ Везиря съ извѣстіемъ, что Султанъ-гази убилъ султана Алія. Услышавъ эту вѣсть, ханъ, изумленный ею, не зналъ, что дѣлать. Его младшіе братья Калъ-ханъ и Акатай-ханъ, дѣти его старшихъ братьевъ, Суфіянъ-хана и Бучага-хана, узнавъ это, перешли въ Ургенджъ, предполагая, что подданные султана Гази-султана начнутъ войну съ Аванишъ-ханомъ, также подданные Аванишъ-хана пришли въ Ургенджъ; дѣти Аменкъ-хана съ своею дружиною собрались въ Ургенджъ. Подданные дѣтей Ильбарсъ-хановыхъ собрались въ Везирь. Аванишъ-ханъ, какъ ни желалъ помириться съ ними, но его младшіе братья, племянники—дѣти старшихъ братьевъ—и всѣ нукеры не согласились. Они пошли на Везирь. Султанъ Гази-султанъ каждый день посылалъ человѣка къ дѣтямъ Билигичь-султана въ Янга-шагръ, съ прошеніемъ, чтобы они скорѣе шли къ нему. Они извѣщали, что идутъ, и все еще не приходили. Прежде

прибытія ихъ, дѣти Аменкъ-хана, подошли къ Везирю. На восточной сторонѣ Везиря, въ разстояніи отъ него на одинъ фарсангъ, на краю поля, на мѣстѣ, называемомъ Кумъ-кендъ, стояло селеніе, которое въ то время было прекрасно устроено. Султанъ Гази-султанъ съ своимъ войскомъ выступилъ изъ Везиря и шелъ въ Кумъ-кендъ. Султанъ гази-султанъ народу своему мало оказывалъ милостей, но много дѣлалъ обидъ; много дѣлъ возлагалъ на свою дружину, но мало награждалъ ее, потому подданные крайне не любили его. Оба войска построились въ боевой порядокъ. Когда Султанъ-гази разставлялъ къ сраженію свои полки, и, увидѣвъ, что въ одномъ мѣстѣ мало было людей, сказалъ: „тутъ надобно поставить больше войска“; тогда одинъ изъ Узбековъ, которыхъ въ войскѣ его было много, вскричалъ: „если тутъ мало людей, то поставь въ строй твоихъ лошадей и коровъ“. Кто сказалъ это—за многолюдствомъ осталось неизвѣстнымъ. Султанъ не обратилъ на это вниманія, и проѣхалъ, не сказавъ ни слова. Оба войска вступили въ битву. Аванишъ-ханъ одолѣлъ врага, и, преслѣдуя его, въ тотъ же день вошелъ въ Ургенджъ. Тамъ онъ велѣлъ убить шестнадцать человѣкъ изъ взрослыхъ и малолѣтнихъ дѣтей Ильбарсъ-хановыхъ, начиная съ султана Гази-султана. У султана Гази-султана много было женъ: изъ нихъ одна была дочь Тюркмена, Улугъ-тубя-Зенбиль-бека, взятая имъ во время набѣга на Тюркменовъ, жившихъ въ Бурмѣ—какъ звалось одно изъ Хорасанскихъ мѣстъ. Отъ нея было у него два сына и двѣ дочери. Старшему сыну имя было Омаръ-гази-султанъ, младшему — Ширъ-гази-султанъ. Старшей дочери было имя Зюгра-ханымъ, младшей—Нунашъ-ханымъ. Это семейство взято было нукерами Акатай-султана; Омару-гази-султану было пятнадцать лѣтъ; Ширъ-гази-султану было двѣнадцать лѣтъ. Другіе изъ сыновъ Аменкъ-хановыхъ, разграбивъ домъ султанскаго семейства, убили сыновъ хана, доставшихся имъ въ добычу, а дочерей и женъ взяли въ неволю; но Акатай-ханъ ничего не взялъ, и сохранилъ жизнь доставшихся ему дѣтей;

жену султана Гази-султана, дочь Улугъ-тубя-Зенбиль-бекову, вмѣстѣ съ двумя дочерями и двумя сынами ея, отправилъ въ Бухару, давъ имъ коней и верблюдовъ и человѣкъ пять въ провожатые. Дѣти Билигичь-султановы, по выступленіи въ походъ изъ Янга-шагра, когда приближались къ Везирю, услышали, что султанъ Гази-султанъ вышелъ изъ него противъ непріятеля и перешелъ къ Кумъ-кенду. Поспѣшно пошли туда; прибывши на мѣсто, видятъ, что тутъ была битва, видятъ трупы убитыхъ; узнавши, чѣмъ кончилась битва, они не возвратились домой, а чрезъ верхнія области Ургенджскія ушли въ Бухару. Изъ этого дома было много человѣкъ въ Мавераннегрѣ. Это было въ девятьсотъ семьдесятъ четвертомъ году гиджры (1563—4 Р. Х.). Теперь этотъ родъ пресѣкся и отъ него никого не осталось. Горная и рѣчная стороны достались дѣтямъ Аменкъ-хановымъ. Аванишъ-ханъ жилъ въ Ургенджѣ; они полюбовно раздѣлили между собою другія области и Туркменскія земли и жили спокойно. Дарунъ, владѣніе Мохаммедъ-гази-султана, отдали Динъ-Мохаммедъ-султану: „онъ, говорили ему, твоя добыча“.

Взятіе Ургенджа Обейдъ-ханомъ.

Омаръ-гази-султанъ, сынъ султана Гази-султана былъ юноша-боецъ. Въ Бухарѣ, когда онъ пришелъ туда, вступилъ въ службу къ Обейдъ-хану. Онъ неотступно просилъ себѣ у хана помощи. Обейдъ-ханъ слышалъ о разореніи Ургенджа. „Если я туда поѣду, то половина владѣній дѣтей Аменкъ-хановыхъ будетъ моею“, говорилъ онъ. Послѣ сего всѣ сыновья Абуль-хаиръ-хана, согласившись между собою, выступили въ походъ: изъ Ташкенда Беракъ-ханъ, изъ Самарканда Джеванъ-мердъ-ханъ, изъ Хисара внуки Хамзы и Мегдій-султана, изъ Бухары Обейдъ-ханъ; всѣ они пришли къ Ургенджу. Дѣти Аменкъ-хановы, жившіе въ Хивѣ и Гезараспѣ, не имѣя силъ стоять противъ нихъ, убѣжали къ Аванишъ-хану; но и Ава-

нишъ-ханъ, не смѣя оставаться въ Ургенджѣ, со всѣми поспѣшно ушелъ въ степь. Обейдъ-ханъ, вступивъ въ Ургенджь, послалъ вслѣдъ за Аванишъ-ханомъ войско, которое настигло его на сѣверной сторонѣ Везиря, въ мѣстечкѣ Біятъ-кыри и разбило ихъ. Онъ отдалъ Аванишъ-хана Омаръ-гази-султану, какъ повиннаго мести за кровь, и Омаръ-гази-султанъ убилъ Аванишъ-хана; но Акатай-хану Обейдъ-ханъ даровалъ жизнь; Калъ-хана также спасли внуки Хамзы и Мегдіевы, правители Хисара. Обейдъ-ханъ отдалъ Ургенджь своему сыну Абдулъ-Азизу и тамъ оставилъ его. Онъ не потревожилъ ни Сартовъ, ни Тюркменовъ, ни другихъ жителей; не переломилъ ноги ни у одной курицы ихъ, ни одной вещи не передвинулъ съ своего мѣста. Но Узбекскіе роды разсчиталъ на четыре отдѣла: одинъ отдѣлъ изъ нихъ взялъ въ свою власть Обейдъ-ханъ, другой—правители Хисара, третій—правители Самарканда, четвертый—начальники Ташкенда; каждый изъ нихъ, доставшихся на его долю людей поручивъ человѣку, велѣлъ перевести ихъ въ свою область.

Сыновья Аванишъ-хановы, Махмудъ и Алій-султанъ, спаслись отъ рукъ врага и убѣжали въ Дарунъ къ Динъ-Мохаммедъ-хану. Алій-султанъ былъ тогда по седьмому году. Дѣти Суфіянъ-хана, Юсуфъ и Юнусъ, также не попались въ руки врагу, ушли къ Динъ-Мохаммедъ-султану: такъ что всѣ, какъ изъ ханскихъ, такъ изъ частныхъ домовъ, спасшіеся отъ непріятеля, собрались въ Дарунъ, при Динъ-Мохаммедъ-султанѣ. Дѣти Акатай-хана, кромѣ старшаго, Хаджимъ-хана, были малолѣтни; они вмѣстѣ съ отцемъ и матерію перешли въ Бухару. Хаджимъ-хану было тогда осьмнадцать лѣтъ. Когда непріятели во время нашествія напали на жителей, онъ не могъ спасаться бѣгствомъ. При отцѣ его былъ добрый нукеръ, по имени Джанъ-сеидъ изъ поколѣнія Дурбанъ, человѣкъ умный, завѣдывавшій всѣмъ имѣніемъ хана; Хаджимъ-ханъ ушелъ въ его домъ; одѣлся въ старый изношенный чекмень, взялъ въ руку укрюкъ и въ такомъ видѣ пасъ лошадей Джанъ-Сеида. Самаркандскіе правители взяли въ плѣнъ Дурбанцевъ, пе-

ревели ихъ на жительство въ Кызылъ-рабатъ. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, Ургенджцы, узнавъ его, начали говорить другъ другу: „я видѣлъ Хаджимъ-султана, сына Акатай-ханова; онъ пасетъ лошадей Джанъ-сеидовыхъ“. Молва объ этомъ увеличивалась со дня на день. Джанъ-сеидъ сказалъ султану: „Ургенджцы, здѣсь находящіеся, тебя узнали. Это сегодня или завтра дойдетъ до Обейдъ-хана: что ты объ этомъ думаешь?“ Хаджимъ-султанъ отвѣчалъ: ты самъ, если можешь, проводи меня отселѣ; если тебѣ нельзя, дай мнѣ лошадь; я уѣду къ Динъ-Мохаммедъ-султану. Джанъ-сеидъ взялъ четыре лошади: двѣ для себя и для Хаджимъ-султана, а на двухъ наложилъ дорожные запасы, и вмѣстѣ съ Хаджимъ-султаномъ отправились большою дорогою въ Ургенджъ. Кимя въ то время текла между Ургенджемъ и Везиремъ; переправясь чрезъ Кимю, они пріѣхали въ Дарунъ къ Динъ-Мохаммедъ-султану.

Битва Динъ-Мохаммедъ-султана съ Обейдъ-ханомъ.

По прибытіи Хаджимъ-султана, всѣ члены ханскаго дома на общемъ совѣтѣ рѣшили выступить въ походъ на Ургенджъ. По приходѣ въ Кюрдишъ, они призвали къ себѣ начальниковъ Адакъ-илійцевъ, изъ поколѣнія Хизръ, и сказали имъ: „мы идемъ добывать свой юртъ, если всемогущій Богъ поможетъ намъ овладѣть имъ, то мы васъ пожалуемъ въ тарханы, дадимъ вамъ высшее мѣсто при насъ; лучшихъ изъ васъ сдѣлаемъ нашими нукерами; каковъ при насъ доблестный родъ Узьбековъ, таковыми и вы будьте“. Начальники заключили договоръ и выступили въ походъ. Изъ Адакъ-илійцевъ къ нимъ присоединилась тысяча человѣкъ. Съ шестью тысячами человѣкъ, двѣ тысячи человѣкъ было у нихъ своихъ нукеровъ; въ числѣ трехъ тысячъ они пришли въ Пишкахъ. Здѣсь на общемъ совѣтѣ они разсудили: „если намъ итти на Ургенджъ, то тамъ будетъ противодѣйствовать намъ Абдулъ-Азизъ-сул-

танъ, сынъ Обейдъ-хана; притомъ переправа чрезъ рѣку Аму для насъ опаснѣе врага; на дорогѣ же въ Хиву ни врага нѣтъ, ни рѣки нѣтъ;“ а потому они пошли въ Хиву. Хивою правилъ даруга; его и съ нимъ человѣкъ десять они захватили и убили. Даруга Гезараспа бѣжалъ. Абдулъ-Азизъ-султанъ, услышавъ объ этихъ происшествіяхъ, бросилъ Ургенджь и ушелъ къ отцу. Обейдъ-ханъ сильно оскорбился этимъ дѣломъ, созвалъ войско и отправился въ Ургенджь. Прибывъ въ Тюю-буинъ, здѣсь онъ самъ остановился, а все войско, отдавъ его подъ начальство одного знаменитаго бека изъ рода Углановъ, послалъ противъ Динъ-Мохаммедъ-султана. Динъ-Мохаммедъ-султанъ, узнавъ объ этомъ, выступилъ съ войскомъ изъ Хивы. Всѣ нукеры его говорили: „насъ только десять тысячъ, а непріятелей сорокъ: битва не будетъ для насъ счастлива; воротимся въ Дарунъ. Обейдъ-ханъ не останется въ Ургенджѣ, но уйдетъ назадъ; тогда мы въ него вступимъ. Обейдъ-хану походъ къ Ургенджу и отступленіе трудны, а для насъ удобны“. Динъ-Мохаммедъ не обратилъ вниманія на слова ихъ и шелъ впередъ. Всѣ князья, явясь предъ лице Динъ-Мохаммедъ-султана, сошли съ коней въ числѣ сотъ до трехъ человѣкъ, пали предъ нимъ на колѣна и говорили: „умоляемъ тебя, воротись!“ Но Динъ-Мохаммедъ-султанъ, ничего не отвѣчая, проѣхалъ между ними, они во второй разъ приступили къ нему и говорили тѣ же слова, но и въ этотъ разъ онъ не далъ имъ отвѣта и проѣхалъ между ними. Они сдѣлали то въ третій разъ: тогда ханъ ближе подъѣхалъ къ нимъ, слѣзъ съ лошади, взялъ въ руку горсть земли, и, сказалъ: „Боже! моя душа въ твоей рукѣ, а мое тѣло достояніе земли“, высыпалъ землю за пазуху своей рубахи, всталъ, и, взглянувъ на бековъ, сказалъ: „я обрекъ себя на смерть: если вы своею жизнію дорожите больше, нежели я, то удалитесь отъ битвы; если же вы, подобно мнѣ, готовы жертвовать собою, не отставайте отъ меня!“ Сѣлъ на коня и пустился въ путь. Въ войскѣ поднялся столь сильный вопль,

что земля и небо наполнились имъ: всѣ со слезами ѣхали вслѣдъ за Динъ-Мохаммедъ-султаномъ. Тогда получено извѣстіе, что непріятель въ этотъ день, перешедъ Гезараспъ, остановился на ночлегъ; также былъ слухъ, что переходы дѣлаютъ они ночью, а днемъ останавливаются. Динъ-Мохаммедъ-султанъ въ тотъ вечеръ пришелъ въ Герденъ-Хастъ: въ семъ мѣстѣ есть оврагъ, окружающій озеро, которое со времени сраженія, бывшаго тутъ въ описываемое нами время, называютъ Ишкетъ-кюли. По приходѣ въ это мѣсто, онъ остановился на западной сторонѣ озера и, когда сошли съ коней, поставилъ стражу. Была ночь; стража приходитъ и извѣщаетъ, что приближается непріятель. Войско Динъ-Мохаммеда сѣло на коней и раздѣлено было на два отряда. Однимъ предводительствовалъ Юсуфъ-султанъ, сынъ Суфіянъ-хана, другое было подъ начальствомъ самого Динъ-Мохаммедъ-Султана. При Динъ-Мохаммедъ-султанѣ былъ Хаджимъ-султанъ, сынъ Акатай-хановъ. Сынъ Аванишъ-хана, Алій-Султанъ, былъ восьми лѣтъ: его поручивъ надежнымъ человѣкамъ шести, Мохаммедъ-Динъ велѣлъ имъ быть съ нимъ въ сторонѣ, сказавъ: „если наше дѣло приметъ оборотъ неудачный, вы скройтесь съ симъ дитятей, чтобы не погасъ свѣтильникъ нашего рода“. Послѣ того, поручивши себя Богу, они скрытно стали на обѣихъ сторонахъ дороги. Непріятельское войско стало проходить: всѣ беки, въ главѣ которыхъ были Угланы и Хафизъ-Конкиратъ, проходили въ особливомъ отрядѣ, котораго путь освѣщался десятками четырьмя факеловъ. Когда отрядъ этотъ подошелъ близко, конница Динъ-Мохаммеда ударила на него. Прежде нежели узнало объ этомъ назади идущее войско, беки, составлявшіе отрядъ съ Угланами и Хафизъ-Конкиратомъ, одни, для которыхъ срокъ жизни исполнился, были убиты; другіе, которымъ еще смерть не назначена судьбами неба, были перевязаны. Остальное войско обратилось въ бѣгство. Проворные изъ джигитовъ положили на мѣстѣ человѣкъ по сту. Сказываютъ, что Конкиратъ Кюнь

Тунгаръ-багадуръ закололъ копьемъ шестьдесятъ человѣкъ. Хаджимъ-султанъ разсказывалъ: — съ начала и до конца битвы я неотлучно былъ при Динъ-Мохаммедъ-султанѣ. Съ нимъ мы пробились въ самую середину войска. Въ продолженіе ратоборства у Динъ-Мохаммедъ-хана палъ улукъ; занятый битвою, онъ не замѣтилъ, что лукъ его уроненъ. Соскочивъ съ коня, я поднялъ лукъ и ему подалъ его. Онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „собратъ, это пусть будетъ основаніемъ вѣчной дружбы нашей!“ Динъ-Мохаммедъ-ханъ былъ старше меня двумя годами: въ это время ему было двадцать лѣтъ, а мнѣ осьмнадцать“. По окончаніи битвы къ Динъ-Мохаммедъ-султану представили бековъ, оставшихся въ живыхъ, сказывая, этотъ—тотъ-то бекъ, этотъ—тотъ-то бекъ. Когда ихъ проводили предъ султаномъ, подвели на султанскомъ конѣ одного бека: Этотъ кто? спросилъ Динъ-Мохаммедъ-ханъ; тотъ, кто привелъ его, отвѣчалъ: Хафизъ-Конкиратъ. Султанъ сказалъ: „Ты, Хафизъ, всегда говорилъ Обейдъ-хану, что Ургенджцы не мусульмане, а невѣрные: почему ты называешь насъ невѣрными?“ Хафизъ сталъ на колѣна и сказалъ: „настоящее время покажетъ, мусульмане ли вы, или невѣрные“. Султанъ не сказалъ на это ничего, но слова Хафиза-Конкирата съ этого времени между Узьбеками вошли въ присловіе. Собравъ вмѣстѣ всѣхъ бековъ, онъ велъ съ ними переговоръ о томъ, какъ возвратить изъ Мавераннегра Калъ-хана съ Акатай-ханомъ и прочихъ людей, уведенныхъ туда. Беки всѣ клялись, что они вышлютъ сюда всѣхъ, уведенныхъ изъ Ургенджа, и начальниковъ, и народъ; заклинаясь, увѣряли, что, если и Обейдъ-ханъ не согласится на это, то они съ своими семействами и людьми, перенося всѣ трудности, возвратятся сюда. Бекамъ дали лошадей, одежду, и съ почетомъ и ласкою отпустили ихъ. На Хаджимъ-султанъ-хана возложили исполненіе этого порученія: „ты—умный юноша“, говорили ему, „ты одинъ можешь перевести сюда отца своего и его людей; кромѣ тебя никто не въ состояніи сдѣлать это“.

Принявъ на себя это порученіе, онъ взялъ съ собою бековъ, отправился вслѣдъ за Обейдъ-ханомъ. Онъ явился къ нему въ Бухарѣ; Обейдъ-ханъ принялъ его почтительно и ласково, отдалъ ему отца и людей съ нимъ бывшихъ. Оттуда ѣздилъ онъ въ Самаркандъ къ Джеванъ-мердъ-хану, который тоже сдѣлалъ. Отъ него отправился въ Хисаръ; начальники его выдали ему Калъ-хана со всѣми людьми. Взявъ Калъ-хана и отца своего Акатай-хана и не оставивъ въ Мавераннегрѣ ни одного семейства, переселеннаго туда изъ Ургенджа, онъ всѣхъ привелъ въ Ургенджъ. Послѣ того всѣ они, по общему согласію, возвели на ханство въ Ургенджѣ Калъ-хана.

О Калъ-ханѣ.

Въ его время Ургенджъ благоденствовалъ, подданные жили въ мирѣ. На все была крайняя дешевизна; говорили въ пословицѣ: „когда Калъ-ханъ былъ государемъ, одинъ хлѣбъ покупали по одному пулу“. Правивъ нѣсколько лѣтъ, онъ перешелъ къ милосердію Божію.

Объ Акатай-ханѣ.

Акатай-хана возвели въ Ургенджѣ на ханское достоинство. У Калъ-хана было два сына: одному имя Шейхъ-Мохаммедъ, другому Шахъ-Назаръ; имъ двоимъ дали городъ Катъ. Когда небо совершило нѣсколько годовыхъ оборотовъ, всѣ внуки Аменкъ-хановы достигли юношескихъ лѣтъ: для нихъ потребовались владѣнія, подданные и имѣніе. У старшаго изъ братьевъ, Суфіянъ-хана, было пять сыновъ: одинъ изъ его сыновей, Алій, былъ убитъ султаномъ Гази-султаномъ; другой сынъ его, Агишъ, жилъ въ Хорасанскомъ городѣ Хонджедѣ, который онъ получилъ какъ вѣно за своею сестрою. Третій сынъ, Юсуфъ, велѣлъ открыть себѣ изъ руки

кровь; она не останавливалась и онъ оттого умеръ. Оставались два сына: первый — Юнусъ, другой — Пеглеванъ-кули. Дѣти Бучага-хана, Аванишъ-хана и Акатай-хана, всѣ соединивши свои силы, изгнали въ Бухару обоихъ сыновъ Суфіянъ-хановыхъ, также изгнали въ Бухару двухъ сыновъ Калъ-хана, жившихъ въ Катѣ. Послѣ того Акатай-ханъ жилъ въ Везирѣ; Ургенджъ взялъ себѣ Алій-султанъ, а потомъ, отдавъ его негодному старшему своему брату Махмеду, себѣ взялъ Дарунъ. Багъ-абадъ отдали Хаджимъ-хану, Нисай и Эсюрдъ Динъ-Мохаммедъ-хану, Хиву и Гезараспъ двумъ сынамъ Бучага-хановымъ, Ишу и Досту. Послѣ такого раздѣла, они жили спокойно.

Небо еще совершило нѣсколько годовыхъ обращеній. Сынъ Суфіянъ-хана, Юнусъ, женатъ былъ на дочери Исмаила, который въ то время былъ Манкытскимъ княземъ. Юнусъ, съ четырьмя десятками человѣкъ, выѣхалъ изъ Бухары, предположивъ съѣздить къ своему тестю въ Манкытахъ и мимоѣздомъ побывать въ Ургенджѣ. Проѣхавъ съ сѣверной стороны Катъ, онъ прибылъ въ крѣпость Тюкъ. Въ это время жители были около Ургенджа и при Везирѣ, а въ Тюкѣ не было людей. Ту ночь онъ ночевалъ въ Тюкѣ. Поутру онъ взошелъ на Тюкскую крѣпость и, смотря съ нея, увидѣлъ Ургенджскую крѣпость, и спросилъ своихъ казаковъ: какая это видна отселѣ крѣпость? Ему сказали, что Ургенджская. Юнусъ сказалъ: „ужели я буду столько трусливъ, что тогда, какъ городъ Ургенджъ, юртъ моего отца, у меня въ глазахъ, поѣду отселѣ къ Манкытамъ?“ Казаки ему сказали: мы готовы исполнять, что захочешь. Рѣшившись ѣхать въ Ургенджъ, онъ въ этотъ день пробылъ въ Тюкѣ. По закатѣ солнца онъ немедленно, въ половинѣ вечера, приблизился къ Ургенджу съ полуденной стороны; тамъ слѣзли съ коней, пѣшкомъ подошли къ городскому валу. Въ то время стража охраняла крѣпость Ургенджскую и днемъ и ночью, во время ночи обходя ее съ факелами. Когда Юнусъ-султанъ спустил-

ся въ ровъ; нѣсколько стражей, встревоженныхъ приходомъ казаковъ, явилось съ факелами. Юнусъ-султанъ прилегъ грудью къ землѣ и, когда они прошли, подошелъ къ крѣпости, одинъ изъ нихъ приставилъ къ стѣнѣ шестъ, поднялся на крѣпость, втащилъ къ себѣ туда каждаго изъ своихъ товарищей, такимъ образомъ всѣ они взобрались на крѣпость; потомъ пошли въ домъ Махмудъ-султана, всѣхъ въ немъ жителей захватили въ свои руки. Махмудъ былъ извѣстенъ своимъ легкомысліемъ; кроясь за спиною умнаго своего младшаго брата Алій-султана, онъ жилъ въ Ургенджѣ, объѣдая его. У Юнуса не было съ нимъ взаимныхъ сдѣлокъ и разсчетовъ, ихъ не раздѣляла кровавая месть, потому онъ послалъ его въ Везирь къ Акатай-хану, давъ ему въ спутники одного человѣка. Ургенджскіе Узбеки и Сарты, видя это, въ тотъ же день поставили Юнуса въ достоинство хана. Войско и народъ хорошо понимали ходъ этихъ дѣлъ; зная измѣнчивость словъ и поступковъ глупаго Махмуда, они отчаявались въ своей жизни. Юнусъ-ханъ былъ человѣкъ умный. Легкомысленный Махмудъ, явившись къ Акатай-хану, говорилъ ему: „что сидишь? Выступай въ походъ. Съ Юнусомъ только сорокъ человѣкъ, Ургенджскіе Узбеки мои нукеры; народъ въ одинаковомъ расположеніи къ нему и ко мнѣ. Что же ничего не предпринимаешь?“ Ханъ совѣтовался въ этомъ съ своими подданными; всѣ они желали начать войну. Ханъ, человѣкъ кроткій, хотя не одобрялъ, но и не могъ отвергнуть словъ народа: отправился въ походъ и пришелъ къ Ургенджу. Юнусъ выступилъ противъ него; вступили въ битву на западной сторонѣ могилы шейха Неджмъ-эд-дина-Кюбри—милость Божія надъ нимъ!—Дѣло было въ полдень весенняго дня. Юнусъ-ханъ одержалъ побѣду, Акатай-ханъ обратился въ бѣгство. Сынъ Юнусъ-хана, по имени Касимъ, родившійся ему отъ дочери Акатай-хана, съ своими нукерами преслѣдуя своего дѣда, когда настигъ его, поздоровался съ нимъ и сказалъ ему: „въ такой знойный день куда вы зашли? Сядьте подъ

тѣнь дерева. Сегодня побудьте здѣсь, а на утро отправляйтесь". Ханъ на это сказалъ: „сердце твоего отца черньѣе, чѣмъ дно у котла; если ты хочешь сдѣлать мнѣ добро, то не тревожь меня". Касимъ-султанъ разъ до четырехъ говорилъ ему эти слова, и Акатай-ханъ давалъ ему одинъ и тотъ же отвѣтъ. Видя, что ханъ не воротится, взялъ своего дѣда за поясъ, воротилъ его и привелъ въ городъ; помѣстилъ его въ домѣ одного изъ чиновниковъ съ тѣмъ разсчетомъ, что, когда распространится слухъ, объ убіеніи хана въ домѣ одного сановника, дѣти Акатай-хановы за кровь будутъ мстить всѣмъ Ургенджскимъ Сартамъ; а я въ это не буду вмѣшанъ. Таковъ былъ его умыселъ. Сановника того дома звали Сулейманъ. Сынъ Юнусъ-хановъ стерегъ Акатай-хана въ домѣ этого сановника, а въ Везирь къ сыновьямъ его послалъ человѣка съ такими словами: У хана, человѣка стараго, отъ быстрой ѣзды на конѣ при дневномъ жарѣ заболѣлъ животъ; я хотѣлъ его проводить къ вамъ, но онъ не захотѣлъ того. „Не отягощай меня переѣздомъ", говорилъ онъ—„я не поѣду; если я теперь не у сына, то нахожусь съ моимъ внукомъ". Эта болѣзнь его продолжается уже около пятнадцати дней.—Касимъ стерегъ его и никого къ нему не допускалъ. Въ одну изъ ночей онъ человѣкамъ четыремъ далъ приказъ: „свяжите хану руки и ноги; въ задній проходъ всуньте палку и ворочайте ею дотолѣ, покуда умретъ онъ; если такъ сдѣлаете, то на тѣлѣ у него нигдѣ не останется ни синяго, ни другаго какого знака; изъ задняго прохода у него будетъ итти кровь, но подумаютъ, что это оттого, что онъ дѣйствительно былъ нездоровъ животомъ". Люди тѣ пошли и сдѣлали такъ. На зарѣ положили трупъ хана на телѣгу и отправили въ Везирь къ сыновьямъ его.

У Акатай-хана было шесть сыновъ: старшій Хаджій-Мохаммедъ, второй Махмудъ, третій Буладъ, четвертый Тимуръ, пятый Алла-кули, шестой Сулейманъ. Когда Акатай ханъ былъ убитъ, тогда Хаджій-Мохаммедъ и Махмудъ бы-

ли въ Багъ-абадѣ въ Хорасанѣ, а четыре сына были при немъ въ Везирѣ; они послали къ двумъ братьямъ извѣстіе, что отецъ ихъ убитъ. Услышавъ это, они выступили въ походъ и своимъ Везирскимъ братьямъ послали сказать, чтобы и они съ своимъ войскомъ въ такой-то день были подъ Ургенджемъ. Хаджимъ-ханъ, переправясь чрезъ рѣку Аму, переходилъ чрезъ оазизъ Фатима-хатунъ, который на восточной сторонѣ Ургенджа, а братья его выступили съ войскомъ изъ Везиря: Юнусъ-ханъ, узнавъ это, ночью вышелъ изъ Ургенджа и убѣжалъ въ Бухару. Нукеры его не остались при немъ; каждый изъ нихъ ушелъ, куда вздумалъ. Сынъ Юнуса, Касимъ-султанъ, отправился вслѣдъ за отцемъ, но сбился съ дороги; отецъ одинъ пріѣхалъ въ Бухару, а сынъ его, проѣздивъ ночь, по утру попалъ въ обростъ (ченгель) одной рѣки, продравшись къ нему по густому камышу. Съ этого времени этотъ обростъ стали звать Ханъ-ченгель: онъ находится между Бурлу-кари и Куйгиномъ. Тамъ онъ пробылъ весь тотъ день. При немъ былъ одинъ человѣкъ; Касимъ сказалъ ему: если мы не достанемъ откуда нибудь себѣ хлѣба, то безъ пищи какъ намъ дойти до Бухары? Нукеръ отвѣчалъ: „останься здѣсь, а я съѣзжу въ жительство, гдѣ никто меня не знаетъ, и привезу оттуда хлѣба“. Онъ сѣлъ на коня, уѣхалъ, поспѣшилъ въ Ургенджъ къ Хаджимъ-хану и разсказалъ ему, что видѣлъ. Хаджимъ-ханъ послалъ за Касимомъ людей; велѣлъ имъ взять его; когда Касимъ былъ приведенъ, Хаджимъ велѣлъ убить его.

Весь родъ Суфіянъ-хана погибъ; отъ него не осталось потомства. Дѣти Калъ-хана погибли, отъ нихъ также не осталось потомства. Дѣти Аванишъ-хана жили въ Хорасанѣ, дѣти Акатай-хана въ Ургенджѣ и Везирѣ, дѣти Бучага-хана, Ишъ, Достъ и Бурумъ, въ Хивѣ, Гезараспѣ и Катѣ. Доста возвели на ханство. Достъ былъ человѣкъ съ качествами, пригодными факиру, дервишу; младшій братъ его, Ишъ, былъ храбръ въ битвахъ, не щадилъ своего имѣнія для нукеровъ,

но былъ съ посредственнымъ умомъ, съ холодностію къ мусульманству, съ дерзостію безпредѣльною; постояннымъ занятіемъ его было волокитство за женщинами и дѣвицами: у него вся забота была высматривать женъ и дѣвицъ у хорошихъ людей. Эти качества Ишъ-султана были причиною, что на ханскій престолъ возвели младшаго брата его Доста. Ишъ-султанъ просилъ себѣ Ургенджъ. „Хива принадлежитъ моему младшему брату—говорилъ онъ—а мнѣ дайте Ургенджъ“, но ему не дали его. Ишъ-султанъ, взявъ войско изъ Хивы, отправился съ нимъ въ Ургенджъ; вблизи крѣпости Кумъ, на мѣстѣ Джурбюкъ, Ишъ-султанъ расположился станомъ, и, какъ у Хаджима силы было много, а у него мало, то онъ тылъ своего войска примкнулъ къ рѣкѣ, а передъ загородилъ телѣгами. Въ продолженіе осьми дней происходили между ними битвы; побѣда не переходила ни на чью сторону.

Ишъ-султанъ Уйгуровъ и Найманов, взятыхъ имъ въ плѣнъ, предавалъ смерти съ жестокими муками; но плѣнниковъ изъ другихъ поколѣній отпускалъ, надѣляя ихъ лошадьми, одеждой. Напослѣдокъ они заключили миръ. Хаджимъ-ханъ возвратился въ Ургенджъ; Ишъ-султанъ, по прибытіи въ Хиву, изгналъ изъ своего войска Уйгуровъ и Найманов, а на мѣсто ихъ помѣстилъ Дурбановъ. Спустя нѣсколько времени, онъ опять выступилъ для завоеванія Ургенджа. Хаджимъ-ханъ съ младшими своими братьями вышелъ противъ него: войска ихъ расположились между крѣпостію Тюкъ и Ургенджемъ. Ишъ-султанъ такъ же, какъ и въ прежній походъ, защитилъ себя телѣгами, и сражался, не передвигая съ собою свою ограду. Въ продолженіе недѣли они вступали въ битвы, но не могли преодолѣть одинъ другаго. Въ одну ночь Ишъ-султанъ выступилъ съ своимъ войскомъ изъ стана, не давъ замѣтить Хаджимъ-хану и вошелъ въ Ургенджъ. Въ городѣ не было никого, кромѣ Сартовъ. Дѣти Акатай-хановы ушли въ Везирь. Ишъ-султанъ привелъ подъ свою

власть жителей Ургенджа; отнялъ имѣніе у Уйгуровъ и Наймановъ, дѣтей ихъ выгналъ въ Везирь. Оба враждующіе хана оставались въ занятыхъ ими мѣстахъ: тотъ и другой чрезъ пословъ звали къ себѣ Алій-султана. Алій-султанъ жилъ тогда въ Нисаѣ; Отпустивъ пословъ, онъ выступилъ съ войскомъ и соединился съ Хаджимъ-ханомъ. Тогда дѣти Акатай-хана, Алій-султанъ и Абуль-султанъ, сынъ Динъ-Мохаммедъ-хана, который въ это время уже не былъ въ живыхъ, всѣ вмѣстѣ осадили Ургенджъ; послѣ четырехъ-мѣсячной осады, на разсвѣтѣ дня, они, устремясь на крѣпость, взошли на ея стѣну. Ишъ-султанъ на конѣ, а нукеры его пѣшіе пошли отбивать врага. При Ишъ-султанѣ былъ долго служившій нукеръ изъ Дурбанскаго поколѣнія, по имени Тинъ-Алій; у него была сестра дѣвица. Эту дѣвицу Ишъ-султанъ обезчестилъ, за то въ душѣ Тинъ-Алія всегда крылась злоба на султана. Когда непріятель взошелъ на крѣпостную стѣну и Ишъ-султанъ проѣзжалъ близь нея, Тинъ-Алій пустилъ стрѣлу въ султана и попалъ ею въ хребетъ коня его: конь взбѣсился и сбросилъ съ себя султана: онъ ударился о бревно серединою голени и переломилъ ее у себя. Нукеры его всѣ разбѣжались. При немъ остался только Хаккъ-кули Пеглеванъ, одинъ изъ Хивинскихъ Сартовъ, храбрый и бойкій юноша; Ишъ-Султанъ воспиталъ его при себѣ и бралъ всегда съ собою, куда ни отправлялся. Хаккъ-кули поднялъ султана, лежавшаго на мѣстѣ, гдѣ упалъ, посадилъ его и сталъ оправлять ему переломленную ногу, но тогда подошелъ непріятель. Хаккъ-кули сталъ на защиту султана и бился съ нимъ на смерть. Напослѣдокъ число непріятелей увеличилось, они его убили, а послѣ и Ишъ-султана убили на томъ же мѣстѣ. Старшій братъ его, Достъ-ханъ, былъ въ Хивѣ; послали туда отрядъ воиновъ, которые тамъ убили и его. У Ишъ-султана было два сына; старшій назывался Шагъ-кули, младшій Тагиръ; ихъ отослали въ Бухару; по

переѣздѣ туда, они оба тамъ померли. Также отъ троихъ сыновъ Бучаги-хана не осталось потомства.

Послѣ этихъ событій въ девятьсотъ шестьдесятъ пятомъ году гиджры (1557—8 Р. Х.), въ годъ коня, на ханскій престолъ возвели Хаджимъ-хана, которому тогда было тридцать девять лѣтъ, и отдали ему Везирь. Города: Ургенджь, Гезараспъ и Катъ отдали Алій-султану. Въ то время уже не было въ живыхъ Алла-кулія и Сулеймана, двухъ сыновъ Акатай-хана; другіе четыре его сына, остававшіеся въ живыхъ, были: Хаджимъ-Мохаммедъ и Махмудъ, рожденные оба отъ одной матери; Буладъ и Тимуръ также оба отъ одной матери. Махмудъ-султанъ жилъ въ Везирѣ при своемъ братѣ, Хаджимъ-ханѣ. Буладу дали половину Хивы и изъ Тюркмановъ поколѣніе Улугъ-тубе-кюнашъ; Тимуру дали другую половину Хивы и изъ Тюркменовъ поколѣніе Кара-букауль. Послѣ того они жили съ спокойнымъ сердцемъ.

О Динъ-Мохаммедъ-султанѣ (старшемъ сынѣ Аванишъ-хана).

Когда Калъ-хана возвели на ханство, Динъ-Мохаммедъ-хану отдали въ удѣлъ Нисай и Эсюрдъ. Динъ-Мохаммедъ-ханъ былъ человѣкомъ, который не могъ жить спокойно на одномъ мѣстѣ. Онъ непрестанно дѣлалъ набѣги на Кызылбашей. Это заставило Шахъ-Тахмаспа выслать противъ него войско. Оно, въ то время какъ Динъ Мохаммедъ былъ въ Нисаѣ, взяло Эсюрдъ и, поставивъ тамъ правителя, ушло назадъ. Динъ-Мохаммедъ-ханъ, не имѣя тогда силъ, отправился въ Газнинъ къ шаху Тахмаспу, и при немъ пробылъ шесть мѣсяцевъ, надѣясь, что онъ возвратитъ ему Эсюрдъ. Шахъ-Тахмаспъ не обратилъ на это вниманія. Динъ-Мохаммедъ, велѣлъ рѣщику вырѣзать печать съ именемъ шаха Тахмаспа и написалъ указъ на имя Эсюрдскаго правителя: „Мы пожаловали Эсюрдъ Динъ-Мохаммедъ-султану: по предъ-

явленіи сей граммоты этотъ городъ ему долженъ быть переданъ". Когда шахъ Тахмаспъ выѣхалъ на охоту, Динъ-Мохаммедъ въ одну ночь уѣхалъ отъ двора шахова. Шахъ Тахмаспъ на этотъ разъ сказалъ: „самовольно пріѣзжалъ, самовольно и уѣхалъ". Динъ-Мохаммедъ-ханъ пріѣхалъ къ Эсюрду и передалъ ярлыкъ правителю, который отворилъ ему городскія ворота. Онъ въѣхалъ въ городъ и остановился въ домѣ. Переночевавъ, онъ поутру приставилъ къ воротамъ стражу и велѣлъ убить всѣхъ Кызылбашей, не оставивъ въ живыхъ ни одного человѣка. Послѣ того онъ не тревожась жилъ въ Эсюрдѣ. Шахъ Тахмаспъ, узнавъ объ этихъ происшествіяхъ, съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ на Динъ-Мохаммеда. Динъ-Мохаммедъ, услышавъ, что шахъ Тахмаспъ приближается, вышелъ съ человѣками пятьюдесятью на встрѣчу его. Когда шахъ Тахмаспъ пришелъ къ рѣкѣ Кара-су, которая на сѣверной сторонѣ Мешхеда, стража его извѣстила, что видѣла Динъ-Мохаммедъ-Хана, шахъ не повѣрилъ этому. Стража въ другой разъ о томъ извѣстила, онъ также не повѣрилъ. Приходитъ одинъ изъ придворныхъ и сказываетъ, что Динъ-Мохаммедъ-ханъ явился у дверей его шатра. Шахъ вышелъ къ овалу своего шатра. Динъ-Мохаммедъ ханъ подошелъ къ нему и взялъ въ руку полу одежды его. Шахъ, положивъ одну свою руку на плечо ему, другую приложилъ поверхъ рубашки къ сердцу его, чтобы узнать, какъ бьется оно, и въ его сердцѣ не было трепета. Смотря на лице хана, шахъ сказалъ: „твое сердце, Динъ-Мохаммедъ, тверже камня". Шахъ въ тотъ же день сдѣлалъ большой пиръ, а на утро сдѣлалъ ему подарки, и сказалъ ему: „прощаю тебѣ всѣ твои проступки и отдаю тебѣ Эсюрдъ", отпустилъ его отъ себя, а самъ отправился назадъ въ Газвинъ.

Другое изъ замѣчательныхъ дѣлъ Динъ-Мохаммеда было слѣдующее. Обейдъ-ханъ отдалъ городъ Мервъ-Шахъ-джеганъ въ управленіе Найману Юлумъ-бію. Чиновники, составлявшіе стражу при двери (дворѣ) хана, наговорили ему много обвиненій на

Юлумъ-бія, указывали на его худые замыслы. Юлумъ-бій, узнавъ это, сталъ бояться хана; ханъ нѣсколько разъ чрезъ посланныхъ звалъ его къ себѣ, но онъ не шелъ къ нему. Увидѣвъ, что онъ не хочетъ къ нему явиться, послалъ тридцать тысячъ человѣкъ съ приказомъ взять его и представить къ нему. Когда войско хана шло къ Мерву, Юлумъ-бій послалъ человѣка въ Эсюрдъ къ Мохаммедъ-хану съ словами: „Мервъ будетъ наградой тому, кто спасетъ меня отъ настоящей бѣды!“ Динъ-Мохаммедъ-ханъ, услышавъ такія слова, выступилъ съ войскомъ изъ Эсюрда. Когда онъ пришелъ къ устью Мюргаба, то далъ приказъ, чтобы каждый всадникъ въ лѣсу срубилъ себѣ по три вѣтви древесныя, двѣ изъ нихъ привязалъ въ торокахъ и одну у хвоста лошади; велѣлъ каждому ѣхать особымъ своимъ мѣстомъ, а не одному за другимъ, чтобы на мягкомъ грунтѣ земли, каковъ въ Мервѣ, оставалось больше слѣдовъ. Стражѣ своей онъ велѣлъ наблюдать за сторожевымъ отрядомъ непріятеля. Такъ какъ непріятель былъ еще далеко, онъ въ этотъ день проѣхалъ небольшое пространство и остановился на ночлегъ. Его стража, замѣтивъ сторожевой отрядъ непріятельскій, извѣстила его. Поутру онъ двинулся дальше, и въ этотъ день, опять сдѣлавъ небольшой переходъ, остановился. Сторожевой полкъ непріятеля донесъ своему войску, что Динъ-Мохаммедъ-ханъ идетъ съ великими силами, и оттого идетъ медленно. Услышавъ это, непріятель послалъ людей для наблюденія. Они, увидѣвши стражу и огни среди войска Динъ-Мохаммедъ-ханова, донесли, что онъ идетъ съ большими ополченіями. Непріятель, на основаніи такихъ слуховъ, разсуждалъ: „За нами—Юлумъ-бій, предъ нами Динъ-Мохаммедъ-ханъ: какъ намъ оставаться въ срединѣ двухъ враговъ?“ двинулся назадъ и, ушелъ въ Бухару. Динъ-Мохаммедъ вступилъ въ Мервъ и, сдѣлавшись властителемъ его, въ немъ постоянно жилъ.

Главными чертами въ характерѣ Динъ-Мохаммеда были храбрость въ битвахъ съ врагами и великодушіе. Онъ никогда

не копилъ богатства; ласка его къ своимъ нукерамъ была умѣренна. По временамъ его поступки походили на поступки сумасшедшаго. Самъ я, не бывъ очевидцемъ его дѣлъ. не вѣрю всѣмъ людскимъ разсказамъ. Онъ умеръ въ городѣ Мервѣ въ девятьсотъ шестидесятомъ году (1553 Р. Х.), въ годъ коровы, на четыредесятомъ году своей жизни.

У Динъ-Мохаммедъ-хана было два сына, старшій Баинда-Мохаммедъ, младшій Абуль-Султанъ (Абу-Мохаммедъ): его сдѣлалъ онъ Калъ-ханомъ; потому, когда еще живъ былъ отецъ его, его звали Абуль-ханомъ. Баинда-Мохаммедъ-султанъ былъ малоуменъ: однажды, когда отецъ его сидѣлъ въ пріемномъ отдѣленіи своего дома, онъ явился къ нему и, ставъ на колѣна, сказалъ: „я старше Абуль-Мохаммеда; но его называютъ ханомъ, а меня только султаномъ: по твоему ли повелѣнію, или сами отъ себя они такъ насъ титулуютъ?“ Ханъ не зналъ, что сказать ему. При ханѣ находился одинъ хорошій бекъ, по имени Турумчій, изъ Тюркменскаго рода Лайна, человѣкъ весьма умный, извѣстный по многимъ мудрымъ словамъ. Онъ сказалъ: „позвольте мнѣ, государь, рѣшить вопросъ его“. Говори! сказалъ ханъ. Турумчій, обратившись къ Баинда-Мохаммедъ-султану, сказалъ: „когда Всемогущій Господь далъ Вамъ жизнь, отецъ Вашъ былъ султаномъ; а когда родился Вашъ братъ, Вашъ отецъ былъ ханомъ. Чѣмъ былъ у кого отецъ, тѣмъ сдѣлался и сынъ; родившагося отъ султана, называютъ султаномъ, а родившагося отъ хана называютъ ханомъ“. Эти слова для него, неразумнаго, показались основательными, и онъ всталъ и вышелъ. Онъ умеръ вскорѣ по смерти отца своего. У Баинда-Мохаммедъ-хана былъ сынъ Турсунъ-Мохаммедъ; онъ былъ государемъ въ Мервѣ; былъ очень дѣятельный, храбрый витязь.—На двадцать третьемъ году своей жизни, когда онъ ночью лежалъ въ постели, нѣкоторые изъ его нукеровъ зарѣзали его ножемъ. У него не было дѣтей.

Абуль-Мохаммедъ-ханъ по смерти отца своего былъ

ханомъ въ Мервѣ. У него былъ одинъ сынъ; съ нимъ онъ, взявъ войско, вступилъ въ Хорасанъ, раздѣливъ его на четыре отряда, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ послалъ ихъ для набѣговъ, а самъ оставался двадцать дней въ Мешхедѣ. Хорасанскіе Кызылбаши собрались къ Мешхеду; на сѣверной сторонѣ города, на берегу Кара-су, оба войска вступили въ битву. Кызылбаши одержали побѣду; десять тысячъ Узбековъ подъ начальствомъ Джелаль-хана потеряли жизнь. Тутъ убитъ былъ и единственный сынъ Абуль-хановъ. Абуль-ханъ, лишившись сына, съ печали заболѣлъ; никто не понималъ причины его болѣзни; лекарь, взятый изъ Мешхеда, сказалъ: Ханъ страдаетъ отъ того, что лишился сына; онъ выздоровѣетъ, если у него будетъ сынъ, а безъ того не поправится въ здоровьѣ. Придворные сказали: сынъ не есть что нибудь такое, что можно добыть силою или богатствомъ". Въ Мервѣ была одна женщина по имени Бибича; въ кругу женщинъ ея дѣломъ были игра на тамбуринѣ и раскрашиванье хиною. Она не выходила никогда за-мужъ. У ней былъ четырехлѣтній сынъ; она привела его къ бекамъ и сказала: ханъ въ одну ночь велѣлъ мнѣ выкрасить его хиною, имѣлъ со мною сообщеніе; я сдѣлалась беременною и родила этого сына; до настоящаго времени, боясь супруги хана, я никому того не сказывала. Беки передали этого мальчика лекарю, а онъ отвелъ его къ хану. Ханъ въ это время не могъ узнавать людей. Лекарь обнажилъ мальчика и хана, положилъ мальчика на грудь хану и, прикрывъ ихъ одѣяломъ, громко кричалъ хану: Это вашъ сынъ! Такъ дѣлалъ онъ раза по три въ день. Ханъ день отъ дня сталъ поправляться въ здоровьи и, выздоровѣвъ, усыновилъ себѣ этого мальчика, назвавъ его Нуръ-Мохаммедомъ. Когда онъ достигъ юношескихъ лѣтъ, Абуль-ханъ умеръ. По смерти Абуль-хана возвели на ханство Нуръ-Мохаммеда. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его ханствованія младшіе братья Хаджимъ-хана и ихъ дѣти изъ Ургенджа дѣлали набѣги на Мервъ; много огорчая его попреками: „ты сынъ безчестной женщины,

какой же ты мнѣ братъ?“ У него не достало силъ переносить это униженіе; онъ пошелъ въ Бухару къ Обейдъ-хану, и разсудилъ предложить ему въ даръ Мервъ. Обейдъ-ханъ, вмѣстѣ съ Нуръ-Мохаммедомъ, взялъ войско, вступилъ къ Мервъ. Нуръ-Мохаммедъ предполагалъ, что Абдуллахъ-ханъ, взявъ Мервъ, опять отдастъ его ему, если онъ, управляя имъ, велитъ въ хутбѣ возглашать его имя, и что тогда братья и сыновья Хаджимъ-хана не посмѣютъ его тревожить. Но это чаяніе его не сбылось. Послѣ того какъ Обейдъ-ханъ занялъ Мервъ, онъ, боясь его, въ одну ночь бѣжалъ и ушелъ въ Ургенджь къ Хаджимъ-хану. Если благоволитъ Богъ, мы объ этомъ послѣ разскажемъ. Онъ съ Хаджимъ-ханомъ ушелъ въ Персію. Чрезъ пять лѣтъ, которыя они прожили у Кызылбашей, Обейдъ-ханъ умеръ. Послѣ него сдѣлался ханомъ Бухары Абдуллахъ-ханъ. Тогда Нуръ-Мохаммедъ-ханъ опять овладѣлъ Мервомъ. Въ немъ онъ истребилъ Узбековъ, которые, бывши къ нему нерасположены душею, причиняли ему много огорченій и безпокойствъ, а замѣнилъ ихъ Сартами и Тюркменами. Узнавъ это, Персидскій государь шахъ Аббасъ Мази пришелъ и осадилъ Мервъ. Послѣ сорокадневной осады, Нуръ-Мохаммедъ, истощившись въ силахъ къ оборонѣ, вышелъ изъ Мерва и предсталъ съ покорностію предъ шаха Аббаса. Шахъ поставилъ своихъ правителей въ Мервѣ, Эсюрдѣ, Нисаѣ, Дарунѣ и во всѣхъ областяхъ, зависѣвшихъ дотолѣ отъ Нуръ-Мохаммеда, и отправился назадъ; увелъ съ собою Нуръ-Мохаммедъ-хана и въ Ширазѣ заключилъ его въ крѣпость; въ ней Нуръ-Мохаммедъ и умеръ. Отъ Динъ-Мохаммедъ-хана не осталось потомства.

О другихъ двухъ сыновьяхъ Аванишъ-хановыхъ.

Старшій сынъ Аванишъ-хановъ былъ Динъ-Мохаммедъ; второй сынъ его былъ Махмудъ; его прозвали Сари-Махмудъ

султанъ. Онъ былъ человѣкъ весьма глупый, безъ мужества, безъ всякихъ достоинствъ, трусъ и скупой. Изъ хорошихъ качествъ Всевышній Господь не далъ ему ни одного. Его звали Сари-Махмудъ „Желтый Махмудъ“ потому, что въ потомствѣ Аменкъ-хановомъ, какъ изъ мужскаго, такъ изъ женскаго пола до этого времени не было, кромѣ этого глупаго потомка, ни одного человѣка, желтаго или бѣлаго; всѣ были черные. Однажды этотъ нечистый сидѣлъ въ многолюдномъ собраніи и пилъ бузу. Приходитъ человѣкъ и сказываетъ, что непріятели идутъ. Всѣ бросились на коней, а онъ бросился съ ножемъ ставить мѣтки на кувшинахъ съ бузой, приговаривая: на этомъ кувшинѣ съ бузой такая мѣтка, а на этомъ кувшинѣ съ бузой такая мѣтка, и отдалъ ихъ подъ присмотръ хозяину твоего дома. По смерти его, дѣтей отъ него не осталось.

Младшій сынъ Аванишъ-хановъ былъ Алій-султанъ, онъ владѣлъ въ нагорной сторонѣ городами: Нисаемъ, Эсюрдомъ; въ прирѣчной сторонѣ Ургенджемъ, Гезараспомъ и Катомъ. Дѣйствія начальниковъ и правителей въ обѣихъ сихъ областяхъ зависѣли отъ Али-султана. Каждогодно, въ началѣ мѣсяца февраля, онъ изъ Ургенджа отправлялся съ конницею къ предѣламъ Хорасана и, дѣлая на него набѣги, тамъ проводилъ все лѣто. Границами тѣхъ земель, на которыя онъ дѣлалъ наѣзды, были Иль-Кюпрюкъ, Тиршизъ, Тэрбятъ, Деджамъ и Харкердъ. Занимаемыя ими области были Джорчанъ, котораго нѣкоторую часть называютъ Кебудъ-джама, Джачарамъ, Керайлу, Астрабадъ. Войско его простиралось до сорока тысячъ. Осенью, въ мѣсяцѣ октябрѣ, онъ возвращался въ Ургенджь и въ немъ проводилъ зиму. Всѣ Узьбеки, составлявшіе его многочисленное ополченіе, поименно внесены были въ списокъ и получали жалованье. Нукерамъ, составлявшимъ его свиту, давалось каждому по шестнадцати овецъ: эти овцы, раздаваемыя въ жалованье, собирались отъ самихъ же Туркменовъ; въ случаѣ недостачи ихъ, давалась пятая часть изъ

овецъ, захватываемыхъ во время наѣздовъ на Хорасанъ. Онъ въ каждый годъ съ небольшимъ отрядомъ людей отправлялся въ Астрабадъ для сбора дани съ племени Оклы-Гокланъ, и самъ распоряжался собираніемъ ея, разсылая своихъ нукеровъ. Теперь скажемъ о Кызылбашахъ.

Шаху-Тахмаспу каждый годъ приносили вѣсти, что Алій-султанъ въ наѣздѣ разорилъ такую-то область, но шахъ мало заботился объ этомъ. Зимой одного года онъ далъ повелѣніе одному изъ своихъ бековъ, Бедеръ-хану: „возьми двѣнадцать тысячъ Курджиновъ и отправься съ ними въ Хорасанъ. Какъ скоро придетъ туда Алій-султанъ, ты прямо нападай на него; но объ этомъ прежде никому не говори, чтобы это не услышалъ Алій-султанъ. Садись на коня и исполни такъ“. Бедеръ-ханъ, выступилъ въ походъ и прибылъ въ Бичтамъ. Здѣсь ему донесли, что Али-султанъ съ небольшимъ отрядомъ войска стоитъ въ Астрабадѣ, собирая дань съ Тюркменовъ, что его нукеры разошлись по домамъ Тюркменовъ и съ султаномъ нѣтъ людей. Онъ поспѣшно вступилъ въ Астрабадъ. Султана тотчасъ извѣстили о приходѣ Кызылбашей, увидѣвъ передовой отрядъ ихъ. Кызылбашей было двѣнадцать тысячъ человѣкъ, а съ султаномъ только три тысячи. Какъ скоро онъ получилъ извѣстіе о томъ, сѣли на коней и переѣхали на берегъ рѣки Гюргана. Я убогій видѣлъ эту рѣку: оба берега ея круты, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высота ихъ есть въ локтей сто. Въ прежнее время, когда производились набѣги, избирали на ней переправы то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, предварительно осмотрѣнномъ. Али-султанъ расположилъ свое войско на краю высокаго, крутаго берега; людей онъ не поставилъ на самомъ краю берега, а расположилъ палатки въ четыре или въ пять рядовъ, оставилъ между ними и берегомъ широкую дорогу и провелъ за палатками четыре перекопа, чтобы съ внѣшней стороны нельзя было на нихъ нападать конницѣ; лошадей же и верблюдовъ онъ велѣлъ привязать. Тутъ приблизились къ нимъ Кызылбаши и сдѣлали аттаку.

Отрядъ, человѣкъ въ тысячу, одною массою на всемъ скаку ударилъ на станъ. Узьбеки пѣшіе бросились противъ нихъ и приняли ихъ въ стрѣлы. Кызылбаши не могли перескакать черезъ перекопы. Сколько разъ Кызылбаши ни возобновляли свои нападенія, Узьбеки, выбѣгая на встрѣчу имъ изъ стана, отражали ихъ. Какъ скоро они начинали стрѣлять въ нихъ изъ ружей, то Узьбеки уходили въ палатки и прятались за верблюдовъ. Кызылбаши стали утомляться. Тутъ бекъ Оклійцевъ, по имени Аба-бекъ, съ другими десятью беками и съ тремя стами человѣкъ захотѣлъ лично переговорить съ султаномъ. Аба-бекъ, выступивъ съ ними на ровное открытое мѣсто посреди войска, въ то время какъ окружавшіе его сѣли тамъ и держали съ собою лошадей, пошелъ къ султану и сказалъ ему: „бой у насъ идетъ ровно на обѣихъ сторонахъ; у васъ нѣтъ конницы; прогоняя Кызылбашей, мы не можемъ ихъ преслѣдовать и они остаются на своемъ мѣстѣ. Позвольте мнѣ съ конными сдѣлать нападеніе на нихъ съ которой-нибудь стороны“. Султанъ позволилъ. Аба-бекъ съ конницею выѣхалъ тѣмъ мѣстомъ, которое составляло ворота стана. Когда Аба-бекъ, принявъ позволеніе отъ султана, выѣхалъ изъ стана, войско, оставшееся при немъ, говорило: „для чего вы, государь, позволили это ему? Видя, что насъ мало, онъ присоединится къ Кызылбашамъ“. Султанъ сказалъ: „Кызылбашей двѣнадцать тысячъ; пусть же число ихъ увеличится еще тремя сотнями. Только низкіе люди способны дѣлать зло своимъ: я судьбу свою поручаю Богу“. Аба-бекъ, выступивъ съ конницею, напалъ на Кызылбашей; и когда Кызылбаши начали ихъ стѣснять превосходствомъ своихъ силъ, Узьбеки дали тылъ; но, удалившись отъ нихъ, они опять воротились и сдѣлали на нихъ нападеніе. До шести разъ они такъ дѣлали. Такими дѣйствіями бой разгорѣлся сильно. Всѣ Узьбеки, составлявшіе фронтъ войска, устремились въ бой; въ то же время Аба-бекъ ударилъ съ тыла на Кызылбашей; Узьбеки, быстро построясь въ ряды, въ то время какъ Аба-бекъ напалъ съ тыла, съ

фронта, съ кликомъ: Алла, Алла, ударили на Кызылбашей: они не выдержали силы нападенія, не устояли, побѣжали. Пѣхота, сѣвъ на верблюдовъ, какіе были въ станѣ, устремилась за непріятелемъ, напала на тылъ его и преслѣдовала его до заката солнца. Немного человѣкъ изъ Кызылбашей, подъ начальствомъ Бедеръ-хана, спаслись. Конюшій султана сказывалъ: я получилъ девятую честь изъ коней, доставшихся изъ добычи султану, и мнѣ привелось получить 700 лошадей: поэтому судите, какъ велика была добыча.

По прошествіи пятнадцати или шестнадцати лѣтъ послѣ этого событія Алій-султанъ, въ началѣ осени выступилъ въ походъ изъ Ургенджа. Прибывъ въ долину Ходженда Хорасанскаго, онъ остановился тамъ зимовать, намѣреваясь съ наступленіемъ весны сдѣлать нападеніе на Иракъ. Если придетъ, думалъ онъ, шахъ Тахмаспъ, я буду сражаться съ нимъ. Но, когда наступили очень знойные дни, у него между крыльцами показался нарывъ; онъ никому о томъ не сказывалъ. Послѣ того какъ онъ у него прорвался, султанъ слегъ въ постель. Придворные хотѣли осмотрѣть болѣзнь, ханъ не показывалъ, потому что стыдливость его была столь велика, что никто не видѣлъ его и въ то время, когда онъ совершалъ омовенія. Напослѣдокъ придворные говорили ему, чтобы онъ позволилъ разрѣзать у себя одежду и показать, но онъ и на это не согласился. Они противъ воли разорвали у него одежду и увидѣли, что сдѣлалось сильное воспаленіе, и остановить его было нельзя. Сдѣлали прижиганіе, но оно не принесло пользы; и султанъ отошелъ къ милосердію Божію, въ девятьсотъ семьдесятъ шестомъ году, въ годъ коровы, на сороковомъ году своей жизни (1568 Р. Х.). Одинъ стихотворецъ хронограмму его смерти означилъ въ слѣдующихъ стихахъ (мокàттаа):

„Али-султанъ есть тотъ знаменитый государь, котораго имя извѣстно въ мірѣ.

Мечъ его изъ луча солнца, отъ котораго шахъ Тахмаспъ кроется, какъ нетопырь.
Этотъ государь какъ скоро вышелъ изъ міра сего, то со всѣхъ сторонъ бѣды постигли его.
Годъ смерти его я означилъ словами:
Десять хановъ равняются поражавшему Кызылбашей".

Доблести Али-султана.

Али-султанъ былъ прекрасный человѣкъ. Хаджимъ-ханъ говорилъ о немъ: со времени Ядигеръ-хана до настоящей поры не родилось человѣка подобнаго Алію: дѣятеленъ, скроменъ на словахъ, храбръ и мужественъ въ борьбѣ съ врагами, изворотливъ и настойчивъ въ исполненіи, внимателенъ къ состоянію своей дружины, правосуденъ и строгъ, твердъ волею. Стыдливость его была чрезвычайная и въ такой высокой степени, что, когда онъ умиралъ и Аталыкъ его, по имени Ата-бай, чтобы узнать, живъ ли онъ еще, или нѣтъ, сунулъ свою руку подъ одѣяло и тронулъ ногу его, онъ, находясь уже при смерти, открылъ глаза и сказалъ: „ужели ты, прежде моей смерти, отнимешь у меня честь и стыдливость?" Правосудіе его видно изъ слѣдующихъ случаевъ: во время Хорасанскаго похода у одного знаменщика потерялась лошадь: когда переходило войско, младшій братъ знаменщика возвратился въ юртъ, чтобы отыскать лошадь: въ одномъ шатрѣ онъ увидѣлъ баранью голову, взялъ ее, привязалъ у себя съ боку; когда возвратился къ войску, другой изъ воиновъ узналъ голову, принесъ жалобу султану и упрашивалъ разобрать это. Тотъ говорилъ, что онъ нашелъ ее въ юртѣ; хозяинъ барана утверждалъ, что онъ взялъ ее изъ дома и сюда привезъ. Султанъ унесшаго голову велѣлъ казнить смертію, повѣсивъ его на шею верблюда. Также одинъ разъ султанъ во время похода проходилъ съ войскомъ по краю овощнаго поля: одинъ молодой человѣкъ, спрыгнувъ съ ло-

шади, сорвалъ двѣ дыни. Хозяинъ дынь побѣжалъ къ Султану и принесъ ему жалобу. Султанъ остановился на томъ мѣстѣ, велѣлъ представить того молодого человѣка, приказалъ поставить въ землю высокое бревно и на немъ повѣсить похитителя; онъ уѣхалъ съ того мѣста уже тогда, какъ тотъ отдалъ душу.

У Али-султана было два сына: старшаго звали Искендеръ, младшаго Санджаръ. Искендеръ умеръ чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего отца. Санджаръ былъ малоумный. Но не смотря на это Найманъ Кулъ-Мохаммедъ-бій, поставилъ его государемъ въ Нисаѣ, уважая въ немъ сына своего несчастливаго дѣтьми государя. Онъ въ продолженіе осьми дней только одинъ разъ выводилъ его въ комнату, гдѣ принимались придворные, съ тѣмъ, чтобы они не знали его недостатковъ. По временамъ онъ одинъ ходилъ къ султану и, по выходѣ отъ него, говорилъ: „султанъ далъ такое то приказаніе, далъ такое-то повелѣніе“. По временамъ онъ дѣлалъ такія распоряженія чрезъ кого нибудь изъ приближенныхъ къ султану. Иногда Кулъ-Мохаммедъ-бій, посидѣвъ въ своей гостиной, выходилъ оттуда и говорилъ: „Атабекъ! государь сдѣлалъ вамъ нѣсколько такихъ-то порученій съ приказомъ, чтобы вы исполнили это въ скорѣйшемъ времени“. „Вамъ султанъ жалуетъ тысячу монетъ“, „Худай-кулію пять тысячъ монетъ“, „Алла-кулію султанъ приказалъ отправиться посломъ къ шаху“. „Такимъ-то пяти человѣкамъ онъ поручаетъ повѣрить всю казну; чего не достаетъ, пусть представитъ изъ другихъ источниковъ; оцѣнка имъ пусть произведется въ царскомъ совѣтѣ; такое-то дѣло пусть возложено будетъ на Худаи-Наззара“. По этимъ распоряженіямъ, о которыхъ мы сказали и которыя Кулъ-Мохаммедъ-бій дѣлалъ отъ имени Санджаръ-султана, судите и о прочихъ всѣхъ. Такимъ образомъ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ онъ поддерживалъ Санджара въ санѣ государя. Санджаръ умеръ, не оставивъ послѣ себя дѣтей.

Дѣти Акатай-хановы, изъ которыхъ былъ главнымъ Хаджій-Мохаммедъ-ханъ.

У Акатай-хана было шесть сыновъ: старшій изъ нихъ былъ Хаджій-Мохаммедъ-ханъ; второй Махмудъ-султанъ, третій Буладъ-султанъ, четвертый Тимуръ-султанъ, пятый Алла-Кулій-султанъ, шестой Сулейманъ-султанъ. Алла-Кулій-султанъ умеръ двадцати двухъ лѣтъ. Сулейманъ-султанъ умеръ осьмнадцати лѣтъ, Махмудъ-султанъ—сорока лѣтъ. Послѣ него осталось шесть сыновъ: первый Мохаммедъ, второй Аминъ, третій Алій-султанъ, четвертый Мохаммедъ-Аминъ, пятый Арабъ-султанъ, шестой Акъ-баба. Аминъ и Мохаммедъ-Аминъ умерли послѣ отца. Остальныхъ четверыхъ умертвилъ Абдуллахъ, ханъ Бухары. Абдуллахъ-ханъ убилъ также двоихъ сыновъ Мохаммедъ-султановыхъ, старшаго Шахъ-Алія, который былъ женатъ, и младшаго Шахъ-бехта, и всѣхъ сыновъ ихъ, изъ коихъ одинъ былъ тринадцати лѣтъ, а другіе были по одному-по два года. Жена Али-султана и жена Арабъ-султана остались беременными: онъ къ обѣимъ имъ далъ присмотрщика для наблюденія за ними; одна изъ нихъ родила дочь, и онъ ей сохранилъ жизнь; другая родила сына и онъ въ тотъ же день велѣлъ умертвить его. Тимуръ-султанъ умеръ сорока лѣтъ; у него было три сына: старшій изъ нихъ былъ Мохаммедъ-султанъ, второй Кадиръ—бирди—султанъ, третій Абуль-хаиръ-султанъ: всѣхъ троихъ также умертвилъ Абдуллахъ-ханъ.

У Буладъ-султана было четыре сына: первый Баба-султанъ, второй Гамза-султанъ, третій Кулчи—султанъ, четвертый Пеглеванъ-Кули-султанъ. Буладъ-султана и трехъ сыновъ его Абдуллахъ-ханъ предалъ смерти. Пеглеванъ-Кули-султанъ умеръ своею смертію чрезъ пять лѣтъ послѣ отца своего.

Качества Буладъ-султана.

Буладъ султанъ былъ человѣкъ безъ смысла, безъ мужества, сумасбродный. О немъ, когда я былъ еще небольшой, слышалъ много разсказовъ. Разскажу о трехъ, четырехъ поступкахъ его, дабы они не забылись между людьми. У Буладъ султана было двѣ привычки; первая: въ разговорѣ онъ въ концѣ своей рѣчи приговаривалъ: *шальфъ-ру*! „распутница!“; другая привычка: согнувъ два меньшіе пальца, и большой палецъ положивъ на средній, быстро спускалъ его и производилъ звукъ: *щёлкъ*: *щёлкъ*! какъ дѣлаютъ это шуты и скоморохи. Такъ дѣлалъ онъ обѣими руками и за каждымъ разомъ приговаривалъ: „шальфъ-ру!“ Однажды онъ спросилъ: „не отправляется ли какой караванъ въ Хорасанъ? Ему сказали, что вчера отправился туда караванъ. Онъ одному изъ своихъ придворныхъ далъ приказъ воротить всѣхъ, находящихся при караванѣ, и представить къ нему. Посланный настигъ караванъ при колодезѣ Сагча, воротилъ его и привелъ въ Хиву. Эти мусульмане подумали, что вѣрно у султана есть война съ Хорасаномъ; иначе для чего ему ворочать всѣхъ насъ? Когда привели къ султану всѣхъ людей изъ каравана, султанъ, взглянувъ на нихъ, сдѣлалъ рукою щёлкъ-щёлкъ, и сказалъ: мнѣ семерку бритвъ-распутница! разъ до пяти онъ повторилъ эти слова; караванные не могли понять. Нукеры султана имъ объяснили слова хана, который требовалъ, чтобы они привезли ему семь бритвъ; больше ему ничего не нужно; и вы отправляйтесь въ свой путь. Вотъ еще одинъ его поступокъ: Абдуллахъ-ханъ, желая отомстить Ургенджу, осадилъ этотъ городъ; но, не могши взять его, отступилъ назадъ, простоявъ у Новаго-водопровода. Когда Абдуллахъ-ханъ стоялъ у Новаго водопровода, тогда молодые джигиты, въ числѣ пяти сотъ, выѣхали противъ непріятеля, говоря между собою: „что намъ смотрѣть на непріятеля? подеремся съ его сторожевыми! Буладъ-султанъ сказалъ:

и я ѣду, и также съ ними отправился. Младшій братъ его, Тимуръ-султанъ, присоединившійся къ молодцамъ, удерживалъ его и говорилъ: „ты куда ѣдешь?“ Всѣ беки также останавливали его, но онъ не послушался и поѣхалъ. Сказываютъ, что онъ, въ стычкѣ съ карауломъ, одолѣвалъ враговъ; и когда бой сдѣлался жаркимъ, онъ не отставалъ отъ другихъ. Но какъ къ непріятелю пришло много помощи, джигиты должны были бѣжать отъ него. Буладъ-султанъ обратился въ бѣгство прежде всѣхъ. Пріѣхавъ къ Хивѣ, онъ слѣзъ съ лошади, взошелъ на порогъ городскихъ воротъ и, стоя на немъ, махалъ руками и кричалъ: „поди сюда пріятель, коли хочешь! попробуй теперь войти въ городъ!“ У Буладъ-султана было три жены; старшая изъ нихъ, Азизъ-ханымъ, была внука Ильбарсъ-хана. Въ ея домъ онъ пошелъ въ этотъ день и тамъ, хвалясь передъ своими женами, говорилъ: „сего дня я съ непріятелемъ такъ и такъ бился, а завтра я ему то-и-то сдѣлаю. Азизъ-ханымъ, стыдясь за него предъ посторонними женщинами, сидѣла спокойно, но на послѣдокъ сказала: „перестань же!“ Султанъ осердился и началъ бранить ее; ханымъ начала противорѣчить ему. Онъ сказалъ ей: „полно тебѣ ѣсть грязь, дикая свинья!“—„Если жена свинья, то мужъ ея вепрь“ отвѣчала она. Онъ схватилъ палку и, когда хотѣлъ ее ударить, она встала и побѣжала отъ него, но запнувшись за порогъ, раздробила себѣ берцо. Но довольно говорить объ этомъ.

Качества младшаго его брата, Тимуръ-султана.

У Тимуръ-султана мало было ума; слова его были безъ соли. Но были у него и хорошія качества: онъ былъ храбръ на войнѣ, справедливъ. Онъ до самой смерти своей ни къ кому не ѣздилъ въ гости, ни у кого не обѣдалъ. Однажды онъ ѣздилъ изъ Гезараспа въ Хиву повидаться со своимъ стар-

шимъ братомъ Буладъ-султаномъ. Атабекъ Буладъ-султана, Уйгуръ, по имени Инди-бай, который правилъ и ртомъ и языкомъ и волею Буладъ-султана,—этотъ Атабекъ въ то время, какъ Тимуръ-султанъ послѣ свиданія съ Буладомъ отправился назадъ домой, вышелъ къ нему въ одной тѣсной улицѣ и, ставъ на колѣна, звалъ его къ себѣ въ домъ, приготовивъ для принятія султана богатый столъ и большіе подарки. Султанъ, сидя на лошади, ничего ему не говорилъ въ отвѣтъ. Инди-бай говорилъ: „я—твой усерднѣйшій старый слуга; знаю, что до настоящаго времени ты не ходилъ ни къ кому въ домъ. Надѣюсь, что удостоишь меня милости больше, нежели кого либо; тогда и отдаленные и близкіе будутъ говорить: Тимуръ-султанъ ни у кого не бывалъ въ домѣ, но кушалъ въ домѣ Инди-бая“. Это было зимой; на султанѣ была соболья шуба, крытая парчею и застегивавшаяся золотыми пуговицами; снявъ ее съ себя, онъ сдѣлалъ знакъ своему стремянному, и этотъ, взявъ шубу, положилъ ее на плеча Аталыка, а Тимуръ-султанъ, ударивъ плетью коня, уѣхалъ. Тимуръ-султанъ разсказывалъ о себѣ: когда мнѣ было уже пятнадцать лѣтъ, въ одинъ день я съ человѣками десятью молодыхъ людей выѣхалъ изъ Везиря середними его воротами для прогулки. Я пріѣхалъ въ одинъ аулъ. Одинъ зажиточный человѣкъ попросилъ меня заѣхать на нѣсколько времени въ его домъ, я не желая отказомъ огорчить его, зашелъ къ нему; онъ зарѣзалъ овцу и приготовилъ столъ. Отъ нея лопатку я привезъ домой. Отецъ мой спросилъ меня: что это за мясо? Со мною ѣздившіе сказали, что султанъ ѣздилъ на прогулку, и что одинъ богатый человѣкъ, пригласивъ его къ себѣ, зарѣзалъ для него овцу, и что это бедро отъ нея. Когда они сказали, отецъ мой взялъ плеть и, подозвавъ меня къ себѣ, сказалъ: „я дожилъ уже до пятидесяти лѣтъ, но до селѣ не ходилъ ни къ кому въ домъ; а тебѣ только пятнадцать лѣтъ, и ты ходишь по чужимъ домамъ и ѣшь овецъ; когда тебѣ будетъ двадцать лѣтъ, ты станешь

ѣсть у другихъ лошадей, и твоя дружина, что увидитъ въ твоихъ поступкахъ, то и будетъ дѣлать". Тутъ онъ велѣлъ человѣку держать меня и изъ своихъ рукъ далъ мнѣ плетью тридцать ударовъ. У меня хлынула кровь; одежда на мнѣ была бѣлая, она краснѣла, облитая кровью. Когда я шелъ домой отъ хана, со мною встрѣтился мой старшій братъ Хаджимъ-Мохаммедъ-султанъ. „Здоровъ ли ты, Тимуръ?" спросилъ онъ меня. „Что съ тобою?" Я разсказалъ ему, что со мной было. „Отецъ твой, отвѣчалъ онъ—прекрасно поступилъ. Ты не смывай крови съ своего лица, и не снимай съ себя этой одежды; и завтра по утру поди и покажись отцу. Я такъ и сдѣлалъ. Отецъ сначала сдѣлалъ мнѣ наставленіе, а потомъ, жалѣя о своемъ поступкѣ, простилъ меня и подарилъ мнѣ поколѣніе Тюркменовъ Тююджи, сказавъ: они будутъ твоимъ владѣніемъ. Въ то время этихъ Тюркменовъ было до шести тысячъ семействъ. Тогда я, призывая во свидѣтельство Бога всевышняго, поклялся, что до самой смерти не пойду ни въ чей домъ и моимъ нукерамъ не позволю ходить къ кому либо.

Качества Махмудъ-султана.

Махмудъ-султанъ съ Хаджимъ-ханомъ былъ отъ одной матери. Онъ былъ человѣкъ умный, дѣятельный, изворотливый, предусмотрительный. Безпристрастный къ удовольствіямъ здѣшней жизни, онъ былъ расположенъ къ бесѣдамъ съ учеными дервишами и шейхами; къ нимъ обращался всегда съ вопросами о религіи, внимательно выслушивалъ слова шейховъ. Онъ помнилъ и зналъ все свое имущество, все, что собиралось по раскладкѣ съ подданныхъ и что отдавалось въ жалованье нукерамъ. Читать онъ не умѣлъ, но и при своей безграмотности онъ умѣлъ дѣлать вычисленія днямъ, мѣсяцамъ, годамъ; онъ зналъ двѣнадцать созвѣздій зодіака, планеты и таинственныхъ людей. Таковъ былъ Махмудъ-султанъ.

Исторія Хаджимъ-султана.

Когда сыновья Аменкъ-хана перешли изъ Арки въ Ургенджъ, Акатай-ханъ былъ уже въ юношескихъ годахъ, способный носить колчанъ. По переходѣ сюда, онъ, не тревожа тѣхъ изъ Тюркменовъ, которые охотно признали свое подданство, дѣлалъ набѣги на тѣхъ, которые не подчинялись ему. Въ одинъ изъ походовъ Акатай-ханъ напалъ на поколѣніе Гокланг. Тамъ ему попалась въ плѣнъ дочь князя. Онъ изъ рода Чакырларъ. По приведеніи ея къ себѣ въ домъ Акатай-ханъ женился на ней. У хана отъ нея много было дѣтей: изъ нихъ были Хаджій-Мохаммедъ-ханъ, Махмудъ-султанъ и три дочери. Хаджій-Мохаммедъ родился въ девять сотъ тридцатомъ году гиджры (1523-4 Р. Х.), въ годъ крокодила. Мы прежде говорили о трехъ дѣлахъ его, и здѣсь еще скажемъ о нихъ.

Когда Обейдъ-ханъ, взявъ Ургенджъ, отвелъ жителей въ Мавераннегръ, Хаджій-Мохаммедъ, скрывая себя отъ всѣхъ, перешелъ отъ Джанъ-сеида въ Дарунъ къ Динъ-Мохаммедъ-хану и убѣдилъ его выступить въ походъ для возвращенія себѣ своего владѣнія. Склонивъ къ походу Динъ-Мохаммедъ-хана, онъ съ нимъ напалъ на Обейдъ-хана между Хивою и Гезараспомъ и разбилъ его: такъ виновникомъ пораженія врага былъ Хаджимъ-ханъ. Второе его дѣло: онъ, сохранивъ жизнь бекамъ Обейдъ-хановымъ, отправился къ Обейдъ-хану, освободилъ изъ плѣна своего дядю Калъ-хана и своего отца Акатай-хана и всѣ до одного семейства Ургенджскихъ узбековъ возвратилъ на родину: такимъ образомъ виновникомъ возстановленія разореннаго Ургенджа былъ Хаджимъ-ханъ. Третіе его дѣло: услышавъ, что отецъ его убитъ, онъ тотчасъ отправился изъ Багъ-абада Хорасанскаго въ Ургенджъ, убилъ убійцу своего отца, Касимъ-султана, сына Юнусъ-ханова: такимъ образомъ мстителемъ за кровь отца, когда еще не прошло послѣ того и трехъ мѣсяцовъ, былъ Хаджимъ-ханъ.

Послѣ того, какъ Ургенджъ отданъ былъ Ишъ-султану, а Хива Достъ-хану, Хаджимъ-хана возвели въ ханское достоинство въ области Ургенджской: посадивъ его на средину бѣлаго войлока. Али-султанъ взялъ одинъ уголъ его, младшіе его братья держали другіе три угла войлока и подняли на немъ Хаджимъ-султана. Это было въ девятьсотъ шестидесятъ девятомъ году гиджры (1561-2 Р. Х.), въ годъ коня, когда Хаджимъ-султану было тридцать девять лѣтъ.

Исторія Хаджимъ-хана отъ возведенія его на ханство до смерти его.

Въ девятый годъ послѣ возведенія Хаджій-Мохаммедъ-хана на ханскій престолъ, умеръ Али-султанъ. Хаджій-Мохаммедъ-ханъ взялъ себѣ Ургенджъ, Махмудъ-султану отдалъ Везирь. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ сихъ событій, Абдуллахъ-ханъ собралъ войско и повелъ его на Ургенджъ. Въ то время Хаджій-Мохаммедъ-ханъ былъ въ Хорасанѣ. куда онъ отправился прежде; Буладъ-султанъ былъ въ Хивѣ, а Тимуръ-султанъ въ Гезараспѣ. Когда пришла вѣсть о походѣ Абдуллахъ-хана на Харезмъ, Тимуръ-султанъ изъ Гезараспа перешелъ въ Хиву, и привелъ туда съ собою Узьбековъ и Сартовъ Гезараспскихъ и Узбековъ и Сартовъ, жившихъ выше Кабанака. Передъ воротами города онъ провелъ высокій валъ. Ургенджскіе жители заперлись въ Ургенджѣ, а Везирскіе въ Везирѣ; всѣ Узьбеки, жившіе въ степи, числомъ около двухъ тысячъ семействъ, выбрали крѣпкую позицію и въ ней оградили себя цѣпью. Каждый день извѣщая о себѣ Хаджій-Мохаммедъ-хана, они оставались въ такомъ положеніи. Абдуллахъ-ханъ остановился въ Каланчѣ, сторожевой его отрядъ стоялъ въ Янга-Эринѣ. Прошло десять дней, изъ Хорасана прибылъ человѣкъ съ извѣстіемъ, что идетъ сюда Хаджій-Мохаммедъ-ханъ. Абдуллахъ не зналъ, справедливы ли, или ложны эти слухи, отправилъ отъ себя

пятьдесятъ человѣкъ съ приказомъ: „идите въ Нухастъ, оттуда идите въ Кумъ-калу, а отъ него подите далѣе въ Исмъ-Махмудъ-Ату и тамъ остановитесь. Если Хаджій-Мохаммедъ-ханъ въ самомъ дѣлѣ идетъ сюда, вы захватите кого-нибудь изъ его войска, возвращающагося сюда, и приведите ко мнѣ". Посланные дошли до Исмъ-Махмудъ-Аты, встрѣтились съ шестью человѣками изъ Катскихъ Джегатаевъ, схватили ихъ и привели къ Абдуллахъ-хану. На разспросы хана Катскіе жители сказали: „Хаджій-Мохаммедъ-ханъ былъ въ Нисаѣ, въ то время, какъ получено свѣдѣніе о вашемъ сюда походѣ. Въ тотъ же день онъ выступилъ съ войскомъ и быстро идетъ сюда; мы отдѣлились отъ него въ Бешкахѣ. Вчера ханъ пришелъ въ Ургенджъ". Получивъ такія вѣсти, Абдуллахъ-ханъ отправилъ посла къ Буладъ-султану и Тимуръ-султану съ предложеніемъ мира. Они на это согласились. Абдуллахъ-ханъ сказалъ: „съ настоящаго дня мы не будемъ дѣлать зла другъ другу" и возвратился въ Бухару.

Второе нашествіе Абдуллахъ-хана на Харезмъ.

Причиною этого нашествія Абдуллахъ-хана на Харезмъ были три случая. Первый изъ нихъ: Румскій государь, до котораго дошла слава Абдуллахъ-хана, присылалъ къ нему своего посла, по имени Сале-падшаха, съ предложеніемъ союза: „я возстану съ одной стороны, Абдуллахъ-ханъ возстанетъ съ другой на шейхова сына [1]) и мы уничтожимъ его!" Абдуллахъ-ханъ принялъ посла съ большимъ почетомъ и отпустилъ его назадъ. Сале-падша въ Бухару шелъ чрезъ Индостанъ и путь его продолжался три года; отсюда онъ захотѣлъ отправиться въ Ургенджъ. „Изъ Ургенджа, говорилъ онъ, я пе-

[1]) Т. е. Персидскаго шаха.

рейду къ Тюркменамъ; здѣсь сяду на корабль и переправлюсь въ Ширванъ: этимъ путемъ до Истамбула мое путешествіе продолжится только четыре мѣсяца". Но, когда онъ пріѣхалъ въ Ургенджь, сынъ Хаджій-Мохаммедъ-хана, Мохаммедъ-Ибрагимъ-султанъ, отнялъ у него все имѣніе, оставивъ ему только сколько нужно на содержаніе до Истамбула. Отослалъ его въ Мангышлакъ и отправилъ его на Ширванскомъ кораблѣ. Абдуллахъ-ханъ, услышавъ о такомъ поступкѣ, сильно огорчился. Второй случай былъ такой: въ то время Ширванъ былъ подъ владычествомъ Румской державы; богомольцы и купцы изъ Маверанегра, не желая проходить чрезъ землю Кызылбашей, отправлялись чрезъ Ургенджь въ Мангышлакъ, здѣсь садились на корабль и переѣзжали въ Ширванъ. За годъ прежде до похода Абдуллахъ-ханова на Ургенджь, одинъ богомолецъ, Хаджій-Кутасъ, съ толпою богомольцевъ и съ большимъ караваномъ, пришелъ въ Хиву. Старшій сынъ Буладъ-султана, Баба-султанъ, обобралъ у нихъ все имѣніе и прогналъ ихъ пѣшкомъ назадъ въ Бухару. Хаджій Кутасъ, явившись къ Абдуллахъ-хану, палъ предъ нимъ на колѣна и принесъ ему жалобу. Абдуллахъ-ханъ сказалъ: „Хаджій-Мохаммедъ ханъ есть государь какъ и я, онъ не нукеръ мой; Ургенджь не зависящій отъ меня юртъ. Хаджій-Кутасъ на это отвѣчалъ: „въ будущемъ свѣтѣ, когда Господь будетъ судить насъ и пророкъ будетъ за насъ предстательствовать, я, взявъ тебя, преклоню предъ Богомъ колѣна и скажу: Господи! могущество Хаджій-Мохаммедъ-хана не превышало силъ какого нибудь нукера Абдуллахъ-ханова; но Абдуллахъ-ханъ, имѣя достаточно силъ, полѣнился и не вступился въ защиту правды". Абдуллахъ-ханъ сказалъ: „о, твои убѣжденія сильны; хорошо, если это не превыситъ силъ моихъ, заступлюсь. Третья причина похода была: всѣ внуки Аванишъ-хана умерли, оставался въ живыхъ только одинъ сынъ Абуль-хана, рожденный отъ безчестной женщины, Нуръ-Мохаммедъ, которому отданы были

Мервъ и Эсюрдъ. Сыновья младшихъ братьевъ Хаджій-Мохаммедъ-хановыхъ каждогодно дѣлали опустошенія въ области Мерва, думая, что разореніе Мерва есть оскорбленіе сыну безчестной матери, и такимъ образомъ дѣлали много обидъ Нуръ-Мохаммедъ-хану. Онъ, не вынося ихъ, ушелъ къ Абдуллахъ-хану съ тѣмъ предположеніемъ, что, если онъ въ хутбѣ будетъ возглашать имя не Хаджій-Мохаммедъ хановo, а Абдуллахъ-хановo, то послѣдній отдастъ ему Мервъ и возстановитъ его въ немъ. Притомъ сынъ Абдуллахъ-хановъ, Абдуль-муминъ былъ рожденъ отъ дочери Динъ-Мохаммедъ-хана: и это родственное отношеніе было причиной, что Нуръ-Мохаммедъ-ханъ явился съ преданностью къ Абдуллахъ-хану. Абдуллахъ-ханъ выступилъ съ войскомъ, вступилъ въ Мервъ, велѣлъ одному чиновнику переселить Узбековъ изъ него въ Бухару, и сдѣлался полнымъ обладателемъ Мерва. Онъ велѣлъ поить виномъ до пьяна Нуръ-Мохаммедъ-хана, когда онъ спрашивалъ пить. Но Нуръ-Мохаммедъ-ханъ увидѣлъ свою ошибку, пустоту своей мечты и въ одну изъ ночей съ человѣками тридцатью бѣжалъ изъ Мерва и ушелъ къ Хаджій-Мохаммедъ-хану. Абдуллахъ-ханъ, по приходѣ въ эту страну, занялъ Мервъ, Эсюрдъ, Нисай и Багъ-абадъ. Только въ Дарунѣ остался сынъ Хаджій-Мохаммедъ-хана, Арабъ-Мохаммедъ-султанъ, отъ котораго въ послѣдующее время родился я убогій. Кромѣ Даруна не осталось ни одного Хорасанскаго города подъ властію Хаджій-Мохаммедъ-хана. Абдуллахъ возвратился въ Бухару и тамъ прожилъ зиму.

Ургенджскіе Узбеки не были единомысленны между собою: одни говорили, что готовы сражаться съ Абдуллахъ-ханомъ, если онъ сдѣлаетъ нашествіе; другіе разсуждали: „для чего намъ сражаться съ Абдуллахъ-ханомъ, когда онъ нападетъ на насъ? Если перейдемъ на его сторону, то сановные изъ насъ будутъ у него беками, простолюдины будутъ нукерами“. Хаджій-Мохаммедъ-ханъ, узнавъ, что его подданные отказываются отъ битвъ, оставилъ своего сына, Мо-

хаммедъ-Ибрагима въ Ургенджѣ, а сына своего Сюнучь-Мохаммеда и двухъ сыновъ его, поставивъ при себѣ въ должности нукеровъ, отправился въ Дарунъ къ Арабъ-Мохаммедъ-султану, сказывая, что весною будетъ воевать Нисай. Во время большихъ зимнихъ каникулъ онъ отправился изъ Ургенджа. Въ то время въ Гезараспѣ жили три сына Тимуръ-султана, въ Хивѣ Буладъ-султанъ съ четырьмя своими сыновьями; въ Ургенджѣ былъ сынъ Хаджій-Мохаммедъ-хана, Мохаммедъ-Ибрагимъ-султанъ, въ Везирѣ четыре сына Мохаммедъ-султана, и четыре внука его, уже способные носить колчанъ. По прошествіи малыхъ каникулъ, распространился слухъ, что Абдуллахъ-ханъ открылъ походъ. Послали десять человѣкъ изъ Хивы и десять человѣкъ изъ Гезараспа въ Даруганъ-Ату для наблюденія за непріятелемъ. Въ первый день мѣсяца февраля они были схвачены непріятелемъ кромѣ троихъ, которые убѣжали и пришли сюда. При такихъ обстоятельствахъ Мохаммедъ-султанъ сказалъ: „въ первое нашествіе Абдуллахъ-хана, отецъ мой, оставивъ Гезараспъ, съ своимъ домомъ и народомъ перешелъ въ Хиву, и, когда въ Хивѣ собралъ большое войско, Абдуллахъ-ханъ не могъ оставаться въ сей странѣ и ушелъ назадъ. Въ настоящее время должно также поступить“. Онъ перешелъ въ Хиву, съ султаномъ перешли туда и всѣ Узьбеки. Здѣсь пробывъ только два дня, по причинѣ взаимной недовѣрчивости, они отправились къ могилѣ господина Пеглевана и при ней передъ кораномъ поклялись въ вѣрности другъ другу. Но и этимъ не утвердилась между ними взаимная довѣренность, и они говорили: въ Хивѣ намъ всѣмъ нельзя собраться и крѣпко защитить себя: перейдемъ въ Везирь, тамъ соединимъ всѣ наши силы, его сдѣлаемъ главнымъ пунктомъ дѣйствій“. Вставши по утру, три сына Тимуръ-султана, Буладъ-Тимуръ съ своими четырьмя сыновьями, всѣ нукеры и народъ ихъ выступили изъ Хивы на телѣгахъ, какъ будто бы выѣзжали на пиръ. Послѣ утренняго намаза они трону-

лись въ путь и уже около полудня послѣднія телѣги выѣхали изъ городскихъ воротъ: отправились, наложивъ на телѣги вьюки циновокъ, къ заду телѣгъ привязавъ куръ. Передъ этого обоза, состоявшаго изъ тысячъ двухъ семействъ, пріѣхалъ на ночлегъ къ Захъ-арыгу во время павечера, а конецъ его тогда уже, какъ народъ ложился спать. Военачальникъ Абдуллахъ-хана, Ходжамъ-кули, съ тремя тысячами человѣкъ вступилъ въ Хиву, въ то время какъ послѣднія телѣги не скрылись изъ вида. По приходѣ къ городскимъ воротамъ, онъ велѣлъ объявить, чтобы всѣ оставшіеся Узьбеки, и хорошіе и плохіе, явились къ нему; „всѣмъ сдѣлаю добро: хорошимъ отдамъ имѣніе сосѣднихъ домовъ, плохихъ сдѣлаю нукерами“. Жители собрались къ нему; онъ всѣхъ ихъ по именамъ внесъ въ списокъ, и потомъ сказалъ: „завтра рано я выступлю въ походъ: всѣ усердные къ хану, всѣ желающіе сохранить свои семейства и свое имущество, и Узьбеки и простолюдины, не должны отставать отъ меня“. Ночью онъ *всталъ*, на зарѣ выступилъ въ походъ для преслѣдованія Буладъ-султана.

Скажемъ теперь о Буладъ-султанѣ.—Вчера, во время павечера, изъ Хивы пришелъ къ нему человѣкъ, съ извѣстіемъ, что кушъ-бегій Ходжамъ-кули вступилъ въ городъ; но султанъ не встревожился при этомъ извѣстіи; крѣпче перевязавши поклажу на телѣгахъ, стали кормить зернами и поить водою куръ, поутру они опять пустились въ дорогу. Когда настало предполуденье, они пришли къ крѣпости Алма-Этишканъ. Тутъ приходитъ стража и извѣщаетъ, что ихъ настигъ непріятель. Тогда они собрали въ одно мѣсто телѣги и передъ ними расположили свои полки; непріятель въ боевомъ порядкѣ подошелъ и началъ битву. Они не могли выступить изъ-за телѣгъ и, отбиваясь, начали отступать; непріятель захватилъ много пожитковъ, но не могъ разстроить войска. Захвативши въ плѣнъ только Кульчи-султана, сына

Буладъ-султанова, прочіе султаны всѣ ушли и пришли въ Везирь.

Пробывъ два дня въ Везирѣ, султаны разсуждали: мы не сдѣлали никакого зла Абдуллахъ-хану; отнялъ имѣніе у богомольцевъ и у каравана Баба-султанъ: не станемъ держать его при себѣ", и прогнали его отъ себя. Онъ, его отецъ Буладъ-султанъ и двое его младшихъ братьевъ, Гамзе и Пеглеванъ,—всѣ четверо ушли въ Дарунъ къ Хаджій-Мохаммедъ-хану. Четыре сына Мохаммедъ-султана, и два его внука, три сына Тимуръ-султана, и изъ Ургенджа сынъ Хаджій-Мохаммедъ-хана, Мохаммедъ-Ибрагимъ-султанъ, съ своимъ семействомъ, перешли въ Везирь. Съ нимъ было также десять *чиновниковъ*; малолѣтнихъ всѣхъ я здѣсь не считаю. Главою всѣмъ имъ былъ сынъ Махмудъ-султана Алій. Онъ былъ съ поврежденною спиною, но этотъ недостатокъ не былъ примѣтенъ изъ—подъ одежды его ни тогда, когда онъ сидѣлъ, ни тогда, какъ онъ ходилъ; какъ верховая ѣзда причиняла ему боль, то онъ не могъ ѣздить на конѣ. Языкъ этого Алія говорилъ за всѣхъ. Абдуллахъ-ханъ подошелъ къ городу и осадилъ его. По прошествіи одного мѣсяца онъ прислалъ къ нимъ человѣка съ словами: я пришелъ сюда, раздраженный поступкомъ Баба-султана; но его здѣсь нѣтъ. Я вамъ родственникъ; вы предо мною не сдѣлали никакой вины: приходите ко мнѣ". Султаны совѣтовались между собою и говорили другъ другу: „между нами и Абдуллахомъ нѣтъ кровной мести, нѣтъ и вражды; притомъ, доколѣ Хаджій-Мохаммедъ-ханъ съ своими сыновьями остаются живы въ Хорасанѣ, онъ не сдѣлаетъ намъ зла. Сходить къ нему—хорошо будетъ". Послали отъ себя людей сказать Абдуллахъ-хану: „если отъ него придутъ беки и поклянутся имъ въ ихъ безопасности, то они явятся къ нему". Абдуллахъ-ханъ послалъ къ нимъ Накиба, Хасана-ходжу, аталыка Сархинъ-бія, своего диванъ-бека, Мохаммедъ-Бакій-бія, Самаркандскаго правителя Хаджій-бія и своего парваначія Дустымъ

Аргуна. Эти пять человѣкъ на площади Тахтабилъ дали клятву десяти султанамъ, съ которыми было десятка четыре человѣкъ изъ народа. Когда беки подходили къ городскимъ воротамъ, народъ говорилъ: „эти люди—главныя лица въ государствѣ, средоточіе государства; Абдуллахъ-ханъ ногтя одного изъ нихъ не промѣняетъ на Ургенджь: задержимъ ихъ, а съ людьми, которые съ ними пришли, отпишемъ къ хану, что мы ихъ удержали у себя не по враждѣ, а съ тѣмъ, чтобы оказать имъ честь и почетъ; что, когда ханъ благополучно отправится назадъ въ Бухару, тогда мы сами проводимъ туда и бековъ". Али-султанъ на это сказалъ: „что вы говорите! Абдуллахъ намъ родственникъ, съ которымъ у насъ не было никакихъ неудовольствій; онъ отдастъ намъ Ургенджь и уйдетъ. Если же не отдастъ его и насъ возьметъ съ собой, то каждому изъ насъ дастъ область лучше Ургенджа и Везиря. Доколѣ живъ Хаджій-Мохаммедъ-ханъ съ своими сыновьями, дотолѣ онъ не можетъ намъ сдѣлать зла, хотя бы у него на душѣ и было намѣреніе вредить намъ". Народъ сильно настаивалъ на своемъ, но бекамъ, чиновникамъ государства, требованіе народа казалось безразсуднымъ. Въ то время, какъ давались клятвенныя обязательства, нѣсколько молодыхъ людей приготовились напасть на бековъ и, безъ позволенія султановъ, схватить ихъ; но бѣлобородые старцы удержали и воротили ихъ. Обнадеженные клятвою бековъ, султаны и простолюдины пошли къ Абдуллахъ-хану. Султановъ отдалъ онъ на руки своему эсаулу, Дадъ-хагу, и правителю Сагырича, Ишимъ-бію; Узъбековъ отдалъ подъ надзоръ своего полководца, Ходжамъ-кули-Калмыка. Ходжамъ-кули сдѣлалъ перепись имъ по родамъ и домамъ; и, семействъ по десяти, по двадцати раздавъ на поручительство лицамъ, заслуживавшимъ довѣріе, всѣхъ ихъ повелъ въ Бухару. Абдуллахъ-ханъ отдалъ Ургенджь и Везирь Сари-Оглану, Хиву отдалъ Дарману Менглишъ-бію; Гезараспъ и Гезараспское предмѣстье, Кюрукъ

отдалъ одному ходжѣ, бывшему въ числѣ его пукеровъ; Катъ отдалъ Ургенджскому Тюркмену изъ рода Баятъ, бывшему при немъ муллой имамомъ. Это покореніе Ургенджскаго юрта Абдуллахомъ и возвращеніе его оттуда въ Бухару было въ тысяча второмъ годѣ гиджры, въ годъ змѣи (1593—4 Р. Х.).

Буладъ-султанъ съ своими сыновьями перешелъ въ Дарунъ къ Хаджій-Мохаммедъ-хану. По прошествіи одного мѣсяца къ нимъ пришло извѣстіе, что Абдуллахъ-ханъ овладѣлъ Ургенджемъ. Тогда Хаджій-Мохаммедъ-ханъ, его старшій сынъ Сююнучь-Мохаммедъ-султанъ съ своимъ сыномъ Ибадъ-уллахомъ; другой сынъ его Арабъ-Мохаммедъ-ханъ; мой отецъ, съ своими сыновьями Эсфендіяромъ и *Мохаммедъ-ханомъ*, и еще одинъ его внукъ; сынъ Мохаммедъ-Ибрагимъ-султана, третій сынъ Хаджій-Мохаммедъ-хана Мохаммедъ-кули-султанъ, - три сына и четыре внука, сынъ Буладъ-султана; внукъ Динъ-Мохаммедъ-хана, —темнородокъ (Нуръ-Мохаммедъ), подарившій Мервъ Абдуллахъ-хану, всѣхъ одиннадцать султановъ ушли въ Иракъ къ Шахъ-Аббасу Мази. Буладъ же султанъ не пошелъ съ ними. „Мнѣ, говорилъ онъ, уже семьдесятъ лѣтъ, какъ же мнѣ идти къ неправовѣрующимъ? Я уже человѣкъ, выжившій изъ ума: зачѣмъ Абдуллахъ-хану хотѣть моей смерти?“ воротился назадъ и отправился къ Абдуллахъ-хану. При Хаджій — Мохаммедъ-ханѣ было три тысячи человѣкъ, но почти всѣ они разошлись по своимъ домамъ, и съ Хаджій — Мохаммедъ ханомъ ушло только сто пятьдесятъ человѣкъ.

Абдуллахъ-ханъ возвратился въ Бухару: въ одинъ день, въ области Сагырычь, на берегу рѣки Акъ-су, онъ велѣлъ умертвить сына Буладъ-султанова, Койчи, сына Хаджій-Мохаммедъ-ханова Мохаммедъ-Ибрагимъ-султана; троихъ сыновей Тимуръ-султановыхъ, Мохаммедъ-султана, Кадиръ-бирдій-султана и Абулъ-хаиръ-султана; четырехъ сыновъ Махмудъ-султановыхъ, Мохаммедъ-султана, Алій-сул-

тана, Арабъ-султана и Акъ-Баба-султана, двухъ сыновъ Мохаммедъ-султановыхъ, Шахъ-Алій-султана и Шахъ-бехтъ-султана—всѣхъ двѣнадцать человѣкъ, способныхъ уже носить колчанъ, и съ ними еще малолѣтнихъ дѣтей около десяти лицъ. Тѣмъ изъ ургенджскихъ Узьбековъ, которые были извѣстны своею зажиточностію, велѣлъ собирать подать, сдѣлавъ ихъ сборщиками: на каждаго простолюдина онъ сдѣлалъ налогъ въ тридцать тенке. Въ это время, при Абдуллахъ-ханѣ, одинъ тенке былъ цѣною выше ашрафа. Кто былъ не въ состояніи уплатить и скрывался, за того деньги брали съ того, кто за него поручался. Многіе, не могши вырабатывать деньги, продавали дочерей, сыновъ своихъ и платили подать. Если изъ одного котла кормившихся было человѣкъ десять, то съ каждаго изъ нихъ бралась подать. Десятилѣтнихъ мальчиковъ дѣлали семейными и на нихъ дѣлали налогъ.

Хаджій-Мохаммедъ-ханъ съ своими младшими братьями и сыновьями, перешелъ къ шаху въ Газвинъ. Шахъ встрѣтилъ Хаджій-Мохаммедъ-хана; когда онъ пріѣхалъ къ шатру его, шахъ велѣлъ помочь ему сойти съ коня; взялъ его за руку, довелъ до мѣста и посадилъ и, положивъ руку себѣ на грудь, стоялъ и говорилъ ему: „добро пожаловать, добро пожаловать, почтенный старецъ—ханъ!“ Шахъ оказалъ ему большую ласку. Сююнучь-Мохаммедъ-султанъ съ двоими сыновьями уѣхалъ оттуда въ Румъ: „я не могу жить между неправовѣрными“, говорилъ онъ. Прочіе *ханы* вмѣстѣ съ Хаджій-Мохаммедъ-ханомъ жили тамъ три года.

Они отправились туда (въ Персію) въ годъ змѣя. Когда же наступилъ годъ овцы, въ который явилась свѣтлая звѣзда (комета), тогда сынъ Абдуллахъ-хановъ Абдуль-муминъ-ханъ завладѣлъ всѣми частями Хорасана. Кызылбаши Эсфараинской области заперлись въ крѣпости Эсфараинѣ; онъ подступилъ къ ней и осадилъ ее. Эсфараинскій правитель послалъ къ шаху человѣка, и шахъ Аббасъ съ сильнымъ ополченіемъ выступилъ изъ Газвина и пришелъ въ Бистамъ.

Возвращеніе Хаджій-Мохаммедъ-хана изъ Ирака и взятіе имъ Ургенджа. Третье нашествіе Абдуллахъ-хана на Ургенджь.

Въ то время Астрабадомъ управлялъ Алій-яръ-Бекъ, изъ Тюркменскаго поколѣнія Имиръ. Города Бистамъ и Астрабадъ лежатъ въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Султаны, пришедши къ Хаджій-Мохаммедъ-хану, сказали ему; „Астрабадскіе Тюркмены наши подданные; мы слышали, будто въ Хивѣ шестьдесятъ человѣкъ конницы, въ Ургенджѣ сорокъ человѣкъ: если теперь мы пойдемъ туда, то при помощи Тюркменовъ можемъ возвратить наше достояніе. Послѣ того будемъ дѣйствовать сообразно тѣмъ оборотамъ, какіе небо дастъ нашимъ предпріятіямъ. Если объ этомъ сказать шаху, онъ насъ не пуститъ. Итакъ мы думаемъ въ нынѣшнюю ночь уйти отселѣ“. Ханъ не одобрилъ ихъ предпріятія, но они не послушались его совѣта. Въ то время, какъ люди начинаютъ ложиться спать, два сына Хаджій-Мохаммедъ-хановы, Арабъ-Мохаммедъ-султанъ и Мохаммедъ-кули-султанъ, три сына Буладъ-султановы, Баба-султанъ, Гамзе-султанъ и Пеглеванъ-кули-султанъ, сѣли на коней и уѣхали. На зарѣ они пріѣхали въ то мѣсто, гдѣ стоялъ сторожевой отрядъ Тюркменскій; въ полдень прибыли въ Астрабадъ.

Хаджій-Мохаммедъ-ханъ по утру пошелъ къ шаху и разсказалъ ему случившееся. Шахъ на это сказалъ: „доколѣ Абдуллахъ живъ, имъ не удастся возвратить свои владѣнія: заплатятъ за свои затѣи своими головами. Они уѣхали безъ моего согласія, и конечно постыдятся возвратиться ко мнѣ: должны будутъ идти въ другое мѣсто и тамъ погибнутъ. Ты, почтенный ханъ, отправься за ними и скажи имъ, чтобы они не стыдились и не боялись меня, и ко мнѣ возвратились бы“. Хаджій-Мохаммедъ-ханъ, услышавъ такія слова шаха, оставилъ двоихъ внуковъ и свою ставку, поспѣшно отправился въ путь на конѣ, не взявъ никакихъ тяжестей. Онъ настигъ

султановъ въ Астрабадѣ. Оттуда они переѣхали въ горы Кюранъ.—Изъ живущихъ тамъ поколѣній, Теке и Ямутъ, къ нимъ присоединилось около шестидесяти человѣкъ. Въ то время Мангышлакъ былъ раззоренъ, потому что *Ирсаріи и Манкиты* дѣлали много наѣздовъ на него, и его жители перешли въ Кюрдишъ и Урта-Кузукъ и тамъ жили. Когда ханъ и султаны пріѣхали къ Ирсаріямъ, къ нимъ присоединилось до шести сотъ человѣкъ. Теке и Ямутъ были подданными сыновьямъ Махмудъ - султановымъ; Махмудъ - султанъ и Хаджій - Мохаммедъ родились отъ одной матери; потому они соединились съ дѣтьми Хаджій-Мохаммедъ - хановыми. Ирсаріи были подданными Буладъ султану, потому соединились съ Баба-султаномъ. Потомъ они прибыли въ Пешкагъ: отселѣ Хаджій - Мохаммедъ - ханъ съ двумя своими сыновьями пошелъ въ Ургенджъ; Баба - султанъ съ двумя своими братьями отправился къ Хивѣ.

Сари - Огланъ заперся въ Ургенджской цитадели; при немъ было пятьдесятъ человѣкъ. Когда наступила ночь, войско Хаджій-Мохаммедъ-хана, пробивъ въ одномъ мѣстѣ стѣну крѣпости, вошло въ нее; Сари-Огланъ и всѣ его нукеры были убиты. Съ Мохаммедъ-Хаджій-ханомъ осталось только человѣкъ шесть изъ Теке и Ямутъ; прочіе взяли свою добычу, навьючили на верблюдовъ съѣстные припасы и отправились назадъ домой.

Баба - султанъ подошелъ къ Хивѣ. Въ то время въ Хивѣ еще не было цитадели; жители заперлись въ городѣ, но Сарты разломали городскія ворота и сдали городъ. Менглишъ-бій и сотня людей, при немъ бывшихъ, были убиты. Правитель Гезараспа и правитель Ката убѣжали въ Бухару. При Баба-султанѣ изъ Ирсаріевъ, пришедшихъ съ нимъ, осталось только пятнадцать человѣкъ; прочіе взяли свою добычу, навьючили на верблюдовъ съѣстные припасы и отправились назадъ домой.

Баба-султанъ пробылъ въ Хивѣ десять дней; братъ его, Гамзе-султанъ перешелъ въ Дервишскій монастырь (Ханакагъ) и жилъ тамъ: „здѣсь я, говорилъ онъ, нѣсколько дней попирую“. Баба-султанъ отправился въ Гезараспъ съ тѣмъ, чтобы тамъ, кончивъ всѣ и важныя и маловажныя дѣла, возвратиться назадъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Гезараспъ и остановился въ Джеганъ-нумаѣ, одинъ изъ молодцевъ посмотрѣлъ въ полуденную сторону города и увидѣлъ какихъ-то людей, ѣдущихъ къ городу: „посмотрите, что это за люди сюда ѣдутъ?“ Баба-султанъ всталъ, сталъ всматриваться и видитъ, что быстро приближается непріятель: напереди ѣдетъ всадникъ на чубарой лошади, одѣтый въ платье съ обнаженною саблею на плечѣ: онъ ѣхалъ напереди отдѣльно отъ другихъ, за нимъ слѣдуетъ другой всадникъ на игреней лошади; за ними сто пятьдесятъ человѣкъ ѣдутъ толпою. Баба-султанъ поспѣшилъ затворить ворота: онъ успѣлъ притворить одно полотно ихъ; но прежде, нежели онъ притворилъ другое, всадникъ на чубарой лошади три раза порывался въѣхать въ ворота; послѣ него всадникъ на игреней лошади также дѣлалъ приступъ къ воротамъ, но оба должны были отступить: съ крѣпости стрѣляли изъ ружей. Ставъ передъ воротами въ такомъ мѣстѣ, куда не доходили выстрѣлы изъ ружей, непріятели столпились: ихъ было сто пятьдесятъ человѣкъ, у одного Сарта разспрашивали они объ осажденныхъ, Сартъ сказалъ, что въ крѣпости Баба-султанъ, что внѣ ея нѣтъ коннаго войска, что младшій братъ его Гамза-султанъ въ Ханакахѣ. Услышавъ это, они сѣли на коней и всѣ сто пятьдесятъ человѣкъ отправились къ Ханакаху. Во время полудня они напали на Гамзе-султана, и не думавшаго о непріятелѣ: онъ въ то время былъ на торговой площади. Пѣшій, онъ вступилъ въ битву съ врагомъ, имѣя при себѣ человѣкъ до шестидесяти. Съ полудня онъ отражалъ непріятеля до той поры, въ которую ложатся спать; въ ту пору, когда народъ ложился спать, непріятели всѣ спѣшились и,

когда одна часть изъ нихъ сражалась, другая, незамѣтно разломавши ограду города, вошла въ него и избила всѣхъ, кого въ немъ захватила. Теперь скажемъ, какимъ образомъ здѣсь внезапно явился непріятель.

Въ тысяча четвертомъ году (1595—6 Р. Х.), въ годъ овцы, въ годъ явленія свѣтлой звѣзды (кометы), Абдуллахъ-ханъ собралъ свое войско, выступилъ въ походъ изъ Бухары. Прежде говорили мы, что въ это время сынъ его, Абдулъ-муминъ-ханъ былъ въ Эсфараинѣ. „Нынѣшнюю зиму, говорилъ Абдуллахъ-ханъ, я съ своимъ сыномъ буду зимовать въ Хорасанѣ; а весною, если будутъ благопріятствовать обстоятельства, откроемъ походъ на Иракъ“, и далъ Ходжамъ-кулію приказъ: „ты составишь передовой отрядъ; я перейду изъ Чехаръ-чуя и стану въ Кюрдишѣ при Урдакѣ“. Когда войско подъ начальствомъ Ходжамъ-кули переправилось черезъ рѣку, правитель Гезараспа бѣжалъ изъ города, донесъ ему, что четыре дня уже прошло, какъ Баба-султанъ возвратился изъ Ирака, и въ Хивѣ убилъ Менглишъ-бія. Ходжамъ-кули не медля послалъ бѣжавшаго къ нему изъ Гезараспа ходжу къ Абдуллахъ-хану. Абдуллахъ-ханъ, развѣдавъ отъ него объ этомъ, далъ приказъ Ходжамъ-кулію: „иди къ Ургенджу, и я самъ иду туда вслѣдъ за тобой“. Баба-султанъ узналъ, что непріятель, подходившій къ воротамъ Хивы и убившій Гамзе-султана, былъ отрядъ изъ войска Ходжамъ-кули. Въ ту же ночь Ходжамъ-кули отправился на Хаджій-Мохаммедъ-хана. Младшій сынъ Хаджій-Мохаммедъ-хана, Мохаммедъ-кули-султанъ былъ юноша храбрый въ битвахъ съ врагомъ, искусный стрѣлокъ, бойкій и умный; онъ сказалъ своему отцу: вы съ старшимъ моимъ братомъ будете въ Ургенджѣ, а я съ нѣсколькими человѣками пойду къ Баба-султану. Онъ взялъ нѣсколько человѣкъ изъ Ургенджскихъ Джагатаевъ и Тюркменовъ, также нѣсколько Ургенджскихъ Узъбековъ изъ тѣхъ, которые Абдуллахомъ плѣнниками уведены были въ Бухару, а теперь прибыли сюда въ

Манкатъ для торговли, не предполагая настоящихъ обстоятельствъ. Всѣхъ человѣкъ сотъ до двухъ набралъ онъ и выступилъ съ ними на помощь Баба-султану. Онъ пошелъ къ Гезараспу берегомъ рѣки. Когда онъ подошелъ къ крѣпости Чилпукъ, неожиданно встрѣтился лицемъ къ лицу съ непріятелемъ. Оба войска стали одно противъ другаго: непріятелей было болѣе тысячи; предводитель ихъ Ходжамъ-кули-калмыкъ сдѣлалъ нападеніе, и со всѣхъ сторонъ окружилъ его; онъ далъ приказъ не давать спастись султану, но схватить его. Битва была продолжительная. У Мохаммедъ-кули-султана осталось немного людей, и онъ сказалъ: „если мы будемъ такъ биться, то изъ насъ никого не останется: пойдемъ, ударимъ дружно одною массою и пробьемся сквозь непріятеля: *робкіе изъ насъ погибнутъ*, храбрые спасутся“. Считая умнымъ такой совѣтъ султана, всѣ они ударили на врага: прорвали полки его и пробились черезъ центръ его. Мохаммедъ-кули-султанъ, ушедъ отъ врага, не пошелъ къ своему отцу, но удалился въ область Манкатъ. У одного изъ главныхъ мирзъ Манкатскихъ, Кюджекъ-мирзы, младшая сестра взята была Хаджи-Мохаммедъ-ханомъ за Мохаммедъ-кули-султана; потому Мохаммедъ-Кули султанъ пришелъ въ домъ своего шурина, Кюджекъ-мирзы. Этотъ схватилъ его и отослалъ къ Русскимъ; Мохаммедъ кули-султанъ прожилъ много лѣтъ въ Руси и тамъ умеръ. Одинъ изъ людей, которые вмѣстѣ съ Мохаммедъ-кули-султаномъ спаслись въ битвѣ съ Ходжамъ-кули, пришелъ въ Ургенджъ къ Хаджій-Мохаммедъ-хану. Тогда Хаджій-Мохаммедъ-ханъ и его сынъ Арабъ-Мохаммедъ-султанъ бѣжали изъ города; они *скитались* два дня, на третью ночь въ одномъ мѣстѣ остановились на ночлегъ. Раздался конскій топотъ; они надѣли оружіе и сѣли на коней; непріятель настигъ ихъ и напалъ на нихъ, захватилъ себѣ половину стана и нукеровъ, и они спаслись отъ него съ немногими людьми. Поутру, около первой четверти дня, непріятель опять догналъ ихъ; они, непрерывно отбиваясь, отступали

и еще потеряли половину бывшихъ при нихъ людей; съ остальными, непрестанно отбиваясь отъ непріятеля, успѣли спастись и уйти въ Астрабадъ. Отселѣ они перешли къ шаху въ Газвинъ.

Абдуллахъ-ханъ, подступивъ къ Гезараспу, послѣ четырехмѣсячной осады взялъ городъ и велѣлъ убить Баба-султана. При Баба-султанѣ было пятнадцать человѣкъ изъ его нукеровъ и три человѣка изъ Ирсарійскихъ Тюркменовъ; прочіе всѣ были Гезараспскіе Сарты. Покоривъ городъ, Абдуллахъ-ханъ возвратился въ Бухару.

Возвращеніе Хаджій-Мохаммедъ-хана и сыновъ его, Арабъ-Мохаммедъ-султана и Сююнучь-Мохаммедъ-султана въ свои владѣнія.

Въ тысяча шестомъ году гиджры (1597—8 Р. Х.), въ концѣ года курицы, умеръ Абдуллахъ-ханъ. Въ началѣ года пса шахъ Аббасъ въ Газвинѣ узналъ о смерти Абдуллахъ-хана. Когда онъ услышалъ это, далъ приказъ войску къ походу, и вступилъ съ нимъ въ Бистамъ. Хаджій-Мохаммедъ ханъ просилъ у шаха Аббаса отпуска себѣ и сказалъ: „Абдуллахъ-ханъ умеръ, и послѣ него Узбеки убьютъ Абдульмуминъ-хана. Намъ въ это время надобно быть близь нашихъ владѣній; многія лица изъ нашего рода, сдѣлавшись казаками, скитаются въ Маверанегрѣ: кого-нибудь изъ нихъ народъ возьметъ и поставитъ себѣ государемъ. Въ такомъ случаѣ государство не достанется намъ“. У Мохаммедъ-Ибрагимъ-султана, сына Хаджій-Мохаммедъ-ханова, былъ сынъ, по имени Бурундукъ, которому было тогда двадцать лѣтъ; его шахъ Аббасъ оставилъ у себя, и отпустилъ Хаджій-Мохаммедъ-хана и его сына Арабъ-Мохаммедъ-султана, съ сыномъ его Эсфендіяръ-султаномъ. Эсфендіяръ-султану было тогда тринадцать лѣтъ. Послѣ отъѣзда ихъ Персидскій шахъ также отпустилъ Нуримъ-хана. Хаджій-Мохаммедъ-ханъ прибылъ въ Астрабадъ; изъ него онъ перешелъ въ горы Кюранъ къ Тюркменскому поколѣнію Теке. Не зная, куда ему идти отселѣ, онъ

въ недоумѣніи оставался въ этомъ мѣстѣ. У обоихъ, и у отца, и у сына, въ это время вся свита состояла только изъ пятнадцати человѣкъ, и хорошихъ и плохихъ. Былаполовина мѣсяца іюля, дни были знойные: въ одинъ такой день, они, по совершеніи утренней молитвы, сидѣли подъ тѣнію горы. На дорогѣ отъ Даруна зачернѣлся вдали видъ двухъ всадниковъ; когда они приближались къ нимъ, узнали, что это были два Наймана изъ нукеровъ Арабъ-Мухаммедъ-султана, ѣздившихъ въ Бухару. Подошедши, они поздоровались съ ханомъ, потомъ, отступивши назадъ, стали предъ нимъ на колѣна и сказали: „Абдуль-муминъ-хана нѣтъ въ живыхъ: Всевышній Господь да продлитъ вашу жизнь!“ Ханъ сказалъ: „разскажи, какъ это было, обстоятельнѣе“. Они отвѣчали: „мы пріѣхали изъ Мерва. Абдуллъ-муминъ-хана, во время его переѣзда, ночью, подъ крѣпостью Заминъ застрѣлили беки, служившіе при отцѣ его; извѣстіе объ этомъ принесъ въ Мервъ человѣкъ Мервскаго правителя, ушедшій оттуда въ ту же ночь. Мы отправились въ путь, предполагая найти васъ въ Иракѣ. Въ Нисаѣ мы узнали, что шахъ Аббасъ вступилъ въ Бистамъ; въ Дарунѣ мы услышали, что вы находитесь у Тюркменовъ, и вотъ мы теперь предъ вашимъ *величествомъ*“. Они тотчасъ отправились въ путь и въ восемь дней пріѣхали въ Ургенджь. Хаджій-Мохаммедъ-ханъ взялъ себѣ Везирь; Арабъ-Мохаммедъ-султанъ взялъ Хиву и Катъ; Гезараспъ отдали Эсфендіяръ-султану. Изъ Узбековъ, которыхъ Абдуллахъ-ханъ увелъ плѣнниками изъ Ургенджа, всѣ пришли сюда, тамъ изъ нихъ не осталось ни одного малолѣтка (углана). Мы выше сказали, что старшій сынъ Хаджій-Мохаммедъ-хана ушелъ въ Румъ. Онъ, когда до него въ Румѣ дошелъ слухъ о смерти Абдуллахъ-хана, перешелъ въ Ширванъ; здѣсь онъ собралъ свѣдѣнія о томъ, что произошло въ его державѣ. Развѣдавъ о всемъ подробно, сѣлъ на корабль и высадился въ Мангышлакѣ, въ началѣ года мыши. Хаджій-Мохаммедъ-ханово возвращеніе

въ свою державу было въ годъ пса, а черезъ два года послѣ того возвратился сюда Сююнучь-Мохаммедъ. Хаджій-Мохаммедъ-ханъ отдалъ ему Ургенджь и Везирь, а самъ перешелъ въ Хиву, и жилъ при второмъ своемъ сынѣ, Арабъ-Мохаммедъ-султанѣ. По прошествіи одного года Сююнучь-Мохаммедъ-султанъ отошелъ къ милосердію Божію. Послѣ него остался сынъ Абдулла; и онъ, по прошествіи года, также ушелъ вслѣдъ за отцемъ своимъ. Хаджій-Мохаммедъ-ханъ отошелъ къ милосердію Божію въ тысяча одиннадцатомъ году гиджры (1602—3 Р. Х.), въ концѣ года барса, на осемьдесятъ третьемъ году своей жизни.

Царствованіе Арабъ-Мохаммедъ-хана.

По смерти Хаджій-Мохаммедъ-хана возведенъ на ханство сынъ его Арабъ-Мохаммедъ-ханъ. Эсфендіяръ-султану, владѣвшему Гезараспомъ, въ прибавку отдалъ онъ область Катъ.

По прошествіи шести мѣсяцевъ послѣ того, какъ Арабъ-Мохаммедъ сдѣлался ханомъ, Русскіе казаки, живущіе въ Кошъ-Яикѣ, въ числѣ тысячи человѣкъ, неожиданно пришли и вступили въ крѣпость Ургенджь: это было въ первые дни мѣсяца іюня. Въ городѣ, кромѣ простого народа, никого не было: ханъ съ своимъ дворомъ и войскомъ былъ на берегу рѣки Аму. Жители Хивы просили хана выступить съ войскомъ на врага: ханъ прибылъ чрезъ семь дней. Между тѣмъ казаки въ Ургенджѣ избили до тысячи жителей; захватили въ плѣнъ тысячу дѣвицъ и юношей; на тысячу телѣгъ уложили лучшее имущество, сожегши бязь, бахту, ковры, одежду, подушки, постели и прочія вещи этого сорта. Покуда они дѣлали это, прошло семь дней; послѣ того они выступили изъ Ургенджа и пошли берегомъ рѣки. Арабъ-Мохаммедъ-ханъ зашелъ впередъ имъ, сдѣлалъ перекопъ и поставилъ цѣпь. Тутъ въ продолженіе двухъ дней происходили битвы: на третій день Русскіе, употребивши все усиліе, прорвали цѣпь и, пробившись, пошли дальше. Такъ какъ они были пѣшіе, то наша конница опередила ихъ на два фарсанга и

опять сдѣлала перекопъ и обвела его цѣпью. Наше войско разсуждало такъ: въ знойное время, въ безводной степи мы можемъ взять Русскихъ въ плѣнъ; но, если они, добравшись до рѣки, въ дебри при ней (лиманѣ), въ короткое время построятъ укрѣпленіе, пошлютъ въ Русь человѣка, и оттуда придутъ къ нимъ на помощь, тогда мы сами будемъ всѣ истреблены въ этомъ мѣстѣ". Потому оно напрягало всѣ свои силы противъ нихъ. У Русскихъ вышла вся вода, которую они взяли съ собою, но продолжали сражаться. Русскіе начали уже пить кровь, но на пятый день у нихъ не стало и этого питья. Узбеки же со всѣхъ сторонъ дѣлали быстрые наѣзды (аттаки) и, убивая по нѣсколько человѣкъ, отступали. Сначала казаки выходили изъ-за телѣгъ своихъ и бились съ нами; но напослѣдокъ они обезсилѣли и не смѣли выходить оттуда. Въ седьмой день наши всѣ дружно напали на нихъ: приближась къ телѣгамъ ихъ, спѣшились, ворвались въ обозъ и ударили въ сабли. Когда брали Русскихъ въ плѣнъ, человѣкъ сто изъ нихъ убѣжали: они ушли на берегъ рѣки..., ниже крѣпости Тюкъ. Тамъ они построили деревянное укрѣпленіе, ловили рыбу и ею кормились. Арабъ-Мохаммедъ-ханъ отправился туда, осадилъ укрѣпленіе ихъ и въ пятнадцатый день взялъ его.

Первое вторженіе Калмыковъ.

Чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того пришли въ нашу страну Калмыки, числомъ до тысячи человѣкъ. Прежде сего, съ той поры, какъ Узьбеки сдѣлались мусульманами, сюда не приходилъ ни одинъ Калмыкъ. Прошедши между озеромъ Ходжа-кюлемъ и горою Шейхъ-Джалилемъ, они напали на жителей по обѣимъ сторонамъ *рѣки Кызыла* до крѣпости Тюкъ. Изъ *Абурульчія* они пошли назадъ. Арабъ-Мохаммедъ-ханъ погнался за ними и отнялъ у нихъ плѣнныхъ и скотъ; но изъ Калмыковъ не успѣлъ захватить ни одного человѣка.

Участь перваго казака.

Затѣмъ слѣдовало такое произшествіе: изъ потомковъ Ильбарсъ-хановыхъ, жившихъ въ Мавераннегрѣ, былъ нѣкто по имени Хосревъ-султанъ. Найманы взяли его и въ одну ночь привели въ Хиву. Они умышляли убить Арабъ-Мохаммедъ-хана и поставить Хосревъ-султана государемъ. Въ числѣ заговорщиковъ были два человѣка, одинъ Киргизъ, Бекъ-Баглы-багадуръ, другой-Уйшунъ-Баклы-мирза; оба эти человѣка явились къ хану и открыли ему заговоръ. Ханъ велѣлъ схватить Хосревъ-султана и убить. Главою заговорщиковъ былъ Найманъ Суфи-мирза: ханъ велѣлъ убить и его; но другихъ товарищей его не тронули. Такъ тѣми двумя человѣками оказана была преданность нашей власти и готовность оберегать ее.

Участь втораго казака.

По прошествіи двухъ лѣтъ послѣ этого событія, двадцать человѣкъ изъ Уйгуровъ, подъ распоряженіемъ старѣйшины (аксакала) Сашъ-Мирзы, пошли изъ Ургенджа въ Самаркандъ и оттуда перевели съ собою къ Узьбекамъ, живущимъ въ Ургенджѣ и за рѣкою Аму, одного изъ потомковъ Хасянъ-кули-хана, Салихъ-султана, чтобы его возвести на ханство. Арабъ-Мохаммедъ-ханъ, узнавъ это, выступилъ противъ него изъ Хивы. Народъ приставалъ къ сторонѣ хана и не шелъ на сторону Казака. Около сотъ двухъ изъ черноолюдиновъ перешли къ нему, но и они всѣ оставили его и разбѣжались. Салихъ-султана схватили, представили къ хану и, по его велѣнію, умертвили. А изъ тѣхъ двадцати Уйгуровъ ханъ не велѣлъ ни одного предавать смерти. Онъ говорилъ: „никогда не буду жестокъ къ моимъ подданнымъ, мнѣ преданнымъ; кто умышляетъ зло противъ меня, того отдаю на судъ Божій. И прежде сего не я велѣлъ убить Суфія-

мирзу, который приводилъ сюда Хорсевъ-султана. Его смерти хотѣлъ младшій родной его братъ, Баба-мирза. Онъ говорилъ мнѣ: „государь, твой врагъ не долженъ оставаться на лицѣ земли!“ Такъ и при настоящемъ случаѣ, если Уйгуры хотятъ мстить, то они будутъ дѣйствовать сами отъ себя: а моя рука не прострется на убійство“. Уйгуры также не хотѣли смерти заговорщиковъ. При этомъ я, Абульгази-ханъ, выскажу свое мнѣніе: въ старину люди были лучше людей нынѣшняго времени. Когда весь народъ собирался и хотѣлъ или приговорить кого къ смерти, или разыскать преступника, или найти способы къ довершенію какого дѣла, то какъ это дѣлалось? Того, кого они нарекли своимъ государемъ, садили на первомъ мѣстѣ въ домѣ, и въ его волю передавали всѣ свои желанія. Отецъ мой ханъ изъявлялъ съ своей стороны снисхожденіе, народъ съ своей стороны высказывалъ покорность: потому доброта хана прощала чрезвычайныя преступленія.

Второе вторженіе Калмыковъ.

Чрезъ десять лѣтъ послѣ сего, еще тысяча Калмыковъ вторгнулась въ область Бакырганскую, ограбила жителей, ушла съ плѣнниками и скотомъ. Ихъ преслѣдовали, но не могли догнать.

У Арабъ-Мохаммедъ-хана было семь сыновъ: первый Эсфендіяръ-ханъ, второй Хебешъ-султанъ, третій Ильбарсъ-султанъ, четвертый Абульгази-ханъ, пятый Шерифъ-Мухаммедъ-султанъ, шестой Харезмъ-шахъ-султанъ, седьмой Авганъ-султанъ. Мать Эсфендіяръ-хана была изъ нашего рода; мать Хебешъ-султана и Ильбарсъ-султана была дочь Наймана: оба они были отъ одной матери. Выше я убогій говорилъ о родѣ моей матери, но скажу еще и здѣсь: моя мать Мигюрбани-ханымъ, была дочь Джанъ-гази-султана, у котораго отецъ былъ Ширъ-гази-султанъ; у этого отецъ султанъ-гази-султанъ, у него отецъ былъ Ильбарсъ-ханъ, его

отецъ Бюрке-султанъ, его отецъ Ядигеръ-ханъ. Мои отецъ и мать, оба были потомки Ядигеръ-хана. Мать Шерифъ-Мохаммедъ-султана и Харезмъ-шахъ-султана была изъ рода одного ходжи, Мавдчуда Чуштійца; Чуштъ есть одинъ изъ городовъ въ области Гератъ. Мать Авганъ-султана была изъ потомства Абуль-хаиръ-хапова.

Возмущеніе Хебеша и Ильбарса.

Въ четырнадцатый годъ послѣ возшествія отца моего Арабъ-Мохаммедъ-хана на престолъ, Хебешъ-султану исполнилось шестнадцать лѣтъ, а Ильбарсъ-султану четырнадцать лѣтъ: они оба выросли въ Хивѣ. Когда Арабъ-Мохаммедъ-ханъ выѣхалъ въ Ургенджъ, въ Хивѣ нѣкоторые молодые люди изъ Узьбековъ, упоенные виномъ властолюбія, возбудили Хебешъ-султана и Ильбарсъ-султана вооружиться, и ѣхать въ Ургенджъ и Везирь (чтобы тамъ объявить себя ханами). Разослали людей съ поколѣніемъ ополчаться за нихъ, а сами, выступивши изъ Хивы, остановились при колодезѣ Пешкагѣ, дожидаясь войскъ изъ Хивы, ими оставленной, и Ургенджа, куда они шли. Разстояніе Пешкага отъ Ургенджа составляетъ однодневный путь всаднику на проворной лошади. Тамъ они простояли десять дней. Арабъ-Мохаммедъ-ханъ отправилъ къ нимъ человѣка сказать, чтобы они къ нему явились, и что онъ имъ отдастъ городъ Везирь. Они отправили назадъ присланнаго съ отвѣтомъ: „мы боимся явиться къ отцу нашему; когда при насъ будетъ войско, мы придемъ къ нему“. Со всѣхъ сторонъ толпами уходили къ нимъ предпріимчивые джигиты; къ нимъ перешли всѣ сыновья аталыка и сыновья векиля Арабъ-Мохаммедъ-хановыхъ. Въ то время народъ такъ боялся хана, что, если бы онъ всѣмъ Узбекамъ не велѣлъ годъ входить въ домы и спать съ женами, то ни одинъ человѣкъ не ослушался бы, никто ни одного шага не ступилъ бы къ своему дому. Если бы ханъ, вышедъ изъ сво-

ихъ палатъ, сказалъ своему народу, чтобы онъ не позволялъ своимъ сыновьямъ уходить къ Хебешу, и что тотъ, кто пуститъ ихъ къ нему, не ждалъ бы себѣ добра отъ хана; если бы велѣлъ всѣмъ эти слова пересказать другъ другу, и свою волю объявилъ бы чрезъ посланнаго своего въ городахъ и на рынкахъ; то ни одинъ человѣкъ не ослушался бы, никто не вышелъ бы вонъ изъ своего дома. А какъ ханъ, не одобряя ухода народа, не давалъ ему никакого приказа, то народъ свой переходъ къ сыновьямъ хана считалъ добрымъ дѣломъ: „если бы ханъ не хотѣлъ, то запретилъ бы“, говорили люди и приставали къ перебѣжчикамъ. Отпустивъ отъ себя посла, Хебешъ и Ильбарсъ сдѣлали набѣгъ на Хорасанъ; возвратившись оттуда, они послали отцу сайгитъ, каждый по одному плѣннику. Сами султаны остановились недалеко отъ Ургенджа, въ разстояніи на однодневный путь; люди же, составлявшіе войско ихъ, разошлись по своимъ домамъ, — *у кого былъ домъ*; при султанахъ осталось около осьмидесяти молодыхъ людей, и *замѣчательныхъ* и *ничтожныхъ*. При ханѣ въ то время былъ Уйгуръ, Курбанъ-хаджи; выше его не было другаго бека. Ханъ послалъ его къ сыновьямъ своимъ и велѣлъ сказать, чтобы они пришли и увидѣлись съ нимъ. Хаджи на слѣдующее утро былъ у нихъ и по полудни возвратился оттуда. Въ это время я приходилъ къ двери хана [1]) для свиданія съ моимъ отцемъ, въ то же время и хаджи шелъ къ двери его, потому мы вмѣстѣ вошли къ хану. Ханъ спросилъ его: „разскажи, что ты слышалъ и видѣлъ?“ хаджи отвѣчалъ: „что я скажу тебѣ, ханъ? моя поѣздка не радостна. Узбеки, живущіе на пространствѣ отъ Даруганъ-аты до Бакырганъ-аты собрались къ твоимъ сыновьямъ. Тамъ всѣ, кромѣ такихъ, у которыхъ собачья голова и коровьи ноги. Когда я сказалъ имъ: вашъ отецъ прислалъ

[1]) т. е. во дворецъ хана.

меня звать васъ къ нему, тогда со всѣхъ сторонъ раздались тысячи голосовъ; каждый въ отвѣтъ отвѣчалъ, что хотѣлъ. Ханъ! ты самъ видишь, что дѣло идетъ худо: тогда какъ у меня горитъ душа за тебя, у нихъ не загорится и пола одежды, такъ лучше уѣзжай въ Хиву. Слова этихъ своевольниковъ злобны, держите себя дальше отъ нихъ; а мы, твои подданные, позаботимся о средствахъ возстановить миръ". Когда ханъ услышалъ такія слова, у него задрожали руки и ноги, языкъ не могъ выговорить слова. Онъ велѣлъ сѣдлать коней, вьючить верблюдовъ, и, какъ скоро закатилось солнце, выѣхалъ въ Хиву. Кромѣ одного хана всѣ мы знали, что съ Хебешемъ и Ильбарсомъ болѣе семидесяти человѣкъ не было; но противъ воли Божіей ничего не сдѣлаешь. Ханъ ни у кого не спросилъ, справедливо ли, или ложно было то извѣстіе. Хебешъ былъ на такомъ разстояніи отъ насъ, отъ хана, что человѣкъ, отправившійся къ нему утромъ, возвратился бы оттуда прежде полудня; но ханъ никого не послалъ, никому не сказалъ: „поди, узнай, сколько тамъ людей". Войско, при немъ бывшее, распущено по домамъ, и жившему въ домахъ не было приказа собраться. Два дни прошло со времени прихода Хебеша къ Ургенджу, а ему на мысль не приходило: откуда у него взялось многочисленное войско, съ неба ли упало, или изъ земли вышло?

По уходѣ хана, Хебешъ и Ильбарсъ остановились въ *селеніи Киранъ*. Въ то время пространство отъ крѣпости Миръ-Дигкана до мѣста Куйгунъ, которое по сю сторону Бакыргана, засѣвалось пшеницею. Ханъ, о которомъ теперь говоримъ, велѣлъ прорыть каналъ, начинавшійся выше крѣпости Тюкъ. Это было за годъ до того, какъ родился я убогій. Когда наступала осень, резервуаръ канала закрывали плотиною, а послѣ сжатія пшеницы его открывали. Чрезъ нѣсколько лѣтъ широта канала увеличилась столько, что черезъ него не перелетала пущенная изъ лука стрѣла; водопроводъ шелъ къ Куйгуну, а оттуда его воды вливались въ

море. Сѣяли одну только пшеницу. Всадникъ въ десять дней не могъ объѣхать полей, засѣянныхъ пшеницей. Въ то время верблюжій вьюкъ пшеницы продавали по полутора тенке; ослій вьюкъ (харваръ) пшеницы стоилъ одинъ серебряный мискаль. Пулъ ходилъ въ цѣнѣ пучека, серебряный мискаль равнялся цѣнностью одному тенке. Но обратимся къ нашему разсказу. Ханъ по всей области построилъ анбары и въ нихъ складывалъ хлѣбъ. Хебешъ и Ильбарсъ захватили хлѣбъ богатыхъ нукеровъ, подвластныхъ отцу, и раздавали его своимъ нукерамъ. Услышавши это, вся чернь шла къ нимъ для полученія хлѣба; переходили къ нему также и нѣкоторые хорошіе люди. Такъ нѣкоторые беки, дѣйствуя съ ними за одно, взяли отъ хана городъ Везирь съ принадлежащими къ нему Тюркменами и отдали его Хебешу и Ильбарсу. Потомъ султаны съ четырьмя тысячами человѣкъ пріѣзжали въ Хиву видѣться съ отцемъ своимъ и оттуда возвратились въ Везирь.

Пять лѣтъ Хебешъ и Ильбарсъ держали себя къ отцу въ сыновнихъ отношеніяхъ. Въ шестой годъ Ильбарсъ-султанъ, сказавъ, что хочетъ сдѣлать наѣздъ на Эсюрдъ, поѣхалъ къ Хивѣ; но не являлся къ отцу своему, а пошелъ къ колодезю Сагча, назначивъ его сборнымъ мѣстомъ для войска. Въ это время ханъ выѣхалъ изъ Хивы и отправился въ Ургенджь. Ильбарсъ-султана извѣстили объ этомъ люди, которымъ онъ поручилъ слѣдить за ханомъ; получивъ извѣстіе, онъ взялъ свое войско и вошелъ въ Хиву. Ханъ тогда былъ въ Ришъ-Табанъ-Атѣ; съ нимъ тогда было, кажется, человѣкъ тридцать, могшихъ сражаться съ врагомъ. На утренней зарѣ является изъ Хивы человѣкъ и извѣщаетъ, что Ильбарсъ-султанъ вступилъ въ этотъ городъ. Хану бывшіе при немъ чиновники говорили: надобно выступить къ Хивѣ; когда онъ узнаетъ, что вы при воротахъ города, не осмѣлится противоборствовать вамъ, выйдетъ изъ города и уйдетъ. Ханъ поспѣшилъ выступить и на дорогѣ къ Хивѣ остановился въ селеніи Хастаганъ. Ильбарсъ-султанъ, услы-

шавъ, что ханъ пришелъ въ Хастаганъ, послалъ туда пятьсотъ человѣкъ съ приказомъ схватить отца и привести къ нему. Ханъ заперся въ предмѣстіи; но люди Ильбарсъ-султана, спѣшась, съ четырехъ сторонъ начали осаду. Это было при закатѣ солнца: когда сдѣлалось темно, они пробили въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣну и вошли въ укрѣпленіе. Взяли хана, посадили его на коня, котораго повели на поводѣ; въ полночь представили хана въ Хивѣ къ Ильбарсъ-султану. Онъ заключилъ своего отца въ одномъ домѣ и къ дверямъ его приставилъ стражу. Овладѣлъ казною, которую ханъ собралъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, и отдалъ ее собакамъ и птицамъ, велѣлъ схватить всѣхъ бековъ, служившихъ при отцѣ; самихъ оставилъ въ живыхъ, но отнялъ у нихъ все имущество. Оставилъ жизнь также и отцу, вышелъ изъ Хивы и отправился въ свой домъ.

Въ то время, какъ Ильбарсъ-султанъ захватилъ отца и забиралъ его имѣніе, Эсфендіяръ-султанъ былъ въ Гезараспѣ. Хебешъ-султанъ, я убогій и Шерифъ-Мохаммедъ-султанъ, въ Ургенджѣ, собрали народъ, чтобы идти на Ильбарсъ-султана; но бѣлобородые старики не одобрили того. „Въ этомъ случаѣ, говорили они, онъ, чтобы нанести ударъ намъ, можетъ рѣшиться убить хана; если же мы не пойдемъ на него, то онъ захватитъ только имущество, а хана оставитъ и уйдетъ“ [1]). Мѣсто, въ которомъ жилъ Ильбарсъ-султанъ, было близко къ нашему жилищу. Эсфендіяръ-султанъ и вмѣстѣ съ нимъ Арабъ-Мохаммедъ-ханъ пришли въ то мѣсто, гдѣ жили [2]) мы и къ намъ собравшіеся люди. Мы выступили противъ Иль-

---

[1]) Въ печати. здѣсь пропускъ. Въ Родос. Н. о Т. т. II стр. 124, ходъ событій переданъ связнѣе: осво божденіе хана, уходъ Хебеша въ Везирь.

[2]) Ближе къ подлиннику: «гдѣ залегли мы».. Здѣсь описывается, кажется, военный станъ, по выступленіи ихъ противъ Ильбарса; но предшествующій опускъ въ текстѣ затемняетъ этотъ разсказъ.

барсъ-султана; но онъ не осмѣлился вступить въ битву, бѣжалъ и съ человѣками шестью скрылся въ степи. Мы опустошили его домъ и его подручниковъ. Мы, всѣ султаны, собрались къ хану: я, желая повидѣться съ отцемъ моимъ, пришелъ къ нему во дворецъ (орду) одинъ: онъ совершалъ тогда вечернее молитвословіе. Когда онъ окончилъ молитву, я подошелъ къ нему, сѣлъ и сказалъ: „Ильбарсъ-султанъ съ пятью, съ шестью человѣками ушелъ въ степь: что вы думаете теперь дѣлать?“ Онъ спросилъ меня: „а тебѣ что пришло на умъ?“ —Я отвѣчалъ: „задуманное мною дѣло есть ѣздъ большой колесницы, какъ говорится; безъ воли отца его не сдѣлать?„— „Говори, что это?“ сказалъ ханъ. „Прикажите Эсфендіяру и мнѣ убогому убить Хебешъ-султана, а потомъ убьемъ и Ильбарсъ-султана. Изъ пяти оставшихся вашихъ сыновъ ни одинъ не поступитъ вопреки вашимъ велѣніямъ“.—„Хорошъ твой совѣтъ—отвѣчалъ ханъ,—но я объ этомъ поговорю съ Чинъ-хаджіемъ“. Чинъ-хаджій былъ атабекъ его; ханъ помнилъ его имя; „ты также поди и посовѣтуйся объ этомъ съ тѣмъ-то и съ тѣмъ-то“. Онъ назвалъ мнѣ человѣкъ пять: „а послѣ посовѣтуйся съ Эсфендіяромъ и въ нынѣшнюю же ночь дай мнѣ отвѣтъ“.—Я пошелъ и переговорилъ съ ними и, явясь къ отцу, сказалъ: всѣ, начиная съ Эсфендіяръ-султана, говорили: до настоящаго времени мы не знали какъ поступить съ ними; это еще прежде надобно было бы сдѣлать, и если дѣлу и теперь пора, то не надобно откладывать его до вечера. Они готовы содѣйствовать въ этомъ“. Ханъ сказалъ: „я совѣтовался съ Чинъ-хаджіемъ, и онъ мнѣ сказалъ: если вы предадите смерти хотя одного изъ вашихъ сыновей, то послѣ того ни одинъ изъ оставшихся сыновъ не будетъ имѣть довѣрія къ вамъ; потому, Абульгази, я не рѣшаюсь на это дѣло“.—За пять лѣтъ прежде сего—отвѣчалъ я ему—когда Хебешъ-султанъ и Ильбарсъ-султанъ возвратились изъ Хорасана, вы посылали старшаго брата Чинъ-хаджіева, Курбанъ-хаджія, звать ихъ къ вамъ; при обоихъ султанахъ

было тогда не болѣе семидесяти человѣкъ, а онъ, возвратившись оттуда, ложно вамъ доносилъ, что съ ними всѣ, кромѣ тѣхъ, у кого собачья голова и коровьи ноги. Онъ заставилъ васъ бѣжать въ Хиву; онъ также настаивалъ на томъ, что Уйгуры и Найманы должны принадлежать Хебешъ-султану и Ильбарсъ-султану, какъ близкимъ къ нимъ по рожденію. Къ этому надобно прибавить и то, что Достумъ и Ишимъ, сильные при дворѣ Ильбарсъ-султана, младшіе братья Чинъ-хаджію: они оба должны погибнуть, если не будетъ въ живыхъ Ильбарсъ-султана. Если этотъ сынъ вашъ держалъ васъ подъ стражей, отнялъ у васъ все имѣніе; то чего остается ждать? завтра онъ поступитъ еще хуже этого; будете раскаяваться, но это не принесетъ вамъ никакой пользы".—Выслушавъ мои слова, онъ около часа оставался въ раздумьѣ. „Нѣтъ, не могу этого сдѣлать!" сказалъ онъ,—„оставь это, Абульгази!" Потерявъ надежду преклонить хана, я въ полночь отправился къ Эсфендіяръ-султану; явясь къ нему, пересказалъ ему, что было, и говорилъ:—пусть ханъ этого не хочетъ, но если вы одни дадите согласіе, то я, убогій, готовъ привести въ исполненіе.—Онъ отвѣчалъ: не говори этого, Абульгази, никогда не сдѣлаю я того, чего не одобряетъ отецъ мой; больше не говори мнѣ объ этомъ". Отъ него я воротился домой. Одинъ изъ нукеровъ Эсфендіяръ-султана, молодой Найманъ, узналъ о моемъ ночномъ пріѣздѣ, о томъ, что было говорено, и, когда я отправился назадъ, передалъ то Хебешъ-султану. Съ этого времени Хебешъ сдѣлался врагомъ мнѣ.

Отецъ мой возвратился въ Хиву; Эсфендіяръ-султанъ отправился въ Гезараспъ: Хебешъ-султанъ велѣлъ человѣку скакать къ Ильбарсъ-султану и сказать, чтобъ онъ скорѣе возвратился и что отецъ отъ него отправился назадъ. Такъ какъ моя тайна открылась и мнѣ нельзя было оставаться посреди двухъ враговъ, то я переѣхалъ къ отцу моему. Онъ тогда пожаловалъ мнѣ область Катъ. Послѣ этого прошло

только пять мѣсяцевъ и Арабъ-Мохаммедъ-ханъ раскаялся, что не поступилъ по совѣту сыновъ своихъ. Чрезъ посла онъ велѣлъ Эсфендіяръ-султану и мнѣ убогому явиться къ нему съ войскомъ. Шерифъ-Мохаммедъ-султанъ, который съ матерью жилъ въ Ургенджѣ, предъ этимъ временемъ пріѣхалъ въ Хиву для свиданія съ своимъ отцемъ; и его онъ остановилъ при себѣ. Собравъ войско, онъ сказалъ: „при двухъ сыновьяхъ моихъ есть десять человѣкъ, которые возбудили и поддерживаютъ между нами эти тяжелыя смуты: если ихъ они мнѣ выдадутъ, то тѣмъ докажутъ, что они мнѣ дѣти, что они любятъ отца. Тогда я поцѣлую ихъ въ уста и отъ нихъ уйду домой назадъ. Но, если они не отступятся отъ этихъ злодѣевъ, то и я не признаю ихъ за сыновъ моихъ. Что Богъ сдѣлаетъ, то пусть и будетъ". Сказавъ это, онъ выступилъ въ походъ, а къ сыновьямъ отправилъ посла съ тѣми словами. Чрезъ часъ послѣ отправленія его, онъ назначилъ военачальника и велѣлъ ему вести войско. Я, поручивъ свой отрядъ чиновнику, велѣлъ ему переправляться на другую сторону рѣки и тамъ стоять, а самъ поѣхалъ къ отцу. Онъ, по выходѣ изъ Хивы, остановился, говорили, въ укрѣпленіи Гюндумъ-канѣ. Въ городѣ жители еще не ложились спать, когда я пришелъ къ хану. „Откуда ты?" онъ спросилъ меня.—Изъ Ката!—отвѣчалъ я. „Когда отправился ты оттуда?—Сегодня около полудня.—Зачѣмъ ты бросилъ свой отрядъ и поспѣшилъ сюда?—Я отвѣчалъ: мнѣ пришла мысль, и я пришелъ открыть ее.—Говори! сказалъ ханъ.—Тѣ двое, сказалъ я, сегодня или завтра узнаютъ, что вы здѣсь въ походѣ противъ нихъ, и возмутятъ народъ. Вы съ Эсфендіяръ-султаномъ пошли бы по этому берегу рѣки, а мнѣ приказали бы итти въ Катъ (если мнѣ отправиться теперь въ путь, то къ намазу я пріѣду туда). Изъ Ката я пошелъ бы къ живущимъ въ сосѣдствѣ съ симъ городомъ. При мнѣ восемьсотъ нукеровъ; болѣе половины Узбековъ, живущихъ въ степи, ваши и мои подданные: они безъ принужде-

нія соединятся со мною. Зависящіе отъ Хебеша и Ильбарса по страху пристанутъ ко мнѣ: если одинъ, двое изъ нихъ перейдутъ къ Хебешу, не оставлю и котла въ ихъ домѣ. Если степные Узбеки не съ нимъ, то при нихъ не болѣе двухъ, трехъ сотъ человѣкъ. Когда я туда отправлюсь, тогда вы, не дѣлая сношеній съ ними, скорѣе идите противъ нихъ: они убѣгутъ, не пустивши ни одной стрѣлы. Но, если не сдѣлаете такъ, они до вашего прихода соберутъ войско, придутъ и будутъ биться съ вами. Неизвѣстно, кому Богъ дастъ побѣду.—„Кто тебѣ внушилъ это?“ спросилъ меня ханъ.—Я отъ себя говорю; мнѣ этого никто не внушалъ.—Ханъ сказалъ: „не разсудителенъ тотъ, кто внушилъ тебѣ такое дѣло. Иди и приходи ко мнѣ съ своимъ отрядомъ“. Я воротился, и перевелъ свой отрядъ войска и въ Хастъ-менарѣ вступилъ подъ распоряженіе хана. Оттуда мы перешли въ Икинчи-кой. Въ этотъ день я еще предложилъ хану: „пошлите меня къ Узбекамъ; если не хотите отправить меня, то пошлите Шерифъ-Мохаммедъ-султана. Какой вредъ, когда кто захватываетъ своего врага безъ опустошеній, безъ битвъ? Иначе начнутся битвы и взаимныя опустошенія. Если сдѣлаете такъ, Хебешъ и Ильбарсъ убѣгутъ, не бросивши и одной стрѣлы. Въ противномъ случаѣ дѣло будетъ худо“. Ханъ не согласился на мои слова. Я говорилъ это также бекамъ хана, но и они не сочли моихъ словъ благоразумными. Такъ мы видѣли и знали бѣду, и спѣшили ей навстрѣчу. Переходя далѣе, мы пришли къ водоему Ташлы-ярмышу, ископанному Али-султаномъ. Сторожевой отрядъ нашъ отступилъ къ намъ; потомъ вдали зачернѣлся непріятель, и мы шли на него; подошли главныя силы враговъ и начали битву. Мы были разбиты. Арабъ-Мохаммедъ-хана взяли въ плѣнъ и привели къ Хебешъ-султану: онъ тотъ же часъ велѣлъ выколоть у отца глаза, отдалъ его подъ присмотръ человѣка и отправилъ въ въ Хиву, въ его орду. Самъ Хебешъ, преслѣдуя Эсфендіяръ-султана, пошелъ къ Гезараспу. Я ушелъ въ Катъ, а изъ не

го удалился въ Бухару. Эсфендіяръ-султанъ, Шерифъ-Мохаммедъ-султанъ и Харезмъ-шахъ-султанъ заперлись въ Гезараспской крѣпости. Хебешъ-султанъ сорокъ дней держалъ ихъ въ осадѣ, потомъ послалъ къ нимъ переговорщика и помирился съ ними. Эсфендіяръ-султанъ отправился, какъ говорилъ, на поклоненіе въ Мекку; Шерифъ-Мохаммедъ-султану отдали Катъ; Харезмъ-шахъ-султанъ, которому тогда было двѣнадцать лѣтъ, и Авганъ-султанъ-десяти лѣтъ, оставались въ Хивѣ, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ. Шерифъ-Мохаммедъ-султанъ прожилъ въ Катѣ четыре мѣсяца, бѣжалъ оттуда и пришелъ ко мнѣ убогому въ Бухару. Эсфендіяръ-султанъ перешелъ въ Персію къ шаху Аббасу. Хебешъ-султанъ ослѣпилъ своего отца въ тысяча тридцатомъ году гиджры (1621—2 Р. Х.), въ годъ курицы. Хебешъ-султанъ жилъ въ Ургенджѣ и Везирѣ; Ильбарсъ-султанъ въ Хивѣ и Гезараспѣ. Арабъ-Момаммедъ-ханъ съ тремя своими женами и съ двумя младшими сыновьями былъ посаженъ въ крѣпости Кумъ.

Убіеніе Арабъ-Мохаммедъ-хана и ханствованіе Эсфендіяра.

По прошествіи одного года, Ильбарсъ-султанъ, не давъ знать своему брату Хебешъ-султану, перевелъ отца и двухъ младшихъ своихъ братьевъ въ Хиву. Два сына Эсфендіяръ-султана, старшій трехъ лѣтъ, младшій полутора года, были въ Хивѣ при Ильбарсъ-султанѣ. Младшаго своего брата, Авганъ-султана отослалъ къ Хебешъ-султану съ тѣмъ, чтобы онъ, старшій братъ его, велѣлъ умертвить его; а самъ велѣлъ убить своего отца, своего брата Харезмъ-шаха и двухъ сыновъ Эсфендіяръ-султановыхъ. Хебешъ-султанъ, признавая своего малолѣтняго брата Авгана невиннымъ, не предалъ его смерти, а отослалъ къ Русскому царю. Авганъ-султанъ прожилъ у Русскихъ тридцать лѣтъ и тамъ отошелъ къ милосердію Бо-

жію; послѣ него не осталось дѣтей [1]). . . . . .

. . . . . .

. . Шахъ Аббасъ Мази сказалъ Эсфендіяръ-султану: „отправься на границу Хорасана и употреби средства къ возвращенію себѣ своей державы". Эсфендіяръ-султанъ, отпущенный имъ съ тремя стами человѣкъ, пришелъ въ Дарунъ; оттуда отправился въ горы Абуль хант: здѣсь присоединились къ нему семьдесятъ человѣкъ изъ поколѣній Теке и Сарыкъ и десять человѣкъ изъ Ямутовъ. Съ ними и съ тремя стами своихъ нукеровъ онъ пошелъ на Хебеша. Въ это время Хебешъ-султанъ жилъ на южной сторонѣ рѣки Аму, насупротивъ крѣпости Тюкъ. Въ полночь Эсфендіяръ напалъ на домъ Хебешъ-султана; но его тогда не было дома: онъ гостилъ въ домѣ одного изъ своихъ нукеровъ. Услышавъ звуки военныхъ трубъ, онъ сѣлъ на коня и, спасаясь бѣгствомъ, уѣхалъ къ своему брату Ильбарсъ-султану. Оба они, Ильбарсъ и Хебешъ, пошли противъ Эсфендіяра. Всѣ нукеры, остававшіеся въ Ургенджѣ по смерти Арабъ-Мохаммедъ-хана, мои нукеры, оставшіеся по уходѣ моемъ въ Бухару и нукеры, оставшіеся послѣ Шерифъ-Мохаммедъ-султана, собрались при двери Эсфендіяръ-султана. Въ Бакырганской суфической общинѣ былъ человѣкъ, потомокъ Сеида-Аты, по имени Назаръ-ходжа; дочь его была въ замужествѣ за Ильбарсъ-султаномъ. Ходжа, пристрастный къ благамъ этого обманчиваго міра, обладалъ нѣкоторыми качествами смѣлаго полководца. Онъ, съ отрядомъ войска выступивъ изъ Бакыргана, послалъ человѣка къ Ильбарсъ-султану, сказывая: я убогій иду въ службу къ тебѣ; но не прежде двухъ дней явлюсь къ тебѣ, потому что пойду собрать войско изъ нѣкоторыхъ ближнихъ жительствъ. Выступивъ съ пятьюдесятью человѣками, онъ на дорогѣ набиралъ рать въ областяхъ, державшихъ сторону Хебешъ-султана и Иль-

[1]) Въ печат. текстѣ пропускъ: см. Р. И. о. Т. т. II, стр. 389.

барсъ-султана, не касаясь владѣній, чуждавшихся ихъ партіи. Въ эти дни дѣла Эсфендіяръ-султана шли успѣшно, потому что весь народъ приставалъ къ его сторонѣ; цѣлыми толпами шли къ нему, прося Бога избавить ихъ отъ злодѣевъ, не пощадившихъ отца своего. Назаръ-ходжа, взявъ съ собой ста четыре человѣка, сталъ у рѣки Аму на большой дорогѣ, по которой шли къ Эсфендіяръ-султану готовые помогать ему, и, перекопавъ дорогу рвомъ, останавливалъ тутъ и пѣшихъ и конныхъ, шедшихъ на помощь къ Эсфендіяру; принуждалъ однихъ словами, другихъ силою присоединяться къ его отряду, онъ говорилъ: „Господь да избавитъ насъ отъ бѣды! Если Эсфендіяръ-султанъ завладѣетъ державою, то сыновей вашихъ велитъ избить, а женскій полъ отдастъ Абульханскимъ и Манкышлакскимъ Тюркменамъ: они увлекутъ ихъ въ неволю. Если мои слова лживы, да поразитъ меня слово Божіе!“ Говоря такъ каждому, онъ клялся кораномъ. Такимъ образомъ онъ собиралъ вокругъ себя всѣхъ, которые шли къ Эсфендіяръ-султану; напугалъ ихъ клятвенными увѣреніями, что всѣ малолѣтнія дѣти ихъ отданы будутъ въ рабство Тюркменамъ. *У черни что особеннаго, отличающаго ее отъ лошадей, отъ овецъ?* Кто изъ нея не повѣритъ какому-нибудь бѣлобородому сеиду, когда онъ каждодневно по сту разъ клясться будетъ кораномъ и увѣрять, что заботится о немъ? Когда Хебешъ-султанъ ушелъ къ Ильбарсу, тогда всѣ лучшіе его нукеры отстали отъ него и приняли сторону Эсфендіяръ-султана и говорили: „мы твои!“ Но, когда услышали о приближеніи Назаръ-ходжи, всѣ перебѣжали къ нему. Эсфендіяръ-султанъ вышелъ противъ нихъ, вступилъ въ битву съ ними, но былъ разбитъ и ушелъ въ Манкышлакъ. За нимъ ушли туда многіе изъ народа. Такъ онъ собралъ себѣ три тысячи человѣкъ изъ Тюркменовъ и, возвратившись оттуда, пришелъ къ Ургенджу. Лучшіе изъ Узбековъ, недовольные Хебешемъ и Ильбарсомъ, перешли къ

нему. Эсфендіяръ, защитивъ свой станъ валомъ, въ продолженіе двадцати двухъ дней сражался съ братьями. Въ двадцать третій день онъ разбилъ ихъ. Ильбарсъ султанъ былъ схваченъ и преданъ смерти. Хебешъ-султанъ ушелъ къ Каракалпакамъ, живущимъ на берегахъ рѣки Сыръ. Но и здѣсь онъ не считалъ себя безопаснымъ. На берегу рѣки Емь жилъ одинъ изъ Манкатскихъ мурзъ, по имени Шаингъ-мирза. Хебешъ-султанъ, когда еще владѣлъ Ургенджемъ, возвращалъ къ Шаингу Манкытовъ, которые попадались въ плѣнъ, съ словами: поди, живи на своей родинѣ. Онъ это дѣлалъ съ тѣмъ предположеніемъ, что Шаингъ-мирза за возвращеніе плѣнныхъ будетъ къ нему признателенъ, и многолюдство своего народа припишетъ добротѣ Хебешъ-султана. Онъ посылалъ къ нему также богатые подарки, надѣясь, что хорошій его конь будетъ послѣ моимъ. Въ настоящемъ случаѣ Хебешъ-султанъ отправился къ Шаингъ-мирзѣ, жившему тогда на рѣкѣ Емь, разсчитывая на его признательность къ добротѣ и обязательности султана въ прежнее время. Но Шаингъ, овладѣвъ Хебешъ-султаномъ и его нукерами, Хебеша отослалъ къ Эсфендіяръ-хану, а у нукеровъ его отнялъ коней и одежду и прогналъ ихъ отъ себя. Когда Хебешъ-султанъ приведенъ былъ къ Эсфендіяру, онъ велѣлъ убить его. Послѣ Хебеша и Ильбарса не осталось дѣтей.

Спустя два мѣсяца послѣ убіенія Хебешъ-султана, Эсфендіяръ-султанъ нанесъ пораженіе Уйгурамъ и Найманамъ. Потомъ онъ открылъ войну со всѣми Узбеками. Они раздѣлились на три части, и ушли—одни къ Манкытамъ, другіе къ Казакамъ, а иные въ Мавераннегръ. Прошло три года послѣ того, какъ они разошлись въ три стороны: на томъ мѣстѣ, гдѣ Аму рѣка вливается въ море, собралось три тысячи Узбекскихъ семействъ, сходившихся туда въ разное время, семействъ по пяти, по десяти. Восемьсотъ семействъ, ушедшихъ въ Бухару изъ Ургенджа, когда переходили оттуда, чтобы соединиться съ Узбеками, жившими въ числѣ трехъ

тысячъ семействъ выше Ката. Эсфендіяръ-ханъ, переправясь за рѣку, избилъ всѣхъ ихъ.

Эсфендіяръ сдѣлался ханомъ въ тысяча тридцать седьмомъ году гиджры (1627 Р. Х.), въ годъ вепря; шестнадцать лѣтъ былъ государемъ; умеръ въ началѣ семнадцатаго года своего правленія, въ тысяча пятьдесятъ третьемъ году гиджры, при наступленіи года коня. Послѣдующія за симъ событія изложатся, если угодно будетъ Богу Всевышему, въ разсказѣ обо мнѣ убогомъ.

Рожденіе Абульгази, здравствующаго и державствующаго-и его родословіе.

Въ городѣ Ургенджѣ, въ тысяча четырнадцатомъ году гиджры (1605 г. Р. Х.), въ годъ зайца, при созвѣздіи льва (въ іюлѣ), въ пятнадцатый день мѣсяца рабія перваго, въ понедѣльникъ, вмѣстѣ съ восходомъ солнца, взошло свѣтило моей жизни.

Говорятъ, что за тридцать лѣтъ до моего рожденія рѣка Аму текла выше минарета Хастъ (это мѣсто называютъ Кара-Уйгуръ-тугай); отселѣ, сдѣлавши себѣ новое русло, она текла къ крѣпости Тюкъ и изливалась въ море Сыръ. Оттого Ургенджская мѣстность была безводною степью. При такомъ безводномъ положеніи Ургенджа, жители его,—во главѣ ихъ былъ и самъ ханъ съ своимъ войскомъ,—въ весеннее время переселялись на берега рѣки Аму и тамъ на пригодныхъ земляхъ сѣяли хлѣбъ; по собраніи жатвы опять возвращались въ Ургенджь. Весною того года, въ который я родился, семнадцать человѣкъ отправляются въ Русь для торговли; на дорогѣ они встрѣчаются съ Русскими Казаками изъ Кошъ-Яика, которыхъ было человѣкъ тысяча. Казаки двоихъ изъ нихъ оставляютъ въ живыхъ, а прочихъ убиваютъ. Одинъ изъ уцѣлѣвшихъ былъ Туркестанецъ. На разспросы Казаковъ объ Ургенджѣ, онъ разсказываетъ: „въ го-

родѣ Ургенджѣ нѣтъ теперь ни одного военнаго человѣка; разстояніе между городомъ и ближайшимъ къ нему военнымъ станомъ составляетъ однодневный путь всаднику; въ городѣ остались только простолюдины. Съ одной стороны его пустыня; если этимъ безлюднымъ мѣстомъ будетъ подходить къ городу стотысячное ополченіе, его увидятъ тогда только, когда оно вступитъ въ городъ, а прежде того его не замѣтятъ". Только иноземецъ могъ такъ дѣлать и говорить и, показывая на чужой городъ, привѣчать: „добро пожаловать!" Русскіе Казаки, прельщенные словами Туркестанца, сдѣлали его вожатаемъ къ городу, и онъ ввелъ ихъ въ Ургенджъ Мурзинскими воротами. Прежде всего имъ попался мясникъ, сидѣвшій въ лавкѣ; они закололи его копьемъ за то, что онъ, сочтя ихъ за служителей изъ военныхъ людей, кричалъ: грязь ѣшьте, баранщики, армяне!" Не думано, не гадано—въ этотъ день встрѣчаютъ смерть до тысячи человѣкъ, знатныхъ и не знатныхъ! Отецъ мой, преслѣдуя Русскихъ, истребилъ ихъ всѣхъ до одного. Чрезъ сорокъ дней послѣ этого произшествія родился я. Отецъ мой говорилъ: „Эта война, этотъ *газатъ*, противъ иновѣрцевъ былъ счастливѣе для насъ: имъ Богъ предзнаменовалъ жребій сего новорожденнаго. Къ тому же и родъ матери его носитъ титло *гази*". Принявши въ соображеніе эти обстоятельства, мнѣ дали имя Абульгази.

Отецъ мой Арабъ-Мохаммедъ-ханъ, его отецъ Хаджій-Мохаммедъ-ханъ; его отецъ Акатай-ханъ, его отецъ Аменкъ-ханъ; его отецъ Ядигеръ-ханъ, его отецъ Тимуръ-шейхъ, его отецъ Хаджій-Тулій, его отецъ Арабъ-шахъ, его отецъ Буладъ, его отецъ Менгу-Тимуръ-ханъ, его отецъ Бадакулъ, его отецъ Джучій-Бука, его отецъ Багадуръ, его отецъ Шибанъ-ханъ, его отецъ Джучій-ханъ, его отецъ Чингизъ-ханъ; его отецъ Есукай-Багадуръ, его отецъ Бертанъ ханъ, его отецъ Кабулъ-ханъ, его отецъ Тумина-ханъ, его отецъ Байсангуръ-ханъ, его отецъ Кайду-ханъ, его отецъ Дутумъ-мининъ-ханъ, его отецъ Бука-ханъ, его отецъ Буданджаръ-

ханъ, родившійся отъ Аланговы безъ отца. Алангова была внука Юлдузъ-хана, отецъ ея умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; оставшись сиротою, она воспитана дѣдомъ своимъ Юлдузъ-ханомъ; потому имя ея отца не извѣстно. Отецъ Юлдузъ хана Менгли-ходжа-ханъ; его отецъ Тимуръ Ташъ ханъ, его отецъ Калмаджу-ханъ, его отецъ Самсаудчи, его отецъ Буга-Бендунъ-ханъ, его отецъ Куджемъ-Бурулъ, его отецъ Капдчи-Мерканъ, его отецъ Тимачь, его отецъ Бичинъ-Кыянъ, его отецъ Кой-мурулъ, его отецъ Бюрте-чина. Между Бюрте чина и Кыяномъ прошло времени четыреста пятьдесятъ лѣтъ: я употребилъ много старанія узнать имена лицъ, бывшихъ въ это время, но удачи не было: я не нашелъ ихъ ни въ одной лѣтописи; въ Эркене-конѣ были большія неустройства, и по тому не вели лѣтописей. Отецъ Кыяна Иль-ханъ, его отецъ Тингизъ-ханъ, его отецъ Менгли-ханъ, его отецъ Юлдузъ-ханъ, его отецъ Ай-ханъ, его отецъ Угузъ-ханъ, его отецъ Кара-ханъ, его отецъ Монголъ-ханъ, его отецъ Аланча-ханъ, его отецъ Кіюкъ ханъ, его отецъ Дибъ-Бакуй-ханъ, его отецъ Ильча-ханъ, его отецъ Тутунъ-ханъ, его отецъ Тюркъ-ханъ, его отецъ Іафетъ-ханъ, его отецъ Ной пророкъ,—миръ ему!— его отецъ Ламехъ, его отецъ Маѳусалъ, его отецъ Идрисъ пророкъ, его отецъ Іяредъ, его отецъ Малелеилъ, его отецъ Каинанъ, его отецъ Эносъ, его отецъ Сиѳъ пророкъ, его отецъ Адамъ, свѣтильникъ Божій.—Теперь скажу родъ мой съ материнской стороны: имя моей матери было Мигюрбану-ханымъ; ея отецъ Джанъ-гази-султанъ, его отецъ Ширъ-гази-султанъ, его отецъ Султанъ-гази-султанъ, его отецъ Ильбарсъ-ханъ, его отецъ Бюрке-султанъ, его отецъ Ядигеръ-ханъ. Въ лицѣ Ядигера соединяются предки моего отца и моей матери.

Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, мать моя отошла къ милосердію Божію; до шестнадцати лѣтъ моего возраста я жилъ съ отцемъ въ Ургенджѣ. Тогда отецъ мой женилъ меня, и одну половину Ургенджа отдалъ моему брату Хебешъ-султану, а другую половину далъ мнѣ. Черезъ годъ у меня нача-

лась ссора съ братьями моими Хебешомъ и Ильбарсомъ. Потому я не могъ оставаться въ Ургенджѣ и перешелъ къ моему отцу въ Хиву; онъ далъ мнѣ во владѣніе Катъ. Это было весною. Проживъ шесть мѣсяцевъ въ Катѣ, я съ отцемъ моимъ выступилъ въ походъ противъ Хебеша и Ильбарса. Обстоятельства этого событія я разсказалъ уже выше. Ханъ управлялъ центромъ войска, Эсфендіяръ-султана поставилъ на лѣвомъ крылѣ, меня на правомъ. Битва была жестокая. Я сдѣлалъ три аттаки и, отбиваемый врагомъ, отступалъ послѣ всѣхъ. При мнѣ было шесть человѣкъ; непріятель преслѣдовалъ меня; я останавливался и бился съ нимъ. Изъ ихъ конницы человѣкъ сорокъ напали на меня; но я былъ своими отбитъ отъ нихъ и спасался бѣгствомъ. При мнѣ остался только одинъ человѣкъ; другіе всѣ разбѣжались—каждый въ свою сторону. Непріятели не отставали и шли за нами, непрестанно стрѣляя въ насъ: одинъ изъ нихъ попалъ мнѣ стрѣлою въ ротъ и раздробилъ мнѣ кость въ подбородкѣ; ротъ у меня наполнился кровью. Берегъ рѣки въ томъ мѣстѣ на значительномъ пространствѣ покрытъ былъ густымъ лѣсомъ, я повернулся и скрылся за кустами таволги: потерявъ меня изъ вида, непріятель погнался за другими. Въ это время моя лошадь попала ногою въ мышиную нору, споткнулась и я съ нея упалъ, такъ что отлетѣлъ отъ нея шаговъ на пять; лошадь встала и убѣжала. Человѣкъ, бывшій со мной, отдалъ мнѣ свою лошадь, самъ оставшись пѣшъ. Я былъ еще молодъ; я думалъ, что отъ меня не отстанетъ врагъ; куда пойду, туда же пойдетъ и онъ; такъ мнѣ, думалъ я, лучшимъ способомъ къ спасенію остается ѣхать къ берегу рѣки и переправиться на другую сторону. Я подъѣхалъ къ берегу; онъ былъ крутъ и я нигдѣ не находилъ съѣзда; я поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ и въ одномъ мѣстѣ нашелъ дорогу. Спустившись по ней, я увидѣлъ, что внизу, подъ глубокимъ обрывомъ берега, три человѣка снимаютъ съ себя одежду, приготовляясь переплыть черезъ рѣку; я узналъ, что они

изъ нашего войска, подъѣхалъ къ нимъ, но они мнѣ были не знакомы; одинъ изъ нихъ узналъ меня, но отъ него мнѣ никакой пользы не было, онъ не хотѣлъ сдѣлать мнѣ никакой услуги, бывъ занятъ своимъ дѣломъ. Я отвязалъ отъ себя сайдакъ и мечъ, снялъ съ себя броню и, когда сталъ развязывать на себѣ поясъ, съ верху берега шесть человѣкъ изъ непріятелей, подъѣхавъ, начали въ насъ стрѣлять съ крикомъ: ура, бей! А тѣ трое скинули съ себя все, бросились въ рѣку и поплыли; непріятель, не находя дороги для съѣзда, съ берега стрѣлялъ въ меня одного. Положивъ броню на сѣдло, я въ одеждѣ бросился въ воду; лошадь моя, разгоряченная быстрою ѣздою, принялась пить воду; въ рукахъ у меня не было плети, и я съ большимъ трудомъ вогналъ ее въ глубь рѣки. Я съ роду своего еще не переправлялся на лошади вплавь; теперь я пустился на переправу; я оглянулся и увидѣлъ, что тѣ храбрецы не переставали пускать въ меня стрѣлы, но Богъ сохранилъ меня: ни одна въ меня не попала. Отъ прежней раны ротъ мой наполнился кровью, я ее выплюнулъ, но онъ опять былъ полонъ. Въ сапоги мнѣ налилась вода, та и другая нога моя была вѣсомъ въ батмановъ десять; вся одежда на мнѣ была—вода; когда я доплылъ до средины рѣки, лошадь моя вся была подъ водою, виднѣлись только уши и морда. Одинъ старикъ говорилъ: когда тебѣ, въ бѣгствѣ отъ непріятеля, приведется на лошади переплывать черезъ рѣку, то одну ногу протяни по спинѣ къ хвосту лошади, а другую ногу поставь въ стремя; и въ такомъ положеніи держись одной рукою за заднюю луку сѣдла, а другою правь лошадь за поводъ, поднявъ его. Если такъ не сдѣлаешь, то лошадь не можетъ переплыть съ человѣкомъ, на которомъ одежда и вооруженіе. Когда лошадь моя стала тонуть, я вспомнилъ слова того человѣка, сдѣлалъ по его наставленію: лошадь поднялась надъ водою до своей груди, и поплыла стрѣлою. Я благополучно переплылъ рѣку. Тѣ три человѣка подъѣхали ко мнѣ; въ два дня мы прибыли въ

Катъ. Десять человѣкъ изъ моихъ нукеровъ, пріѣхали туда прежде меня и разгласили, что меня нѣтъ въ живыхъ. Когда я прибылъ къ нимъ, мы взяли себѣ коней и съѣстныхъ припасовъ и отправились въ Мавераннегръ. Пріѣхали въ Самаркандъ, оттуда мы отправились въ Бухару и представились тамъ Имамъ-кули-хану. Онъ принялъ насъ почтительно и ласково.—„Добро пожаловать, говорилъ онъ мнѣ, добро пожаловать; ты молодецъ, ты опять будешь въ своемъ юртѣ; на голову мужественную не обрушится бѣда. Не печалься!“ Этими словами онъ меня ободрилъ. Эсфендіяръ-султанъ убѣжалъ къ Кызылбашамъ. Шерифъ-Мохаммедъ-султанъ остался въ Катѣ при Хебешѣ и Ильбарсѣ; но не могъ тамъ жить, убѣжалъ оттуда и пришелъ ко мнѣ.

Когда Эсфендіяръ-султанъ ушелъ къ Кызылбашамъ, тогда государемъ ихъ былъ шахъ Аббасъ-Мази. Онъ сказалъ Эсфендіяръ-султану: самъ ты отправься въ Дарунъ и Нисай и пошли кого-нибудь въ Ургенджъ, также пошли кого-нибудь къ Абульханскимъ Тюркменамъ съ извѣстіемъ о себѣ“. Съ этими словами онъ отпустилъ и проводилъ его. Эсфендіяръ-султанъ пріѣхалъ въ Дарунъ; оттуда онъ прислалъ къ намъ человѣка сказать, чтобы мы пріѣхали къ нему и вмѣстѣ съ нимъ употребили стараніе о возвращеніи своихъ владѣній. Три раза просили мы отпуска у Имамъ-кули-хана; онъ говорилъ, что самъ будетъ помогать намъ въ возвращеніи царства, и не отпускалъ насъ къ Эсфендіяръ-султану. Въ Ургенджѣ Эсфендіяръ-султанъ уговорился съ нукерами своего отца, съ своими и моими нукерами (моихъ нукеровъ было больше, чѣмъ ихъ), въ такой-то мѣсяцъ и въ такой-то день начать войну съ Ильбарсомъ. Въ условленное время онъ выступилъ въ походъ. При немъ было своихъ людей триста человѣкъ; къ нимъ присоединилось сто человѣкъ изъ Абульханскихъ Тюркменовъ. Ильбарсъ въ то время былъ въ Хивѣ; а Хебешъ—такъ какъ подъ Ургенджемъ вода высохла и окрестность его сдѣлалась безводной пустыней—жилъ противъ

крѣпости Тюкъ, на берегу рѣки Аму и, огородившись цѣпью и окопавшись рвомъ. Эсфендіяръ, пришедъ туда на утренней зарѣ, ворвался въ укрѣпленіе и разгромилъ домъ Хебеша. Хебеша не было дома; услышавъ объ этомъ, онъ спасался бѣгствомъ. Мы уже разсказали эти произшествія выше въ исторіи Эсфендіяра. Разбитый въ сраженіи, онъ уходилъ въ Мангышлакъ и, по возвращеніи оттуда, овладѣлъ своею державою. Ильбарсъ былъ схваченъ и убитъ имъ. Хебешъ спасся бѣгствомъ. Два года мы прожили у Имамъ-кули-хана; тогда прибывшій къ намъ человѣкъ, извѣстилъ, что Эсфендіяръ-ханъ возвратилъ себѣ свое царство; Имамъ-кули ханъ отпустилъ насъ отъ себя. Я съ Шерифъ-Мохаммедомъ пріѣхалъ въ Ургенджъ; мы возвели Эсфендіяръ-хана на ханство: онъ взялъ себѣ Хиву, Гезараспъ и Катъ; мнѣ отдалъ Ургенджъ, Шерифъ-Мохаммеду Везирь. Эти событія совершились въ тысяча тридцать третьемъ году гиджры (1623—4 Р. Х.), въ годъ вепря, въ мѣсяцѣ сентябрѣ.

Событія съ двадцать перваго года до двадцать третьяго года жизни Абульгази-хана.

Мнѣ было уже двадцать лѣтъ; въ слѣдующій годъ, годъ мыши, осенью послѣ собранія жатвы, всѣ почли благовременнымъ отправиться къ Эсфендіяръ-хану для представленія ему. Когда я вмѣстѣ съ Шерифъ-Мохаммедъ-султаномъ приготовился въ путь, въ одну ночь я позвалъ къ себѣ Шерифъ-Мохаммеда съ тремя хорошими его человѣками и своихъ двухъ хорошихъ человѣкъ и сказалъ имъ: „вотъ мы отправимся въ путь: что вы объ этомъ думаете?“ Всѣ одобрили отъѣздъ. Я спросилъ ихъ: „вы нисколько не опасаетесь Эсфендіяръ-хана?“—Ни мало! отвѣчали они. „Дайте мнѣ обѣщаніе, что никому не откроете того, что я замыслилъ и что теперь скажу вамъ!“ Они поклялись, что не откроютъ, и я сказалъ: „вотъ исполнился годъ, какъ Эсфендіяръ завладѣлъ

державою. Для чего онъ держитъ при себѣ и отъ себя не отпускаетъ Тюркменскихъ начальниковъ, пріѣхавшихъ къ нему изъ степей? Непремѣнно у него есть тому какія-нибудь причины.“ Когда они меня спросили: если мы туда пріѣдемъ, какой у него найдется способъ избыть ихъ? я отвѣчалъ: когда мы не поѣдемъ къ Эсфендіяру, онъ не посмѣетъ истребить Узбековъ въ Хивѣ. Если вы хотите туда ѣхать, то при вашемъ приближеніи къ Хивѣ, вамъ встрѣтятся Тюркмены и нукеры Эсфендіяра: тутъ перебьемъ всѣхъ Тюркменовъ и потомъ отправимся къ Эсфендіяру и съ поясами на шеѣ скажемъ ему: Тюркмены люди не разсудительные и легкомысленные и намъ давніе враги; боясь ихъ, мы такъ поступили съ ними безъ вашего позволенія“. Тутъ Шерифъ-Мохаммедъ намекнулъ: „убьемъ хана и возведемъ на ханское достоинство моего брата Абульгази“. Бывшіе съ нами люди не одобрили моихъ словъ, но одобрили слова Шерифъ-Мохаммедовы. Уйгуръ, Кулъ-Мохаммедъ, сынъ Курбана-хаджи, мой аталыкъ, сказалъ: „не говори этого; если еще будешь говорить такъ, то перескажу это Эсфендіяръ-хану“. Слова мои остались безъ всякаго дѣйствія. Мы пріѣхали на свиданіе къ Эсфендіяръ-хану. Побывъ у него, мы прожили въ Хивѣ три дня; на четвертый день, когда уже сѣдлали коней, чтобы ѣхать обратно, ханъ далъ приказъ убить Уйгуровъ и Найманов, не трогая другихъ изъ жителей. Собравъ ихъ въ одно мѣсто, убили всѣхъ, которые тамъ были. Въ этотъ день было убито въ городѣ сто человѣкъ Уйгуровъ и Найманов и десять человѣкъ другихъ Узбековъ, а на прочихъ всѣхъ выслали наѣздниковъ. Подъ предлогомъ Уйгуровъ и Найманов опустошили селенія Узбековъ, живущихъ на пространствѣ отъ Гезараспа до Хастъ-минаре: тѣхъ всѣхъ Узбековъ, которыхъ застигли на мѣстѣ, убивали, а у тѣхъ, которыхъ не успѣли захватить, отняли скотъ: избивали стариковъ и юношей, и новорожденныхъ, которымъ было не больше мѣсяца.

Эсфендіяръ-ханъ послалъ Шерифъ-Мохаммеда въ Ургенджъ съ приказомъ убивать Уйгуровъ и Найманов вездѣ, гдѣ они найдутся, а меня оставилъ при себѣ и поручилъ нѣсколькимъ человѣкамъ стеречь меня, не спуская глазъ. Ургенджскіе Узбеки въ общемъ совѣтѣ придумывали, что сдѣлать имъ для того, чтобы возвратить къ себѣ Абульгази-султана, и напослѣдокъ рѣшили, если не удастся сдѣлать того силою, употребить хитрость, считая это сообразнымъ съ предопредѣленіемъ небеснымъ. Они пригласили къ себѣ нѣсколькихъ лучшихъ Тюркменовъ, бывшихъ съ Шерифъ-Мохаммедомъ, и говорили имъ: „всѣ мы оставляемъ свои сельбища и переселяемся въ Бухару; если Эсфендіяръ-ханъ не хочетъ, чтобы мы уходили, то пусть пришлетъ къ намъ Абульгази-султана и Мохаммедъ-Хусеинъ-бека. Если султанъ увѣритъ клятвенно, что имъ не сдѣлаютъ никакого зла, что со стороны старшаго брата его, бековъ и всѣхъ Тюркменовъ имъ не грозитъ опасность, то они готовы остаться. Если же въ этомъ откажетъ, то мы уйдемъ“. Предложивъ эти условія, они выступили для переселенія. Тюркмены прислали гонца къ Эсфендіяръ-хану съ извѣстіемъ, что впереди отправилось на переселеніе четыре поколѣнія, а послѣ нихъ два. Когда я, совершая павечернюю молитву, перешелъ въ положеніе сидящаго, мнѣ сказали, что изъ Ургенджа пріѣхалъ Тенгри-бирди. Тенгри-бирди было имя прибывшему изъ Ургенджа Тюркмену. Между Тюркменами онъ былъ человѣкъ почетный, но слишкомъ робокъ; его боязливость была причиною, что я не *выполнилъ своего предпріятія*, но въ это время онъ напугалъ и хана и Тюркменовъ такъ, что ханъ сдѣлалъ распоряженіе отправиться Абульгази-султану и Мохаммедъ-Хусеинъ-беку въ Ургенджъ. Мы сѣли на коней, отправились въ путь и пріѣхали въ Ургенджъ. Такъ-какъ городъ Ургенджъ въ то время былъ въ безводномъ мѣстѣ, то я построилъ укрѣпленіе на южномъ берегу рѣки Аму, противъ крѣпости Тюкъ, и въ немъ сталъ жить. Въ этомъ укрѣпленіи не было

никого кромѣ Узбековъ; я жилъ въ своемъ домѣ; ко мнѣ перешелъ Шерифъ-Мохаммедъ. Мохаммедъ-Хусеинъ-бекъ жилъ въ домѣ одного Сарга. Тюркменовъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Шерифъ Мохаммедъ-султаномъ, и Тюркменовъ, пріѣхавшихъ съ бекомъ, было до восьмидесяти человѣкъ: всѣ они находились при бекѣ. Узбеки и тридцать человѣкъ, способныхъ ко всякому дѣлу, изъ людей, жившихъ на другой сторонѣ рѣки, пришли ко мнѣ, чтобы представиться мнѣ. Разсказанныя здѣсь обстоятельства были событіями одного дня. По совершеніи молитвы передъ сномъ, всѣ они собрались, пришли ко мнѣ и стали разсуждать о судьбѣ юрта. Начиная съ Шерифъ-Мохаммедъ-султана, всѣ говорили: „пошлемъ людей окружить Ургенджь съ четырехъ сторонъ; на разсвѣтѣ въ воротахъ должна стоять тысяча человѣкъ; перебьемъ Тюркменовъ, начиная съ Мохаммедъ-Хусеинъ-бека; потомъ сдѣлаемъ нападеніе на Тюркменовъ Хивинскихъ; зиму будемъ держать Хиву въ осадѣ, а весною возьмемъ“. Я сказалъ: вы не можете истребить этихъ Тюркменовъ: они узнаютъ объ этомъ и скроются. Къ зимѣ всѣ Тюркмены приходятъ къ Хивѣ, потому вы не можете взять этого города. При томъ, когда вы осадите Хиву, ваши домы останутся безъ хозяевъ, а придутъ Калмыки, и уведутъ въ плѣнъ вашихъ дѣтей. Лучше хорошенько угостимъ и отпустимъ всѣхъ Тюркменовъ, начиная съ Мохаммедъ-Хусеинъ-бека; Шерифъ-Мохаммедъ-султанъ проведетъ зиму въ крѣпости Кююкъ. По прошествіи осени, всѣхъ Узбековъ переведемъ и размѣстимъ на пространствѣ между нами и Шерифъ-Мохаммедомъ: пусть каждый станъ ихъ, въ пятьсотъ семействъ или въ тысячу семействъ, построитъ укрѣпленіе: въ нихъ они проживутъ зиму; на двухъ дорогахъ къ Калмыкамъ поставимъ стражу. Когда наступитъ десятое февраля, въ этотъ день сдѣлаемъ такъ: кто-нибудь торопливо, вспаривъ до пота своего коня, прискачетъ ко мнѣ и скажетъ, что онъ, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, пріѣхалъ изъ сторожевыхъ отрядовъ, поставленныхъ на границѣ, что

ночью видѣли огни въ Калмыцкомъ станѣ, многочисленные какъ звѣзды; что сторожевые отряды ушли съ своихъ мѣстъ, а его отправили съ извѣстіемъ, дали ему три лошади; двухъ онъ бросилъ на дорогѣ, на третьей пріѣхалъ сюда. Тогда я выступлю съ войскомъ отсюда, а чрезъ посланнаго дамъ знать, чтобы въ то же время выступилъ въ походъ и Шерифъ-Мохаммедъ. Мы соберемся въ одно мѣсто, и какъ между нами будетъ, по крайней мѣрѣ, сотъ пять или шесть Тюркменовъ, то мы тамъ перебьемъ ихъ. Оттуда пойдемъ на Хиву. Такъ какъ Абульханскіе и Мангышлакскіе Тюркмены, въ зимнее время приходящіе къ Хивѣ для снабженія себя хлѣбомъ, весною всѣ уходятъ въ свои жилища для прокормленія ягнятъ, потому что при Хивѣ нѣтъ кормовой травы, и они, когда покажется зелень, уходятъ, гдѣ живетъ ихъ племя, а какъ и Сарты уходятъ въ свои хуторы, у кого они есть, для земледѣльческихъ работъ, то въ Хивѣ съ Эсфендіяромъ останется въ самомъ большемъ числѣ сто человѣкъ, въ самомъ меньшемъ пятьдесятъ человѣкъ. Тогда мы внезапно явимся и станемъ при входѣ въ городскія ворота". Они не согласились на мои слова; ихъ головамъ представлялось при этомъ много затрудненій. Мохаммедъ-Хусеинъ-бекъ узналъ о нашемъ умыслѣ и, лишь только жители легли спать, вышелъ городскими воротами и скрылся. Когда мои нукеры и люди, участвовавшіе въ нашемъ умыслѣ, собрались ко мнѣ во время намаза; въ то время Мохаммедъ-Хусеинъ бекъ уѣхалъ уже на два дневныхъ переѣзда; нашъ замыселъ остался безполезнымъ. Тогда всѣ, и большіе и малые изъ насъ, составили засѣданіе и совѣтовались, что дѣлать. Я сказалъ: отправимъ посла къ Эсфендіяръ-хану и скажемъ, что Мохаммедъ-Хусеинъ-бекъ бѣжалъ отселѣ по своей трусости; если бы у насъ былъ злой умыселъ противъ него, то мы, большой юртъ, допустили-ли бы человѣкамъ тридцати, четыредесяти уйти изъ города? Мы заперли бы городскія ворота, и онъ какъ бы могъ уйти? Эсфендіяръ-ханъ повѣритъ нашимъ словамъ. Вче-

ра я говорилъ вамъ: когда настанетъ весна, мы покажемъ видъ, что отправляемся противъ Калмыковъ, но пойдемъ и неожиданно для нихъ явимся у Хивинскихъ воротъ". Шерифъ-Мохаммедъ, а за нимъ и всѣ не согласились на мои слова; они считали болѣе выгоднымъ открытый походъ на Хиву и пошли къ нему. Я говорилъ имъ: „худо вы дѣлаете; вы подвергаете раззоренію свой юртъ". Говорилъ, говорилъ я имъ это, но чрезъ два дня и самъ отправился за ними. Мы пришли на берегъ водопровода Ханакагъ и остановились на мѣстѣ, называемомъ Ташъ-кюпрюкъ („каменный мостъ"). Нашедши пустой каналъ Тюркменскій, мы въ немъ расположились. Сартовъ мы не трогали; жители селеній Тюркменскихъ ушли въ Хиву; изъ Ханакага не вышло ни одного семейства; тамъ былъ каждодневный торгъ. Когда мы здѣсь простояли сорокъ дней, пришли Калмыки и захватили четвертую или пятую часть нашего юрта. Это заставило многихъ изъ нашего войска уйти: лучшіе люди оставались, но простолюдины ушли въ свои дѣмы. Тюркмены узнали это: на помощь Хивѣ пришли ополченія изъ Абульханскихъ и Манкышлакскихъ Тюркменовъ. Вышедши изъ Хивы, они вступили съ нами въ битву при Чешмѣ; мѣсто, занимаемое нашимъ войскомъ, было ровное, а позади ихъ войска было шесть или семь каналовъ. Битва шла равновѣсно съ обѣихъ сторонъ; тогда мы, конница, пѣхота съ крикомъ: „аллахъ, аллахъ!" бросились на врага и онъ обратился въ бѣгство. Его знамя стояло между шестью каналами; наша пѣхота, поражая въ тылъ врага, доходила до его знамени, непріятель и тутъ побѣжалъ. Чтобы намъ не остаться безъ добычи, мы бросились на коней; но когда, сѣвши на коней, приблизились къ нему, увидѣли, что онъ, сосредоточивъ свои силы между семью каналами, построился въ боевой порядокъ. Онъ, не трогаясь, стоялъ на мѣстѣ столько времени, сколько его потребно для вскипѣнія молока. Скрытно отъ насъ одинъ отрядъ непріятеля остался на мѣстѣ, а другой отрядъ отступалъ.—Этого наши Карайманы не знали

и не отваживались еще вступить въ битву. Двое насъ—я и Мохаммедъ—Шерифъ—остановились на мѣстѣ. Тюркмены смотрѣли только, когда уходило все войско, и послѣ того оно, переходя чрезъ каналы, медленно шло. Въ это время при мнѣ никого не оставалось; я подумалъ: „хорошо, если это войско войдетъ въ станъ, спѣшится и защититъ себя оградой; но если не сдѣлаетъ такъ, и непріятель будетъ преслѣдовать его, то сегодня же, прежде нежели закатится солнце, отъ него ни одной души не останется“ и, пустивъ въ скакъ своего коня, я вездѣ кричалъ своему войску: „входи въ окопъ, входи въ окопъ! если не войдешь, то отъ тебя и слѣда не останется.“ Я подъѣхалъ къ окопу; человѣкъ тридцать или сорокъ не вошли въ него и удалились; сотъ до пяти человѣкъ, успѣвшіе прежде меня пріѣхать въ станъ, забрали свои пожитки, вышли изъ окопа, чтобы уѣхать: я угрозой воротилъ ихъ, ввелъ въ окопъ и велѣлъ разсѣдлать коней. Вслѣдъ за нашимъ заднимъ отрядомъ войска подошелъ и непріятель; мы вышли изъ окопа пѣшіе и сражались съ нимъ до самаго вечера. Тюркмены остановились отъ насъ на разстояніи, куда не доходили ружейные выстрѣлы, и огородились окопомъ. Въ продолженіе шести дней происходили стычки между нами; въ седьмой день я чрезъ посла предложилъ миръ. Мы помирились: клялись—и самъ Эсфендіяръ далъ клятву, что не будемъ другъ другу дѣлать зла. „Ты, говорили мы ему, отступи на восточную сторону, а мы пойдемъ домой.“ Когда онъ выступилъ изъ своего мѣста, тогда и мы вышли изъ окопа, пошли къ берегу рѣки и тамъ почевали. Утромъ мы перешли по льду и пошли домой. Всѣ Узбеки на обѣихъ сторонахъ рѣки, оставшіеся послѣ разоренія ихъ стороны, съ своими сталами овецъ поднялись для переселенія къ Ургенджу.

Теперь скажу объ Эсфендіярѣ-ханѣ. У него, при замиреніи съ нами, былъ такой умыселъ: давши клятву, мы выманимъ Узбековъ изъ окоповъ; какъ скоро они выйдутъ оттуда, тотчасъ, не давши времени дойти до берега рѣки, погонимся

за ними и захватимъ ихъ въ плѣнъ". Съ этою мыслью онъ выступилъ изъ своего стана, чтобы обойти и опередить насъ. Эсфендіяръ-ханъ далъ приказъ Тюркменамъ: „встаньте, какъ только Узбеки выступятъ, погонимся за ними". Но Тюркмены не послушались его приказа, вздумали сдѣлать грабительскій наѣздъ на Ханакагскихъ Сартовъ и при ханѣ оставалось только человѣкъ сто. Въ теченіе трехъ дней они опустошали Ханакагъ; раздѣливши между собою добычу, они опять собрались къ хану. Тогда уже Эсфендіяръ-ханъ переправился черезъ рѣку Аму и пошелъ на преслѣдованіе насъ. Одинъ изъ народа, шедшаго за нами для переселенія, увидѣлъ непріятеля при Ходжа-кули и далъ знать о томъ народу. Испугавшись, народъ остановился на полѣ Бишъ-тубя, стянулся въ одинъ курень (станъ), защищенный съ одной стороны рѣкою, съ другой стороны телѣгами. Когда взошло солнце и поднялось на два копейныхъ ратовища, непріятель подошелъ и началъ битву. Я противопоставилъ ему свою пѣхоту. По моему счёту Узбековъ было четыреста пятьдесятъ человѣкъ, Тюркменовъ пять тысячъ. Сраженіе продолжалось до середины того времени, которое между двумя намазами (утреннимъ и полуденнымъ). Изъ Узбековъ было убито двадцать человѣкъ, сто человѣкъ было раненныхъ; изъ Тюркменовъ было убито до восьмидесяти человѣкъ и двѣсти человѣкъ раненныхъ. Непріятель провелъ ночь на мѣстѣ битвы и поутру ушелъ домой. Въ эту весну Эсфендіяръ-ханъ пробылъ въ Хивѣ, а я съ Мохаммедъ-Шерифомъ въ Ургенджѣ.

Разстрой Ургенджскихъ Узбековъ.

Народъ, жившій въ Ургенджскомъ юртѣ, разлюбилъ эту сторону: у него не было уже другихъ рѣчей, кромѣ словъ: „уйдемъ отселѣ!" Когда явилась комета, многіе, собравшись въ толпы, пошли въ Бухару, въ Туркестанъ. Я отправилъ людей въ погоню за ушедшими; но прежде, чѣмъ они воротили

ихъ, изъ нихъ три толпы ушли. Даже хорошіе люди, находившіеся при мнѣ, говорили простому народу: „эта страна не будетъ нашею; что вамъ здѣсь оставаться? уходите отсюда, и мы сами вслѣдъ за другими также уйдемъ отселѣ“. Народъ по немногу уходилъ. Въ концѣ мѣсяца сентября и въ началѣ октября вышло три толпы въ одинъ разъ: одна изъ нихъ пошла въ Бухару, другая къ Казакамъ, третья къ Манкытамъ. Шерифъ-Мохаммедъ ушелъ въ Бухару, а я къ Казакамъ. Въ Туркестанѣ я три мѣсяца жилъ у Ишимъ-хана: въ то время у Казаковъ въ Ташкентѣ ханомъ былъ Турсунъ-ханъ: онъ пріѣхалъ въ Туркестанъ. Ишимъ-ханъ поѣхалъ къ нему для свиданія, а меня оставилъ при своемъ дворѣ. Повидѣвшись съ Турсунъ-ханомъ, онъ возратился назадъ и, взявъ меня за руку, опять отправился со мною къ Турсунъ-хану. Представляя меня ему, сказалъ: „Абульгазій, потомокъ Ядигеръ-хана; еще ни одинъ человѣкъ изъ этого дома никогда не приходилъ къ намъ и не гостилъ у насъ, тогда какъ отъ насъ многіе жили въ домѣ ихъ: пребываніе его при вашемъ дворѣ есть одно изъ счастливыхъ обстоятельствъ“. Турсунъ-ханъ отвѣчалъ: „прекрасны слова твои; это и сдѣлаемъ мы“. Турсунъ-ханъ взялъ меня вмѣстѣ съ собою и привезъ въ Ташкентъ. Въ Ташкентѣ у него я прожилъ два года. По прошествіи двухъ лѣтъ Ишимъ-ханъ убилъ Турсунъ-хана и истребилъ Катыгиновъ. Я сказалъ Ишимъ-хану: „я пришелъ сюда съ надеждою получить помощь отъ васъ, обоихъ хановъ; но, какъ между вами таковыя дѣла идутъ, такъ я отправлюсь къ Имамъ-кули-хану. Онъ отвѣчалъ: „хорошо, дѣлай такъ“. Я отправился къ Имамъ-кули-хану. Тюркмены, услышавши о моемъ прибытіи въ Бухару, прислали ко мнѣ человѣка съ приглашеніемъ, чтобы Абульгази-султанъ пришелъ къ намъ, не скитался бы въ чужомъ юртѣ“. Турсунъ-ханъ былъ во враждѣ съ Имамъ-кули-ханомъ; потому, по смерти его, у меня не было расположенія идти къ Имамъ-кули-хану; а также Имамъ-кули-ханъ два

раза съ неудовольствіемъ уже намекнулъ мнѣ на то, что я искалъ убѣжища у Турсунъ-хана. Я сказалъ Узбекамъ: не могу жить въ этомъ юртѣ; и какъ мое положеніе здѣсь всегда будетъ таково, то что вы объ этомъ мнѣ скажете?“ — Если такъ, отвѣчали они, то отправься къ Тюркменамъ; мы не думаемъ, что твое расположеніе къ намъ когда-нибудь измѣнится. Но не можемъ положиться на Шерифъ-Мохаммеда; не знаемъ, къ кому онъ болѣе расположенъ, къ намъ ли, или къ Тюркменамъ?—Въ это время отъ Тюркменовъ еще прибылъ человѣкъ и говорилъ: „Эсфендіяръ-ханъ узналъ, что Тюркмены зовутъ къ себѣ Абульгази, и, не довѣряя намъ, перешелъ въ Гезараспъ.

Прибытіе Абульгази-хана въ Хиву къ Тюркменамъ.

Тогда я съ человѣками шестью прибылъ въ Хиву. Чрезъ два мѣсяца Шерифъ-Мохаммедъ перешелъ отъ меня въ Гезараспъ къ Эсфендіяръ-хану; они, соединившись, открыли со мною войну. Я остался побѣдителемъ, и они со мною заключили миръ. По прошествіи шести мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ я жилъ, ничего не опасаясь, они оба неожиданно пришли къ Хивѣ и остановились близь городскихъ воротъ. Простолюдины изъ Тюркменовъ, жившіе внѣ города, собрались къ Эсфендіяръ-хану: ихъ число простиралось до пяти тысячъ; я съ шестью стами человѣкъ, какіе были при мнѣ, заперся въ городѣ. Въ одно время я послалъ къ Гезараспу двадцать человѣкъ юртауловъ; когда они, опустошивши страну, возвращались съ добычею, владѣльцы взятаго имущества опередили юртауловъ и извѣстили о возвращеніи ихъ Эсфендіяръ-хана. Онъ велѣлъ Шерифъ-Мохаммеду выступить съ конницею и захватить юртауловъ, прежде нежели они соединятся съ Абульгази-ханомъ. Одинъ изъ юртауловъ пріѣхалъ ко мнѣ и говорилъ, чтобы я послалъ людей для встрѣ-

чи ихъ. Не получивъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что Мохаммедъ-Шерифъ выступилъ противъ юртауловъ, я послалъ къ нимъ только сто человѣкъ. Мохаммедъ-Шерифъ встрѣтился съ юртаулами на южной сторонѣ Хивы, при селеніи Гюльбанъ-багъ. Въ то же время подоспѣли туда и посланные мною сто человѣкъ. Шерифъ-Мохаммедъ послалъ гонца къ Эсфендіяръ-хану за помощью; и ко мнѣ также прибылъ человѣкъ съ требованіемъ вспоможенія. Нашъ отрядъ, отражая врага, шелъ къ Хивѣ. Въ это время, для обѣихъ сторонъ, подошли вспомогательные отряды, и на томъ мѣстѣ произошла между ними жестокая битва; она продолжалась столько времени, сколько его потребно для того, чтобы сварить мясо. Тогда непріятель обратился въ бѣгство: мы гнали его до самаго соединенія его съ Эсфендіяръ-ханомъ. Объ этомъ, если бы мы стали разсказывать подробно всѣ обстоятельства, то разсказъ сдѣлался бы дологъ и обширенъ. Послѣ этой битвы мы помирились. Въ то время двѣсти семействъ лучшихъ Узбековъ перешли изъ Бухары и поселились между Катомъ и Араломъ. Услышавъ объ этомъ, Эсфендіяръ-ханъ пригласилъ къ себѣ меня убогаго и Шерифъ-Мохаммеда. Шерифъ-Мохаммеду онъ далъ приказъ: „ты въ нынѣшнюю ночь скройся, уйди къ Узбекамъ, показавъ видъ, что я объ этомъ не знаю“. Шерифъ-Мохаммедъ скрытно ушелъ. Наутро начальники Тюркменовъ пришли къ Эсфендіяръ-хану и спрашивали его: знаешь ли, что твой братъ скрылся? Эсфендіяръ-ханъ клялся, что не знаетъ этого; „это дѣло—умыселъ Абульгази!“ говорилъ онъ. Тюркмены повѣрили словамъ хана. На слѣдующій день Эсфендіяръ-ханъ рано утромъ призвалъ къ себѣ начальниковъ Тюркменскихъ и говорилъ имъ: Абульгази чрезъ посланнаго вызвалъ Узбековъ изъ Бухары въ Аралъ, а отсюда послалъ къ нимъ Шерифъ-Мохаммеда. Потому надобно противъ него принять какія-нибудь мѣры“. Я ни сколько не зналъ объ этомъ и спалъ дома; прежде чѣмъ занялась заря, ханъ призвалъ къ себѣ всѣхъ Тюркменовъ, бывшихъ въ городѣ; ввелъ

ихъ въ крѣпость, къ воротамъ приставилъ стражу, приказавъ не выпускать изъ нея ни одного человѣка. При мнѣ было не болѣе шести человѣкъ. Лишь только разсвѣтало, Эсфендіяръ велѣлъ меня схватить; отдалъ меня подъ присмотръ двадцати человѣкамъ, ему преданнымъ, и велѣлъ отправить меня къ Кызылбашамъ. Приставленные ко мнѣ, перевезли меня въ Эсюрдъ и, передавши правителю этого города, воротились назадъ. Правитель Эсюрда передалъ меня Хорасанскимъ бекамъ, а эти отвели меня въ Иракъ. Въ тотъ годъ, по смерти шаха Аббаса-Мази, сдѣлался падишахомъ внукъ его, шахъ Сефій. Я былъ представленъ ему въ Гамаданѣ. Шахъ послалъ меня въ Исфаганъ; велѣлъ тамъ дать мнѣ особливый домъ, на столъ выдавать мнѣ каждогодно по десяти тысячъ тенке и, чтобы я не убѣжалъ, опредѣлилъ ко мнѣ стражу.

Побѣгъ Абульгази-хана изъ Ирака и событія до того времени, какъ онъ сталъ ханомъ.

Въ городѣ Исфаганѣ, что въ Иракѣ, я прожилъ десять лѣтъ. При наступленіи одиннадцатаго года, я троимъ человѣкамъ, при мнѣ бывшимъ, сказалъ: „хочу бѣжать отселѣ,— будьте мнѣ спутниками!“ Они отвѣчали: „сдѣлаемъ такъ!“— У насъ была лошадь, данная намъ для зарѣза въ пищу. Кызылбашу, который былъ при мнѣ для присмотра за мною, я велѣлъ отвести ту лошадь, чтобы ее зарѣзать и мясо ея доставить къ намъ, и тутъ же далъ ему тысячу тенке, сказавъ: „на эти деньги ты купи себѣ невольницу; если останется сколько нибудь денегъ, возврати мнѣ ихъ; если же не будетъ лишняго, то все твое“. Онъ для этого куда-то далеко ушелъ отъ насъ. Я, вставъ рано, взялъ изъ одной конюшни восемь лошадей, привелъ ихъ домой и спряталъ на дворѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ никто не могъ увидѣть. Когда всѣ легли спать, я всѣхъ ихъ осѣдлалъ. Одинъ изъ насъ зналъ Персидскій и Тюркскій языкъ, ему я велѣлъ назваться бекомъ; другого

молодца сдѣлалъ при немъ кравчимъ; третьему молодцу велѣлъ отправлять дѣло служителя при бекѣ, а самъ я перерядился въ одежду конюха. Мы другъ другу обрили бороды. Послѣ того мы вывели вонъ поодиночкѣ всѣхъ лошадей. Въ большихъ городахъ, когда наступаетъ полночь, бьютъ въ барабанъ. Когда въ ханѣ забили въ барабанъ—мы сѣли на коней и поѣхали. Подъѣхали къ городскимъ воротамъ, постучались; запоръ съ воротъ былъ снятъ, онѣ растворены и мы выѣхали изъ города. Когда мы пріѣхали въ Бистамъ, три изъ моихъ лошадей отъ жиру не могли итти; было уже павечерье, какъ я, проѣхавъ Бистамъ, остановился въ селеніи Бошъ. На кладбищѣ этого селенія встрѣтились три человѣка, исправлявшіе дѣло могильщиковъ. Одинъ изъ нихъ, когда я спросилъ его, кто онъ, отвѣчалъ, что онъ сеидъ. Онъ былъ человѣкъ бѣдный. „Мы ѣдемъ въ Мешхедъ, купи нашимъ лошадямъ корму, сказалъ я ему и далъ въ руки десять тенке. „Три лошади у насъ, разжирѣвъ, не могутъ идти; дай знать жителямъ, не промѣняется ли кто съ нами лошадьми“. Вмѣстѣ съ сеидомъ мы подошли къ воротамъ дома, въ тѣни ограды его разостлали коверъ: бекъ нашъ сѣлъ на немъ, одинъ изъ нашихъ молодцевъ сталъ при немъ, сложивъ почтительно руки; другой держалъ лошадей, а я взялъ три ногайскія лошади, чтобы хлопотать о смѣнѣ ихъ. Сеидъ принесъ для лошадей ячменя и далъ знать жителямъ о мѣнѣ ихъ. Въ одинъ часъ собралось до двухъ сотъ человѣкъ, привели до пятидесяти лошадей; мѣсто это обратилось въ торговую площадь. Я вымѣнялъ двухъ лошадей, оставалось перемѣнить послѣднюю. Въ числѣ пришедшихъ туда людей былъ старикъ, которому было уже лѣтъ за семьдесятъ, высокій ростомъ, бѣлобородый. Когда я выслушалъ разговоръ о томъ, что отъ Бистама идутъ двѣ дороги: по одной ходятъ караваны, а другая, лежащая черезъ горы, по двухдневной ѣздѣ, соединяется съ большею дорогою, и что эту другую дорогу, кромѣ здѣшнихъ жителей, не знаетъ никто; и когда я попросилъ одного человѣка сказать мнѣ о прямой дорогѣ, ведущей на се-

леніе Магазъ: тогда тотъ стоявшій въ народѣ бѣлобородый старикъ подошелъ и началъ говорить громко: „земляки! я давно уже нѣсколько разъ говорилъ вамъ, и вы все не вѣрите моимъ словамъ: ей Богу, я говорю вамъ правду. Изъ жителей нашей деревни и десятый человѣкъ не знаетъ дороги на Магазъ: зачѣмъ этотъ не хочетъ ѣхать большой дорогой и разспрашиваетъ о дорогѣ Магазской? Земляки! Этотъ человѣкъ навѣрно тотъ узбекъ, котораго падишахъ держалъ въ числѣ узниковъ. Онъ ушелъ изъ-подъ стражи и хочетъ убѣжать въ Самаркандъ; сегодня или завтра за нимъ придетъ погоня. Кто продастъ ему коней, тотъ окажется виновнымъ. Если можете, схватите его и представьте въ Бистамъ къ правителю, а если не можете, то по крайней мѣрѣ не давайте ему коней“. Всѣ тутъ бывшіе были Таджики и говорили по-персидски; Тюрки не понимаютъ ихъ рѣчи: я понималъ его и, умѣя говорить по-персидски, на Иракскомъ нарѣчіи, сказалъ ему: „притворщикъ! я не вмѣшивался въ твою рѣчь, хотя ты давно, говоря лживо, хочешь возбудить въ нихъ подозрѣніе къ намъ; я думалъ, что тебя перестанутъ слушать, но ты чѣмъ дольше здѣсь стоишь, тѣмъ больше увеличиваешь свою болтовню“. Выше я сказалъ, что нукеръ мой, которому я велѣлъ представлять лице бека, сидѣлъ на коврѣ, а другой молодецъ стоялъ передъ нимъ, сложивъ руки, потому я такъ продолжалъ: причина, по которой я спрашиваю о дорогѣ на Магазъ, та: изъ Хорасана прибылъ къ шаху человѣкъ съ извѣстіемъ, что Джегатаи осадили Кандагаръ, оттуда прошли далѣе къ крѣпости Бестъ, сразились съ Хорасанскими и Иракскими войсками и разбили ихъ. Шахъ далъ повелѣніе, чтобы никто изъ состоящихъ на службѣ и отставныхъ не оставался дома, всѣ шли бы на помощь. Сидящій тотъ человѣкъ, Мохаммедъ-кули-бекъ Черкезъ, какъ зовутъ его, есть сотникъ, а я урожденецъ Исфаганскій изъ прихода Хасаня; отецъ мой умеръ, когда я родился; мать моя жива, она красильщица волосъ. Тому уже три года, какъ нукеромъ при Мохаммедъ-кули-бекѣ. Ког-

да онъ сталъ отправляться въ Хорасанъ, и я съ нимъ вмѣстѣ долженъ былъ въ дорогу. Тогда мать моя мнѣ сказала: сынъ мой, по смерти твоего отца, я приняла къ себѣ какъ сына, одного школьника, доставляла ему хлѣбъ, шила и мыла ему одежду во все время, какъ онъ здѣсь учился, за то только, чтобъ онъ молился о твоемъ здоровьи; онъ сказывалъ, что онъ изъ селенія Магазъ за Бистамомъ. Проживъ двадцать лѣтъ для ученія въ Исфагани, онъ отсюда возвратился домой". Да и самъ я знаю, что онъ каждый годъ присылалъ письма къ моей матери; вотъ уже три года, какъ нѣтъ отъ него ни письма, ни вѣсти о немъ. Мать моя говорила: этотъ мулла также мнѣ сынъ, какъ ты: побывай у него въ домѣ; если онъ живъ, привези письмо отъ него; если умеръ, отъ меня прочти за него фатиху. Если этого не сдѣлаешь, то не прощу тебѣ моего молока". Вчера я просилъ у Мохаммедъ-кули-бека позволенія съѣздить въ Магазъ". „Поѣзжай!" сказалъ онъ. Поэтому-то я и разспрашиваю о дорогѣ на Магазъ". Когда я это сказалъ, стоявшій вокругъ меня народъ сказалъ: „Онъ правду говоритъ. Два уже года мулла не пишетъ писемъ потому, что онъ упалъ съ лошади и переломилъ себѣ ногу; нынѣ онъ, когда надобно бываетъ ему выходить изъ дома, ходитъ только на клюшкахъ. Онъ—благочестивый, святой человѣкъ; онъ часто разсказывалъ, что въ Исфагани живущую какую-то женщину считаетъ своею матерью, за то что она двадцать лѣтъ ему мыла бѣлье и ухаживала за нимъ, и онъ всегда посылалъ къ ней письма и подарки. Его зовутъ мулла Шахъ-Али". Этими словами они пристыдили бѣлобородаго, возбуждавшаго подозрѣніе о насъ; онъ уже не молвилъ ни разу послѣ моихъ словъ, которыя пришлись такъ удачно; я безъ всякаго опасенія разспросилъ о прямой дорогѣ подъ видомъ поѣздки къ муллѣ Шахъ-Алію. Тутъ былъ еще слуга сельскаго даруги, старикъ послалъ его къ господину сказать, что въ селеніи есть бѣглецы. Я, промѣнявъ двѣ лошади, хотѣлъ еще купить себѣ лошадь; когда я стоялъ, ко мнѣ сзади

подошелъ человѣкъ, схватилъ меня за поясъ—я стоялъ къ нему спиной и не видѣлъ его въ лице—и сказалъ ко мнѣ: воръ! шаховъ недругъ! и, дернувъ, повернулъ меня. Я взглянулъ ему въ лице и спросилъ его: „въ шутку говоришь мнѣ это, или серьезно?“ Не шутя говорю, отвѣчалъ онъ. Я ему сказалъ: тебѣ не жаль своего носа? Мохаммедъ-кули-бекъ, сотникъ, который тамъ сидитъ, есть одинъ изъ братьевъ Юсуфа-аги: у него до сего времени нѣтъ дѣтей: шахъ повелѣлъ ему отправиться противъ Джегатаевъ. Его супруга сказала: я раза четыре просила тебя сходить въ Мешхедъ къ гробницѣ имама Ризы, чтобы его ходатайствомъ Богъ даровалъ намъ дѣтей, и ты этого не сдѣлалъ. Теперь ты получилъ случай идти туда, такъ возьми меня съ собою. Тамъ я поклонюсь гробницѣ имама. Ага отправляется туда съ своею супругою“. Въ это время проходило по дорогѣ много верблюдовъ и ѣхали два паланкина; я, указавъ на нихъ рукою, сказалъ: эти верблюды, идущіе по дорогѣ, принадлежатъ нашему агѣ; въ зеленомъ паланкинѣ ѣдетъ его супруга; въ новомъ желтомъ паланкинѣ сидитъ наперсница ея; онъ взялъ ее съ собою. Такъ тише говори, чтобъ не услышалъ ага. Если услышитъ, то тебя отправитъ къ Бистамскому правителю, и тотъ обрѣжетъ тебѣ и носъ и уши“. Слуга подошелъ ко мнѣ и, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: я шучу съ тобою, а ты сердишься! и упрашивалъ, чтобы я извинилъ его, и еще пошелъ и принесъ мнѣ блюдо винограда. Послѣ этого я промѣнялъ послѣднюю лошадь, распросилъ подробно о дорогѣ и, узнавъ о ней, пустился въ путь.

Совершая этотъ путь, я выѣхалъ въ Хорасанское селеніе Магинъ (Магминъ). Изъ Магина видны были на краю Кара-кума два аула. Въ одномъ изъ этихъ ауловъ, который виденъ былъ среди Магинскаго урочища, верхушки домовъ имѣли видъ Хорасанскихъ домовъ, а верхушки домовъ, стоявшихъ на окраинѣ песковъ, были Тюркменской постройки. Замѣтивъ это, я сказалъ моимъ спутникамъ: „тѣ два аула, стоящіе въ Кара-кумѣ, Абульханскихъ и Манкышлакскихъ Тюркменовъ; аулъ, стоящій среди Магинскаго урочища,

состоитъ изъ Тюркменовъ, подвластныхъ Кызылбашамъ; это узнаю я по устройству домовъ ихъ: поѣдемъ въ эти аулы," и туда я направилъ путь. Когда я подъѣхалъ къ первому изъ этихъ ауловъ, къ намъ вышелъ молодой человѣкъ; на вопросъ мой: какой народъ живетъ здѣсь? онъ отвѣчалъ: мы Кызылъяяки". Но вы прежде жили въ Мангышлакѣ, сказалъ я, какъ же сюда вы попали?" Онъ отвѣчалъ: „насъ разорили Калмыки; отняли у насъ имущество; мы, оставшись, взяли себѣ на плеча нашихъ дѣтей и пѣшкомъ пришли сюда. Три уже года, какъ мы здѣсь. Въ нынѣшній только годъ мы построили себѣ домы; а когда пришли сюда, то поставили себѣ шалаши и жили въ нихъ".—„Вблизи отсюда, спросилъ я, есть ли жители? и кто они?" Онъ назвалъ мнѣ по имени человѣкъ шесть изъ поколѣнія Тюркменовъ Ирсари, которые мнѣ были извѣстны, и которыхъ дома отстояли отсюда на два фарсанга. Въ это время приходитъ самъ хозяинъ дома; онъ на мои разспросы сказалъ то же самое. Послѣ его словъ я успокоился, увидѣвъ, что и эти Тюркмены и тѣ Тюркмены не таковы, чтобы задержали и выдали меня Кызылбашамъ. Я открылъ имъ, кто я; они меня узнали. Когда я извѣстилъ о себѣ жителей сосѣднихъ селеній, всѣ они собрались ко мнѣ и говорили: „нынѣшнюю зиму—а это было осенью—вы проживите у насъ; съ наступленіемъ весны мы сдѣлаемъ, что будетъ нужно къ пользѣ вашей". Я пробылъ у нихъ зиму. Когда настала весна, они мнѣ сказали: „земли наши очень тѣсны, и мы живемъ среди Кызылбашей: перейдите въ Абульханскія горы къ Тюркменскому поколѣнію Теке". Они переправили меня въ Абульханскія горы и я два года жилъ тамъ среди Текейцевъ. Оттуда я перешелъ въ Мангышлакъ. Мангышлакскіе Тюркмены передъ этимъ временемъ были разорены; изъ нихъ оставалось только сто семействъ, но и тѣ были въ зависимости отъ Калмыковъ. Калмыкскій владѣлецъ, узнавъ о моемъ приходѣ, прислалъ ко мнѣ своего чиновника и звалъ меня къ себѣ. Честивъ меня у себя годъ, онъ проводилъ меня къ Ургенджскимъ моимъ подданнымъ.

Царствованіе Абульгази-хана.

Въ тысяча пятьдесятъ второмъ году гиджры (1642 Р. Х.), въ годъ змѣи, я прибылъ въ свою область, къ своему народу.

Спустя шесть мѣсяцевъ, въ началѣ года коня, умеръ Эсфендіяръ-ханъ. Черезъ годъ послѣ смерти Эсфендіяръ-хана, именно въ тысяча пятьдесятъ четвертомъ году гиджры (1644 Р. Х.), въ началѣ года овцы, меня убогаго возвели на ханскій престолъ въ Аралѣ, какъ зовутъ ту страну, гдѣ рѣка Аму впадаетъ въ море. За два года до того, въ концѣ года барса*), въ первый день мѣсяца хутъ (февраля), умеръ младшій изъ моихъ братьевъ Шерифъ-Мохаммедъ-султанъ.

Послѣ Эсфендіяръ-хана осталось два сына, старшій Юшанъ-султанъ, младшій Эшрефъ-султанъ. Въ это время умеръ Имамъ-кули-ханъ, его мѣсто на ханскомъ престолѣ заступилъ младшій братъ его, Надиръ-Мохаммедъ-ханъ. Мы у Тюркменовъ потребовали, чтобы они выслали ко мнѣ сыновей моего старшаго брата и подчинили мнѣ владѣнія ихъ; но они отказались отъ того и, поминая на хутбѣ имя Надиръ-Мохаммедъ-хана, выслали отъ себя Эшрефъ-хана. Мы открыли войну и сдѣлали два похода на Хиву. Послѣ этого Надиръ-Мохаммедъ-ханъ прислалъ своего правителя въ Хиву и Гезараспъ, а сына, дочь и жену Эсфендіяровыхъ велѣлъ перевести въ Карши и тамъ убить ихъ. Беки, наскоро присланные въ Хиву и Гезараспъ Надиръ-Мохаммедъ-ханомъ, не отдѣлялись отъ того, кому сборъ доходовъ съ сихъ городовъ порученъ былъ прежде Эсфендіяръ-ханомъ. Каждый изъ нихъ сдѣлался правителемъ какой-нибудь области, начальникомъ какихъ-либо деревень; ханъ прислалъ ихъ, не назначивъ никого изъ нихъ къ какому-нибудь прямо указанному мѣсту. Поэтому управленіе и сборъ доходовъ съ области находился въ рукахъ Тюркменовъ. Мы отъ Арала съ конницей дѣлали

*) Въ 1639 г. См. замѣч. при объясненіи монголо-тюркскаго цикла.

набѣгъ на Хиву и много опустошали эту область. Спустя пять мѣсяцевъ послѣ этого набѣга, Надиръ-Мохаммедъ-ханъ прислалъ въ Хиву Касимъ-султана, сына своего старшаго сына Хосревъ-султана; но какъ и онъ не входилъ въ управленіе Хивою и въ сборъ доходовъ въ немъ, то и теперь эта область по прежнему оставалась во власти Тюркменовъ. Услышавъ, что прибылъ туда Касемъ-султанъ, я убогій изъ Арала выступилъ въ походъ; вечеромъ во время четвертаго намаза (молитвы) подошедъ къ селенію Гюндумъ-канъ, которое близъ воротъ Хивы, я послалъ отрядъ конницы, давши приказъ: соберитесь у каменнаго моста при устьѣ рѣчки, которая въ Ханакагѣ; дальше за мостъ не уходите, а соберитесь у того мѣста, гдѣ стоятъ лодки (изъ Арала мы пріѣхали сюда на лодкахъ). Конница отправилась; при себѣ, для своей охраны, я оставилъ сто хорошихъ человѣкъ; двѣсти человѣкъ, молодые угланы, которые не могли еще стрѣлять изъ лука, старики, которые не могли вредить врагу, и слабые, остались охранять станъ, заводныхъ коней и всѣ запасы въ станѣ. Мы выступили вслѣдъ за конницею. Непріятель вышелъ изъ Хивы; мы шли по сѣверной сторонѣ большого канала, тянувшагося къ Хивѣ; непріятель шелъ по южной сторонѣ его. Когда еще не успѣлъ подойти непріятель къ намъ, мы, перешедши большой каналъ, построились въ боевой порядокъ для отраженія врага. Всѣхъ насъ и хорошихъ и плохихъ было триста человѣкъ: изъ нихъ сто двадцать человѣкъ стрѣлковъ; я спѣшился и вмѣстѣ со мною сошли съ коней шестьдесятъ человѣкъ; двѣсти человѣкъ безъ луковъ я поставилъ въ центрѣ строя; двадцать человѣкъ съ луками я выбралъ въ наѣздники; двадцать такихъ я поставилъ на правомъ крылѣ, и двадцать на лѣвомъ крылѣ строя. Кромѣ ихъ было двадцать человѣкъ съ ружьями; они, перешедши большой оврагъ, стали на правомъ флангѣ. Воинамъ съ ружьями я велѣлъ спѣшиться, и они стали на одной съ нами линіи. Какъ скоро мы построились, непріятель къ намъ приблизился. Онъ не

строился отдѣленіями, какъ мы, и не спѣшивался; онъ двигался всею массою и, составляя строй въ видѣ гусинаго крыла, подошелъ къ намъ и остановился. На взглядъ ихъ было человѣкъ до тысячи, семь или восемь сотъ были въ броняхъ и латахъ: панцыри, шеломы, поножи, наколѣнники закрывали человѣка такъ, что кромѣ глазъ не было у него ничего открытаго: таковы у нихъ были люди, а у насъ было только пять человѣкъ въ броняхъ. Сначала пять джигитовъ бросились на нашихъ передовыхъ (ирауловъ) съ кликомъ: „*тайма, бегадуръ, тайма*“ *) и, съ джигитами двумя сразившись на копьяхъ, ушли назадъ. Прежде нежели они пришли къ своему мѣсту, пятнадцать человѣкъ ударили на насъ; наши конные и этихъ также прогнали назадъ. Когда они возвращались къ своему мѣсту, сто человѣкъ изъ нихъ бросились на нашихъ; ихъ наши ираулы также прогнали. Когда тѣ дошли до своего мѣста, еще сто человѣкъ бросились на насъ; но, когда еще они не доскакали до насъ, наши конники побѣжали отъ нихъ и вошли въ средину пѣхоты. Я былъ во фронтѣ пѣхоты; еще прежде я далъ всей пѣхотѣ приказъ: „одинъ вашъ глазъ долженъ смотрѣть на врага, другой на меня!“ Когда непріятель подошелъ къ намъ шаговъ на тридцать, я сѣлъ; и, держась прямо, мы аттакующихъ припяли въ стрѣлы; въ то же время нѣсколько человѣкъ съ ружьями изъ скрывавшихся въ каналѣ посыпали выстрѣлы на аттакующаго насъ врага, а другіе изъ нихъ, не могши вступить въ бой, дѣйствовали стрѣлами. Непріятель, не вытерпѣвъ боя, сталъ отступать. Мы медленно шли за нимъ. Правый флангъ и лѣвый флангъ и авангардъ подошли ко мнѣ, и мы шли пѣшіе: ружейники, которые были въ каналѣ, изъ ружей палили въ непріятельскій отрядъ со знаменемъ, а мы, пѣшіе, стрѣлами разили ихъ конницу. Непріятельскіе полки начали мѣшаться и, пройдя

*) не поскользнись, богатырь, не поскользнись! не падай, батырь, не падай!

саженъ десять, разстроились и побѣжали. У насъ не было конницы, чтобы преслѣдовать и поразить ихъ. Мы стояли и смотрѣли до той поры, какъ непріятель въ побѣгѣ своемъ ушелъ въ Хиву, а погомъ мы сѣли на коней и пріѣхали къ каменному мосту. На мѣстѣ, которое зовутъ Китма-туръ, не являлось еще ни одного аламана; оттуда мы перешли на берегъ рѣки, на то мѣсто, гдѣ стояли лодки. Здѣсь собрались всѣ аламаны съ своей добычею; нѣкоторые изъ нихъ сварили мясо, сѣли и ѣли. Ханъ и аксакалы ихъ отдохнули. Этотъ день мы пробыли на берегу этой рѣки. На утро переправясь чрезъ рѣку, мы въ нѣсколько дней возвратились въ домы.

Должно увѣдомить, что Абульгази-ханъ—райское жилище ему—составляя это сочиненіе, когда дописалъ этотъ листъ, сдѣлался боленъ. Тогда онъ своимъ сыновьямъ, завѣщевая, сказалъ: „эту книгу не оставляйте не доконченною, употребите стараніе кончить ее“. И тогда же покойный и отошедшій къ милосердію Божію отецъ мой, Абульгази, присудилъ, чтобы я, рабъ скудный и слуга немощной Анушъ-Мохаммедъ-багадуръ-ханъ, довелъ до конца эту книгу. Хотя у меня и нѣтъ способностей и силъ для такого труднаго дѣла, но, не смотря на мою слабость, исполняя распоряженіе царя сильнаго, государя славнаго, я взялся, по мѣрѣ моего умѣнья, привести къ концу это сочиненіе.

Надиръ - Мохаммедъ - ханъ вызвалъ въ Бухару Касимъ-султана съ его беками, а на мѣсто его послалъ въ Харезмъ Якуба-Тупита съ нѣсколькими людьми. Когда онъ туда пришелъ, покойный мой отецъ опять выступилъ въ походъ на Хиву. Якубъ-Тупитъ не могъ стать противъ хана и только смотрѣлъ на опустошеніе своей страны. Въ это время беки въ Бухарѣ, озлобленные Надиръ-Мохаммедъ-ханомъ, выгнали его изъ Бухары, и поставили ханомъ въ Бухарѣ старшаго сына Надиръ-Мохаммедъ-ханова, Абдуль - азиза. Ханскіе люди, жившіе въ Хивѣ, убѣжали изъ города, тогда покойный мой отецъ съ войскомъ выступилъ изъ Арала, вступилъ въ

Хиву въ тысяча пятьдесятъ шестомъ году гиджры (1646 Р. Х.), въ началѣ года курицы, и сдѣлался властителемъ отцовскаго юрта.

Ханъ велѣлъ объявить въ такихъ словахъ: „бѣжавшіе и укрывающіеся Тюркмены пусть возвращаются сюда, за то, что они отстали отъ меня, я не буду мстить имъ кровью". Предъ этимъ временемъ начальники Тюркменовъ, Аллямъ-багадуръ, Динъ-Мохаммедъ Упъ-бики и Урусъ-унъ-бики бѣжали, увели съ собой многихъ Тюркменовъ съ ихъ семействами и жили въ песчаной степи по ту сторону Гезараспа. Лазутчикъ съ ихъ стороны услышалъ, что ханъ далъ такое объявленіе, пошелъ и извѣстилъ Тюркменовъ. Пять или шесть Тюркменскихъ аксакаловъ (старѣйшинъ) явились къ хану и говорили: „кромѣ тебя нѣтъ у насъ другаго властелина и намъ некуда идти". Ханъ—рай ему жилище—на это сказалъ: я съ своей стороны простилъ вамъ, подданнымъ моимъ, вины ваши; кто хотѣлъ уйти, ушелъ; кто хотѣлъ остаться, остался." Потомъ онъ сказалъ имъ: „я скоро поѣду въ Гезараспъ: вы, аксакалы, вмѣстѣ съ своимъ народомъ тамъ ко мнѣ явитесь принять отъ меня дары и награды" Чрезъ нѣсколько дней ханъ отправился въ Гезараспъ. Но, въѣзжая въ городъ, онъ велѣлъ поставить шатеръ свой на равнинѣ, внѣ города, и тамъ остановился. Старшинамъ Тюркменовъ онъ сказалъ: „завтра я даю большой пиръ; вы, мой народъ, приходите сюда и приносите съ собой айрана и катыка" *). Все это такъ и будетъ! отвѣчали аксакалы и разошлись по своимъ домамъ. Наутро Тюркмены толпами начали сходиться. Ханъ же—рай ему жилище! — далъ приказъ: когда Тюркмены всѣ къ нему соберутся, въ то время какъ подана будетъ пища, ихъ всѣхъ избить. Когда Тюркмены собрались, ихъ всѣхъ избили. До двухъ тысячъ Тюркменовъ было тогда убито. Потомъ, взявъ конницу, онъ напалъ на жилища Тюркменовъ;

*) *Катыкъ* — кислое молоко, одно изъ яствъ; *айранъ* — кислое молоко, разведенное водой, обыкновенное питье у средне-азійскихъ номадовъ.

забралъ въ плѣнъ семейства ихъ и съ побѣдою, съ торжествомъ возратился въ Хіюкъ.

Походъ хана на Тышранъ.

Но ханъ не вступилъ еще въ Хиву, какъ многіе изъ жителей его бѣжали и ушли въ мѣстечко Тышранъ. Тамъ сдѣлали они укрѣпленіе и въ немъ засѣли. Ханъ—жилище его рай—выступилъ въ походъ на нихъ, въ концѣ года пса, въ мѣсяцѣ Джеди (декабрь), раззорилъ часть Тюркменовъ, жившихъ въ Тышранѣ, плѣнилъ семейства ихъ, и съ побѣдою, съ торжествомъ возратился въ Хиву.

Походъ хана въ Бама-бурму и избіеніе тамъ многихъ Тюркменовъ.

Тюркмены, убѣжавшіе изъ Тышрана, ушедшіе изъ Хиву, ушедшіе изъ Балка, собрались близъ мѣста, называемаго Бама-бурма, и тамъ жили. Ханъ, узнавъ объ этомъ, отправился въ походъ на нихъ Тюркмены, когда услышали, что ханъ идетъ на нихъ, отослали свои домы (семейства) въ мѣсто, которое зовется Каракыты, а сами выбрали себѣ начальникомъ Кагеръ-ходжу и, оставшись, какъ говорится, ни съ чѣмъ, собрались въ Бама-бурмѣ. Въ защиту себя построили каменную ограду и рѣшились биться съ ханомъ. Ханъ—рай ему жилище—съ войскомъ пришелъ и остановился прямо предъ ними. Одни къ другимъ отправляли посланцевъ, но чрезъ посланныхъ дѣла не кончили. Напослѣдокъ Тюркмены построились въ боевой порядокъ и вступили въ сраженіе съ ханомъ: они вышли изъ каменной своей ограды, и пѣшіе, съ кликомъ, стремительно бросились въ средину стрѣлковъ; прорвавшись сквозь нихъ, напали на центръ войска. Но силы Тюркменовъ истощались: тогда конница праваго и лѣваго крыла ханскаго войска съ крикомъ: „тайма“! „тайма“! удари-

ла на Тюркменовъ: пылъ ихъ къ бою затихъ, они оборотились назадъ и побѣжали къ крѣпости, но не успѣли дойти до укрѣпленія, всѣхъ ихъ безпощадно избили. Бойцы изъ Узбековъ вошли въ укрѣпленіе и, избивши тамъ всѣхъ Тюркменовъ, возвратились къ хану. Ханъ—рай ему жилище—рано поутру отправился въ Каракыты, разграбилъ тамъ аулъ, состоявшій изъ семействъ, убитыхъ въ укрѣпленіи Тюркменовъ, взялъ въ добычу ихъ имѣніе, плѣнилъ ихъ семейства и съ побѣдою, съ торжествомъ возратился въ Хиву.

Битва хана съ Калмыками.

Въ годъ коровы, князь Калмыцкаго поколѣнія Кушутъ, Кульдаленгъ Дорджи-тайши, сдѣлалъ набѣгъ на область Катъ, и съ добычей, имъ захваченной, отправился назадъ. Въ это время князь Торгаутскаго племени, по имени Баянъ, пріѣзжалъ для торговли; его отпустили домой, и потомъ погнались за тѣми Калмыками. Чрезъ пятнадцать дней послѣ полудня, настигли ихъ въ мѣстѣ Югрукъ-Башъ и вступили съ ними въ битву. Калмыки, переночевавъ на этомъ мѣстѣ, поутру, не отваживаясь вступить въ битву, пустились бѣжать. Ханъ—рай ему жилище,—оставаясь на этомъ мѣстѣ, приказалъ сварить пищу и поѣсть, напоить коней и верблюдовъ, и потомъ погнался за Калмыками. Калмыки въ своемъ побѣгѣ бросали много лошадей и верблюдовъ, но не могли убѣжать. Они увидѣли, что имъ не спастить. Не надѣясь спастись, они собрались вмѣстѣ въ одной ложбинѣ, огородили свой станъ и, сѣвши на коней, бросились на преслѣдующихъ. Въ это время ханъ съ нѣсколькими только человѣками былъ напереди другихъ; прочіе воины его не скоро одни послѣ другихъ являлись на мѣстѣ. Не время было сходить съ коней; молодцы (джигиты), прежде другихъ пріѣхавшіе, не отдыхая, смѣло бросились въ битву. Благословенный и Всевышній Богъ далъ имъ, соотвѣтственно ихъ упованію, одолѣніе и побѣду: они поразили Калмыковъ. Князь

ихъ былъ раненъ изъ ружья въ руку, пали на мѣстѣ знаменьщикъ съ отрядомъ его окружавшимъ и нѣсколько другихъ Калмыковъ, остальные бѣжали: ихъ преслѣдовали до Хифшена. Ночевавъ на этомъ мѣстѣ, поутру ханъ съ добычею и побѣдой отправился назадъ и чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ свою область.

Есть Тюркменское поколѣніе, называющееся Баирачь. Начальникъ этого улуса, по имени Байрачь-ханъ, не сталъ повиноваться покойному хану и взбунтовалъ противъ него. Потому ханъ—рай ему жилище—въ годъ зайца выступилъ противъ него въ походъ. Жилища этого поколѣнія находятся по берегу рѣки Этрекъ-куркана. Этотъ походъ хана былъ удивительный. Ханъ, чрезъ нѣсколько дней своего похода прибывъ въ одно мѣсто, подумалъ, что онъ находится въ близкомъ разстояніи отъ того поколѣнія, и велѣлъ поставить тамъ ханскую ставку, сложить съѣстные запасы; надѣясь, что въ этомъ мѣстѣ найдетъ то поколѣніе, взялъ съ собою съѣстныхъ запасовъ только на три дня. Дней восемь онъ ѣздилъ и не могъ найти это поколѣніе. Въ войскѣ насталъ голодъ; въ промѣнъ за лошадь не могли доставать одного хлѣба; по всему его пути отрядъ за отрядомъ отставали отъ его войска, такъ что изъ десяти тысячъ человѣкъ при ханѣ осталось только четыреста человѣкъ. Когда онъ ѣхалъ съ этими четырьмя стами, нечаянно имъ встрѣтилось нѣсколько купцовъ изъ народа Теке. Они побѣжали; изъ нихъ одного ли, двухъ ли схватили и убили, а одинъ спасаясь поскакалъ на своей быстрой лошади. Гнавшіеся за нимъ наѣхали на домъ Ханамирзы и овладѣли его ауломъ. Когда они съ нимъ возвращались назадъ, мнѣ попался Теке-Иванишъ, торговецъ, ѣхавшій изъ охранительнаго стана Байрачь-хана, они его схватили и привели его къ хану. Схваченный указалъ сторону, въ которой находился аулъ Байрача. Ханъ—рай ему жилище—, получивъ эту вѣсть, поѣхалъ въ ту сторону. Когда онъ приблизился къ аулу, люди, бывшіе при ханѣ, бросились въ

набѣгъ; при ханѣ осталось только тридцать человѣкъ. Съ этими тридцатью человѣками конницы ханъ аттаковалъ непріятеля; бой былъ таковъ, какого никогда не бывало. Одинъ изъ слугъ хана—рай ему жилище—, не намѣренно изъ ружья сразилъ Байрача: тогда тридцать тѣхъ джигитовъ на коняхъ бросились въ бой; перебили Тюркменовъ и, захвативши въ плѣнъ ихъ семейства, добычу представили хану. Ханъ наградилъ этихъ молодцовъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ, побѣдоносный и торжествующій, возвратился въ Хиву.

Походъ на Имриліевъ и Сариковъ.

Послѣ этого, въ годъ змѣи, онъ сдѣлалъ походъ противъ народа Имрилій: онъ нашелъ его въ мѣстечкѣ Фуджь и разорилъ. Возвращаясь съ плѣнниками изъ этого народа, онъ остановился при колодезѣ Динаръ. Онъ пришелъ туда вдругъ, когда Сарики не чаяли. При помощи Божіей онъ захватилъ ихъ, семейства и имѣніе ихъ, и съ торжествомъ возвратился въ Хиву.

Послѣ того онъ еще сдѣлалъ много походовъ на Тюркменовъ и изъ каждаго возвращался съ большою добычею. Еслибы мы стали подробно ихъ описывать, то нашъ разсказъ сдѣлался бы продолжительнымъ; потому мы его сократили.

Вторая битва покойнаго хана съ Калмыками.

Въ годъ дракона, Калмыки изъ поколѣнія Торгаутъ подъ начальствомъ своихъ князей Меркена-тайши, Окчутабы и Тугула, сдѣлали набѣгъ на нѣкоторыя селенія вокругъ Гезараспа; потомъ пошли въ Судуръ, оттуда перешли въ Даруганъ, предполагая, что тамъ находится имѣніе жителей. Изъ этихъ мѣстъ они возвращались съ добычей, какая попала имъ въ руки. Въ то время ханъ, получивъ извѣстія о нихъ, при-

былъ въ Гезараспъ и, думая, что они пошли къ Бухарѣ, послалъ къ Абдулъ-азисъ хану инака Ядигеръ-хана, сказавъ ему: „поди, извѣсти хана, чтобы онъ былъ остороженъ". Посолъ, когда шелъ къ селенію Даругану, вздумалъ переправиться за рѣку, чтобы развѣдать о непріятелѣ. Перешедъ на другой берегъ, узналъ, что Калмыки отправились въ обратный путь. Узнавъ объ отступленіи ихъ, онъ поспѣшно прибылъ сюда и пересказалъ о томъ, что было. Между тѣмъ прошло десять дней. Ханъ, получивъ эти извѣстія, сдѣлалъ засѣданіе съ беками и совѣтовался, что дѣлать. Беки считали неудобнымъ преслѣдованіе непріятеля и говорили: „десять дней уже прошло со времени отступленія Калмыковъ; догнать ихъ нельзя". Ханъ не принялъ ихъ мнѣнія, велѣлъ сѣсть на коней и отправился въ слѣдъ за Калмыками. Чрезъ нѣсколько дней настигли на горѣ Ирдиръ задній отрядъ Калмыковъ: ихъ разспросили, и они сказали, что другіе идутъ впереди ихъ недалеко отселѣ. Перебивъ этихъ Калмыковъ, преслѣдующіе пошли дальше. Въ ту же ночь, на утренней зарѣ, они настигли другой отрядъ. Калмыцкіе князья увидѣли, что имъ не убѣжать, стали совѣтоваться, что имъ дѣлать для своего спасенія. Напослѣдокъ они разсудили: „если мы всѣ будемъ вмѣстѣ, то не можемъ защищать другъ друга", и раздѣлились на отряды, въ предположеніи; „если спасутся изъ насъ храбрые, то можетъ быть спасутся и слабые". Меркенъ-тайши, составивъ свой отрядъ, Окчутаба—свой и Тугулъ свой отрядъ, пустились на утекъ, не заботясь объ усталыхъ и утомленныхъ. Ханъ, и днемъ и ночью продолжая походъ, настигъ Окчутабу и Тугула на мѣстѣ Сакинъ-ребатъ и шелъ на нихъ въ боевомъ порядкѣ. Калмыки, не надѣясь выдержать боя, заперлись въ Сакинъ-ребатѣ и, выславъ отъ себя человѣка, говорили: мы не знали, что юртъ, на который напали, Абульгази-хановъ; мы шли на область Абдулъ-азисъ-ханову; но сбились съ дороги и пришли сюда. Теперь ты—полный властелинъ надъ нами: если велишь умертвить насъ—твоя воля; если оставишь намъ

жизнь—твоя воля; мы передъ тобою—рабы виновные". Они повѣсивъ себѣ на шеи свои сайдаки и сабли, явились къ хану, положили предъ нимъ имѣніе, захваченное въ Ургенджѣ, и сами, упавши къ ногамъ его и съ клятвою давая обязательство, говорили: „съ этого дня мы не сдѣлаемъ ничего худого странѣ этой, тебѣ и твоему юрту (владѣнію); если кто изъ Калмыковъ или изъ другого народа задумаетъ сдѣлать вамъ какое-либо зло, то мы, если у насъ достанетъ силъ, остановимъ ихъ, а если не достанетъ силъ удержать ихъ, станемъ извѣщать васъ объ этомъ". Ханъ сказалъ: „ваши отцы и братья никогда не дѣлали намъ худаго, вы по невѣдѣнію пришли сюда; потому прощаю вину вашу". Далъ имъ подарки и отпустилъ ихъ въ свой юртъ, а самъ съ побѣдой и торжествомъ возвратился въ Хиву. Ядигеръ-инака призвалъ изъ Гезараспа въ Хиву, далъ ему достоинство инака и щедро наградилъ его.

Первый походъ покойнаго хана въ Бухару.

Это было такъ. Подчинивъ власти своего престола всѣхъ Тюркменовъ, ханъ нѣсколько лѣтъ жилъ спокойно и въ удовольствіи. Въ одно время прибылъ къ нему посолъ отъ Балхскаго хана Сюбханъ-кулы-хана съ донесеніемъ: братъ мой Абдулъ-азизъ-ханъ умышляетъ убить меня и овладѣть Балхомъ; ты для меня—отецъ и старшій братъ; кромѣ тебя другого защитника и покроьителя у меня нѣтъ. Если ты не возстанешь противъ него и не сдѣлаешь нападенія на Бухару, то онъ придетъ и возьметъ Балхъ и убьетъ меня, хотя за мною и нѣтъ вины". Сюбханъ-кулы-ханъ былъ женатъ на дочери Шерифъ-Мохаммедъ-султана, младшаго роднаго брата Абульгази-ханова, и былъ зять покойному хану; по этому родству онъ прислалъ къ нему посла съ оными словами. Къ тому же въ благородной душѣ хана оставалась память о той жестокости Абдуллы хана, съ какою онъ напалъ на Харезмъ, захва-

тилъ тридцать двухъ царевичей, родственниковъ покойнаго хана, убилъ ихъ, а всѣхъ малолѣтнихъ увелъ въ плѣнъ и въ неволю. Онъ склонился на слова Балхскаго хана и въ годъ овцы предпринялъ походъ на Бухару. Дошедши до мѣста Кюгердликъ, онъ послалъ Бекъ-кулы инака съ тысячью воиновъ на Кара-куль, а самъ пошелъ на Сюнуджъ-бала. Въ этомъ походѣ онъ опустошилъ Сюнджъ и около сорока другихъ селеній до воротъ города Бухары; захвативъ много скота, взявъ въ плѣнъ много людей, возвратился въ Кюгердликъ. Чрезъ три дня и Бекъ-кулы инакъ возвратился изъ похода, сдѣлавъ удачное нападевіе на Каракуль: онъ также привелъ къ хану большую добычу изъ скота и людей. По прошествіи нѣсколькихъ дней ханъ—рай ему жилище—благополучно возвратился въ Хиву.

Взятіе Каракуля.

Въ тотъ же годъ ханъ самъ сдѣлалъ походъ на Каракуль. Сдѣлавъ на него успѣшное нападеніе, онъ на обратномъ пути остановился въ Кюрдушѣ. Абдулъ-азизъ ханъ былъ въ Карши: беки бывшіе въ Бухарѣ, услышавъ о раззореніи Каракуля, съ пятью тысячами человѣкъ выступили противъ хана и, настигнувъ его въ Кюрдушѣ, стали насупротивъ его лицомъ къ лицу; не умѣя сражаться, они обратились въ бѣгство. Изъ пяти тысячъ сто человѣкъ спаслись бѣгствомъ, а прочихъ всѣхъ схватили и убили. Нѣсколько людей убѣжали въ Каракульскую крѣпость и въ ней заперлись. Покойный ханъ воротился и осадилъ Каракульскую крѣпость; взявъ крѣпость, онъ разграбилъ и зажегъ ее. Разграбивъ крѣпость и захвативъ жителей въ плѣнъ, онъ отступилъ къ Ургенджу. По прошествіи нѣсколькихъ дней, ханъ—рай жилище ему—съ побѣдою и торжествомъ прибылъ въ Хиву.

Походъ на Чегаръ-джуй.

Послѣ того, въ годъ обезьяны, онъ сдѣлалъ походъ къ Чегаръ-джую. Разворивъ его и взявъ въ плѣнъ, онъ возвратился въ Хиву.

Походъ покойнаго хана на Яйчи.

Въ началѣ года курицы, въ мѣсяцѣ созвѣздія овна (мартѣ), ханъ выступилъ въ походъ и, вступивъ въ страну Яйчи, опустошилъ ее до Нерзема и до Каракуля; захвативъ много людей въ плѣнъ, онъ отправился въ обратный путь. Абдулъ-азизъ-ханъ и Касимъ-ханъ, услышавши объ этомъ, выступили съ конницею изъ Бухары и пришли въ Кугердликъ; но, получивши извѣстіе, что онъ воротился противъ нихъ, не осмѣлились стать противъ него лицемъ къ лицу и обратились въ бѣгство: гоня своихъ коней, они бросили свои съѣстные припасы и конскій кормъ.

Въ тотъ же годъ ханъ ходилъ на Кермину: сдѣлавъ удачный наѣздъ на этотъ городъ, онъ взялъ его крѣпость, разграбилъ его, захватилъ много плѣнныхъ и, переправясь чрезъ рѣку по мосту, остановился. Никому не приходило на мысль, что сегодня или завтра можетъ напасть на нихъ непріятель. Ночь они спали тамъ съ большей беззаботливостью, чѣмъ у себя дома. Когда стала заниматься заря, многочисленная часть войска отправилась впередъ, взявъ съ собою тяжести и гоня передъ собою коней, верблюдовъ, коровъ и овецъ, какія имъ попали въ руки; когда стало свѣтать, другая значительная числомъ часть войска отправилась также впередъ, взявъ съ собой плѣнныхъ. Всего войска было пятнадцать тысячъ; но, когда наступилъ день, при ханѣ не осталось изъ этихъ пятнадцати тысячъ и ста человѣкъ. Ходжамъ-бирди, аталыкъ, пришелъ къ хану и сказалъ: „вы чрезъ мѣру не осторожны, ханъ; вставайте, надобно ѣхать“. Но всѣ, начи-

ная съ хана, ему говорили: „гдѣ нашимъ врагамъ! гдѣ имъ до насъ!“ Во время похода, когда пришли они въ мѣстечко Тамлыкъ-ата, какой-то человѣкъ изъ стана Уйгуровъ Авлія приходилъ къ намъ, представляя изъ себя нищаго; ему давали всѣ свободный доступъ. Въ мѣстечкѣ Тага-булакъ ему подавали милостыню. Ханъ, а за нимъ всѣ другіе думали, что этотъ человѣкъ вѣрятно заблудился и дошелъ до нужды просить милостыню; но за три дня прежде нашего прихода на мѣсто, этотъ человѣкъ ушелъ къ Абдулъ-азисъ хану и извѣстилъ его о походѣ нашего войска, а это напротивъ ни сколько не знало того. Вдругъ со стороны Бухарской началъ показываться непріятель, выходя отрядъ за отрядомъ. Увидѣвъ его, державный ханъ сѣлъ на коня и отправился вслѣдъ за своимъ отступившимъ войскомъ. Войско на пути своего отступленія пришло къ большому каналу и, какъ верблюды его не могли перейти чрезъ него, оно, столпившись при немъ, остановилось. Въ это время вдали показался непріятель, котораго по виду было тысячъ сорокъ или пятьдесятъ. Когда ханъ приближался къ тому мѣсту, за нимъ стремилось до тысячи человѣкъ непріятелей, которые всѣ были закованы въ желѣзо и сталь. Увидѣвъ ихъ, покойный ханъ сошелъ съ коня, спѣшились также и сопровождавшіе хана; въ это время было ихъ при ханѣ отъ семидесяти до ста человѣкъ. Ханъ послалъ нѣсколько человѣкъ къ тому отряду войска, которое стояло съ верблюдами у канала, съ приказомъ подать ему помощь; съ ними послалъ туда также трубача и знаменьщика, сказавъ трубачу: „ты чаще, чаще труби, дабы непріятель обманулся, считая станъ съ верблюдами устроившимся къ битвѣ войскомъ, а насъ передовымъ отрядомъ (ираулами)“. Въ то же время онъ изъ числа окружавшихъ его джигитовъ тридцать человѣкъ, подъ начальствомъ Ядигера—аталыка, послалъ противъ той тысячи человѣкъ, которую противъ него отрядилъ непріятель. Самъ же онъ построилъ къ битвѣ пѣхоту, при немъ оставшуюся, расположивъ ее рядами. Тридцать джигитовъ на

коняхъ устремились на ту тысячу съ крикомъ: „Алла-яръ!“ [1]) Эта тысяча побѣжала отъ нихъ. Спустя немного времени, тысячный отрядъ воротился и наскакалъ на нашихъ тридцать человѣкъ, которые также отъ нихъ ускакали, но не доѣхавши еще до своего войска, опять воротились и сдѣлали нападеніе на супротивника. Такъ два отряда эти нападали одинъ на другой и прогоняли другъ друга по очерддно до семи разъ. Между тѣмъ изъ стана, гдѣ стояли верблюды, прибывали на помощь по пяти по десяти человѣкъ, и при ханѣ собралось до шести сотъ человѣкъ пѣхоты и до трехъ сотъ конницы. Вотъ, когда Абдулъ-азизъ подошелъ съ своимъ великимъ войскомъ, открыли пальбу изъ ружей, такъ что отъ дыма на близкомъ разстояніи не можно было видѣть человѣку человѣка. Замѣчаю, что мнѣ, сыну Абуль-гази-ханову Ануша-Мохаммедъ-багадуръ-хану, во время похода моего отца на Кермину, было четырнадцать лѣтъ: въ этомъ походѣ, первомъ изъ моихъ походовъ, я сопутствовалъ ему. Въ то время, какъ непріятель настигалъ насъ, ханъ—рай его жилище—послалъ лютаго тигра войны, полнаго властелина своей страны—Ануша-Мохамедъ-хана привести назадъ ушедшее впередъ войско. За ними, когда они ушли, онъ также послалъ Ходжамъ-бирди аталыка, Девлета аталыка и Бекъ-кулы инака. Какъ только наши войска пришли къ намъ, непріятель быстро подошелъ и спереди и съ обѣихъ сторонъ окружилъ покойнаго хана, такъ что не было возможности спасаться отступленіемъ. Я шелъ противъ него въ головѣ одного отряда. Тотъ нашъ отрядъ изъ ста человѣкъ непріятель наконецъ такъ утомилъ, что, еслибы еще не много времени прошло, онъ его совсѣмъ истребилъ бы. Въ то время, какъ конный отрядъ изъ шестидесяти джигитовъ, по указанію хана, устремился на врага, Ануша-Мохаммедъ-багадуръ-ханъ съ двумя стами воиновъ напалъ на врага съ другой стороны; ударъ его былъ такъ си-

[1]) «Богъ помощникъ».

ленъ, что все войско одобрило его, сказавъ: прекрасно! Исходъ дѣла былъ тотъ, что великое ополченіе Абдулъ-азизъ-хана, котораго было шестьдесятъ тысячъ, сбито съ своего мѣста. Въ это время восемьдесятъ человѣкъ пѣшихъ воиновъ, подъ начальствомъ Абульгази-хана, увидѣвъ, что непріятель побѣжалъ, съ кликомъ устремились на главное войско Абдулъ-азизъ-хана. Наша пѣхота, находившаяся на правомъ и лѣвомъ флангѣ, въ числѣ человѣкъ четырехъ сотъ, также съ кликомъ пошла на врага; смотря на нее, стоявшая на своемъ мѣстѣ конница, въ числѣ сотъ трехъ человѣкъ, напала на врага съ другой стороны. Волею Божіей войско Абдулъ-азизъ-хана разстроилось и обратилось въ бѣгство. Герои покойнаго хана, дружно преслѣдуя врага, однихъ мяли конями, другихъ сжинали мечами, а иныхъ, гоня, притиснули къ рѣкѣ: часть непріятелей бросилась въ рѣку и потонула, а часть ушла, перешедши по мосту. Въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ батырей, настигнувъ отрядъ при Абдулъ-азизъ-ханѣ, кололи его копьями. Абдулъ-азизъ-ханъ, съ величайшимъ трудомъ избѣгая отъ рукъ ихъ, бросился въ рѣку и, переплывъ ее, спасся. Ханъ—рай его жилище—, оставшись побѣдителемъ, съ великою добычею и съ многими плѣнниками прибылъ назадъ въ Хиву. Здѣсь, созвавъ къ себѣ весь народъ, онъ сказалъ ему: „этотъ походъ былъ первымъ походомъ нашего сына; его поступки и дѣйствія были счастливы такъ, что мы побѣдили такого великаго государя, каковъ Абдулъ-азизъ ханъ“. Похваливъ его дѣла, совершенныя въ день этой битвы, и давъ большой пиръ, —онъ поручилъ ему знамя, ввѣрилъ войско и отдалъ ему Гезараспъ.

Походъ покойнаго хана въ Вердазы.

Послѣ того, въ годъ пса, онъ сдѣлалъ походъ на Вердазы и возвратился оттуда въ Хиву съ несмѣтною добычею и съ безчисленными плѣнниками.

Послѣдній походъ его въ Бухару.

Послѣ того, въ годъ барса, онъ съ конницею отправился къ Бухарѣ; опустошивъ ея окрестности, онъ остановился при воротахъ ея Намазкагъ; въ продолженіе десяти дней онъ нападалъ и грабилъ, но въ самый городъ не вступалъ, потому что Абдулъ-азизъ-ханъ былъ въ Самаркандѣ; внутри города Бухары никого не было кромѣ нѣсколькихъ Таджиковъ и женщинъ". Если мы войдемъ въ городъ—говорилъ ханъ—то всѣ люди въ мірѣ будутъ осуждать насъ и говорить, что Абульгази-ханъ взялъ Бухару изъ рукъ нѣсколькихъ женщинъ; когда Абдулъ-азизъ-ханъ будетъ жить въ городѣ, тогда изъ его рукъ, если Богъ дастъ, возьму его". Потому онъ, захвативъ множество имѣнія и плѣнниковъ, отправился въ Харезмъ: чрезъ нѣсколько дней, онъ съ побѣдою и торжествомъ прибылъ въ Хиву.

Послѣ сего ханъ сказалъ: „теперь мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ; отнынѣ не хочу дѣлать зла мусульманамъ: оно было причиною вражды между нами. Такъ какъ всехвальный и всевышній Богъ, низпосылая мнѣ свою помощь, всегда дѣлалъ меня побѣдителемъ, то остальную жизнь мою употреблю на служеніе Богу всевышнему, на войну съ Кызылбашами и Калмыками". Передавъ царство своимъ сыновьямъ, онъ занялся дѣлами покаянія и благочестія; въ Мавераннегръ отправилъ посла и помирился съ Абдулъ-азизъ-ханомъ. Въ тысяча семьдесятъ четвертомъ году гиджры (1664 Р. Х.), въ годъ зайца, въ священномъ мѣсяцѣ рамазанѣ, онъ перешелъ изъ временнаго жилища въ вѣчное. Царствовалъ двадцать три года.

Конецъ книгѣ.

Богъ вполнѣ вѣдаетъ истину.

Указатель *).

Аба-бекъ, бекъ Оклійцевъ, 217.

Абай, сынъ Узь-Тимура, 157.

Абай, отецъ Нумгана, 157.

Абакъ-ханъ, сынъ Гулагу-хана, 31. 144. 145. 147. 153.

Абакъ-ханъ, отецъ Аргуна, 31. 145. 153.

Абакъ-ханъ, отецъ Кенджайта, 145. 147.

Абакъ-ханъ, сынъ Махмудекъ-хана, 156.

Абакъ-ханъ, отецъ Тулукъ-хана, 156.

Аббасъ Мази, шахъ, 214. 235. 236. 242. 243. 257. 258. 266. 278.

Аббасъ-Мази, дѣдъ Сефій-шаха, 278.

Абдулла, см. Ибадъ-уллахъ.

Абдуллатифъ-мирза 164.

Аблуллатифъ-мирза, отецъ Мирза-Мохаммедъ-Джукія, 164.

Абдуллахъ, сынъ Кузгуна, 134.

Абдуллахъ-ханъ, сынъ Искендеръ-хана, 2. 158. 162. 171. 214. 221. 222. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 240. 242. 243.

Абдуллахъ-ханъ, отецъ Абдулъ-муминъ-хана, 162.

Абдуллахъ-ханъ, сынъ Махмудъ-султана, 161.

Абдулъ-азисъ, сынъ Надиръ-Мохаммеда, 287. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300.

Абдулъ-азизъ-ханъ, сынъ Нуръ-Мохаммедъ-хана, 158. 287.

Абдулъ-Азисъ, сынъ Обейдъ-хана, 197. 198. 199.

Абдулъ-муминъ-ханъ, сынъ Абдулахъ-хана, 162. 171. 230. 236. 240. 242. 243.

Абирь, область, 39.

Абискунъ, островъ на Каспійскомъ морѣ, 106. 109.

Абуканъ, сынъ Дуи-ходжена, 132. 134.

Абуканъ, отецъ Джангши и Ясунъ-Тимура, 132. 134.

Абу-лекъ, сынъ Ядигеръ-хана, 164. 177. 179.

Абулекъ-ханъ, см. Абу-лекъ ханъ.

Абулекъ-ханъ, отецъ Хясанъ-кули, 179.

Абульгази Багадуръ-ханъ, сынъ Арабъ-Мохаммедъ-хана, Харевміецъ, 1. 247. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 275. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 294. 298. 299. 300.

Абульгази-ханъ, сынъ Мигюрбани-ханымъ, 247.

Абульгази-ханъ, отецъ Анушъ-Мохаммедъ-багадуръ-хана, 287.

Абуль-магаля-Кетиба 105.

*) Настоящій указатель личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ «Родословскомъ древѣ тюрковъ», составленъ Н. Ѳ. Катановымъ.

Абуль-хаиръ-ханъ, сынъ Девлетъ-шейхъ-углана, 161. 164. 165. 167. 168. 169. 196. 248.

Абуль-хаиръ-султанъ, сынъ Тимуръ-султана, 221. 235.

Абуль-ханъ, Балканы, горы, 177. 178. 182, 183. 258. 259. 266. 271. 272. 282. 283.

Абуль-ханъ, отецъ Джелаль-хана и Нуръ-Мохаммеда, 213. 229.

Абу-Мохаммедъ, см. Абуль-Султанъ.

Абурульчій 245.

Абу-саидъ, или Джанибекъ ханъ, сынъ Беракъ-хана, 157.

Абу-Саидъ (сынъ Беракъ-хана), отецъ: Ирандчія, Махмуда, Касима, Итика, Джаниша, Канбара, Тениша, Усюка, Джаука, 157.

Абу-саидъ, сынъ Токтамышъ-хана, 157.

Абу-Саидъ-ханъ, сынъ Олджайту, 145. 146. 147. 154.

Абу-Саидъ-мирза, потомокъ Тимуръ-Бека, 164, 165. 166. 167.

Абуль-султанъ (ханъ), Абу-Мохаммедъ, сынъ Динъ-Мохаммедъ-хана, 208. 212. 213.

Абуль-хаиръ, отецъ Шахъ-Бадакъ-султана и Ходжа-Мохаммеда, 161.

Ава, сынъ Тингизъ-хана, 25.

Ава, внукъ Угузъ-хана (знач. высокостепенный), 26.

Аванишъ, Аванишъ-ханъ, сынъ Аменкъ-хана, 180. 184. 187. 190. 192. 194. 195. 196. 197. 203.

Аванишъ-ханъ, отецъ: Динъ-Мохаммедъ-хана, Махмуда, Алій-султана, 188, 200. 206. 214. 215.

Авганъ-султанъ, сынъ Арабъ-султана, 247. 248. 257.

Авлакъ, народъ, 18.

Авлій, уйгуръ, 297.

Аганай, Аганай-султанъ, сынъ Аменкъ-хана, 180. 181.

Агишъ, Агишъ-султанъ, сынъ Суфіяна, 186. 187. 202.

Адаклы-Хызръ, поколѣніе, 183, 198,

Адакъ-или, поколѣніе, 186. 198.

Адамъ, праотецъ, 2. 3. 5. 6. 8. 65. 107. 263.

Адамъ, сынъ его Сиеъ, 6. 63. 263.

Адзербайджанъ (Тебриза) 20. 59. 107. 120. 148. 154. 155.

Адиль-султанъ, сынъ Мохаммеда. 134.

Авизъ-ханымъ, жена Булада-султана. 223.

Азраилъ, архангелъ, 5. 6. 7.

Аиша-бикя, дочь Суфіяна-хана, 187.

Ай, сынъ Угузъ-хана, 21.

Айкара-Муранъ, рѣка, 39. 40. 41.

Аймакъ, племя, 20.

Аймуръ, сынъ Тагъ-хана, 25.

Аймуръ, внукъ Угузъ-хана (знач. величайшій богачъ), 26.

Ай-ханъ, сынъ Угузъ-хана, 25. 26. 263.

Ай-ханъ, отецъ Юлдузъ-хана, 62. 263.

Ай-ханъ, сыновья его: Явиръ, Ябиръ, Дудурга, Дукеръ, 25.

Ай-ханъ, младшій братъ его Юлдузъ, 26.

Ака-манкытъ, поколѣніе, 142.

Акаръ-муранъ, притокъ Айкара-мурана, 41.

Акатай-ханъ, сынъ Аменкъ-хана, 180. 184. 194. 195. 197. 198. 201. 202. 203. 204. 205. 226. 262.

Акатай-ханъ, отецъ Хаджимъ-хана, 197. 198. 200. 204. 205. 262.

Акатай-ханъ, отецъ: Хаджій-Мохаммеда, Махмуда, Булада, Тимура, Аллакули, Сулеймана, 205. 206. 207. 208. 209. 221. 226.

Акашинъ, такъ назывался Тангутъ, 81.

Ақъ-баба, сынъ Махмудъ-султана, 221. 235.

Ақъ-су, рѣка, 235.

Алагушъ-тегинъ, см. Алакушъ-тегинъ, 72.

Алакаги, младшій братъ Буке-Джерана, 69.

Алакушъ-тегинъ, имя князя Унгутовъ, 43. 72. 73.

Алакчинъ, городъ, 40.

Алакъ-нойянъ 89. 94. 95. 96.

Алангова, изъ поколѣнія Кыяна, изъ рода Курласъ, 46. 52. 61.

Алангова, внука Юлдуза, 55. 62. 263.

Алангова, мать Буданжара, 263.

Аланча-ханъ, сынъ Кіюк-хана, 10. 12. 13. 263.

Аланча-ханъ, сыновья его: Татаръ, Монголъ, 10. 62. 263.

Аланы, народъ, 107. 108.

Ала-тагъ 60. 136. 137. 138.

Алафиренко, отецъ Джеганъ Тимуръ-хана, 147.

Алаюнъ-атлы (Ала-юнтли), сынъ Тагъ-хана, 25.

Алаюнъ-атлы, внукъ Угузъ-хана (знач. имѣющій пѣгаго коня), 26.

Алгу, внукъ Джагатай-хана, сынъ Байдара, 130. 131.

Александръ 43.

Али-Султанъ, изъ рода Окдай-каана, 133.

Али-султанъ, см. Алій-султанъ, сынъ Аванишъ-хана.

Али-ль-мюлька, термизскій сеидъ, 89.

Али-ходжа изъ Бухары, посолъ Чингизъ-хана къ султану Мохаммеду, 86.

Алій, поколѣніе, 183. 186.

Алій, Ойратъ, 146.

Алій, сынъ Вайду, 146.

Алій, отецъ Мусу-хана, 146.

Алій, сынъ Суфіяна, 186. 194. 202. 203.

Алій-султанъ, Али-султанъ, сынъ Аванишъ-хана, 188. 197. 200. 204. 208. 208. 209. 215. 216. 218. 219. 227.

Алій-султанъ, отецъ Искендера и Санджара, 220.

Алій-султанъ, сынъ Махмудъ-султана, сына Ақатай-хана, 221. 233. 234. 235. 236.

Алій Кушчій, эмиръ, отецъ Шейхъ-Алія, 146. 147.

Алій-Тимуръ-бекъ-угланъ, сынъ Кутлукъ-Тимуръ-углана, 158.

Алій-Тимуръ-бекъ-угланъ, отецъ Тимуръ-Кутлукъ-хана, 158.

Алій-угланъ, сынъ Бикъ-кунди-углана, 156.

Алій-Угланъ, отецъ Хаджи-Мохаммедъ-хана, 156.

Алій-ходжа Гуждуваніецъ 94.

Алій-яръ-Бекъ 237.

Алка-уйлы, сынъ Кюнь хана, 25.

Алка-уйлы, внукъ Угузъ-хана (знач. пріятный), 26.

Алла-кули, сынъ Ақатай-хана, 205. 209. 220. 221.

Аллямъ-Багадуръ, начальникъ Тюркменовъ, 288.

Алмакъ, земля, 83.

Алма-Этишканъ, крѣпость, 232.

Алтай, рѣка, 73. 130.

Алтанъ, посолъ Чингизъ-хана къ Киргизамъ, 76.

Алтанъ, титулъ каждаго государя въ Ханъ-балыкѣ, 79.

Алтанъ-ханъ, Китайскій государь, 77. 78. 79. 80. 81. 121. 122.

Алтанъ-ханъ, дочь его Кенджу, 82.

Альмалыкъ 89.

Аменкъ, Аменкъ-ханъ, сынъ Ядигеръ-хана (знач. душенька), 164. 177. 180. 182. 184. 202. 262.

Аменкъ-ханъ, отецъ: Суфіяна, Бучага, Аваниша, Кала, Акатая, Аганая, 180. 184. 194. 195. 196. 215. 226. 262.

Аминъ, сынъ Махмудъ—султана, 221.

Амирь-ага, Амирь-ага-хатунь, жена Туклукъ-Тимуръ-хана, 141.

Амлакъ, сынъ Тюрка, 9.

Аму, Джейхунъ, рѣка, 11. 104. 115. 130. 166. 183. 186. 199. 206. 244. 246. 258. 259. 260. 261. 267. 269. 274. 284.

Амувія, область и городъ, 110. 111.

Анбаджаръ, сынъ Менгу, 146.

Анбаджаръ, отецъ Тимура, 146.

Андеджанъ, городъ, 18. 35. 44, 139.

Андерабъ 101.

Ануширванъ 43.

Ануширванъ, потомокъ Гулагу-хана, 148.

Анушъ-Мохаммедъ-багадуръ-ханъ, сынъ Абульгази-хана, 287. 298.

Арабели, поколѣніе, 186.

Арабистанъ, страна, 2. 34.

Арабъ-Мохаммедъ-султанъ, сынъ Хаджій-Мохаммедъ-хана, 230. 231. 235. 237. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 252. 255. 256. 257. 258. 262.

Арабъ-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Абульгази Багадуръ хана, 1. 247. 248. 262.

Арабъ-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Хебешъ-султана, Ильбарсъ-султана, Харезмъ-шахъ-султана, Авганъ-султана, 247. 248.

Арабъ-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Эсфиндіеръ и Мохаммедъ-хана, 235. 242. 247. 248.

Арабъ-султанъ, сынъ Махмудъ-султана, 221. 236.

Арабъ-шахъ, сынъ Булада, 161. 162. 262.

Арабъ-шахъ, отецъ Хаджи-Тулія, 162. 262.

Арабы, народъ, 7. 20. 33. 41. 43. 66. 172.

Аракумъ 160.

Аралъ, страна, 277. 284. 285. 287.

Аралъ, сынъ Каданъ-Тайши, 57.

Аралъ, отецъ Баргутая, 57. 63.

Арба-ханъ, потомокъ Арикъ-буги, 146.

Аргуна-хатунь, мать Мубарекъ-шаха, 131.

Аргунъ-ага, изъ племени Ойратъ, 144.

Аргунъ, сынъ Абакъ-хана, 31. 145. 153.

Аргунъ, отецъ Газана, 31. 145.

Аргунъ-ханъ, отецъ Олджайту, 145.

Арикъ-буга, сынъ Тули-хана, 146.

Арка 173. 175. 226.

Аркайчунъ-багадуръ, изъ поколѣнія Ильтуркинъ, также Ильдуркинъ, 70. 71.

Арменія 20.

Арсланъ-Сиракъ, имя данное Чингизъ-ханомъ Арсланъ-хану, 35.

Арсланъ-ханъ, Арсланъ-Сиракъ, Карлыкскій государь, 35. 76. 89.

Артукъ-бука, братъ Кублай-каана, 129.

Аса-арабъ, такъ узбеки называютъ Ибрагима и Арабъ-шаха, сыновей Булада, 161.

Аснашъ, крѣпость, 93.

Астрабадъ, часть обдасти Джорсанъ, 189. 190. 215. 216. 237. 238. 242.

Асфарайнъ 106. 186.

Ата-бай, аталыкъ Алія, 219.

Ата-бекъ 220. 224.

Аталыкъ 219.

Атли-ханъ, сынъ Илиндчи хана, 10.

Атли-ханъ, отецъ Атеизъ хана, 10.

Атсизъ, Ургенчскій государь, изъ династіи Харезмскихъ шаховъ, 45.

Атсизъ, отецъ Тукуша, 45.

Атсизъ-ханъ, сынъ Атли-хана, 10.
Атсизъ-ханъ, отецъ Орда-хана, 11.
Ахмедъ-ханъ, сынъ Гулагу-хана, 145, 153.
Аяджій, сынъ Шибанъ-хана, 160.

Баба-мурза 247.
Баба-султанъ, сынъ Буладъ-султана, 221. 229. 233. 237. 238. 239. 240. 241. 242.
Багадуръ-султанъ, сынъ Узаръ-султана, 156.
Багадуръ-ханъ, сынъ Шибанъ-хана, 152. 156. 160. 161. 262.
Багадуръ-ханъ, отецъ Джучи-буга, 156. 262.
Багадуръ-ханъ, отецъ: Джучій-буга, Кутлукъ-буга, 160.
Багдадъ 85. 146. 147.
Баги-хоррамъ, садъ недалеко отъ Ургенджской крѣпости, 98.
Багу, сынъ Кіюкъ-хана, 126.
Багу, отецъ Хабата, 126.
Багъ-абадъ, городъ, 182. 203. 206. 226. 230.
Бадай, изъ поколѣнія Кельките, 49. 50. 69.
Бадакулъ, сынъ Джучи-буга, 156. 262.
Бадакулъ, отецъ Менгу - Тимура, 156. 262.
Бадакулъ, см. Байда-кулъ.
Бадакулъ-угланъ, сынъ Ходжи, 157.
Бадакулъ-угланъ, отецъ Урусъ-хана, 157.
Баинда-Мохаммедъ, сынъ Мохаммедъ-хана, 212.
Баинда-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Турсунъ-Мохаммеда, 212.
Баирачь, Тюркменское поколѣніе, 291.
Байдагулъ, см. Байда-кулъ.
Байда-кулъ или Байда-гулъ или Бадакулъ, сынъ Джучій-буга, 160. 161.
Байда-кулъ, отецъ Мингъ-тимура, 160.
Байдаръ, сынъ Джагатай-хана, 131. 132. 151.
Байдаръ, сынъ его Алгу, 130.
Байду, сынъ Тургая, 145. 146.
Байду, отецъ Алія, 146.
Байду-ханъ, сынъ Орда-хана, 11.
Байду-ханъ, отецъ Сюнучь-хана, 11.
Байналъ, сынъ Шибанъ-хана, 160.
Байрачь-ханъ, начальникъ улуса Байрачь, 291. 292.
Байсангуръ, сынъ Кайду, 57. 58. 62. 262.
Байсангуръ, отецъ Тумена, 58. 262.
Байтимуръ, сынъ Курчакура, 67.
Бакырганъ, Бакырганъ-атъ, мѣстность, 173. 247. 249. 250. 258.
Бала-нойянъ 104.
Баласагунъ, городъ, 44.
Балга, сынъ Шибанъ-хана, 160.
Балига, сынъ Курагая, 132.
Балхъ, городъ, 18. 100. 101. 104. 108. 130. 134. 135. 166. 289. 294. 295.
Балчуна, рѣчка, 69. 70.
Бама-бурма, мѣстность, 289.
Баміанцъ 101.
Баміанъ, послѣ Мау-балыгъ, городъ, 101. 114.
Баракъ-ханъ, сынъ Ясунту и Ясумунки, также Гайясъ-эд-динъ, 131. 132. 134. 136. 142.
Баракъ-ханъ, отецъ Дуи-ходжена, 132. 134. 136. 142.
Баргутай, сынъ Арала, по прозванію Кырылтукъ, 57. 58. 63.
Баринъ, поколѣніе, 51.
Баринъ, потомокъ Дурбановъ, 51.
Барласъ Иримчи, сынъ Каджули, 58. 59.
Барласы, потомки Барлася Иримчи, знач. воевода, военачальникъ, 35. 59. 134. 135.
Басты, народъ, 146.

Бату, Бату-ханъ, сынъ Джучи-хана, или Саинъ-ханъ, 122. 127. 128. 129. 130. 149. 150. 151. 152. 156. 159. 160.
Бату-ханъ, огецъ Сартака, Тукая, 151. 153.
Баурчикъ, Иди-кутъ, 37.
Бачина, сынъ Кюкъ-хана, 25.
Бачина, внукъ Угузъ-хана (знач. старательный), 26.
Башкурдъ, народъ, 18. 122. 151. 158.
Баязидъ-Ильдеримъ 136.
Баянджаръ, сынъ Шибанъ-хана, 160.
Баяндуръ, сынъ Кюкъ-хана, 25.
Баяндуръ, внукъ Угузъ-хана (знач. счастливый), 26.
Баянъ, князь Торгаутскаго племени, 290.
Баянъ-кулы-ханъ, сынъ Сургу, 134.
Баятъ 235.
Баятъ, сынъ Кюнь-хана, 25.
Баятъ, внукъ Угузъ-хана (знач. счастливый), 25.
Бегадиръ (Буладъ Чингсангъ Бегадиръ) 32.
Бегаръ-эль-мюлькъ, правитель Мервы, 108. 109. 110.
Бегдали, сынъ Юлдузъ-хана, 25.
Бедеръ-ханъ 216. 218.
Бедехшанъ, страна, 19. 84. 130. 141. 142.
Бекдали, внукъ Угузъ-хана (знач. обильный благами), 26.
Бекдузъ, сынъ Тингизъ-хана, 25.
Бекдузъ, внукъ Угузъ-хана (знач. услужливый), 26.
Бекужедай или Богенутъ, сынъ Дубунъ-Баяна, 55.
Бектимуръ, сынъ Джучій-буга, 160.
Бекъ, см. Нуси-Таифъ, 44.
Бегъ-Баглы-багадуръ 246.
Бекъ-кулы, инакъ, 295. 298.
Бегъ-Кунди, сынъ Мингъ-Тимура, 161.
Беракъ-ханъ, изъ Ташкенда, 196.
Беракъ-ханъ 18.
Беракъ-ханъ, сынъ Коирчакъ-хана, 157.
Беракъ-ханъ, отецъ Ябу-Саида, 157.
Беркай или Берке, сынъ Джучи-хана, 150. 151. 152.
Берке-султанъ, см. Берке.
Берке, Берке-султанъ, сынъ Ядигеръ-хана, 164. 165. 166. 167. 169. 170. 171. 182. 148.
Берке-султанъ, отецъ Ильбарса и Бильбарса, 171. 248.
Беркчаръ, сынъ Джучи-хана, 150.
Берласъ, см. Барласы.
Берсаджаръ, сынъ Тюрка, 9.
Бертанъ-ханъ, см. Бюртанъ-яанъ, сынъ Кабулъ-хана.
Беслай, сынъ Эмиръ-Кузгуна, 134.
Беслай, отецъ эмира Хусеина, 134.
Бестъ, крѣпость, 280.
Бешкахъ 228.
Бибича 213.
Бикій, сынъ Сармана, 132.
Бикъ-кунди-угланъ, сынъ Мунга-Тимура, 156.
Бикъ-кунди-угланъ, отецъ Алія-углана, 156.
Билаль, Билаль-султанъ, сынъ Хасянъ-кули-хана, 180.
Билигичь-султанъ, отецъ Султана-хаджи, 179. 180.
Билигичъ, см. Бильбарсъ.
Бильбарсъ, по прозванью Билигичъ, сынъ Берке-султана, 171. 174. 178. 179. 194. 196.
Бильгедай или Бильгенутъ, сынъ Дубунъ-Баяна, 55.
Бильгедай-нойянъ 120.
Бильгутай-Утчикинъ, сынъ Есукай-Багадура, 60.
Бильдаши, сынъ Джагатай-хана, 131.
Бирди-бекъ, сынъ Джани-бека, 155. 156.

Бистамъ. городъ, 236. 237. 242. 243. 279. 280. 281. 282.
Бичинъ-Кыянъ, сынъ Кой-Мурула, 51. 35. 62. 263.
Бичинъ-Кыянъ, отецъ Тимача, 55. 62. 263.
Бичинъ-Кыянъ и его сыновья: четыре старшихъ-Дурбаны, младшій Каджи Мерканъ, 51.
Бичтамъ, городъ, 216.
Бишъ-балыкъ, городъ, 37. 89.
Бишъ-туя, поле въ Хорезмѣ, 274.
Біима, мать Али-султана, 188. 189. 190.
Біятъ-кыри, мѣстечко, 197.
Біяутъ, поколѣніе, 52. 65.
Богенутъ, см. Бекужедай, 55.
Болгарское царство 152.
Болгары, народъ, 122. 151.
Бошъ 279.
Буга-Бендунъ-ханъ, см. Буке-Бендунъ, сынъ Кучумъ-Буруля.
Буга-тимуръ-ханъ, сынъ Курагая, 132. 133.
Буга-тимуръ, отецъ Урюкъ-Тимура, 135.
Буга-ханъ, отецъ Тукмукъ-Тимура, 138. 142.
Буга-ханъ, сынъ Дуи-ходжена, 132. 136. 137. 142.
Бугунъ-кытыгинъ, сынъ Аланговы, 57.
Буданджаръ-ханъ, см. Буданчиръ.
Буданчиръ-Мунакъ, сынъ Аланговы, 57. 62. 63. 262.
Буданчиръ-Мунакъ, сыновья его: Бука и Тука, 57. 262.
Будатъ, поколѣніе, потомство Ялтъ-кильки, 59.
Бузай, сынъ Мутукина, 132.
Бузай, отецъ Курагая, 132.
Бузукъ, племя, 22. 24.
Буйракъ, племя, 160.
Буйрукъ, прозваніе Курчакура, 42.
Бука или Бука-ханъ, сынъ Буданчира, тоже что Буданджара, 57. 62. 262.
Бука, отецъ Дутумъ-менина, 57. 262.
Бука-тюркманъ 109.
Бука-ханъ, отецъ Илиндча-хана, 10.
Бука-ханъ, сынъ Татаръ-хана, 10.
Буклай- Кенджатъ 68. 69.
Буке-Бендунъ, сынъ Кучумъ-Буруля, 55. 263.
Буке-Бендунъ, отецъ Самъ-Саучія, 55. 62. 263.
Буке-Джиранъ Кераитскій 69.
Буке-Джеранъ, младшій братъ его Алакаги, 69.
Букенъ-Тайши, сынъ Бюртана, 60.
Букяй, дочь Ченанычь, 38.
Буладъ, бекъ, высшій сановникъ, прозывавшійся Чингсангъ, 32.
Буладъ, Буладъ-султанъ, сынъ Акатай-хана, 205. 209. 221. 222. 223. 224. 227. 228. 229. 231. 232. 233. 235. 238.
Буладъ-султанъ (сынъ Акат»й-хана), отецъ Баба-султаня, Гамза-султана, Кулчи-султана, Пеглеванъ-кули-султана, 221. 229. 233. 237.
Буладъ-Тимуръ, Буладъ-султанъ, 231.
Буладъ, сынъ Кюнчека, 133. 134.
Буладъ, отецъ Мохаммеда, 133. 134.
Буладъ, сынъ Мингъ-Тимура, 161. 162. 262.
Буладъ, отецъ Ибрагима и Арабъ-шаха, 161. 262.
Булгачинъ, поколѣніе, 41.
Булджаръ-Дугланъ, сынъ Тумене-хана, 59.
Булдусазъ, городъ, 182.
Булунъ-Юлдукъ, область, 61.
Буранъ, сынъ Дуи-тимура, 132.
Бургулъ- нойянъ 82.
Бургучинъ-Тукюмъ 41.
Бурджигинъ-Кыятъ, названіе рода Есукай-Багадуръ-хана, 61.
Бурке-угулъ или Бурке-ханъ, сынъ Джучи-хана, 129. 130.

Буркутъ, поколѣніе, 52.
Бурлу-кари 206.
Бурма, мѣстечко въ Хорасанѣ, 195.
Бурте-Кучинь, жена Чингизъ-хана, 82.
Бурте-кучинь, мать Джучи-хана, 148. 149.
Бурте-чино, государь монголовъ изъ рода Кыяна, изъ поколѣнія Курласъ, 31.
Бурте-чино, отецъ Кой-Мурула, 62.
Бурумъ, или Ишъ-достъ, сынъ Бучаги-хана, 187. 188. 206.
Бурундукъ, сынъ Мохаммедъ-Ибрагимъ-султана, 242.
Бурханъ-калдунъ, мѣсто погребенія Чингизъ-хана, 118.
Бурчигинъ-Кыятъ, названіе рода Исукай-Багадура, 46.
Буря, посланникъ Чингизъ-хана къ Киргизамъ, 39.
Бускинъ-Джалчи, сынъ Аланговы, 57.
Бухара, городъ, 17. 20. 34. 86. 89. 90. 91. 93. 96. 97. 115. 116. 136. 138. 139. 152. 166. 181. 186. 196. 197. 202. 203. 206. 208. 211. 214. 221. 228. 229. 230. 234. 235. 238. 240. 242. 243. 257. 258. 260. 266. 269. 274. 275. 277. 287. 294. 295. 296. 297. 300.
Бухарцы, жители Бухары, 115.
Бучага, Бучага-ханъ, сынъ Аменкъ-хана, 180. 184. 186. 187.
Бугага-ханъ, отецъ Достъ-Мохаммеда, Ишъ-Мохаммеда и Бурума, 187. 194. 203. 206. 209.
Буюрукъ-ханъ, Найманскій ханъ, дядя Таянгъ-хана, 67. 74. 75. 76.
Бѣлая Орда, страна, 152.
Бюртанъ-ханъ (Бюрданъ-ханъ), Бюртанъ-Багадуръ, Бертанъ-ханъ, старшій сынъ Кабулъ-хана, 46. 60. 61. 262.
Бюртанъ-ханъ (Бюрданъ-ханъ), отецъ Исукай Багадура, 46. 64. 262.
Бюртанъ-Багадуръ, сыновья его: Мунгудай, Букенъ-Тайши, Есукай Багадуръ, Дарбутай, 60.
Бюрте-чино, государь изъ рода Курласовъ у монголовъ, 55. 263.
Бюрте-чино, отецъ Бичинъ-Кыяна, 55. 263.
Бююрнаваръ 39.

Вавилонская страна 6.
Везирцы, жители Везира 173. 174. 206. 227.
Везирь 172. 173. 174. 175. 176. 177. 179. 182. 194. 195. 196. 197. 198. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 224. 227. 231. 233. 234. 243. 244. 248. 251. 257. 267.
Вердазы, городъ близъ Бухары, 299.
Волга, рѣка, 34. 59.

Гавріилъ, архангелъ, 5. 8.
Газанъ-ханъ, сынъ Аргунъ-хана, 31. 145.
Гази-султанъ, см. Мохаммедъ-гази-султанъ.
Газнинъ, Газвинъ, городъ, 19. 102. 103. 114. 115. 130. 209. 236. 242.
Гаиръ-ханъ, имя Инальчика, 34. 85. 86. 87. 89. 92. 93.
Гайясъ-эд-динъ или Баракъ-ханъ, 131.
Гайясъ-эд-динъ-ханъ, сынъ Таштимура, 157.
Гайясъ-эд-динъ-ханъ, отецъ Хаджи-Герая, 157.
Гамаданъ 278.
Гамза-султанъ, сынъ Буладъ-султана, 221. 233. 237. 239. 240.
Гезараспъ, городъ въ Харезмѣ, 172. 176. 177. 178. 182. 196. 199. 200. 203. 206. 209. 215. 223. 226. 227. 231. 234. 238. 239. 240. 242. 243. 244. 252. 254. 256. 257. 267. 268. 276. 284. 288. 292. 294.
Герайлы, внукъ Угузъ-хана, 25.
Герасанлы, внукъ Угузъ-хана, 25.
Гератцы, жители Герата, 105. 113.
Гератъ, область и городъ, 104. 105. 112. 113. 114. 123. 172. 248.

Герденъ-Хастъ 200.
Гермъ-Рудскія поля 147.
Герь-такъ, Кичигъ Тагъ, гора, 12.
Гибятъ-улла (даръ Божій), прозваніе Сиеа, 6.
Гилянъ (Гиланъ) 38. 106. 115.
Гіюкъ-ханъ, см. Кіюкъ-ханъ.
Гокланъ, поколѣніе, 186. 226.
Грузія 59. 145.
Гу-балыгъ, назв. города Баласагуна, 44.
Гулагу-ханъ, сынъ Тулы-хана, 31. 32. 127. 128. 129. 130. 144.
Гулагу-ханъ, отецъ Абакъ-хана, 31. 144. 145. 147.
Гулагу-ханъ, отецъ Ахмедъ-хана, 145.
Гулагу-ханъ, отецъ Менгу, 146.
Гулагу-ханъ, отецъ Тургая, 145. 146.
Гулагу-ханъ, отецъ Яшмута, 147.
Гурчистанъ 102.
Гуръ, область, 18. 19.
Гуръ-ханъ, имя бека Нуси-Таифа, 44. 45.
Гуръ-ханъ, Кара-Китайскій ханъ, 76. 77.
Гуръ-ханъ, см. Кюръ-Мергузъ, 81. 83.
Гушенгъ, царь Ирана, 20.
Гюльбанъ-багъ, селеніе, 277.
Гюндумъ-конъ 255. 286.
Гюргана, рѣка, 216.
Гюръ-ханъ (Гуръ-ханъ), см. Кюръ-Мергузъ, 68. 81.
Гюръ-ханъ, сынъ Монголъ - хана, 12. 13.

Дабистанъ, городъ, 182.
Дагестанцы, народъ, 59.
Дадъ-хагу 234.
Даліянъ, крѣпость, 102.
Данишменди, сынъ Тимуръ-Мелика, 96.
Данишмендча-ханъ, сынъ Кайду-хана, 133. 134.
Данишмендча-ханъ, отецъ Сюргатмышъ-хана, 134.
Дарбутай или Дарбутай утджикинъ, сынъ Бюртана, 60. 73.
Дуруганъ-Атъ, мѣстечко, 231, 249. 292.
Дарунъ 182. 186. 189. 196. 197. 198. 199. 203. 214. 226. 230. 231. 233. 235. 242. 258. 266.
Девлетъ, аталыкъ, 298.
Девлетъ-шейхъ-угланъ, сынъ Ибрагимъ-углана, 161.
Девлетъ-шейхъ-угланъ, отецъ Абульхаиръ-хана, 161.
Девлетъ-яръ, сынъ Хаджи-Герая, 157.
Деджамъ, мѣстность въ Хорасанѣ, 215.
Дербендъ 107.
Дервазеи-суфи, ворота изъ крѣпости Отраръ, 92.
Дервишскій монастырь (Хонакагъ) 239.
Дешти-Кипчакъ, страна, 4. 18. 104. 116. 120. 127. 130. 148. 149. 151. 153. 156.
Джаббаръ-бирди, сынъ Токтамышъ-хана, 157.
Джабдалы, народъ, 88.
Джагатаи, народъ, 165. 166. 172. 228. 240. 280. 282.
Джагатай-ханъ, 2-й сынъ Чингизъ-хана, 3. 82. 89. 93. 97. 98. 99. 115. 116. 120. 121. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 140. 142.
Джагатай-ханъ, сыновья его: Мутукинъ, Муджи, Бильдаши, Сабинъ-Билька, Сарманъ, Ясумунка, Байдаръ, 131. 134. 136. 142. 151.
Джайчутъ, поколѣніе, 58.
Джакембу, сынъ Курчакура, 67.
Джалчуты, потомки Бускинъ-Джалчи, 57.
Джамбай, сынъ Джучи-хана, 150.
Джамчи, внукъ Угузъ-хана, 25.
Джангши, сынъ Абукана, 132.
Джанибекъ-ханъ, см. Абу-Саидъ.

Джани-бекъ-ханъ, ханъ въ Дештъ-Кипчакѣ, 148. 155.
Джанибекъ-ханъ, сынъ Узбека-хана, 154.
Джани-бекъ, отецъ Бирди-бека, 155.
Джани-бекъ-ханъ, сынъ Ходжа-Мохаммеда, 161. 171.
Джани-бекъ-ханъ, отецъ Искендеръ-хана, 161.
Джанишъ, сынъ Абу-саида, 157.
Джанта, сынъ Мингъ-Тимура, 161.
Джантай, или Джантай-утчикинъ, сынъ Тумене-хана, 59.
Джанъ-гази-султанъ, сынъ Ширъ-гази-султана, 247.
Джанъ-сеидъ, изъ племени Дурбанъ, 197. 198. 226.
Джанъ-султанъ, сынъ Яръ-Мохаммедъ-султана, 158.
Джанъ-султанъ, отецъ Динъ-Мохаммедъ-султана, 158.
Джанъ-тимуръ, нукеръ Джучи-хана, 93. 94.
Джарчинъ, сынъ Кайду, 58.
Джаукъ, сынъ Абу-саида, 157.
Джаулдуръ, сынъ Кюкъ-хана, 25.
Джаулдуръ, внукъ Угузъ-хана (знач. знаменитый), 26.
Джафсу, сынъ Тумене-хана, 58.
Джафсу, сыновья его: Туякинъ, Урутъ, Манкытъ, 58.
Джачарамъ, часть области Джорчанъ, 215.
Джачинъ, жена Окдай-каана, 126.
Джеванъ-мердъ-ханъ, изъ Самарканда, 196. 202.
Джеганъ-нумай 239.
Джеганъ Тимуръ-ханъ, Алафиренко, 147.
Джегардъ, городъ, 182.
Джегатай, см. Джагатай.
Джедаиихъ, рѣка, 52.
Джедаинъ-Біяутъ, родъ изъ поколѣнія Біяутъ, 52.
Джейхунъ или Аму-Дарья, рѣка, 99. 130.
Джелаиръ, тоже, что Шейхъ-Хасанъ-Джелаиръ, 147.
Джелаиры, поколѣніе, 52. 53. 54. 57.
Джелаль-уд-динъ, шейхъ, 138, 139.
Джелаль-уд-динъ, отецъ Рашидъ-эддина, 139.
Джелаль-ханъ, сынъ Абуль-хана, 213.
Джелаль-эд-динъ, султанъ, 88. 100. 102. 103. 113. 114. 115. 120. 121.
Джелаль-эддинъ, сынъ Токтамышъ-хана, 157.
Джелаунъ, сынъ Тукта-бикія, 75.
Джендъ, городъ, 89. 93. 94.
Джерка-ленкумъ, сынъ Кайду, 57.
Джерка-ленкумъ, отецъ Муркаду-Кюджуне, 57. 58. 63.
Джерке-ленкумъ, сыновья его: Канду-чино и Улькюджинъ-чино, 58.
Джирикъ, сынъ Шибанъ-хана, 160.
Джирмагунъ-бекъ 120. 121.
Джонъ-гази-султанъ, отецъ Мигюрбази хонымъ, 247.
Джорганъ, область, 215.
Джувакъ-султанъ, сынъ Мохаммедъ-хана, 158.
Джувакъ-султанъ, отецъ Манкышлакъ-султана, 158.
Джуда, гора, 8.
Джуды, рѣка, 34.
Джуйратъ, названіе поколѣнія Укланъ, 52. 64. 66. 73. 74.
Джукій, см. Мирза-Мохаммедъ-Джукій.
Джурбюкъ 207.
Джурджа-муранъ, притокъ Айкара-мурана, 41.
Джуржитъ, государство, 16. 17.
Джурчита, большая область, 44.
Джутакъ, дорога, 183.
Джутакъ, мѣсто между Харезмомъ и Каспійскимъ моремъ, 184.

Джучи-бугъ, сынъ Багадуръ-хана, 156.
Джучи бугъ, отецъ Бадакула, 156.
Джучи-касаръ, сынъ Есукай-Багадура, 60. 73. 146.
Джучи-ханъ, старшій сынъ Чингиз-хана, 4. 48. 65. 73. 82. 87. 88. 89. 93. 94. 97. 98. 99. 116. 117. 120. 148. 149. 151. 154. 156. 158. 161. 262.
Джучи-ханъ, отецъ: Орду, Шибана, Беркая, Джамбая, Беркчара, 150. 262.
Джучи-ханъ, отецъ Тукай-Тимура, 150. 156. 157.
Джучи-ханъ, отецъ Шибанъ-хана, 4. 156.
Джучи-ханъ, сынъ его Бату, 122. 127. 149.
Джучій бугъ, сынъ Багадуръ-хана, 160. 161. 262.
Джучій-бугъ, отецъ: Байда-кула, Бекти-мура, Нукеджара и Ясъ-буга, 160. 262.
Дибъ-бакуй-ханъ, сынъ Ильча-хана, 9. 263.
Дибъ-бакуй-ханъ, отецъ Кіюкъ-хана, 9. 63. 263.
Динаръ, колодезь, 189. 292.
Динъ-Мохаммедъ-султанъ, сынъ Джанъ-султана, 158.
Динъ-Мохаммедъ-султанъ, отецъ Нуръ-Мохаммедъ-хана, 158. 208.
Динъ-Мохаммедъ-Унъ-бики, начальникъ Тюркменовъ, 288.
Динъ-Мохаммедъ-ханъ, сынъ Аванишъ-хана, 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 203. 209. 210. 211. 214. 226. 230. 235.
Динъ-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Абуль-султана и Баинды-Мохаммеда, 208. 212.
Діарбекиръ 121.
Донъ, рѣка, 18. 34.
Дорджи, сынъ Ильчикдая, 134.
Дорджи, отецъ Кабулъ-султана, 134.
Достъ-Мохаммедъ, сынъ Бучаги-хана, 187. 203. 206. 207. 208. 227.
Дубунъ-Баянъ, внукъ Юлдуза, 55.
Дубунъ-Баянъ, сыновья его: Бильгедай или Бялькенутъ и Бекужедай или Богенутъ, 55.
Дугланъ, поколѣніе, потомки Булджаръ-Дуглана, 59.
Дудурга, сынъ Ай-хана, 25.
Дудурга, внукъ Угузъ-хана (знач. завоеватель и хранитель владѣнія), 26.
Дуи-тимуръ-ханъ, сынъ Дуи-ходжена, 132.
Дуи-тимуръ, сынъ его Буранъ, 132.
Дуи-ходженъ, сынъ Баракъ-хана, 132. 134. 136. 142.
Дуи-ходженъ, отецъ Исенъ-Буга, Кюбюка, Дуи-тимуръ-хана, Тармашира, Абукана, Кюнчека, 132. 133. 134. 136. 142.
Дуи-ходженъ-ханъ, отецъ Ильчикдая, 134.
Дуи-ходженъ, отецъ Сургу, 134.
Дукеръ, сынъ Ай-хана, 25.
Дукеръ, внукъ Угузъ-хана (знач. круглый), 26.
Дурбай, посолъ Чингизъ-хана, 77.
Дурбай-нойянъ 104.
Дурбанъ, поколѣніе, 51. 60. 197. 207. 208.
Дурбаны, имя, данное четыремъ сыновьямъ Бичинъ-Кыяна, 51.
Дурлигинъ, названіе рода Нюгюзовъ, 29. 45. 52. 54.
Дустымъ-Аргунъ 233.
Дутумъ-менинъ, сынъ Буки, 57. 62. 262.
Дутумъ-Менинъ-ханъ, жена его Мунулунь, 53.
Дутумъ-Менинъ-ханъ, старшій сынъ его Кайду-ханъ, 53. 262.
Дутумъ-Менинъ-ханъ, Чингизъ-хановъ предокъ, 53.

Египетъ, 20. 130.
Емь, рѣка, 260.

Есуқай-Багадуръ, сынъ Бюртана; также Исуқай-Багадуръ, 46. 60. 61. 67. 68. 262.

Есуқай-Багадуръ, сыновья его: Чингизъ-ханъ (или Темуджинъ), Джучи-Касаръ, Қаджунъ, Тимуке, Бильгутай-Утчикинъ, 46. 60. 63. 64. 67. 149. 262.

Желѣзныя Ворота 59.

Забиль 102.

Заминъ, крѣпость. 243.

Зафаръ наме, сочиненіе Шарафъ эддина Езди, 12.

Захъ-арыгъ 232.

Зенбуръ, чиновникъ Тули-хана, 112.

Зернукъ (или Кутлукъ-балыкъ), городъ, 89. 90.

Зіа-уль-мюлька 105.

Зій-уд-динъ, эмиръ, 112.

Зюгра-ханымъ, дочь Султана-гази-султана, 195.

Ибадъ-уллахъ, Абдулла, сынъ Сюнучь-Мохаммеда, 235. 244.

Иблисъ, дьяволъ, 6.

Ибрагимъ, сынъ Булада, 161. 162.

Ибрагимъ-угланъ, отецъ Девлетъ-шейхъ-углана, 161.

Ивазъ, по прозванію «рыжій быкъ», 176.

Идигей Манқытъ, сынъ Кутлукъ-Кыя, 142. 143.

Иди-кутъ, титулъ Кюль-Иркина, 36. 76. 77. 89.

Идиль, земля, 43.

Идиль, р. Волга, 8. 143.

Идрисъ, прозваніе Эноха, 7. 263.

Идрисъ, отецъ Маѳусала, 7. 63. 263.

Идуркинъ, поколѣніе, потомство Самқячуна, 59.

Измаилъ-шахъ 172. 173. 175. 178.

Икдуръ, поколѣніе, 186.

Икдуръ, сынъ Тингизъ-хана, 25.

Икдуръ, внукъ Угузъ-хана (знач. великій), 26.

Икинчи-қой 256.

Иланъ, крѣпость, 106. 107.

Илекъ, рѣка, 160.

Илекъ-Нукракъ, ханъ въ городѣ Баласагунѣ, 44.

Илекъ-туркманъ, имя, данное Илекъ-Нукраку Гуръ-ханомъ, 44.

Илекъ-ханъ, см. Илекъ-Нукракъ, 44.

Илиндча-ханъ, сынъ Буқа-хана, 10.

Илиндча-ханъ, отецъ Атли-хана, 10.

Ильбарсъ-султанъ, сынъ Арабъ-Мохаммеда, 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 256. 257. 258. 259. 260. 264. 266. 267.

Ильбарсъ, Ильбарсъ-ханъ, сынъ Берқе-султана, 171. 172. 173. 174. 176. 177. 178. 179. 180. 189. 194. 223. 247.

Ильбарсъ-ханъ, отецъ Султана-гази и Мохаммедъ-гази, 179. 195. 246. 247.

Ильдеримъ-Баязидъ 136.

Ильдуркинъ или Ильтуркинъ, поколѣніе, 50.

Иль-ильтыръ, титулъ Мингу-таія, 36.

Иль-Кюпрюкъ, Таиль Кюпрукъ, 215.

Ильсақъ, сынъ Мингъ-Тимура, 161.

Ильтуркинъ, см. Ильдуркинъ, 70.

Иль-ханъ, монгольскій царь, 12. 45.

Иль-ханъ, сынъ Тингизъ-хана, 27. 263.

Иль-ханъ, сынъ его Кыянъ, 28. 45. 62. 263.

Иль-ходжа или Исенъ-буга-ханъ, сынъ Дуи-Ходжена, 136.

Ильча-ханъ, сынъ Тутука, 9. 263.

Ильча-ханъ, отецъ Дибъ-бақуй-хана, 9. 62. 263.

Ильчигинъ, поколѣніе, 47.

Ильчигинъ, сынъ Мисяра, 47.

Ильчидай-нойянъ 120.

Ильчикдай, сынъ Дуи-Ходжена, 134.

Ильчикдай, отецъ Дорджи, 134.

Ильчиктай-нойянъ 114.

Ильясъ-Ходжа, сынъ Туқлукъ-Тимуръ-хана, 135. 138. 141.

Ималь 126.

Имамъ-кули-ханъ, 266. 267. 275. 284.

Имиль, городъ у Китайцевъ, 44.
Имиръ 237.
Имрилій, народъ, 292.
Иналь, правитель у Киргизовъ, 39.
Инальджи, сынъ Кутука-бики, 41.
Инальчикъ, сынъ младшаго брата Тюркянина отца, 34. 86. 87.
Инатъ, государь въ поколѣніи Найманъ, братъ Каръ-Кыщъ, 42.
Инграсъ, поколѣніе, 47.
Инграсъ, сынъ Кубай-Шири, 47.
Инди-бай, атабекъ Буладъ-султана, 224.
Индійцы, индусы, народъ, 16. 17.
Индія, страна, 120.
Индостанъ, страна, 2. 8. 17. 34. 104. 228.
Иракъ, страна, 20. 37. 105. 108. 109. 175. 218. 235. 237. 240. 243. 278. 280.
Иракъ-Аджемъ, страна, 20. 114.
Иракъ-арабъ, страна, 20. 114.
Ирандчій, сынъ Абу-саида, 157.
Иранскій юртъ 20.
Иранское царство 32. 143. 144. 153. 154.
Иранъ, государство, 2. 3. 8. 19. 31. 59. 85. 114. 120. 144. 145. 146.
Иргизъ-сувукъ, рѣка, 160.
Ирке-кара, сынъ Курчакура, 67. 68.
Иркиль-ходжа, везирь, 23. 24.
Ирсары, племя, 182. 183. 185. 238. 242. 283.
Иртегинъ, поколѣніе, 58.
Иртышъ, рѣка, 37. 76.
Исенъ-буга, см. Буга-ханъ.
Искендеръ, сынъ Али-султана, 220.
Искендеръ, сынъ Токтамышъ-хана, 157.
Искендеръ-ханъ, сынъ Джани-бекъ-хана, 161. 171.
Искендеръ-ханъ, отецъ Абдуллахъ-хана, 161.
Исмаилъ, Манкытскій князь, 203.
Исмь-Махмудъ-Ата 228.
Исрафилъ, архангелъ, 5.
Иссигъ (Иссикъ)-кюль, страна, озеро, 9. 34.
Истамбулъ 229.
Истидаръ 106.
Исукай-Багадуръ, см. Есукай-Багадуръ.
Исфаганъ 278. 280. 281.
Итикъ, сынъ Абу-саидъ, 157.
Итиль, рѣка, 18.
Итмасъ, командующій войсками у Огдай-хана, 120. 121.
Итъ-беракъ, царь, 17.
Ихтіанъ-эддинъ, Тюркманъ, правитель Амувіи, 110. 111.
Ихтіяръ-уддинъ, крѣпость, 167.
Ичинъ, см. Орда, сынъ Джучи-хана.
Ички-Салуръ, поколѣніе, 185.
Ичкилій Хасанъ, см. Хасанъ-угланъ.
Ишимъ-бій 234.
Ишимъ-ханъ 275.
Ишкетъ-кюли, озеро, 200.
Ишъ-достъ, см. Бурумъ.
Ишъ-Мохаммедъ, Ишъ-султанъ, сынъ Бучаги-хана, 180. 187. 203. 206. 207. 208. 227.
Ишъ-султанъ, см. Ишъ-Мохаммедъ.
Ишъ-султанъ, отецъ: Шагъ-кули, Тагира, 208.

Іаредъ, сынъ Малелеила, 7. 263.
Іаредъ, отецъ Эноха, 7. 63. 263.
Іафетъ, сынъ Ноя, 8. 9. 10. 12. 263.
Іафетъ, сыновья его: Тюркъ, Хаваръ, Саклабъ, Русъ, Мингъ, Чинъ, Кеймари, Тарихъ, 8. 9. 63. 263.
Іякъ, сынъ Ядигеръ-хана, 164.

Кааба, храмъ, 5.
Каанъ, см. Огдай-ханъ, сынъ Чингизъ-хана.
Кабонакъ 227.

Кабанойянъ, Конкиратскій государь, 131.
Кабли, рѣка, 87.
Кабулъ, городъ, 19. 102.
Кабулъ-Султанъ, сынъ Дорджи, 134.
Кабулъ-ханъ, сынъ Тумене-хана, 59. 262.
Кабулъ-ханъ, старшій сынъ его Бюртанъ-ханъ, 46. 262.
Кабулъ-ханъ, прадѣдъ Чингизъ-хана, 46. 60.
Кагеръ-ходжу, начальникъ Тюркменовъ, 289.
Кадакъ, сынъ Шибанъ-хана, 160.
Каданъ, сынъ Кабуль-хана, 60.
Каданъ-Тайши, сынъ Мемикай-каана (тайши знач. знатокъ и пѣвецъ священныхъ пѣсенъ), 57.
Каданъ-Тайши, отецъ Арала, 57. 63.
Каджи-Мерканъ, сынъ Бичинъ-Кыяна, 51.
Каджули, сынъ Тумене-хана, 58.
Каджули, отецъ Барласа Иримчи, 58.
Каджунъ, сынъ Есукай-Багадура, 60.
Кадиръ-бирди, сынъ Токтамышъ-хана, 154.
Кадиръ-бирди-султанъ, сынъ Тимуръ-султана, 221. 235.
Калій-Мюхьи-ддинъ, 148. 154. 155.
Казаки, народъ, 4. 157. 158. 246. 260. 261. 262. 275.
Казанъ Султанъ-ханъ, сынъ Ясуна 133. 134.
Казвини, городъ Персін, 31. 105.
Казгуртъ, внукъ Угузъ-хана, 25.
Каинанъ, сынъ Эноса, 6. 263.
Каинанъ, отецъ Малелеила, 6. 63. 263.
Кайду-ханъ, старшій сынъ Дутумъ-Менинъ-хана, 53. 54. 57. 62. 262.
Кайду, сыновья его: Байсангуръ, Джерка-ленкумъ и Джарчинъ, 57. 58. 63. 262.
Кайду-ханъ, сынъ Тайшія, 133. 134.
Кайду-ханъ, отецъ Данишмендча-хана, 133. 134.
Каланча 227.
Калдчавъ, знач. шутникъ, 102.
Календеръ, нищій, 110.
Кали, внукъ Угузъ-хана (зн. крѣпкій), 25.
Калмача, сынъ Самъ-Саучія, 55. 263.
Калмача или Калмаджу-ханъ, отецъ Тимуръ-Таша, 55. 62. 263.
Калмыки, народъ, 33. 162. 234. 245. 247. 270. 271. 272. 283. 290. 291. 292. 294. 300.
Калъ-ачь, послѣ Халаджь, народъ, 20. 33.
Калъ-ачьское поколѣніе 72.
Калъ, Калъ-ханъ, сынъ Аменкъ-хана, 180. 184. 194. 197. 201. 202. 209. 226.
Калъ-ханъ, отецъ Шейхъ-Мохаммеда и Шаха-Назаръ, 202. 203. 206.
Калы, сынъ Кюнь-хана, 25.
Камаджъ, рѣка, 87.
Камакъ 126.
Камаръ-уд-динъ, Дуглатъ, братъ эмира Юлаучія, 140. 141. 142.
Камишай, сынъ Курчакура, 67.
Камышь, жена Кіокъ-хана, 126.
Канбаръ, сынъ Абу-саида, 157.
Кангли, народъ, 16. 33. 34. 35. 44. 103.
Кандагаръ, городъ, 280.
Кандчи-Мерканъ, см. Кычи-меркан.
Карабагъ 153.
Кара-букауль 209.
Кара-Гулагу, сынъ Мутукина, 131.
Кара-Гулагу, отецъ Мубарекъ-шаха, 131.
Карайманы 272.
Кара-калпаки 260.
Каракаты, мѣсто, 289. 290.
Кара-Киджита 183.

Кара-Китай, государство, 17. 44. 45. 81. 83.
Кара-Китай, народъ, 43. 76. 80.
Каракорумъ, часть Монголіи, 42. 122. 129. 150. 151.
Кара-куль, городъ въ Бухарѣ, 295. 296.
Кара-кумъ, пески, 12. 160. 282.
Кара-Мурай, рѣка, 121.
Каранутъ, племя, поколѣніе, 47.
Каранутъ, сынъ Тусбудая, 47.
Кара-су, рѣка, 210. 213.
Кара Уйгуръ-тугай 261.
Кара-уйлы, сынъ Кюнь-хана, 25.
Кара уйлы, внукъ Угузъ-хана (знач. житель на всякомъ мѣстѣ, гдѣ только будетъ жить), 26.
Кара-усюнъ, притокъ Айкара-мурана, 41.
Карача Хаджибъ, нукеръ султана Мохаммеда, 92.
Карачаръ, сынъ Окдай-каана, 126.
Карачикъ, внукъ Угузъ-хана, 25.
Кара-ханъ, сынъ Монголъ-хана, 12. 13. 15. 263.
Кара-ханъ, отецъ Угузъ-хана, 13. 16. 62. 263.
Каркинъ, сынъ Юлдузъ-хана, 25.
Каркынъ, внукъ Угузъ-хана (знач. дѣятельный), 26.
Карлыкъ, народъ, 19. 33. 35. 76. 160.
Карундеръ, крѣпость, 105. 106. 107.
Карши 133. 284.
Каръ-Кышъ, государь въ поколѣніи Найманъ. 42.
Каръ-Кышъ, братъ его Инатъ, 42.
Касимъ, сынъ Абу-саида, 157.
Касимъ, Касимъ - султанъ, сынъ Юнусъ-хана, 204. 205. 206. 226.
Касимъ-султанъ, сынъ Хосревъ-султана, 269. 285. 287.
Каспійское море 106.
Катъ, городъ въ Харезмѣ, 178. 182. 188. 202. 203. 206. 209. 215. 228. 235. 238. 243. 244. 254. 255. 256. 257. 261. 264. 266. 267. 277. 290.
Катыгинъ 275.
Кафу, страна, 152.
Кашгаръ, городъ, 3. 130. 135. 136. 137. 138. 139. 142.
Каши (Каши назыв. Тангутъ), сынъ Окдай-каана, 126.
Кашмиръ, городъ, государство, 19.
Кебудъ-джама, часть области Джорчанъ, 215.
Кеймари, сынъ Іафета, 9.
Кейумурсъ, царь Ирана, 20.
Келуранъ, Чингизъ - хановъ юртъ, 127.
Келькитъ, поколѣніе, 49.
Келькитъ, сынъ Менгликъ - ичеге (знач. картавый), 49.
Кемкемчутъ, область, 38.
Кенджайта, сынъ Абакъ-хана, 145. 147.
Кенджайту-ханъ, отецъ Алафиренка, 147.
Кенджу, жена Чингизъ-хана, дочь Алтанъ-хана, 82.
Кене, внукъ Угузъ-хана, 25.
Кенкитъ, поколѣніе, 51.
Кераитская область 71.
Кераитъ, поколѣніе, 42. 48. 49. 50. 67. 69. 71. 73.
Кераитъ, знач. черный баранъ, 42.
Керайлу, часть области Джорчанъ, 215.
Керимъ-берди, сынъ Токтамышъ-хана, 157.
Керманскія горы 103.
Керманъ 120.
Керминь, городъ, 166. 296.
Кейумурсъ, царь Персіи, 9.
Кимя, рѣка, 198.

Кипчакъ, народъ, 18. 33. 34. 59. 107. 108.
Кипчакъ, ханъ, 17. 18.
Кипчакъ, см. Дешти Кипчакъ.
Киранъ, селеніе, 250.
Киргизская страна 40.
Киргизъ, внукъ Угузъ-хана, 25. 38.
Киргизы, народъ, 27. 38. 39. 40. 41. 43. 44. 76. 246.
Кирмучинъ, поколѣніе, 41.
Китай, государство, 11. 16. 17. 37. 39. 43. 44. 52. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 114. 117. 121. 122. 123. 129. 136. 150.
Китайцы, народъ, 42. 43. 44. 53. 114.
Китакъ 138.
Киталь. прозваніе Хисамъ-эд-дина, 173.
Китма-туръ 287.
Китъ, городъ въ Харезмѣ, 96.
Кичигъ-тагъ, прежде Герь-тагъ, гора, 12.
Кіюкъ, Кіюкъ-ханъ, Гіюкъ-ханъ, сынъ Огдай-хана, 122. 126. 127. 128. 144. 151.
Кіюкъ-ханъ, сыновья его: Ходжагулъ, Багу, Уку, 126.
Кіюкъ-ханъ, сынъ Дибъ-бакуй-хана, 9. 10. 263.
Кіюкъ-ханъ, отецъ Аланчи-хана, 10. 63. 263.
Кіюмъ, поколѣніе, потомство Удуръ-Баяна, 59.
Коирчакъ-ханъ, сынъ Урусъ-хана, 157.
Коирчакъ-ханъ, отецъ Беракъ-хана, 157.
Кой, внукъ Угузъ-хана, 25.
Кой-Мурулъ, сынъ Бурте-чино, 62. 263.
Кой-Мурулъ, отецъ Бичинъ-Кыяна, 62. 263.
Койчи, см. Кулчи-султанъ.
Кола, рѣка, 70.
Конканаваръ, рѣка, 70.
Конкиратъ, поколѣніе, 46. 47. 52. 60. 70. 131. 200.
Конкиратъ, сынъ Чурлыкъ-Меркана, 47.
Коранъ 135. 184.
Корелы, народъ, 151. 158. 159. 160.
Кошъ-Яикъ, мѣстность около Урала, 244. 261.
Крымъ, страна, 4. 152. 157. 158.
Кубай-Ширя, изъ поколѣнія Кыянъ, 47.
Кубай-Ширя, сыновья его: Инграсъ и Олконотъ, 47.
Кублай-каанъ, сынъ Тули-хана, 127. 128. 129. 130. 144.
Кублай-каанъ, братъ его Артукъ-бука, 129.
Кублай-Нойянъ (Барласъ) 35.
Кубуль-ханъ, сынъ Тумене-хана, 59. 60. 61.
Кубуль-ханъ, сыновья его: Укинъ-Баргакъ, Бюртанъ-Багадуръ, Кутуктумену, Каданъ и еще два сына, имена которыхъ не упомянуты, 60.
Куджашъ-мирза 167. 168.
Куджашъ-мирза, дочь его Малай-ханъ-задя, 168.
Куджекъ, сынъ Токтамышъ-хана, 157.
Куджемъ-Бурулъ, см. Кучумъ-Буруль.
Куджу, сынъ Окдай-Каана, 126.
Куду, сынъ Тукта-бикія, 82.
Кузгунъ, эмиръ, 133. 134.
Кузгунъ, отецъ Абдуллаха, 134.
Куйгинъ, Куйгунъ, 206. 250.
Кулчи-султанъ, Кульчи-султанъ, Койчи, сынъ Буладъ-султана, 221. 235.
Кулъ-Мохаммедъ, сынъ Курбанъ-хаджи, 268.
Кулъ-Мохаммедъ-бій 220.

Кульдаленгъ-Джорди-тайши, князь, 290.
Кульчи-султанъ, см. Кулчи-султанъ.
Кумаръ или Кунукмаръ 48.
Кумъ, крѣпость, 207. 257.
Кумъ-кала, крѣпость, 228.
Кумъ-кендъ, селеніе, 195. 196.
Кунджій, сынъ Шибанъ-хана, 160.
Кунука-биқи, князь Ойратовъ, 76.
Кунуклутъ, сынъ Тусбудая, 47.
Кунуклутъ, сынъ его Мисяръ, 47.
Кунукмаръ, имя одного монгола изъ поколѣнія Урмаутъ, 48.
Кунукмаръ, поколѣніе, 48. 64. 72.
Курагай, сынъ Бузая, 132. 133.
Курагай, отецъ Буга-тимуръ-хана и Балиги, 132.
Курбанъ-хаджи 249. 253. 268.
Курбанъ-хаджи, отецъ Кулъ-Мохаммеда, 268.
Курджины, народъ, 216.
Курдистанъ 121.
Курды, народъ, 121.
Кури, названіе рода Ойратскаго поколѣнія, 41.
Курласъ, поколѣніе, изъ рода Кыянова, 31. 45. 47. 54. 55. 60.
Курласъ, сынъ Мисяра, 47. 54.
Курлаутъ, поколѣніе, 52.
Курнукъ, сынъ Юлдузъ-хана, 25.
Курнукъ, внукъ Угузъ-хана (знач. старшій), 26.
Куртча, сынъ Шибанъ-хана, 160.
Курукъ 234.
Курчакуръ, сынъ Мергуза, по прозванію Буйрукъ, 42. 67.
Курчакуръ, отецъ Тоугула, 42.
Курчакуръ, сыновья его: Унгъ-ханъ, Иркекара, Байтимуръ, Камишай и Джакембу, 67.
Курчикъ, внукъ Угузъ-хана, 25.
Кусутмай, поколѣніе, 41.
Кутанъ, сынъ Окдай-каана, 126.
Кутлукъ-буга, сынъ Багадуръ-хана, 160.
Кутлукъ-балыкъ, имя, данное Чингизъ-ханомъ городу Зернуку, 90.
Кутлукъ-заманъ, сынъ Хаджи Герая, 157.
Кутлукъ-Кыя, изъ племени Акъ-манқытъ, 142.
Кутлукъ-Кый, отецъ Идигея, 142.
Кутлукъ-Тимуръ-угланъ, сынъ Нумгана, 158.
Кутлукъ-Тимуръ-угланъ, отецъ Алій-Тимуръ-бекъ-углана, 158.
Кутука-биқи, государь Ойратовъ, 41.
Кутука-биқи, сыновья его: Иналь-джи, Туранджи, 41
Кутукта-нойянъ 81.
Кутукту-менгу, сынъ Кабуль-хана, 60.
Кутуръ-калчава 103.
Кутъ-тагъ, гора въ Монголіи, 36.
Куфейнъ, городъ, 166.
Кучумъ-Буруль, сынъ Кычи-меркана, 55. 262.
Кучумъ-Буруль, отецъ Буке-Бендуна, 55. 62. 262.
Кучумъ-ханъ, сынъ Муртава-хана, 156. 158.
Кушутъ, Калмыцкое поколѣніе, 290.
Кушчи, племя, 160.
Куюлдаръ (Куюлдаръ-чеченъ), начальникъ Манқытовъ, 64. 69.
Қызылбаши 174. 176. 177. 179. 189. 190. 209. 210. 213. 214. 216. 217. 218. 219. 229. 236. 266. 278. 283. 300.
Қызылъ, рѣка, 245.
Қызылъ-рабатъ 198.
Қылычь-кара, Хотанскій правитель, изъ поколѣнія Калъ-ачьскаго, 72.
Қыныкъ, сынъ Тингизъ-хана, 25.
Қыныкъ, внукъ Угузъ-хана (знач. славный), 26.

Кырылтукъ, прозваніе Баргутая, (знач. завистливый, жадный), 57.
Кытыгинъ, потомки Бугунъ-Кытыгина, 57. 64.
Кычи-мерканъ, сынъ Тимача, 55. 263.
Кычи-мерканъ, отецъ Кучумъ-Буруля, 55. 62. 263.
Клыкъ, изъ поколѣнія Келькитъ, 49. 69.
Кыянъ, поколѣніе, 46.
Кыянъ, сынъ Иль-хана (знач. потокъ, съ силой стремящійся съ горы внизъ), 28. 29. 31. 45. 54. 62. 263.
Кыятъ, названіе, данное сыновьямъ Кубуль-хана, 60.
Кыятъ, такъ назывался родъ Кыяна, множ. число слова Кыянъ, 29. 30. 45. 46. 60. 64.
Кюбюкъ, сынъ Дуи-ходжена, 132.
Кюгердликъ 295. 296.
Кюджекъ-мирза 241.
Кюзь-ханъ, сынъ Монголъ-хана, 12. 14.
Кюйсу, жена Чингизъ-хана, 82.
Кюкли, внукъ Угузъ-хана, 25.
Кюкче, сынъ Менгликъ-ичеге, 49. 72.
Кюкъ, одинъ изъ Кангліевъ, 34.
Кюкъ, сынъ Угузъ-хана, 21.
Кюкъ-муранъ, притокъ Айкара-мурана, 41.
Кюкъ-Сарай 93.
Кюкъ-ханъ, бекъ Султана Мохаммеда, 90.
Кюкъ-ханъ, см. Кюкъ 34.
Кюкъ-ханъ, сынъ Угузъ-хана, 25.
Кюкъ-ханъ, сыновья его: Баяндуръ, Бачина, Джаулгуръ, Чени, 25.
Кюльдашъ, сынъ Хаджи Герая, 157.
Кюль-Иркинъ, начальникъ Тукузъ-Уйгуровъ, впослѣдствіи титулъ его Иди-кутъ, 36.
Кюлюкъ-Мингъ-Тимуръ, см. Мингъ-Тимуръ.
Кюне, внукъ Угузъ-хана, 25.
Кюнчекъ, сынъ Дуи-ходжена, 133. 134.
Кюнчекъ, отецъ Булада, 133. 134.
Кюнъ, сынъ Угузъ-хана, 21.
Кюнджекъ-угланъ, сынъ Сарича, 157.
Кюньджекъ-угланъ, отецъ Тукъ-кулъ холжа-углана и Тулюкъ-Тимура, 157.
Кюнь-Тунгаръ-багадуръ 201.
Кюнь-ханъ, сынъ Угузъ-хана, 22. 23. 24. 25. 26.
Кюнь-ханъ, сыновья его: Калы, Баятъ, Алка-уйлы, Кара-уйлы, 25.
Кюпекъ, сынъ Токтамышъ-хана, 157.
Кюранъ, горы, 238. 242.
Кюргюзъ 38.
Кюрдишъ, Кюрдушъ, городъ, 190. 191. 198. 238. 240. 295.
Кюръ-Мергузъ (или Гюръ), сынъ Мергуза, 67.
Кючлюкъ, сынъ Таянгъ-хана, 42. 74. 75. 76. 81. 83. 84. 87.
Кючлюкъ-ханъ, бекъ Султана-Мохаммеда, 90.
Кююкъ, крѣпость, 270.
Кянду-чино, сынъ Джерке-ленкумъ, 58.

Лайна 212.
Лала, внукъ Угузъ-хана, 25.
Ламехъ, сынъ Маѳусала, 7. 263.
Ламехъ, отецъ Ноя, 7. 63. 263.

Мавдчудъ-Чущтійцъ 248.
Мавераннегръ, страна на сѣв.-востокѣ Аму-дарьи, 3. 4. 20. 33. 37. 59. 100. 114. 130. 132. 133, 135. 136. 138. 139. 143. 157. 164. 166. 172. 196. 202. 226. 229. 242. 246. 260. 266. 300.
Магазъ, селеніе, 280. 281.
Магинъ (Магменъ), селеніе въ Хорасанѣ, 282.
Маджаръ, народъ, 18. 151. 158.

Маджаръ, сынъ Шибанъ-хана, 160.
Маджучь, народъ, 43.
Мавандеранъ 38. 106. 110. 146. 165. 189.
Малай-ханъ-задя, дочь Куджашъ мирвы, 168. 171.
Малелеилъ, сынъ Каинана, 6. 7. 263.
Малелеилъ, отецъ Іареда, 7. 63. 263.
Маміянъ, см. Баміянъ.
Мангкатай, даруга, 113. 114.
Мангкытъ, см. Манкытъ.
Мангышлакъ, см. Манкышлакъ.
Манкатъ, область, 241. 260.
Манкытъ, сынъ Джафсу, 58.
Манкыты, племя, 64. 69. 156. 188. 203. 238. 260. 275.
Манкышлакъ или Мангышлакъ, 177. 178. 182. 229. 238. 243. 259. 267. 271. 272. 282. 283.
Манкышлакъ-султанъ, сынъ Джувакъ-султана, 158.
Манкышлакъ-султанъ, отецъ Яръ-Мохаммедъ-султана, 158.
Мау-балыгъ, названіе, данное крѣпости Баліанъ Чингизъ-ханомъ, 101.
Махмедъ, см. Динъ-Мохаммедъ-ханъ.
Махмудекъ-ханъ, сынъ Хаджи-Мохаммеда-хана, 156.
Махмудекъ-ханъ, отецъ Абакъ-хана и Муртаза-хана, 156.
Махмудъ-илаучъ, посолъ Чингизъ-хана къ султану Мохаммеду, 84. 85. 122.
Махмудъ изъ Харезма, посолъ Чингизъ-хана къ султану Мохаммеду, 86.
Махмудъ, сынъ Абу-саида, 157.
Махмудъ, сынъ Аванишъ-хана, 188. 197. 204. 214. 215.
Махмудъ, сынъ Акатай-хана, 205. 209. 221. 225. 226. 227. 231. 238.
Махмудъ-султанъ (сынъ Акатай-хана), отецъ Мохаммеда, Амина, Алій-султана, Мохаммедъ-Амина, Арабъ-султана, Акъ-бабы, 221. 233. 235.
Махмудъ-султанъ, сынъ Шахъ-Бадакъ-султана, 161.
Махмудъ-султанъ, отецъ Абдуллахъ-хана, 161.
Махмудъ-Султанъ, или Махмудъ-ханъ, сынъ Сююргатмышъ-хана, 134. 135. 136.
Маѳусалъ, сынъ Идриса, 7. 263.
Маѳусалъ, отецъ Ламеха, 7. 63. 263.
Мегдій-султанъ, изъ Хисара, 196. 197.
Мегинъ, городъ, 178. 182.
Медждъ-уль-мюлькъ, Мервскій правитель, 108. 109. 110. 111.
Мекка, городъ, 6. 116. 257.
Мекранъ 115.
Мекринъ, рѣка, 52.
Мекринъ-Біяутъ, родъ изъ поколѣнія Біяутъ, 52.
Мекрины, такъ назнваютъ Текриновъ, 38.
Мекриты, также Меркиты, поколѣніе, 46. 73.
Меликъ-Абу-бекръ, правитель города Гераты, поставленный Туля-ханомъ, 113. 114.
Меликъ-Мубаризъ-эд-динъ 114.
Меликъ-шемсъ-уд-динъ-Мохаммедъ 113.
Меликъ-эшрефъ-Сюльдуръ, сынъ Тимуръ-Таша, 148. 154. 155.
Мемикай-каанъ, сынъ Муркаду-Кюджуче, 57. 63.
Мемикай-каанъ, отецъ Каданъ-Тайши, 57. 63.
Менглили или Менг-хатунь, прислужница, 137. 138.
Менгли-ханъ, сынъ Юлдузъ-хана, 26. 27. 263.
Менгли-ханъ, сынъ его Тингизъ-ханъ, 27. 62. 263.
Менгли-ходжа, сынъ Тимуръ-Таша, 55. 263.
Менгли-ходжа, отецъ Юлдуза, 55. 62. 263.

Менгликъ, см. Менгликъ-ичеге, 48.
Менгликъ-ичеге, изъ поколѣнія Кунукмаръ, 48. 49. 64. 68.
Менгликъ-ичеге, сыновья его: Кюкче, Эрлатъ, Келькитъ, 49.
Менглишъ-бій, изъ племени Дармановъ, 234. 238. 240.
Менгу, сынъ Гулагу-хана, 146.
Менгу, отецъ Анбаджара, 146.
Менгу-қаанъ, Менгу, сынъ Тули-хана, 122. 127. 128. 129. 144. 151.
Менгу-Тимуръ-ханъ, сынъ Тукай-Тимура, 152. 153.
Менгу-Тимуръ-ханъ, отецъ Токтагу-хана, 153.
Менгу-Тимуръ-ханъ, см. Мингъ-Тимуръ, сынъ Бадакула.
Мервъ 45. 108. 109. 110. 111. 112. 172. 211. 212. 213. 214. 230. 235. 243.
Мервъ-Шахъ-джеганъ, городъ, 210.
Мергузъ, знаменитый государь у Кераитовъ, 42. 67.
Мергузъ, сыновья его: Курчакуръ и Кюръ-Мергузъ, 67.
Меркан, сынъ Шибанъ-хана, 160.
Меркенъ-таишя, князь, 292.
Меркиты, поколѣніе, также Мекриты, 46. 64. 65. 73. 75. 82. 126. 149.
Месқанъ-багадуръ 80.
Мешхедъ, 210. 213. 279. 282.
Мигюрбани-ханымъ, дочь Джанъ-гази-султана, 247.
Мигюрбани-ханымъ, мать Абульгази-хана, 247.
Миджаръ, сынъ Тукта-биқія, 75.
Милунь, жена Чингизъ-хана, 82.
Мингаръ-нойянъ 128.
Минглій-Герай-ханъ, сынъ Хаджи Герая, 157.
Мингу-таія, начальникъ Унъ-Уйгоровъ, титулъ его: Иль-ильтыръ, 36.
Мингъ, государь Кара-Китайскій, 44.
Мингъ, сынъ Іафета, 8.
Мингъ-Тимуръ (Менгу), сынъ Бадакула, 160. 161. 262.
Мингъ-Тимуръ (Менгу), отецъ: Ильсақа, Джанта, Булада, Сююнуча, Тимуръ-тюнга, Бекъ-Кунли, 161. 262.
Мирза-Джукій, см. Мирза-Мохаммедъ-Джукій.
Мирза-Мохаммедъ-Джукій, сынъ Абдуллатифа-мирзы, 164. 165.
Миръ-Дигканъ, крѣпость, 250.
Мисяръ, сынъ Кунуклута, 47.
Михаилъ, архангелъ, 5.
Мозайяръ-эмиръ, изъ племени Аргуна, 165.
Монголія 2. 12. 18. 19. 32. 35. 36. 41. 51. 52. 59. 72. 114. 122.
Монголъ-хаджебъ, бекъ шаха Харезмскаго, 97.
Монголъ-ханъ (или Монголъ), сынъ Аланчи-хана, 3. 10. 11. 12. 263.
Монголъ-ханъ, сыновья его: Кара, Узь, Кюзь и Гюръ, 12. 62. 263.
Монголы, народъ, 11. 13. 16. 27. 28. 30—33. 38. 39. 41. 42. 44. 46. 48—50. 52. 35. 59—62. 64—66. 68. 77. 83. 88. 89. 91—93. 95—108. 110. 115. 121. 124. 137. 140. 145. 146. 163. 164.
Монгольскій юртъ, государство, 3. 16. 53.
Монгольскія поколѣнія 27. 31. 45. 52.
Монгольское племя 32. 38. 50. 51. 52.
Москва, городъ Руси, 159.
Мосулъ, городъ, 8.
Мотасемъ, халифъ, 144.
Мохаммедъ, прозваніе ему Шахтъ-бехтъ или Шибани, сынъ Шахъ-Бадакъ-султана, 157. 161.
Мохаммедъ, пророкъ, 124.
Мохаммедъ, сынъ Булада, 133. 134.
Мохаммедъ, сынъ Сенке, 147.
Мохаммедъ, отецъ Адиль-Султана, 134.
Мохаммедъ, отецъ Сулеймана, 147.

Мохаммедъ, сынъ Махмудъ-султана, 221. 235.

Мохаммедъ-Алинъ, сынъ Махмудъ-султана, 221.

Мохаммедъ-Бакій-бій, диванъ-бекъ Абдуллахъ-хана, 233.

Мохаммедъ-гази (султанъ), сынъ Ильбарсъ-хана, 179. 189. 190. 192. 194. 196. 202.

Мохаммедъ-гайясъ-эд-динъ, сынъ Мохаммеда султана, 105.

Мохаммедъ Джелаль-эд-динъ, султанъ, см. Джелаль-эд-динъ.

Мохаммедъ-Джукій-Мирза, тоже, что Мирза-Мохаммедъ Джукій, 166.

Мохаммедъ-Ибрагимъ-султанъ, сынъ Хаджій-Мохаммедъ-хана, 229. 230. 231. 233. 235. 242.

Мохаммедъ-Ибрагимъ-султанъ, отецъ Бурундука, 242.

Мохаммедъ-Ибрагимъ-султанъ, сынъ Хаджи-Мохаммеда, отецъ Мохаммедъ-кули-султана, 235.

Мохаммедъ-кули-бекъ, Черкезъ, 280. 281. 282.

Мохаммедъ-кули-султанъ, сынъ Хаджи-Мохаммедъ-хана, 237. 240. 241.

Мохаммедъ-кули-султанъ, сынъ Мохаммедъ-Ибрагимъ-султана, 235.

Мохаммедъ Субектекинъ 115.

Мохаммедъ-султанъ, сынъ Махмудъ-султана, отецъ Шахъ-Алія и Шахъ-бехта, 221. 236.

Мохаммедъ-султанъ, сынъ Тимуръ-султана, 221. 231. 235.

Мохаммедъ султанъ, харезмскій шахъ, сынъ Тукушъ-хана и государыни Тюркяни, 34. 44. 59. 81. 84. 85. 86. 87. 88. 90. 91. 92. 94. 96. 97. 98. 101. 104. 105. 106. 107. 108. 109.

Мохаммедъ султанъ, сыновья его: Рукнъ-эд-динъ и Мохаммедъ-гайясъ-эд-динъ, 105.

Мохаммедъ-ханъ, сынъ Хасана-Углана, 157.

Мохаммедъ-ханъ, сынъ Тимуръ-султана, 158.

Мохаммедъ-ханъ, отецъ Джувакъ-султана, 158.

Мохаммедъ-ханъ, сынъ Юлъ-Кутлука, 146. 147.

Мохаммедъ-ханъ, отецъ Таштимура, 157.

Мохаммедъ Харъ-бенде, султанъ, 147.

Мохаммедъ-Харъ-бенде, дочь его Сати-Бика-Хатунь, 147.

Мохаммедъ-ханъ, Шерифъ Мухаммедъ, сынъ Араба-Мохаммеда, 235. 247. 248. 252. 255—258. 266—277. 284. 294.

Мохаммедъ-Хусеинъ-бекъ 269. 270. 271.

Мохаммедъ или Махмудъ-султанъ 231. 233.

Мохарремъ, мѣсяцъ, 8.

Мубарекъ-шахъ, сынъ Кара-Гулагу, 131.

Мубарекъ-шахъ, мать его Аргуна-хатунь, 131.

Муджи, сынъ Джагатай-хана, 131.

Мулка 102.

Мулла-Секаки 130.

Мунга-Тимуръ, см. Мингъ-Тимуръ.

Мунга-Тимуръ, сынъ Бадакула, 156.

Мунга-Тимуръ, отецъ Бикъ-кунди-углана, 156.

Мунга, жена Окдай-каана, 126.

Мунгракъ 126.

Мунгудай, сынъ Бюртана, 60.

Мунка, Мунка-бій, инакъ Берке-султана, Унгуръ, 170.

Мунка-угулъ, сынъ Тули-хана, 127.

Мунулунь, жена Дутумъ-Менинъ-хана, 53.

Мурда, внукъ Угузъ-хана, 25.

Мурзинскія ворота 262.

Муркаду Кюджуне (Кюньджуне), сынъ Джерка-ленкума, 57.
Муркаду-Кюджуне (Кюньдже), отецъ Мемикай-каана, 57. 63.
Муртазъ-ханъ, сынъ Махмудекъ-хана, 156.
Муртазъ-ханъ, отецъ Кучумъ-хана, 156.
Мутукинъ, сынъ Джагатай-хана, 131. 132. 133. 134. 136. 142.
Мутукинъ, отецъ Бузая, 132. 133.
Мутукинъ, отецъ Кара-Гулагу, 131.
Мутукинъ, отецъ Ясунты, 132. 134. 136. 142.
Муса-бій 167. 168.
Муса, ханъ, сынъ Алія, 146. 147.
Мюльхиды, еретическая община Мюльхидовъ, 144.
Мюргабъ, рѣка, 211.
Мяджд-эд-динъ, шейхъ изъ Багдада, 88.

Надиръ-Мохаммедъ-ханъ, братъ Имамъ-кули-хана, 284. 285. 287.
Надиръ-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Абдуль-азиса, 287.
Надиръ-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Хосревъ-султана, 285.
Назаръ-ходжа, изъ Бакургана, 258. 259.
Найманскій юртъ 82.
Найманъ, поколѣніе, 42. 67. 71. 72. 73. 74. 75. 81. 160. 162. 207. 208. 210. 220. 242. 247. 254. 260. 268. 269.
Накибъ 233.
Намазкагъ, ворота Бухары, 300.
Наманъ-кере, мѣстечко, гдѣ Чингизъ-ханъ былъ возведенъ въ ханы, 72.
Насръ-эд-динъ, визирь Мохаммедъ-султана, 107.
Насиръ-эд-динъ Абуль-Аббасъ, халифъ изъ Багдада, 85. 89.
Нахичеванская область 107.
Нахичевань, городъ, 147.
Нахшебъ, городъ, 100.
Неджмъ-эд-динъ Кюбри, шейхъ, 88. 99. 100. 204.
Нерземъ, мѣстность, 296.
Никудери-гезаръ 135.
Никчегу, городъ, 182.
Нирунъ, поколѣнія, происшедшія отъ трехъ сыновъ Аланговы, 57. 58. 65.
Нисай или Нися, городъ, 182. 186. 203. 208. 209. 214. 215. 220. 228. 230. 231. 243. 266.
Нишабурцы, жители Нишабура, 112.
Нишабуръ 105. 106. 111. 112.
Новый-водопроводъ въ Харезмѣ 222.
Ной, пророкъ, 10.
Ной-сынъ Ламеха, 7. 8. 263.
Ной, сыновья его Хамъ, Симъ, Іафетъ, 8. 63. 263.
Нукеджаръ, сынъ Джучій-буга, 160.
Нумганъ, сынъ Абая, 158.
Нумганъ, отецъ Кутлукъ-Тимуръ-углана, 158.
Нунашъ-ханымъ, дочь Султана-гази-султана, 195.
Нуримъ-ханъ, см. Нуръ-Мохаммедъ-ханъ.
Нуръ-девлетъ-ханъ, сынъ Хаджи-Герая, 157.
Нуръ-Мохаммедъ, сынъ Абуль-хана, 213. 214. 229. 230. 235.
Нуръ-Мохаммедъ-ханъ, сынъ Динъ-Мохаммедъ-султана, 158. 242.
Нуръ-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Абдулъ-азизъ-хана, 158.
Нуси-Таифъ, бекъ у Минга, Кара-Китайскаго государя, 44.
Нуси-Таифъ, потомокъ Эфрасіаба, 44.
Нухастъ 228.
Нѣмцы, народъ, 151. 158. 159.

Нюгузъ, названіе, данное потомкамъ Улькюджинъ-чина, 58.
Нюгузъ, сынъ младшаго брата Ильхана, 29. 45. 54.
Нюгюзъ, названіе рода Нюгюзовъ, 29.

Обейдъ-ханъ 186. 196. 197. 198. 199. 201. 202. 210.
Обейдъ-ханъ, отецъ Абдулъ-Азиса, 197. 214. 226.
Огдай-ханъ, а также: Огдай-каанъ, Окдай (т. е. великій) каанъ, Каанъ, сынъ Чингизъ-хана, 3. 38. 82. 89. 91. 93. 96—99. 115—117. 120—126. 134. 150. 151. 159.
Огдай-ханъ, отецъ: Кіюка, Кутана, Куджу, Карачара, Каши, 122. 126 144. 151.
Ойратъ, поколѣніе, 40. 41. 52. 73. 76. 126. 146.
Окдай-каанъ, см. Огдай ханъ, 130.
Окдай-каанъ, внукъ его Ширамунъ 126.
Окдай-каанъ, отецъ Тайшія, 134.
Океанъ Индійскій 17.
Оклійцы, народъ, 217.
Оклы, внукъ Угузъ-хана, 25.
Оклы-Гокланъ, племя, 216.
Окчутабъ, князь, 292.
Олджайту, сынъ Аргунъ-хана, 145.
Олджайту, отецъ Абу-Саидъ-хана, 145.
Олконотъ, племя, поколѣніе, 47. 64.
Олконотъ, сынъ Кубай-Шири, 47.
Омаръ, кадій въ Везирѣ, 172.
Омаръ-гази-султанъ, сынъ Султана-гази-султана, 195. 196. 197.
Ононъ, Монгольскій юртъ, 53.
Орда, мѣстопребываніе Чингизъ-хана и другихъ государей, 77. 81. 86. 117. 137.
Орда-ханъ, сынъ Атсизъ-хана, 11.
Орда-ханъ, отецъ Байду-хана, 11.
Орду, по прозванію Иченъ, сынъ Джучи-хана, 150. 159. 160.
Орь, рѣка, 160.
Отраръ, городъ, 86. 89. 92. 93. 96. 97. 136.

Пеглеванъ, при могилѣ котораго клялись въ вѣрности другъ другу Мохаммедъ-султанъ и спутники его, 231.
Пеглеванъ-кули-султанъ, сынъ Буладъ-султана, 221. 233. 237.
Пеглеванъ-кули, сынъ Суфіяна, 186. 203.
Персія 19. 214. 236. 242. 257.
Персіяне или Таджики, народъ, 33. 173. 214. 278.
Пешве, поколѣніе, 83.
Пешкачъ, колодецъ, 248.
Пешкендъ-угланъ 165.
Пишкаръ 183.
Пищкахъ или Пешкахъ 198. 238.

Рахманъ-кули-арабъ, Везирскій даруга, 172. 175.
Рашидъ (Ходжа-Рашидъ, Рашидъ-эддинъ) изъ Казвини, авторъ исторіи Монгольскихъ и Тюркскихъ поколѣній, 31. 23.
Рашидъ-эд-динъ, сынъ Джемаль-уддина, 139. 140.
Реджебъ, мѣсяцъ, 8.
Рей 105. 106.
Риша-Худай-берди 191.
Ришь-Табанъ-Ать 251.
Рукнъ-эд-динъ, сынъ Мохаммедъ-султана, 105.
Румъ (Малая Азія и Оттоманская имперія) 34. 45. 136. 147. 228. 229. 236. 243.
Русскіе, народъ, 156. 156. 241. 244. 245. 257. 261. 262.

Рустемъ 94.
Русъ, сынъ Іафета, 8.
Русь 108. 122. 151. 158. 159. 241. 245. 261.

Сабинъ-Билька, сынъ Джагатай-хана, 131.
Саганакъ, городъ, 93.
Сагарычъ, провинція къ югу отъ Аму-Дарьи, 234. 235.
Сагча, колодезь, 222. 251.
Садикъ (правдивый), прозваніе Эноса, 6.
Саидъ-Мирза, или Абу-Саидъ-Мирза, 166.
Саилганъ, сынъ Шибанъ-хана, 160.
Саинъ-ханъ, см. Бату-ханъ.
Саиръ, внукъ Угузъ-хана, 25.
Саклабъ, сынъ Іафета, 8.
Сакнакъ, изъ Альмалыка, 89.
Сале-падшахъ 228.
Салихъ-султанъ 246.
Салуръ, сынъ Тагъ-хана, 25.
Салуръ, внукъ Угузъ-хана (знач. имѣющій мечъ), 26.
Салуры, Хоросанскій народъ, 183. 185.
Самаджутъ-Таника, вельможа Тангъ-хана, 71.
Самаркандъ, городъ, 18. 19. 20. 44. 87. 93. 96. 97. 100. 104. 115. 116. 136. 138. 139. 142. 143. 165. 166. 196. 197. 202. 233. 246. 266. 280.
Самкячунъ, сынъ Тумене-хана, 59.
Самсаудчи, см. Самъ-Саучій.
Самука-багадуръ 80.
Самъ-Саучія, сынъ Буке-Бендуна, 55. 263.
Самъ-Саучій, отецъ Калмачу, 55. 62. 263.
Санджаръ, сынъ Али-султана, 220.
Санджаръ Кази, султанъ, 45.
Сарай, городъ, 142.
Сарайчикъ, городъ недалеко отъ устья Урала, 152. 153. 154. 155.
Саригъ-кольская долина 84.
Сарики. народъ, 292.
Сари-Махмудъ, «Желтый-Махмудъ», см. Махмудъ сынъ Аванишъ-хана.
Сари-Огланъ 234. 238.
Сари-су, рѣка, 160.
Сарича, сынъ Узь-Тимура, 156.
Сарича, отецъ Кюньджикъ-углана, 157.
Сарманъ, сынъ Джагатай-хана, 131. 132.
Сарманъ, отецъ Бикія, 132.
Сартакъ, сынъ Бату-хана, 151.
Сарты, народъ, 174. 176. 197. 204. 205. 207. 208. 214. 227. 238. 239. 242. 270. 271. 272. 274.
Сархинъ-бій, аталыкъ Абдуллахъ-хана, 233.
Сарыкъ, поколѣніе, 258.
Сати-Бика-Хатунь, дочь султана Мохаммеда-Харъ-бенде, 147.
Сатылмышь-хатунь, жена Исенъ-буга, 137.
Сафи-улла (чистосердечно преданный Богу), прозваніе Адама, 6.
Сашъ-Мирза 246.
Сеидъ-ата, племя, 173. 258.
Сеидъ-Газвъ-уд-динъ 112.
Сейфъ-эд-динъ-меликъ 102. 103.
Секаки, мулла, 130.
Селенга, рѣка, 39. 41.
Селенга, знач. своя (бяижняя) сторона, 41.
Сенке, сынъ Яшмута, 147.
Сенке, отецъ Мохаммеда, 147.
Сефій шахъ, внукъ Аббасъ-Мази, 278.
Сибирь, область, 39.
Симъ, сынъ Ноя, 8.
Синдъ, рѣка, 103. 130.

Синяя Орда, назыв. Дештъ-Кипчакъ, 151.
Сиракъ, см. Таджикъ.
Сирамъ, страна, 18.
Сиратъ, названіе мѣста надъ пропастью. 78.
Сирійская страна 8.
Сирія, 20. 130. 144.
Сиѳъ, сынъ Адама, пророкъ, 6. 263.
Сиѳъ, сынъ его Эносъ, 6. 63. 263.
Сти-бика-хатунь, см. Сати-бика-хатунь.
Субеҳтеҳиновъ юртъ 115.
Субудай-багадуръ 82. 101. 104. 105. 107.
Судуръ 292.
Суқта-буқа, или Сюқта-буқа, 89. 94. 95. 96.
Сулейманъ, сановникъ, 205.
Сулейманъ, сынъ Ақатай-хана, 205. 209. 221.
Сулейманъ, сынъ Мохаммеда, 147.
Султанія 147.
Султанлы, внукъ Угузъ-хана, 25.
Султанъ-гази, сынъ Ильбарсъ-хана, 179. 180. 182. 194. 195. 196. 247.
Султанъ-гази-султанъ, сыновья его: Омаръ-гази-султанъ и Ширъ-гази-султанъ; дочери его: Зюгра-ханымъ и Нунашъ-ханымъ, 195. 247.
Султанъ - Мохаммедъ - Джелаль - эд - динъ, 88.
Султанъ-Мохаммедъ, см. Мохаммедъ-султанъ.
Султанъ Мохаммедъ Харъ-бенде, см. Мохаммедъ Харъ-бенде.
Султанъ-хаджи, сынъ Бидигичь султана, 179.
Султанъ-хусеинъ-мирза 172.
Сульдусъ, поколѣніе, 50.
Сургу, сынъ Дуи-ходжена, 134.
Сургу, отецъ Баянъ-кулы-хана, 134.
Сусъ, городъ, 7.
Суфи-мирза, Суфія-Мирза, 246.
Суфіянъ, Суфіянъ - ханъ, сынъ Аменкъ-хана, 178. 180. 182. 184. 186. 187.
Суфіянъ, отецъ Юсуфа, Юнуса, Алія, Агиша, Пеглевана-кули, 186. 194. 200. 202. 203. 206.
Сыръ-море, или же Аральское море, 261.
Сыръ, рѣка, 12. 160. 162. 165. 166. 169. 260.
Сюбханъ - кули-арабъ, Ургенджскій даруга, 172. 175. 176.
Сюбханъ-кулы-ханъ 294.
Сюқта-буқа, см. Суқта-буқа.
Сюльдуръ, родъ, 146.
Сюрқы (теперь Сюрхи), внукъ Угузъ-хана, 25.
Сючлы, внукъ Угузъ-хана, 25.
Сююқянь, жена Чингизъ-хана, 82.
Сююнджуръ-балъ, селеніе, 295.
Сююнучь, сынъ Мингъ-Тимура, 161.
Сююнучь-Мохаммедъ, сынъ Хаджій-Мохаммедъ-хана, 231. 235. 236. 242. 244.
Сююнучь-Мохаммедъ султанъ, отецъ Ибадъ-уллаха, 235.
Сююнучь-ханъ, бекъ султана Мохаммеда, 90.
Сююнучь-ханъ, девятый ханъ Татарскій, сынъ Байду-хана, 11. 27.
Сююргатмышъ-ханъ, сынъ Данишмендча-хана, 134. 135.
Сююргатмышъ-ханъ, отецъ Махмудъ-Султана, 134.
Сююръ-қуқтай-бики, старшая жена Тули-хана, 40. 127.
Сябикунъ, притокъ Айқара-мурана, 41.
Сяварчикъ, внукъ Угузъ-хана, 25.
Сянқунъ, сынъ Унгъ-хана, 66. 67. 68. 70. 71. 72. 74.
Сярхасъ, городъ, 110. 111.

Тага-булакъ, мѣстечко, 297.
Тагиръ, сынъ Ишъ-султана, 208.
Тагъ или Тагъ-ханъ, сынъ Угузъ-хана, 21. 25.
Тагъ-ханъ, сыновья его: Салуръ, Аймуръ, Алаюнъ-атлы (Ала-юнтли), Увгаръ, 25.
Таджики или Персіяне, народъ, 16. 17. 33. 35. 39. 40. 62. 64. 66. 94. 95. 96. 103. 109. 138. 139. 140. 164. 280. 300.
Таиль Кюпрукъ или Иль Кюпрукъ 186.
Таирсунъ, Ойратскій начальникъ, 126.
Таифъ, городъ, 6.
Тайджутское поколѣніе 63.
Тайджуты, народъ, 58. 63. 64. 65. 66.
Тайшій, отецъ Кайду-хана, 133. 134.
Тайшія, сынъ Окдай-каана, 134.
Такеджакъ 102.
Такинъ, внукъ Угузъ-хана, 25.
Талканцы, жители Талкана, 101.
Талканъ, городъ, 101. 113.
Тамлыкъ-ата, мѣстечко, 297.
Тангутъ, названіе Тибета, 17. 75. 81. 117. 126.
Тарихъ, сынъ Іафета, 9.
Тарканъ-хатунь, жена Джагатай-хана, младшая сестра Ясулуны, 131.
Тармаширъ, сынъ Дуи-ходжена, 132.
Татарская область 18.
Татаръ-ханъ, сынъ Аланчи-хана, 10. 11.
Татаръ-ханъ, отецъ Буки-хана, 10. 11.
Татары, народъ, 11. 16. 27. 28. 30. 31. 39. 40. 65. 83.
Татула-Сукарь-бекъ, у Ойратовъ, 41.
Тахмаспъ-шахъ 186. 187. 209. 210. 216. 218. 219.
Тахтабилъ, площадь въ Харезмѣ, 234.
Ташкендъ, городъ, 18. 44. 115. 139. 165. 166. 196. 197. 275.
Ташлы-ярмышъ, водоемъ. вырытый Али-султаномъ, 256.
Таштимуръ, Ташъ-Тимуръ, сынъ Мохаммедъ-хана, 137. 138. 157.
Таштимуръ, отецъ Гайясъ-эд-динъ-хана, 157.
Ташъ-кюпрюкъ, мѣстность на берегу Ханакага, 272.
Ташъ-Тимуръ, см. Таштимуръ.
Таянгъ-ханъ, государь въ поколѣніи Найманъ, 42. 67. 71. 72. 73. 74. 75.
Таянгъ-ханъ, отецъ Кючлюка, 42. 75. 83.
Тебризъ 120. 146. 147.
Тегринингъ-бети, «лице Божіе», имя, данное народомъ Кюкче, 49. 72.
Теке, поколѣніе, 238. 242. 258. 282 291.
Теке-Иванишъ 291.
Теке-Сарыкъ, поколѣніе, 185.
Текинцы, народъ, 89.
Текринъ, поколѣніе, 38.
Телашъ, городъ, 19. 20.
Телашъ, рѣка, 34.
Телашъ, страна, 18.
Темкинъ, городъ, 80.
Темуджинъ (Темучинъ), имя, данное отцемъ Чингизъ-хану, 60. 61.
Тенгри-бирди, Тюркменъ, 269.
Тенишъ, сынъ Абу-саида, 157.
Тенуре, мѣстечко въ Харезмѣ, 98.
Термизъ, городъ вблизи Аму-Дарьи, на правомъ ея берегу, 100. 104.
Терсекъ, городъ въ Хорасанѣ, расположенный въ окрестностяхъ Визиря, 174. 182.
Тибетъ, страна, 17.
Тимачъ, Тимачь, сынъ Бичинъ-Кыяна, 55. 263.
Тимачъ, отецъ Кычи-меркана, 55. 62. 263.

Тимиръ-Капы, названіе стѣны въ Шамахѣ, 43.
Тимуке, сынъ Есукай-Багадура, 60.
Тимуръ, отецъ Юлъ-Кутлука, 146.
Тимуръ, сынъ Акатая-хана, 205. 209. 221. 223. 224. 225. 227. 228. 231.
Тимуръ-султанъ (сынъ Акатай-хана), отецъ: Мохаммедъ-султана, Кадиръ-бирди-султана, Абуль-хаиръ-султана, 221. 231. 233. 235.
Тимуръ, сынъ Анбаджара, 146.
Тимуръ-бій, см. Тимуръ-бекъ, ханъ.
Тимуръ-бекъ, отецъ Тимуръ-Кутлукъ-хана, 142.
Тимуръ, Тимуръ-бекъ, эмиръ, сынъ Турагая, 134. 135. 136. 142. 143. 187.
Тимуръ-Кутлукъ-Угланъ, см. Тимуръ-Кутлукъ.
Тимуръ-Кутлукъ-ханъ, сынъ Тимуръ-бека, 142. 143. 144.
Тимуръ-Кутлукъ-ханъ, сынъ Алій Тимуръ-бекъ-углана, 158.
Тимуръ-Кутлукъ-ханъ, отецъ Тимуръ-султана, 158.
Тимуръ-Меликъ, правитель Ходженда, 94. 95. 96.
Тимуръ-Меликъ, сынъ Ширя-Угула, 138.
Тимуръ-Меликъ, отецъ Данишменда, 96.
Тимуръ-султанъ, сынъ Тимуръ-Кутлукъ хана, 158.
Тимуръ Султанъ, отецъ Мохаммедъ-хана, 158.
Тимуръ-Ташъ, сынъ Калмачи, 55. 263.
Тимуръ-ташъ, отецъ Менгли-ходжи, 55. 62. 263.
Тимуръ-Ташъ, отецъ Шейхъ-Хасана-Кючука и Меликъ-Эшрефа, 147. 148. 154.
Тимуръ-тюнга, сынъ Мингъ-Тимура, 161.
Тимуръ-шахъ, сынъ Ясунъ-Тимура, 134.
Тимуръ-шейхъ, сынъ Хаджи-Тулія, 162. 262.
Тимуръ-шейхъ, отецъ Ядигеръ-хана, 163. 262.
Тингизъ или Тингизъ-ханъ, сынъ Угузъ-хана, 21. 25.
Тингизъ-ханъ, сыновья его: Икдуръ, Бекдузъ, Ава, Кыныкъ, 25.
Тингизъ-цанъ, сынъ Менгли-хана, 72. 263.
Тингизъ-ханъ, сынъ его Иль-ханъ, 27. 62. 263.
Тинъ-Алій, нукеръ при Ишъ-султанѣ изъ Дурбанскаго поколѣнія, 208.
Тиршизъ, мѣстность въ Хорасанѣ, 215.
Тогрулъ, сынъ Курчакура, по прозванію Унгъ, 42.
Токта-бикій, правитель Меркитовъ (или Мекритовъ), 46. 75. 76. 82.
Токтагу-ханъ, сынъ Менгу-Тимуръ-хана, 153. 154.
Токтамышъ-ханъ 142. 143.
Токтамышъ-ханъ, сынъ Туй-ходжа-углана, 157.
Токтамышъ-ханъ, отецъ: Джелаль-эд-дина, Джабаръ-бирди, Кюпека, Керимъ-бирди, Искендера, Абу-саида, Куджека, Кадиръ-бирди, 157.
Толенгутъ, поколѣніе, 41.
Торгаутъ, назв. рода Ойратскаго поколѣнія (знач. другая дальняя сторона), 41. 290. 292.
Тугаджаръ, эмиръ, 153.
Тугаджаръ-Конкиратъ 82. 101. 104. 105.
Тугай-Тимуръ-ханъ, потомокъ Джучи-Касара, 146. 147.
Тугрулъ-ханъ, отецъ Узьбекъ-хана, 154.
Тугулъ, князь, 292.

Туда-Менгу, сынъ Туқая, 153.
Туй-ходжа-угланъ, сынъ Тукъ-кулъ ходжа-угланъ, 157.
Туй-ходжа-угланъ, отецъ Токтамышъ-хана, 157.
Туқа, сынъ Буданчира, 57.
Туқай, бекъ Менгу-Тимуръ-хана, 153.
Туқай, отецъ Туда-Менгу, 153.
Туқай-Тимуръ-ханъ (Тугай), сынъ Джучи-хана, 150. 151. 152. 158.
Туқай-Тимуръ, отецъ Менгу-Тимуръ-хана, 152.
Туқай-Тимуръ, отецъ Уранъ-Тимура, 152. 156. 157.
Туклукъ-Тимуръ-ханъ, потомокъ Джагатай-хана, 135. 140. 141.
Туклукъ-Тимуръ, сынъ Буга-хана, 138. 141. 142.
Туклукъ-Тимуръ, отецъ Хызръ-ходжа, 142.
Туклукъ-Тимуръ-ханъ, отецъ Ильясъ-ходжа, 135. 138. 141.
Туқрату-Бузлукъ, гора въ Монголіи, 36.
Тукта-бикій, см. Токта-бикій, 82.
Тукта-бикій, сыновья его: Джелаунъ и Миджаръ, 75.
Тукузъ-Уйгуръ, Уйгуры, жившіе при девяти рѣкахъ, 36.
Тукушъ, сынъ Атсиза, 45.
Тукущъ-ханъ, отецъ Султанъ-Мохаммеда, 34.
Тукъ-кулъ ходжа-угланъ, сынъ Кюньджекъ-углана, 157.
Тукъ-кулъ ходжа-угланъ, отецъ Туй-ходжа-углана, 157.
Туласъ, названіе рода Ойратскаго поколѣнія, 41.
Тули-ханъ, отецъ Арикъ-буга, 146.
Тули-ханъ, сыновья его: Менгу-каанъ, Гулагу-ханъ, Кублай-каанъ и Мунка-угулъ, 127. 151.
Тулукъ-ханъ, сынъ Абакъ-хана, 156.
Тулукъ-ханъ, отецъ Шамай-султана, 156.
Тулы-ханъ или Тули-ханъ, 4-й сынъ Чингизъ-хана (Тули знач. зеркало), 3. 31. 40. 82. 83. 89. 101. 108. 109. 111. 112. 113. 114. 120. 121. 122. 127. 129. 145.
Тулы-ханъ, отецъ Гулагу-хана, 31. 127. 144.
Тулюкъ-Тимуръ, отецъ Хине, 157.
Туматъ, родъ изъ поколѣнія Ойратовъ, 41. 82.
Тумене или Тумене-ханъ, сынъ Байсангура, 58. 60. 62. 262.
Тумене-ханъ, сыновья его: Джафсу, Яримъ-ширъ-Буқанчу, Каджули, Самкячунъ, Ятъ-қильки, Кубулъ-ханъ, Удуръ-Баянъ, Булджаръ-Дугланъ и Джантай, 59. 292.
Турагай, см. Тургай.
Турагай, эмиръ изъ поколѣнія Берласъ, 134. 135.
Турагай, эмиръ, отецъ Тимура, 134. 135.
Турақиня, жена Окдай-каана, изъ племени Меркитскаго, 126.
Тура-кучинь, жена Окдай-каана, 125.
Турамышъ, посолъ Чингизъ-хана къ Киргизамъ, 76.
Туранджи, сынъ Кутука-бики, 41.
Туранъ, страна въ средней Азіи, 2. 4. 85. 114. 115. 122. 156.
Турбатлы, внукъ Угузъ-хана, 25.
Тургай, сынъ Гулагу-хана, 145. 146.
Тургай, отецъ Байду, 145. 146.
Тургакъ, родъ (знач. «сторожъ»), 45.
Туркенай, бекъ Менгу-Тимуръ-хана, 153.
Туркестанецъ, житель Туркестана, 261. 262.
Туркестанская область 34.

Туркестанъ, городъ, 18. 44. 45. 76. 81. 87. 166. 274. 275.

Турсунъ-ханъ, у казаковъ въ Ташкентѣ, 275. 276.

Турсунъ-Мохаммедъ, сынъ Баинда-Мохаммедъ-хана, 218.

Турумчи, внукъ Угузъ-хана, 25.

Турумчій, изъ Тюркменскаго рода Лайна, 212.

Туръ, городъ въ Мавераннегрѣ, 90.

Тусбудай, изъ поколѣнія Кынъ, 47.

Тусбудай, сыновья его: Каранутъ и Кунуклутъ, 47.

Тутукъ, сынъ Тюрка, 9. 263.

Тутукъ или Тутукъ-ханъ, отецъ Ильча-хана, 9. 63. 263.

Туякинъ, сынъ Джафсу, 58.

Тышранъ, мѣстечко, 289.

Тэрбитъ, мѣстность въ Хорасанѣ, 215.

Тюкъ, крѣпость, 203. 207. 245. 250. 258. 261. 267. 269.

Тюркань-хатунь, см. Тюркянь.

Тюркестанъ, см. Туркестанъ.

Тюрки, народъ, 2. 3. 9. 11. 12. 20. 31. 33. 37. 40. 43. 44. 48. 49. 62. 64. 78. 96. 278. 280.

Тюркманы, народъ, 33. 34. 109. 110. 111. 177. 178. 183. 184. 185. 186. 189. 195. 197. 209. 212. 214. 215. 216. 225. 226. 229. 235. 237. 240. 242. 251. 259. 266. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 282. 283. 284. 285. 288. 289. 290. 291. 292. 294.

Тюркменская земля 183. 196.

Тюркмены, см. Тюркманы.

Тюркскія волости 27.

Тюркско-Джагатайское нарѣчіе 33.

Тюркъ, сынъ Іафета, 8. 9. 263.

Тюрхъ, сыновья его: Тутукъ, Хакялъ, Берсаджаръ, Амлакъ, 9. 63. 283.

Тюркъ-или, начальникъ Конкиратовъ, 70.

Тюркянь или Тюркань-хатунь, государыня, жена Тукушъ-хана, дочь Англійскаго вельможи, 34. 88. 98.

Тюю-буинъ, мѣстечко, 199.

Тююджи, поколѣніе Тюркменовъ, 225.

Тюючи, народъ, 186.

Угланы, племя, 199. 200.

Угузъ-ханъ 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 33.

Угузъ-ханъ, сынъ Кара-хана, 13—15. 263.

Угузъ-ханъ, сыновья его: Кюнъ, Ай, Юлдузъ, Кюкъ, Тагъ и Тингизъ, 21. 25. 62. 263.

Угурджи 183.

Угяръ-калчава, см. Укяръ-калчава.

Удуръ-Баянъ, сынъ Тумене-хана, 59.

Узарь-султанъ, сынъ Шамай-султана, 156

Узарь-султанъ, отецъ Багадуръ-султана, 156.

Узбеки, см. Узьбеки.

Узгаръ, сынъ Тагъ-хана, 25.

Узгаръ, внукъ Угузъ-хана (знач. совершитель прекрасныхъ дѣлъ), 26.

Узьбеки, народъ, 10. 40. 57. 64—66. 156. 158. 161. 164. 166. 167. 173—176. 178. 184. 186. 187. 195. 198—201. 204. 213—215. 217. 227. 230. 231. 234. 236. 240. 242. 243. 245. 246. 248. 249. 255. 256. 259. 260. 268. 269. 270. 273. 274. 276. 277. 290.

Узьбекъ-ханъ, сынъ Тугрулъ-хана, 154.

Узьбекъ-ханъ, отецъ Джани-бекъ-хана, 154.

Узькенда 93.

Узь-Тимуръ, см. Уранъ-Тимуръ.

Узь-Тимуръ, сынъ Хаджи Герая, 157.
Узь-Тимуръ, отецъ Сарича и Ходжи Абая, 156. 157.
Узь-ханъ, сынъ Монголъ-хана, 12. 14.
Уйгурія 139.
Уйгурская земля или Улгуристанъ 137.
Уйгуры, потомки Монголъ-хана, 15. 23. 33. 35—38. 76. 77. 89. 130. 136. 138. 163. 170. 176. 191. 207. 208. 224. 246. 247. 249. 254. 260. 268. 269. 297.
Уймаутъ, см. Урмаутъ, 47.
Уйшунъ, поколѣніе, 50.
Уйшунъ-Баклы-мирза 246.
Укинъ-Баргакъ, сынъ Кабуль-хана, 60.
Укланъ, поколѣніе; также Джуйратъ и Хаджератъ, 52.
Уку, сынъ Кіюкъ-хана, 126.
Укяръ-калчава или Угяръ-калчава 102. 103.
Улакычъ, сынъ Бату-хана 151.
Улугъ-тагъ, гора, прежде Эрь-тагъ, 12.
Улугъ-тубе-кюнашъ 209.
Улугъ-тубя-Зенбиль-бекъ, тюркменъ, дочь котораго была женой Султанъ-гази-султана, 195. 196.
Улунъ, мать Чингизъ-хана; ея же имена: Улунъ-иге и Улунъ-кучинь, 47. 48. 49. 64.
Улунъ, Улунъ-игъ, Улунъ-кучинь, 47. 64.
Улькюджинъ-чино, сынъ Джеркеленкумъ, 58.
Унгутъ, охранительные отряды Тюрковъ у воротъ Китайской стѣны, 43.
Унгутъ, поколѣніе, 42. 72.
Унгъ-ханъ (знач. царь государства), имя, данное Тогрулу Китайскими государями, 42. 49. 50.
Унгъ-ханъ, сынъ Курчакура, Кераитскій государь, 48. 66—68. 70. 71. 74. 149.
Унъ-ханъ, отецъ Сянкуна, 66.
Унъ-муранъ, притокъ Айкара-мурана, 41.
Унъ-Уйгуръ, Уйгуры, жившіе на десяти рѣкахъ, 36.
Уралъ, горы, 160.
Уранъ-Тимуръ, сынъ Тукай-Тимура, 152.
Урасутъ, поколѣніе, 41.
Ургенджцы, жители Ургенджа, 98. 99. 176. 189. 198. 201. 204. 205. 208. 226. 227.
Ургенджъ, см. Ургенчь.
Ургенчь, городъ и провинція Харезма, 34. 44. 45. 97—99. 172. 175—177. 180—183. 185—187. 189. 192. 194—199. 201—204. 206. 207. 208. 209. 213—215. 218. 222.
Урдакъ 240.
Урманъ-катъ, названіе народа, составившагося изъ Монголовъ-Нюгузь, 39.
Урматское поколѣніе 47.
Урмаутъ. поколѣніе, 47. 48.
Урта-Кузукъ 238.
Урусъ, народъ, 18.
Урусъ-иналь, правитель у Киргизовъ, 39. 76.
Урусъ-унъ-бики, начальникъ Тюркменовъ, 288.
Урусъ-ханъ 142.
Урусъ-ханъ, сынъ Бадакулъ-углана, 157.
Урусъ-ханъ, отецъ Коирчакъ-хана, 157.
Урутъ, сынъ Джафсу, 58.
Урюкъ-тимуръ, сынъ Буга-тимура, 133.
Урюкъ-тимуръ, отецъ Ясуна, 133.

Ускунлукъ-Тикрамъ, гора въ Монголіи, 36.
Усюкъ, сынъ Абу-саидъ, 157.
Утчикинъ или Бильгутай-Утчикинъ 149. 150.
Учь-Иль (три поколѣнія): Хызръ-иль, Адакъ-или и Алій-или, 186.
Учь-укъ, племя, 22. 24.
Ушаръ, сынъ Юлдузъ-хана, 25. 26.
Ушаръ, внукъ Угузъ-хана (знач. быстро дѣлающій), 26.

Фатимъ-хатунъ, одзисъ, 206.
Фахръ-эль-мюлька, князь, 105.
Фенакендцы, жители города Фенакенда, 94.
Фенакендъ, городъ, 89. 94. 95.
Феридунъ-гури, бекъ шаха Харезмскаго, 97. 98.
Фуджь, мѣстечко, 292.

Хабатъ, сынъ Багу, 126.
Хаджератъ, названіе поколѣнія Уклановъ, 52.
Хаджетъ, сановникъ Чингизъ-хана, 89. 90.
Хаджи-Герай, сынъ Байясъ-эд-динъ-хана, 157.
Хаджи-Герай, отецъ: Девлетъ-яра, Нуръ-девлетъ-хана, Хайдаръ-хана, Кутлукъ-замана, Кюльдаша, Минглій-Герай-хана, Ямгурдчія, Узъ-Тимура, 157.
Хаджи-Мохаммедъ-ханъ, сынъ Алій-углана, 156.
Хаджи-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Махмудекъ-хана, 156.
Хаджи-Тулій, сынъ Арабъ-шахз, 162. 262.
Хаджи-Тулій, отецъ Тимуръ-шейха, 162. 262.
Хаджимъ-ханъ (султанъ), или Хаджій-Мохаммедъ, сынъ Агатай-хана, 158. 197. 198. 200. 201. 203. 205. 206. 207. 208. 209. 213. 214. 219. 221. 225—230. 233—238. 240—244. 262.
Хаджій-бій, правитель Самарканда, 233.
Хаджій-Кутасъ 229.
Хаджій-Мохаммедъ, см. Хаджимъ-ханъ.
Хаджій - Мохаммедъ - ханъ, отецъ Арабъ-Мохаммедъ-султанз, 230. 262.
Хаджій-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Мохаммедъ-Ибрагимъ-султана, 229. 230. 231. 242.
Хаджій-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Мохаммедъ-кули-султана, 237. 240.
Хаджій-Мохаммедъ-ханъ, отецъ Сюнучь-Мохаммеда, 231.
Хазаръ, сынъ Іафета, 8.
Хайдаръ-ханъ, сынъ Хаджи Герая, 157.
Хаккъ - кули Пеглеванъ, воспитанникъ Ишъ-султана, 208.
Хакялъ, сынъ тюрка, 9.
Халаджь, прежде калъ - ачь, народъ, 20.
Хамза, изъ Хисара, 196.
Хаммаръ-тегинъ, старшій братъ государыни Тюркяни, 34. 97. 98.
Хамъ, сынъ Ноя, 8.
Ханакагъ, водопроводъ, 272.
Ханакахъ, городъ въ Харезмѣ, 239. 272. 274. 285.
Ханъ-балыкъ, столица Китая, 79. 80. 81.
Ханъ-меликъ, государь Гератскій, 101. 102. 103. 105.
Ханъ-мирза 291.
Ханъ-ченгель, обростъ рѣки, находящійся между Бурлу-Кари и Куйгиномъ, 206.
Харезміецъ: Абульгази - Багадуръ-ханъ, 1.
Харезмская держава 4.
Харезмскій народъ 2. 91. 97. 99. 121.
Харезмъ, страна, государство, 2. 35. 45. 86. 93. 95—97. 100. 116. 130. 172. 227. 228. 287. 294. 300.

Харезмъ-шахъ-султанъ, сынъ Арабъ-Мохаммедъ-хана, 247. 248. 257.
Харкердъ, мѣстность въ Хорасанѣ, 215.
Хасанъ-угланъ, или Ичкилій-Хасанъ, сынъ Хине, 157.
Хасанъ-угланъ, отецъ Мохаммедъ-хана, 157.
Хасанъ-ходжа 253.
Хасанъ-или, поколѣніе, 185.
Хасань 280.
Хастагонъ, селеніе, 251. 252.
Хастъ-менаръ 256. 261. 268.
Хасянъ-кули, сынъ Абулекъ-хана, 179. 180. 181. 246.
Хасянъ-кули-ханъ, отецъ Билаля, 180.
Хасянъ-хаджи 93.
Хафизъ-Конкиратъ 200. 201.
Хебешъ-султанъ, сынъ Арабъ-Мохаммеда, 247—254. 256—260. 263. 264. 266. 267.
Хива, городъ въ Харезмѣ, 172. 176. 177. 182. 186. 196. 199. 203. 206. 207—209. 222. 223. 226. 227. 229. 231. 232. 234. 237. 238. 240. 243. 244. 246. 248. 250—252. 254—257. 264. 266—268. 270—272. 274. 276. 277. 284. 285. 287—290. 292. 294—296. 299. 300.
Хине, сынъ Тулюкъ-Тимура, 157.
Хине, отецъ Хасанъ-углана, 157.
Хасамъ-эд-динъ, по прозванію Киталь, изъ рода Сеидъ-ата, 173.
Хисаръ 196. 197. 202.
Хифшенъ 291.
Хіюкъ, см. Хива.
Ходайдадъ, сынъ Юлаучія, эмира, 140.
Ходайдадъ, эмиръ, 141.
Ходжа, сынъ Узь-Тимура, 157.
Ходжа, отецъ Бадакулъ-углана, 157.
Ходжагулъ, сынъ Кіюкъ-хана, 126.
Ходжагумъ-тинтэкъ, см. Ходжа-Мохаммедъ-султанъ.
Ходжа-кюлемъ, озеро, 245.
Ходжа-кули 274.
Ходжа-Мохаммедъ или Ходжугумъ-Тинтакъ, сынъ Абуль-хаиръ-хана, 161. 171.
Ходжа-Мохамыедъ, отецъ Джанибекъ-хана, 161.
Ходжамъ-бирди, аталыкъ, 296. 298.
Ходжамъ-кули, Калмыкъ, кушъ-бегій, 232. 234. 240. 241.
Ходжа-Обеидъ Самаркандскій 167.
Ходжендъ, городъ, 87, 89. 94. 96. 186. 187. 218.
Ходжугумъ-Тинтакъ, см. Ходжа-Мохаммедъ.
Ходжуты, племя, 64.
Хонджедъ, городъ, 202.
Хорасанъ, страна, 20. 33. 37. 38. 101. 108. 109, 111. 114. 144. 146. 147. 165. 166. 172. 175. 177. 178. 180. 186. 189. 192. 195. 202. 204. 206. 213. 215. 216. 218. 219. 222. 226. 227. 230. 233. 236. 240. 249. 253. 258. 278. 280. 281. 282.
Хосревъ-султанъ, сынъ Надиръ-Мохаммедъ-хана, 285.
Хосревъ-султанъ, Хорсевъ-султанъ, 246. 247.
Хосревъ-султанъ, отецъ Касимъ-султана, 285.
Хотанская земля 72.
Хоя 148.
Худай-бирди, см. Ришяй - Худай-бирди.
Худай-кулій 220.
Худай-Назваръ 220.
Хункаръ, титулъ Константинопольскаго султана, 187.
Хурій, вельможа Таянгъ-хана, 71.
Хусеинъ эмиръ, сынъ Беслая, 134. 135.
Хызръ-или, поколѣніе, 186.

Хызръ-ходжа, сынъ Туқлукъ-Тимура, 142.

Чаганъ-муранъ, притокъ Айқара-мурана. 41.

Чоқырларъ, племя, 226.

Чамука-чеченъ, изъ племени Джуйратовъ, 66. 67. 68. 74.

Чаудуръ, поколѣніе, 186.

Чегаръ-джую 296.

Чегчу, городъ, 182.

Чекаръ-ходжа, посолъ Чингизъ-хана къ Алтанъ-хану, 78.

Ченанычь, правитель Текриновъ, 38.

Ченанычь, дочь его Букяй, 38.

Ченесъ, названіе дѣтей Улькюджинъчино (знач. стая волковъ), 58.

Чени, сынъ Кюкъ-хана, 25.

Чени, внукъ Угузъ-хана (знач. герой), 26.

Чепе-Нойянъ, изъ племени Ясутъ, 59. 73. 83. 101. 104. 105. 106. 107.

Чепе-нойянъ, изъ поколѣнія Пешве, 83. 84.

Черкесы, народъ, 59. 122. 151.

Чехаръ-чуя 240.

Чешма, мѣстность въ Хорезмѣ, 272.

Чикдалихъ-Тугай 189.

Чилпукъ, крѣпость, 241.

Чингизъ-ханъ 1—4. 18. 31. 32. 34. 35. 37—43. 46—50. 53. 54. 58—61. 63—93. 96. 97. 99. 100—104. 106—108. 113—120. 124. 127. 130. 133.138. 142. 146. 148. 149. 159. 187.

Чингизъ-ханъ, сынъ Исуқай-Багадура, также Есуқай-Багадуръ, 46. 60. 262.

Чингизъ-ханъ, отецъ Джучія, 4. 82. 156. 157. 160. 161. 262.

Чингизъ-ханъ, отецъ: Огдая, Джагатая, Тули, 3. 82. 134.

Чингизъ-ханъ, отецъ Тулы-хана, 31. 82.

Чингизъ-ханъ, жены его: Бурте-Кучинь, Кенджу, Кюйсу, Милунь, Сююкянь, 82.

Чингизъ-хазъ, прадѣдъ его Кабулъ ханъ, 46.

Чингсангъ, прозваніе высшаго сановника по имени Буладъ, 32.

Чингсанъ, везирь Алтанъ-хана, 79.

Чинъ, названіе Китая, 16.

Чинъ, сынъ Іафета, 9.

Чинъ-мачинъ, или Чинъ, государство, 129. 130.

Чинъ-хаджій 253.

Чубанъ-Сюльдуръ, см. Чупанъ-Сюльдуръ.

Чуйсу, рѣка, 160.

Чумъ-муранъ, рѣка, 82.

Чупанъ, общее названіе эмировъ изъ рода Сюльдуръ, 146.

Чупанъ-Сюльдуръ, эмиръ, 145. 147.

Чурасъ, бекъ, 140.

Чурлыкъ-Мерканъ, изъ поколѣнія Кыянъ, 46. 47.

Чурлыкъ-Мерканъ, отецъ Конкирата, 47.

Чуштъ, городъ въ области Гератъ, 248.

Шагристанъ, городъ, 110.

Шагъ-кули, сынъ Ишъ-султана, 208.

Шадикюмъ, придворный Гуръ - хана, 77.

Шаингъ-мирза, одинъ изъ Манкатскихъ мирзъ, 260.

Шамай-султанъ, сынъ Тулукъ-хана, 156.

Шамай-султанъ, отецъ Узарь-султана, 156.

Шамаха 43. 107.

Шамъ 96.

Шарафъ-эл-динъ Езда, писатель книги Заферъ-наме, 12.

Шахтъ-бехтъ, прозваніе Мохаммеда, сына Шахъ-Бадакъ-султана, 161. 169. 170. 172.

Шахъ - Аббасъ-Мази, см. Аббасъ-Мази.

Шахъ-Али, мулла, 281.
Шахъ-Алій, сынъ Мохаммедъ-султана, 221. 236.
Шахъ-Бадакъ-султанъ, сынъ Абульхаира, 161.
Шахъ-Бадакъ-султанъ, отецъ Мохаммеда и Махмудъ-султана, 161.
Шахъ-бехтъ, сынъ Мохаммедъ-султана, 221. 236.
Шахъ-бехтъ-ханъ, см. Шахтъ-бехтъ-ханъ.
Шахъ-Назаръ, сынъ Калъ-хана, 202.
Шахъ-рухій, городъ, 165. 166. 167.
Шахъ-Тахмаспъ, см. Тахмаспъ-шахъ.
Шейхъ-Алій, сынъ эмира Алія Кушчія, 146. 147.
Шейхъ - Бузургъ Джелаиръ, см. Шейхъ-Хасанъ Бузургъ, 146.
Шейхъ-Джалиль, гора, 245.
Шейхъ-Мохаммедъ, сынъ Калъ-хана, 202.
Шейхъ-Неджмъ-эд-динъ Кюбри 88.
Шейхъ-Мядждъ-эд-динъ изъ Багдада 88.
Шейхъ-Хасанъ Бузургъ (младшій), см. Шейхъ-Хасанъ Джелаиръ, 146.
Шейхъ-Хасанъ Джелаиръ 146. 147.
Шейхъ - Хасанъ - Кючукъ - Сюлдуръ, младшій сынъ Тимуръ-Таша, 147. 148.
Шенка-кутукъ-нойянъ 102.
Шерифъ Мухаммедъ Султанъ, см. Мохаммедъ-ханъ, сынъ Арабъ-Мохаммеда.
Шибани, названіе Мохаммеда, сына Шахъ-Бадакъ-султана, 161.
Шибанъ-ханъ, сынъ Джучи-хана, 4. 65. 150. 152. 158. 160. 161. 262.
Шибанъ-ханъ, отецъ Байнала, Багадура, Кадака, Балги, Джирика, Меркана, Куртга, Аяджія, Саилгана, Баянджара, Маджара, Кунджія, 160. 161. 262.
Шибанъ-ханъ, отецъ Багадуръ-хана, 152. 156.
Шидурка, правитель Тангута, 117. 118.
Ширазъ 120. 214.
Ширамунъ, внукъ Окдай-каана, 126. 127. 128.
Ширванъ 107. 229. 243.
Ширъ-гази-султанъ, сынъ Султана-гази-султана, 195. 247.
Ширъ-гази-султанъ, отецъ Джана-гази-султана, 247.
Ширя-Угулъ, монголъ, 137. 138.
Ширя-Угулъ, отецъ Тимуръ-Мелика, 138.
Шуй, внукъ Угузъ-хана, 25.

Эйрекъ, крѣпость въ Ургенджѣ, 180.
Экри-муранъ, см. притокъ Айкарамурана, 41.
Эмиръ-Кузгунъ, см. Кузгунъ-эмиръ.
Эмиръ-Кузгунъ, отецъ Беслая, 134.
Эмиръ Шейхъ-Хасанъ, см. Шейхъ-Хасанъ-Кючукъ.
Эмирѣ-Юлаучій, см. Юлаучій эмиръ.
Эносъ (правдивый, садикъ), сынъ Сиѳа, 6. 263.
Эносъ, сынъ его Каинанъ, 6. 63. 263.
Энохъ, сынъ Іафеда, 7. 263.
Эривъ, бекъ Гуръ-хана, начальникъ въ Ургенчѣ, 44. 45.
Эркене-конъ, горная цѣпь, 29. 50. 31. 45. 54. 55. 62. 263.
Эрлатъ, поколѣніе, 49.
Эрлатъ, сынъ Менгликъ-ичече (знач. любимый сынъ матери), 49.
Эрь-тагъ (послѣ Улугъ-тагъ), гора, 12.
Эсфараинъ, крѣпость, 236. 240.
Эсфендіаръ 94.
Эсфендіяръ, сынъ Арабъ-Мохаммедъ-хана, 235. 242—244. 247. 252—261. 264. 266—269. 271. 273. 274. 276. 278. 284.
Эсфендіяръ-ханъ, отецъ Юшанъ-султана и Эшрефъ-султана, 284.
Эсюрдъ, городъ, 182. 186. 203. 209. 210. 211. 214. 215. 230. 251. 278.
Этрекъ-курконъ, рѣка, 291.
Эфрасіабъ: Нуси-Таифъ, потомокъ Эфрасіаба, 44.

Эшревъ-султанъ, сынъ Эсфендіаръ-хана, 284.
Эшрефъ, кадій, 115.
Югрукъ-Башъ, мѣстность, 290.
Юлаучій-эмиръ Дуглатъ, 137. 138. 140. 141.
Юлаучій, эмиръ, отецъ Ходайдада, 140.
Юлаучій, братъ его Камаръ-уд-динъ, 140.
Юлдузъ, сынъ Менгли ходжи, 55. 263.
Юлдузъ-ханъ, сынъ Угузъ-хана, 21. 25.
Юлдузъ-ханъ, его сыновья: Ушаръ, Курнукъ, Бегдали, Каркинъ, 25.
Юлдузъ-ханъ, изъ рода Угузъ-хана, 26.
Юлдузъ, внукъ его Дубунъ-Баянъ и внука Алангова, 25. 263.
Юлдузъ-ханъ, сынъ Ай-хана, 62. 263.
Юлдузъ-ханъ, сынъ его Менгли, 26. 62. 263.
Юлдузъ, младшій братъ Ай-хана, 26.
Юлумъ-бій, изъ племени Наймана, 210. 211.
Юлъ-Кутлукъ, сынъ Тимура, 146.
Юлъ-Кутлукъ, отецъ Мохаммеда, 146.
Юнусъ, сынъ Суфіяна, 186. 197. 203. 204. 206.
Юнусъ-ханъ, отецъ Касима, 204. 206. 226.
Юрунчи, внукъ Угузъ-хана, 25.
Юсуфъ изъ Отрара, посолъ Чингизъ-хана къ султану Мохаммеду, 86.
Юсуфъ. сынъ Суфіяна, 186. 197. 200. 202.
Юсуфъ-аги, черкесъ, 282.
Юшанъ-султанъ, сынъ Эсфендіяръ-хана, 284.
Ябиръ, сынъ Ай-хана, 25.
Ябиръ, внукъ Угузъ-хана (знач. низлагающій все встрѣчающееся), 26.
Ягма, государь Кашмира, 19.
Яджучь, народъ, 43.
Ядигеръ-инакъ, 294. 297.
Ядигеръ-ханъ, сынъ Тимуръ-шейха, 163. 167. 168. 172. 176. 178. 179. 262. 275.
Ядигеръ-ханъ отецъ Берке, Абулека, Аменка и Уяка, 164. 248. 262.
Ядикаръ-ханъ 65.
Язеръ, крѣпость, 109. 110.
Язиръ, сынъ Ай-хана, 25.
Язиръ, внукъ Угузъ-хана (знач. господинъ народовъ), 26.
Яикъ или Уралъ, рѣка, 8. 18. 34. 59. 160. 162.
Яйчъ, страна, 296.
Якубъ-Тунитъ 287.
Якубъ-Шахъ 147.
Ямгурдчій. сынъ Хаджи Герая, 157.
Ямутъ, поколѣніе, 185. 238. 258.
Янга-Шагръ, городъ недалеко отъ Визиръ, 174. 179. 182. 194. 196.
Янга-Эринъ (новый водопроводъ) 227.
Яримъ-ширъ-Буканчу, сынъ Тумене-хана, 58.
Яркендъ, 136. 137. 138. 139. 142.
Ярметъ 112.
Яръ-Мохаммедъ-султанъ, сынъ Манкышлакъ-султана, 158.
Яръ-Мохаммедъ-султанъ, отецъ Джанъ-султана, 158.
Ясавійцы, жители города Ясава, 105.
Ясавъ, городъ, 105.
Ясулунь, жена Джагатай-хана, дочь Конкиратскаго государя Кабанойяна, 131.
Ясумунка, сынъ Джагатай-хана, 131.
Ясумунка, отецъ Баракъ-хана, 131.
Ясунта, сынъ Мутукина, 132. 134. 136. 142.
Ясунта, отецъ Баракъ-хана, 132. 134. 136. 142.

Ясунъ, сынъ Урюкъ-Тимура, 133.
Ясунъ, отецъ Кавань Судтанъ-хана, 133.
Ясунъ-Тимуръ, сынъ Абукана, 132.
Ясунъ-Тимуръ, отецъ Тимуръ-шаха, 134.
Ясутъ, поколѣніе, потомки Джантая, 59.
Ясъ-бугъ, сынъ Джучій-буга, 160.
Ятъ-кильки, сынъ Тумене-хана, 59.
Яшмутъ, сынъ Гулагу-хана, 147.
Яшимутъ, отецъ Сенке, 147.

Библиотека Географического общества Союза ССР